

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

06

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
[2006 — 2\(3\)](#)

СОДЕРЖАНИЕ

[ПУБЛИЦИСТИКА](#)

- Николай Дронов. Быль Катинского леса.....3
Борис Шепелев. Страничка из истории села Квашино.....11

[РОМАН](#)

- Сергей Куликов. Пояс шакала (детектив).....16

[ПРОЗА](#)

- Алексей Яшин. Рассказы.....101

[ДЕРЕВЕНСКИЕ РАССКАЗЫ](#)

- Дмитрий Ракитин. Петрович и Дуська.....108
Иван Еронин. Дед Тихон. Шапка. Соловей.....110
Людмила Стаханова. Самая короткая ночь.....116

[ПОЭЗИЯ](#)

- Николай Боев.....121
Валерий Савостьянов.....129
Валерий Вашкин.....137
Лидия Козлова.....143
Валентина Денисова.....148
Александр Лисяков.....149
Виктор Гусак.....154
Александр Воеводский.....157
Александр Хадарцев.....160

[МАЛЫЕ ГОРОДА](#)

- Виктор Греков. Белев — город кафедральный (отрывки из книги).....164

<u>НАШИ СОСЕДИ</u>	
Алексей Корнеев. Все васильки, васильки...	180
<u>У НАС В ГОСТЯХ</u>	
Валентина Корнева.....	198
Светлана Лапшина.....	201
<u>РАЗМЫШЛЕНИЯ</u>	
Татьяна Лысенко. Женщины и их роль в гражданском обществе.....	202
Алексей Логунов. Воцерквение.....	207
Людмила Гайдукова. Дежавю.....	210
<u>ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА</u>	
Гюлаб Мартиросян. К 100-летию со дня рождения Главного маршала бронетанковых войск, Героя Советского Союза Амазаспа Хачатуровича Бабаджаняна.....	213
<u>ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ</u>	
Николай Минаков. Шаг вперед, два шага назад.....	222
<u>ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА</u>	
Сергей Норильский. У каждого сердца есть песня своя.....	227
Михаил Николаев. Поэмы не рождаются случайно.....	232
<u>РЕЦЕНЗИИ</u>	
Владимир Сапожников. Поэтический свет Изольды Агибаловой.....	235
Наталья Ханина. Поэзия открытого сердца.....	237
<u>ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ</u>	
Михаил Жаворонков. Стихи.....	239
Иван Панькин. Легенды и сказки.....	244
<u>О НАС ПИШУТ</u>	249
<u>НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ</u>	251

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на дискете и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее одного авторского листа не возвращаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется только в розницу.
Адрес: 300026, Тула, а/я 1842, А. А. Яшину

Главный редактор Алексей ЯШИН

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ
Виктор ГРЕКОВ
Валерий МАСЛОВ — координатор межрегиональных связей
Николай МИНАКОВ — зам. главного редактора (публицистика)
Наталья ПАРЬГИНА
Виктор ПАХОМОВ — первый зам. главного редактора
Валерий САВОСТЬЯНОВ — зам. главного редактора (поэзия)
Владимир САПОЖНИКОВ
Константин СТРУКОВ — отв. секретарь
Александр ХАДАРЦЕВ
Наталья ХАНИНА

Учредители:

Редколлегия журнала «Приокские зори»
Тульская писательская организация Союза писателей России
Тульский государственный университет (ТулГУ)
ГУП НИИ новых медицинских технологий
Финансовая поддержка: ТулГУ, ФГУП НИИ репрографии

ПРОЗА

Николай Дронов

БЫЛЬ КАТЫНСКОГО ЛЕСА

Насколько значимо общественное мнение и какую низость и подлость способны проявить лица, жаждущие иметь это мнение в свою пользу, хорошо говорит такой «классический» пример, как Катынское дело.

Чтобы у читателя сразу была исторически достоверная о нем информация, вкратце расскажу, как оно было тогда на самом деле, а потом — каким стало позднее, при изменившихся обстоятельствах и интересах некоторых главенствующих на Руси лиц.

После вторжения Гитлера в Польшу 1 сентября 1939 года и захвата большей части ее территории Советский Союз, убедившись, что «Речи Посполитой» ее союзниками и гарантами была уготована роль «живца», который для разжигания аппетита они дали заглотить Германии, был вынужден срочно принять контрмеры. Неотложность шагов была тем более необходима, что уже 6 сентября правительство Польши сбежало из Варшавы, не подписав с Германией ни капитуляции, ни какого-либо другого официального документа! Потому 17 сентября 1939 г. наши войска перешли советско-польскую границу на всем ее протяжении. Советское правительство так обосновало свои действия: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам».

Бывший главный военный разведчик вермахта генерал К. Типпельскирх в своей «Истории 2-й мировой войны» (СПб, Полигон, 1994, т. 1, стр. 29) пишет: «Русские соединения, отмобилизованные в начале сентября, не встречали организованного сопротивления. В тех местах, где с характерным для поляков фанатизмом вспыхнула борьба, как, например, восточнее Белостока и Бреста, а также в районах Ковеля и Львова, который так и не был взят немцами, сопротивление было вскоре сломлено... К 21 сентября в руки русских попало 217 тысяч поляков, среди них находились и офицеры (12 тысяч. — *Н.Д.*)».

Но тут для Советского Союза возникла весьма затруднительная ситуация: если передать польских военнопленных немцам, т.е. вернуть на территорию оккупированной Польши, то это будет недружественным актом по отношению к Англии и Франции, поддержавшим «польское правительство в изгнании». Если же выдворить военнопленных за любую другую границу, т.е. дать им шанс добраться до Британии или Франции, это уже будет недружественным актом в отношении Германии.

Приемлемое решение для рядового состава польской армии было найдено быстро. Их направили на работу в народное хозяйство СССР, притом, многим было разрешено стать гражданами Советского Союза. А вот офицеров, согласно международному праву, заставляя работать было нельзя. Поляки это право знали и требовали его исполнения. Получилось, что на свои средства СССР должен был содержать 12 тысяч молодых и здоровых иждивенцев. Выход нашли и здесь. Польские офицеры на законном основании были осуждены как враги СССР. В роли заключенных их уже можно было заставить работать, а через пару лет, амнистировав, отправить на территорию Польши. Но уже не как военнопленных или интернированных, чего во время войны делать было нельзя, а как отбывших наказание заключенных, чему препятствий уже не было. Но полному претворению этого плана в жизнь помешало нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года.

На это время польские офицеры содержались в лагерях под Смоленском, который уже через месяц после начала войны оказался окруженным частями вермахта. Охрана лагерей попыталась вывести поляков из окружения, но с ней в глубь страны ушли лишь единицы. Основная же масса осталась ждать немцев, надеясь спокойно пересидеть мировую войну теперь уже в германском плену. Но радужные мечты панов-командиров не сбылись. Немцы разобрались с ними быстро и жестоко, попросту расстреляв их в Катынском лесу и других удобных для этого местах на Смоленщине. Естественно, фашисты на эту тему тогда не распространялись нигде и никак.

Страшной былью стали и дальнейшие события. После сокрушительного поражения войск Германии, Румынии и Италии под Сталинградом для Гитлера остро встал вопрос, уже не победы над Сталиным, а о сохранении самой Германии и ее влияния в Европе. Для этого требовалось напугать европейцев перспективой нашествия большевистских войск, сплотив тем самым евространы для совместного отпора Советскому Союзу. Потому и решил министр пропаганды Геббельс использовать катынские захоронения. Для этого могилы вскрыли, трупы извлекли, добавили к ним тела из других мест расстрела. Затем изъяли из карманов мертвецов документы с датами позже мая 1940 г. Потом трупы опять закопали и вновь стали извлекать из рвов, уже в присутствии специально созданной «еврокомиссии», которая без промедления через СМИ заявила, что поляков расстреляли большевики.

Советский Союз, понятное дело, этой фальсификации признать не мог и в 1944 году, сразу после освобождения Смоленщины, организовал в Катыни работу союзнической комиссии, однозначно определившей: поляки расстреляны немцами.

Хотя немцы и педантичная нация, но спешка подвела и их. Во-первых, захоронение находилось на территории пионерского лагеря, который работал до июля 1941 года. Так что расстрелять и захоронить в столь людном месте 4,5 тысячи человек в 1940 году было немислимо. Во-вторых, в могилах не нашли ни одной гильзы от советского стрелкового оружия, а вот германских гильз и пуль там было в избытке. В-третьих, немцы не догадались связать руки жертвам «советской» расправы русской пеньковой веревкой, а использовали свой (немецкий) синтетический шнур. В-четвертых, в опубликованных германскими газетами фотокопиях документов из карманов расстрелянных оказались и бумаги... позже мая 1940 года.

И, наконец, в-пятых, эти факты и главный вывод были подтверждены на Нюрнбергском процессе («Нюрнбергский процесс», М. 1952, стр. 462 — 492).

На этом первая атака врагов нашей истории была с позором для них отбита. Но в 1985 году у власти в СССР оказался М. С. Горбачев. Поддержавшим его «демократам» для идеологического закрепления захватываемых позиций срочно была нужна громкая акция по очернению бывшего руководства СССР. Для начала были преданы огласке данные, якобы собранные Комиссией конгресса США, которые «однозначно» свидетельствовали о виновности СССР в убийстве польских офицеров. На самом деле это были «документы», собранные немцами еще в 1943 году!

Однако геростратовской искры было достаточно, чтобы попытаться полностью ревизовать катынскую трагедию. Спецы архивных изысканий во главе со скорбно известным демократом в лампадах Д. Волкогоновым, наскоро обшарив открытые им хранилища, заявили, что поляки расстреляны по решению Особого совещания при НКВД. «Независимая» пресса немедленно подняла вселенский шум! Главный военный прокурор СССР Катусев тут же создал в 1990 году следственную бригаду, которая должна была «разобраться» в катынском вопросе.

В действительности, эта бригада, выполняя высокий заказ, практически фальсифицировала его, заменяя подлинные и достоверные в нем документы собственными измышлениями, доказывающими вину Советского Союза.

Не дожидаясь окончания работы «спецартели», Горбачев в апреле 1990 года на весь мир заявил, что «СССР берет на себя вину за расстрел поляков под Катынью». Насколько непроста была работа лжеспецов в доказательстве, что «белое — это черное», говорит тот факт, что нужный документ они сумели изготовить только в 1992 году, когда Горбачев, как крыловская ворона, остался без сыра, голоса и под елью...

Но и в сфабрикованном документе вскоре всплыла лживость дем. обвинения. Как знаем, польским офицерам в зависимости от «заслуг» были вынесены приговоры от 3 до 8 лет в лагерях ГУЛАГа на Смоленщине, а вот право выносить смертные приговоры Особым совещанием при НКВД было дано только в ноябре 1941 года. Тем самым, «повинновоенный» прокурор № 1 Катусев доказал... обратное полученному заданию: СССР к расстрелу польских офицеров НЕПРИЧАСТЕН!

Но тут подоспел «всенародноизбранный» антигарант РФ Ельцин со своим (осенью 1992 года) судебным процессом над КПСС. Одним из основных пунктов обвинения против коммунистов его пристяжные «демократы» выдвинули как раз «расстрел» поляков под Катынью. Пошла третья волна.

Ельцинисты, не найдя ничего лучшего, тоже вынуждены были пойти на подделку и переделку нужных им документов, только более бесстыдную и масштабную. Историк Ю. И. Мухин, посвятивший изучению «Катынского феномена» несколько лет, пишет, что «есть основания полагать, что это дело было поручено команде главного архивариуса России Р. Пихойе». Теперь «Катынский заряд» в генеральной линии обвинений в преступлениях КПСС был оформлен совсем иначе: Политбюро ВКП(б) сначала хотело рассмотреть дело поляков на Особом совещании, но в начале марта передумало и решило поручить вынесение расстрельных приговоров «специальным тройкам». Для подтверждения этой «правды» были сфабрикованы целых 5 фальшивых документов, согласно которым жуткая история выглядела следующим образом: в марте 1940 года нарком НКВД Л.П. Берия написал письмо в Политбюро ЦК ВКП(б) с предложением создать некую «тройку» и поручить ей вынесение всем польским офицерам, находящимся в советском плену, смертных приговоров. Политбюро с «идеей» согласилось. В силу этого в апреле-мае 1940 года из трех офицерских лагерей военнопленных вывезли: одну партию в 4 тысячи человек — в пионерский лагерь под Смоленском и на его территории расстреляли и захоронили; вторую партию в 6 тысяч человек — в административные здания НКВД в Калинин, где их тоже расстреляли, а трупы перевезли и захоронили под Калинин; с третьей партией в 4 тысячи человек — поступили так же в Харькове.

Сразу замечу, выходит, что в СССР «мало» тогда было глухих и безлюдных мест и дикую акцию НКВД исполнил в самых шумных, видных и посещаемых местах...

Упомянутые 5 «подтверждающих» документов «эксперты» впервые обнародовали в суде над КПСС, причем не в виде оригиналов, а в виде ксерокопии. Даже не слишком боевые и решительные защитники партии на процессе и те немедленно заявили протест по поводу предъявленных обвинительных «полуфабриков». Да и было чем возмущаться: Записка Берии к Сталину была явно поддельной. Подписи на том обращении — Берии, Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна оказались лишь отдаленно похожими на настоящие. Протокол того заседания Политбюро значится под № 144, хотя должен быть за № 137. Ведь предыдущее заседание Политбюро проходило под № 136!

Мало и этого. Записка Берии датирована 5 марта 1940 года и этим же днем (!!) обозначено и «роковое» заседание, чего физически никак не успевало и не могло быть!

Еще больший абсурд артель «архивистов» России заготовила на выписке из протокола заседания другого (хрущевского) Политбюро, на котором принимались решения об уничтожении учетных дел расстрелянных поляков, отправленная Никитой председателю КГБ Шелепину в 1959 году. Выписка напечатана на бланке ЦК ВКП(б), хотя уже 1952 года партия именовалась КПСС! Да, господа обличители, с такой рожей и пенять на «зеркало» — это надо быть росдемократом, хотя «демкрыть» и выглядят явной ширмой, которую они, ловя момент, сдуру согласились исполнить, исходя злобой, завистью и материальным интересом...

Перечисленные документы должны сыграть решающую роль в процессе над КПСС, только лишний раз опозорили организатора процесса — нечистоплотного Ельцина. Понятно, что в таком виде, засвеченные и высмеянные на партсуде, «вещдоки» демонстрировать в «Катынской затее» было нельзя. Тогда «смотрителю Пизанской башни» подсказали впредь ссылаться на них, но не показывать!

Ю. И. Мухин в своей книге «Катынский детектив» (М. 1995 г.) пишет, что «осени 1992 года, когда я впервые узнал о существовании этих документов, я тщетно пытался найти их в напечатанном виде. Только через 2 года мне это удалось. Знакомые подарили мне сборник «Военные архивы России», выпуск первый за 1993 год. Этот выпуск так и остался единственным. Мало того, в свободной продаже его тираж появился только в 1999 году, когда история с фальшивками, всплывшая в ходе суда над КПСС, крепко забылась».

В этом сборнике были опубликованы три из пяти Катынских подделок: «Письмо Берии к Сталину», «выписка из протокола Политбюро» и «письмо Шелепина с проектом постановления Политбюро». Столь важные документы давались не в факсимильном изображении, а в перепечатке. Факсимильно воспроизводились лишь фрагменты, подобранные таким образом, чтобы ляпы, всплывшие на партсуде, не были видны.

В таком же виде фальшивки опубликовали и в журнале «Вопросы истории» (№ 1 за 1993 г.), в котором странным выглядит невероятный «момент» — журнал подписан к печати 22 декабря 1993 года! То есть он никак не мог выйти НИКАКИМ номером в том 93-м году, а самое раннее это могло быть в январе 1994 года! Но и при этом «маневре» журнал попал к подписчикам и в библиотеки лишь в начале 1995 года...

Чтобы у читателей не было никаких сомнений по части полнейшей аферности «документальных» усилий слуг-«демократов», приведу полностью слова автора «Катынского детектива» по адресу письма председателя КГБ А. Н. Шелепина Хрущеву с проектом постановления об уничтожении учетных дел расстрелянных польских офицеров: «Письмо исполнено не на бланке КГБ (видимо, фальсификаторы, уже научен-

ные горьким опытом (своей топорной работы. — *Н. Д.*), боялись опять перепутать, например, МГБ с КГБ), а на простой бумаге, от руки и содержит следующий текст: «Совершенно секретно Товарищу Хрущеву Н. С.

В Комитете государственной безопасности при СМ СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21857 человек, из них в катынском лесу (Смоленская область) 4421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6311 человек и 73305 человек были расстреляны других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии. Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании постановления ЦК КПСС от 5 марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т.е. с 1940 года, никаких справок и по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21957 хранятся (почему не 14552 или 21857? — *Н. Д.*) в опечатанном помещении.

Для советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии, именованной: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии, все ликвидированные поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материалы расследования в тот период широко освещались в советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о приведении в исполнение решений троек.

По объему эти документы незначительны, и хранить их можно в особой папке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР А. Шелепин.

3 марта 1959 года, Н-632-Ш».

«Письмецо» больше похоже на трактат студента-семинариста, представившего свой скорбный труд на соискание прощения за безбожность и греховность.

Не менее потешен и второй вопрос, а кому и для чего такие невероятные подробности варварских действий «о давно забытом, но устоявшемся в памяти мировой общественности» сообщает глава могущественного советского КГБ? Неужто Хрущеву, который с 1934 года сам был членом ЦК ВКП(б), с 1938 — кандидатом в члены Политбюро, с 1939 — членом Политбюро и знал гораздо больше, чем его молодой глава КГБ. Обзорное сочинение явно писал не Шелепин и не Хрущеву. Этот нужный каждой строчкой процессу по Катыни материал и готовился изначально для этой цели!

Интересно, а что мешало «Шелепину-Хрущеву» задним числом уничтожить те учетные дела и все списать на убитых бригадой Хрущева, еще в 1953 году, Сталина и Берия?! Напрашивается и другой вариант действий Хрущева, который со времени прихода к власти только тем и занимался, что всячески поливал грязью и того, и другого. Как же он мог упустить такой значимый и уникальный для него случай? Как могли упустить этот же факт и его «соратники», чтобы угодить «дорогому кукурузнику» по самое рыльце?! Вывод напрашивается один: катынская история произошла по советскому (достоверному) варианту, а не по Геббельсовскому, Горбачевскому или Ельцинскому возжеланию!

И уже открытое головопятие демонстрируют слуги «Бременского музыканта» в еще более простых вопросах. Вверху «исторического» документа (листка от руки) стоит штампик «Особая папка», из чего очевиден вывод: бумага эта хранилась в ЦК. Есть подпись, похожая на шелепинскую. А справа вверху еще один штамп: «подлежит возврату». 0680. — 9 марта 1965 года. 6-й сектор в ЦК КПСС. Общий отдел. Как знают многие, общий отдел занимался, в основном «вениками», а не такими сверхважными делами! В конец страницы стоит штамп с числом «9485» с внесенными от руки пометками «-59» и «20.П.65».

Получается, что рукописный «перл» главы КГБ шел к главе СССР Хрущеву целых 6 лет и 6 дней, когда головопята уже год, как вытряхнули из кресла «рулевого». 9 марта 1965 года документ зарегистрирован в текущем делопроизводстве под № 0680, а 20 марта 1965 года сдан в архив ЦК под № 9485. Могло ли такое быть, имей нормальные мозги фальсификаторы?

Не менее интересно здесь и другое. «Авторский» листок в 90-х годах предьявлялся для опознания тогда еще живому Шелепину, и Александр Николаевич немедленно ткнул физией в эти штампика прокурорского работника подполковника юстиции Яблокова. Последний не нашел ничего лучшего, как обратиться за разъяснением к одному из фальсификаторов Короткову. Растерянный «мастак» переадресовал Яблокова к своему заместителю Степанову, который дал совершенно чудовищное объяснение: мол, «в практике КГБ существовал порядок ИЗГОТОВЛЕНИЯ документов в единственном экземпляре рукописным способом... Такие документы могли долго не регистрироваться и храниться в сейфах сотрудников ЦК сколько угодно долго...». В старину такие объяснения называли «бред сивой кобылы»! Глупость пояснения настолько ясна и очевидна, что нет смысла в ее комментариях. Кстати, «по существовавшей в КНБ практике изготовления документов в единственном экземпляре рукописным способом» листок А. Н. Шелепина оказался единственным и последним случаем! В одном только прав оказался г. Степанов: сей документ не подготовлен, а изготовлен! Кто же теперь будет спорить с «умельцем»?!

Не меньший ляп следует и в самом письме, где указывается, что в 1959 году в архиве КГБ хранилось 3820 учетных дел польских офицеров, уничтоженных в Старосельском лагере. Однако, как пишет Ю. И. Мухин, «еще в 1990 году в газетах был опубликован акт о сожжении этих дел 25 октября 1940 года»! Как же могли вновь восстать из пепла уже сожженные 19 лет назад учетные дела бедных поляков?

Юрий Иванович добавляет, что он в катынских «обличительных» документах выявил и насчитывал более 40 признаков их фальсификации!

Кому же так ненавистна и противна правда о Катыни: нашим друзьям или нашим врагам? Если друзьям, то фальшь, обман подделка им ни к чему! А вот далеко целящим недругам из-за отсутствия нужных фактов и приходится специализироваться на подобном охмуреже.

P.S. Кого же винить в Катынской трагедии?

В подобных вопросах всегда следует отыскать начало истории. А она началась

1 сентября 1939 года, когда Гитлер вторгся в Польшу, приступив огнем и штыком к реализации своей заветной цели: завоеванию славянских земель и уничтожению там на 1-м этапе 50 % русских, украинцев, белорусов, поляков, прибалтов и на 100 % евреев и цыган. Счастье их всех, что Красная Армия одолела сатанинскую силу и спасла от еще горшей доли перечисленные и не перечисленные народы и нации Европы.

При всем сострадании жертвы Катыни виновны в своей беде и сами. Ведь им вовремя предлагалось покинуть лагеря вместе с охраной. Уж не собирались ли те офицеры предложить свои услуги Гитлеру? Ведь шла же на Москву с Наполеоном целая армия поляков: 17 полков пехоты, 16 полков кавалерии, дивизии легионов Вислы, корпус Косинского, численностью в 87 тысяч человек!

Как же могли забыть польские офицеры, что 694 тысячи их военных коллег и подчиненных, захваченных в плен Гитлером, уже давно помещены на истребление в концлагеря? Или фактам и логике вновь не дали дорогу национальные особенности их характера?

Чтобы окончательно поставить точку в размеренной коричневыми и черными инициаторами пересмотра и без того мрачной страницы времен 2-й мировой войны, хочу добавить еще несколько заключительных слов.

Мог ли Сталин разрешить исполнить такую варварскую акцию по расстрелу польских офицеров весной 1940 года, если общеизвестно, что он тогда, наоборот, принимал все меры к тому, чтобы не дать никому никакого повода для обвинения Советского Союза в несоблюдении общепринятых в мире норм межгосударственных отношений?! Неужто Сталин был настолько наивен, чтобы позволить спецслужбам совершить такой шаг сразу после окончания войны с Финляндией (13 марта 1940 года), за которую СССР уже был исключен из Лиги Наций, США объявили нам торговое эмбарго, а Британия и Франция начали ускоренную подготовку вооруженного нападения на «Совдепию». По плану союзников намечалось разбомбить нефтяные промыслы в Баку и на Северном Кавказе, перерезать железную дорогу на Мурманск, на юге напасть с территорий Турции, Ирана и Афганистана, после чего направить в Черное море военно-морской флот... Как бы события развивались дальше, не начни с ними воевать Германия в мае 1940 года?..

Какой безумец мог решиться на Катынское мокрое дело, если польское «правительство в изгнании», спрятавшееся в Лондоне, еще в ноябре 1939 года объявило СССР войну!

Нет никакого сомнения, что соверши тогда такой поступок Сталин, и всё немедленно стало бы известно Европе и миру. Тем более, западные районы СССР тогда был переполнены вражеской агентурой, особенно польской. Да и оставшаяся «на плаву» советская 5-я колонна не упустила бы случая отличиться! Выходит, катынский «ларчик» совсем просто закрывался!

P.P.S. Когда материал уже был готов, в руки попался еженедельник «АиФ» (№ 6, с.г.), в котором обратил внимание на статью под рубрикой «Славянское братство не выдерживает испытания глобализацией», автором которой указан Вячеслав Костиков. Тот самый пресс-секретарь, величаемый в народе «сибирской княжной», которого по приказу пьяного Б. Ельцина зашвырнули с борта теплохода «в набежавшую волну» Енисея верные «знаменитому лошкарю» опричники (см. А. В. Коржаков, «Борис Ельцин от рассвета до заката»). Но вот, поди же ты, выплыл проштрафившийся борзописец, обсох, опохмелился и снова за перо... но, видимо, переохлаждение ледяной водой оказалось более сильным, чем можно предполагать. Иначе необъяснимы в «АиФе» такие строчки «удалого пловца»: «...негативную роль в коррозии «славянской любви» сыграли тоталитарные объятия сталинского режима. Любви

сталинского режима боялись не только славяне, но и венгры, румыны. Достаточно вспомнить Катынскую трагедию...»

Выходит, Костикову оказалось мало очевидных и явных доказательств невинности СССР в катынской истории? Неужто бывший российский в Ватикане настолько стал недалек умом, что не обратил на них никакого внимания или посчитал недостаточными? Как тут не вспомнить давний одесский анекдот. Один муж обратился в суд за разводом с собственной женой. На вопрос судьи, в чем причина такого желания, последовал ответ: «Она меня не удовлетворяет». Не выдержавшие лжи свидетельницы открытого процесса с места хором закричали: «Брешет он, гражданин судья, брешет. Всю Одессу удовлетворяет, а его, видите ли, не удовлетворяет!..»

Так и сказал бы г. В. Костиков, что желает перейти к другой оценке прошлого. Зачем же попусту сведущих людей будоражить и время у судей забирать?!

Впрочем, верноподданнические качества г. Костикова хорошо известны миру. Чего стоит один его умильный «Роман с президентом!» Как же забыл экс-пресс-«атлант», пугая тоталитарными обьятиями СССР, что «гуманисты»-фашисты за время войны убили 6 миллионов поляков, а красные «варвары», спасая от истребления оставшихся в живых 29 млн. западных славян, заплатили за братскую выручку 600 тысяч своих жизней! Или славянская кровь для него не кровь, а водица? Но даже и при этом, как мог сей «литературный морж» забыть виновных в уничтожении сотен тысяч евреев? У кого такое было программой и практикой: у фашистов или «тоталитаристов»?

Почему подобное происходит? Ответ один: там где была совесть, теперь вырос капитал! А капитал и совесть — понятия взаимоисключающие! Но это уже не исторический разговор, а нравственный. Костикову ли после всего вести речь на подобные темы?!

Честь имею!

Борис Шепелев

СТРАНИЧКА ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА КВАШНИНО

(Очерк)

*Эти дни и часы
не забыть никогда,
Никогда
не изгладить печали:
Всех,
кого погубила
фашистов орда,
чтим сегодня
минутой молчанья...*

Колхоз имени Войтовича

...По берегам трех прудов, под самым лесом, встали четыремя шеренгами, как солдаты в строю, четыре улицы села Квашнино Лаптевского района Тульской области. Это колхоз имени Войтовича. В нем три бригады свыше 100 дворов, где проживало примерно 600 жителей. Одних учащихся в местной школе было более полутора сотен.

Грянула война, и село огласилось песнями, до боли знакомыми: «Как родная меня мать провожала...», «Дан приказ ему на запад...», «Три танкиста...». Улыбки перемежались со слезами, задорные частушки с надрывным плачем. Все меньше и меньше мужчин остается в селе. Ушел на фронт и председатель колхоза Ивлев Андрей Васильевич, а осиротевшее хозяйство возглавил его брат Роман Васильевич Ивлев. Председателем сельсовета стала справедливая и энергичная женщина, мать пятерых детей, Ивлева Анна Сергеевна. Старики и старушки, женщины и дети днем и ночью собирали богатый урожай сорок первого года. Девиз один: «Все — для фронта, все — для победы!»

Новый порядок

В первых числах декабря 1941 года через село и мимо села прошли наши разрозненные части из-под Венева — конница, артиллерия, танки...

3 декабря все стихло. Колхозный скот укрыли в четвертом квартале близлежащего леса. Ночью, точнее к ночи, вырываясь из окружения, поодиночке и группами в село пришли красноармейцы. Группа в 16 человек осталась на ночлег в опустевшей конюшне, один — у Лагуткиных, двое — у Гаврилы Зотова, один — Золотарев Александр — у Марцевой Анастасии Федоровны, двое в доме Кочеткова Егора Ивановича, один у депутата сельсовета, члена правления колхоза Лисичкина Алексея Алексеевича, один заночевал в домишке матери Зотова Владимира Федотыча. Одни по-

явились тут к ночи третьего, другие — четвертого декабря в потемках. Стояли лютые морозы.

Днем 4 декабря через село пронеслась немецкая танкетка в сторону Прудков, а ночью, глубокой ночью, когда все спали, в двери, окна загрохали, забарабанили, застучали прищельцы с криками: «Рус золдат, хенде хох!..»

В распахнутые двери повалил морозный воздух. Зажглись керосиновые лампы. Полусонные женщины в страхе пятились от непрошенных гостей, а те, прохваченные до костей крепким морозом, прыгали, как блохи, приговаривая: «Ой, холодна, топи, топи!» — и указывали на печки. И женщины вынуждены были ночь напролет вязать пучки соломы и топить русские печи...

На другой день, отоспавшись и отогревшись, немцы бросились отбирать у жителей теплые вещи — валенки, варежки, полушубки. С хохотом носились по дворам за курами, поросятами, тут же забивали и приказывали готовить им обед. Разграбили пасеку, магазин. Начинался «новый порядок»...

Шестнадцать обреченных

Шестнадцать красноармейцев, ночлегом для которых послужила конюшня, выяснив, как пройти лесом до Горшкова, решили в ночь с 4-го пробиваться туда.

Уйти они успели, но в лесу, оказывается, на немцев напоролись...

— Они были в добротных полушубках, рослые, все — сибиряки. Многие были в шинелях с подшинельными телогрейками, в шапках-ушанках, на всех — шерстяные носки, сапоги. Все это с них немцы сняли, пленных, почти босиком, в лютый мороз по снегу повели на другой конец села, — рассказывает очевидец этого Зотов Алексей Гаврилович, нынче продавец в с. Квашнино, а в то время — десятилетний мальчик, в доме которого немцы провели эту «операцию».

Их привели в избу Гущина Федора Лаврентьевича. Давно уже нет в живых ни Федора Лаврентьевича, ни его жены Прасковьи Васильевны. А бытует в народе, передается из уст в уста их горький рассказ о последних часах военнопленных.

— Сидят, бедные, на полу,— кто тряпочками ступни обматывает, кто какие-то рваные галоши прилаживает... Попросили водички попить. Часовые с автоматами сидят, вроде внимания не обращают. Хозяйка взяла ведро с водой, кружку и кинулась было из кухни в горницу — к пленным.

— Цурюк! — заорал немец и автоматом ей в грудь. Она так и рухнула на пол. Недолго пожила после этого: умерла из-за проклятых фашистов, не дожив и веку.

Шестнадцатый бежал...

Ночью их увели и на скате Полянкой вершинки расстреляли, так и оставив трупы на снегу.

— Когда немцы подожгли село, бросились мы бежать в лес по огороду Гущиных,— вспоминает Веденкина Анна Григорьевна.— Стоит перебежать Полянскую вершинку, и мы в лесу. Но... встали разом как вкопанные: на снегу вповалку босые, в окровавленных шинелях, изуродованные трупы наших красноармейцев — у кого голова на куски, кто надвое рассечен... Жуть!

Но в ту же ночь из этого ада вырвался один красноармеец и скрылся в Екатериновке, а затем ушел в Рубли, что близ Буракова. Когда раздался залп, точнее, автоматные очереди, он упал вместе с другими и попал под навалившиеся на него трупы. Немцы еще несколько минут походили с фонариками, высвечивая, не остался ли кто жив, подозрительных трясли и снова добивали и стреляли в упор. А его не заметили. Когда ушли, полураздетый, босой он выбрался и кое-как добрался до домика в Ека-

териновке, где его обули, одели во что смогли, покормили, а рано утром он ушел в сторону Рублей. Кто он и какова дальнейшая его судьба, к сожалению, неизвестно...

Осенью 1941 года немецко-фашистские войска приблизились к Москве. У ее порога гитлеровцы были остановлены. А в декабре, подтянув резервы, защитники столицы перешли в контрнаступление и затем разгромили врага. Это было первое крупное поражение захватчиков, развеявшее миф о непобедимости германской армии.

А в это время в Квашнино...

В избе Лагуткиных немцы не задержались и спрятанного красноармейца здесь не нашли. А он, переодевшись в гражданскую одежду, утром вышел от Лагуткиных и уже прошел несколько домов, но у крыльца очередного дома, где теперь аптека-медпункт, какой-то рыжий верзила шагнул ему навстречу и сбил с него шапку. Увидев короткую стрижку, тут же и убил. Так он и лежал вплоть до ухода немцев из села...

...Второй раз над головой Саши Золотарева гремят немецкие сапоги, второй раз смерть ходит буквально над головой, но вновь слышится ему ровный голос Анастасии Федоровны Марцевой: «Какой солдат? Вот они, мои солдаты», — обнимая оробевших детишек, отвечает она немцам.

А что под досками пола, где на скамье сидит Марцева, в подполе, в это время скрывался красноармеец Александр Золотарев, немцы так и не дознались...

Мародеры волокли перины, подушки, теплые стеганные одеяла, шапки, валенки, забивали свиней, а потом взялись за активистов.

Расстрел народных депутатов

Гаврила Алексеевич Зотов, член правления колхоза, человек видный на селе. Прикинув, что немцы затевают еще что-то недоброе, на всякий случай спрятался в пустовавшем доме (хозяева давно куда-то выехали). Несколько раз немецкий холуй из местных приходил за ним, но ему всякий раз отвечали, что уехал в Лаптево и еще не вернулся — может, его и в живых нет...

— Не могу, бабоньки, вся душа изболелась, пойду подкормлю свою крохотульку.

— Окстись, Нюра, ничего с ней не случится — соску дадут, хлеба нажуют. Потерпи, может уйдут, — отговаривали Анну Сергеевну соседки, где она временно пряталась от немецкого глаза.

Нет, пересилило материнское сердце. Вот она и дома. Схватила плачущую крохотульку, положила под грудь, и плачет, и улыбается. Кстати, теперь эта «крошка» — маляр 2-го цеха машзавода Скоробогатова Раиса Георгиевна.

Вот и успокоились обе, детская ручонка нежно касается груди, губки всю работу, материнское молочко в последний раз бежит в родное тельце...

Дверь с грохотом распахнулась — на пороге тот же самый немецкий холуй в сопровождении автоматчиков. Приказано ребенка оставить и идти с немцами куда-то, якобы поедут на собрание. Муж-инвалид бледнее полотна.

— Береги детей, Егор! — сказала Анна Сергеевна, низко поклонилась, и ее увели.

А по селу шел, ничего не подозревая, ее Ванятка, ее старшенький, которому 8 лет от роду. Увидел маму, улыбнулся, но тут же понял, что ее уводят, с криком: «Мама! Мама!» — бросился следом, но немец погрозил автоматом и мальчик упал под забором.

Председателя сельсовета Анну Сергеевну Ивлеву, депутата Лисичкина Алексея Алексеевича, председателя правления колхоза Ивлева Романа Васильевича и члена правления Доронину Наталью Петровну под конвоем привели в самый крайний дом села — в дом Артема Ивановича Колганова. Мужчин оставили в сенях, женщин завели на кухню.

Мария Ильинична Колганова, жена Артема Ивановича, рассказывает:
— Марья,— обратилась ко мне Наталья,— дай варежки: гонят куда-то, проклятые, а я варежки не успела взять — руки коченеют от холода.
Пошла я к печке, поискать в печурке варежки, а Аннушка мне:
— Прощайте, Мария Ильинична.
Я остановилась и переспрашиваю:
— Что-то прощаешься, ай куда собралась?
Гляжу — у нее слезы кап-кап-кап. Со вздохом:
— Прощай, Марья... — Она опустила голову...

Вот это и были ее последние слова. Тут вошел офицер, что-то резко залопотал своим, и женщин увели. Больше я их, живых, и не видела... Пока все это шло в кухне, с мужчин сняли валенки. Сынишка Марии Ильиничны прилип к окошку и увидел, как тех босиком повели за огороды, а потом и женщин. Вели вдоль длинного извилистого оврага.

Убивали по-одному. Сначала Романа Васильевича убили и столкнули в овраг вниз головой, шагов через двадцать дальше — Анну Сергеевну, еще дальше Лисичкину А. А. и Доронину Н. П.

Артем Иванович, участник Первой империалистической войны, обратил внимание, что шестого числа немцы повели себя как-то беспокойно. Вспомнил, что делали немцы с русскими (польскими) селами при отступлении, натаскал побольше воды, якобы для поила корове, закрыл кадки дерюжками и ждет что будет.

Последнее злодейство

...Часа в три немцы, торопливо пообедав, поднялись и вышли. Один остался.

— Спичка фук! — сказал немец и стал выгалкивать свекровь Марии Ильиничны за дверь.

Схватив что попало, все высыпали во двор. А деревня уже пылает. Немец обрызгал керосином пол, стены, сгреб на середину пола солому и поджег. Только он со двора, Артем Иванович заскочил в объятую пламенем избу и мокрыми дерюжками накрыл то, что особенно сильно занялось. Окунул фуфайку в воду и давай со стен сбивать пламя, остальные помогали затоптать огонь на полу... Пламя внутри погасили. Но со двора горящие хлопья летят на крышу — вот-вот пожар вновь охватит весь дом. Вскочил хозяин на крышу, сбивает пламя вилами. Вдруг что-то резко ударило под ноги, в конек. Оглянувшись, а это немец, приостановившись на бугре, открыл по нему огонь из автомата. Кубарем свалился Артем Иванович с крыши: будь что будет!..

Поджигатели шли от дома к дому и подсовывали факелы под соломенные крыши, не предупреждая: Коля Алексеев выскочил из горящего дома в одном валенке...

...Сестра Анны Григорьевны Веденкиной (в девичестве Колгановой) с двухлетним ребенком выскочила из горячей избы с детской постелькой в охапку, а немец вырвал у нее подушку, перинку, сложил в кучу и поджег. Осталась она с полураздетым малышом и одеяльцем в руках на морозе. Пожар бушевал до самого утра. Люди спасались на прудах и за селом. В лесу спасся А. Золотарев, укрывшись одним тулупом с сыном А. Ф. Марцевой, Михаилом, ныне проживающим в Туле, в Октябрьском поселке.

От всего села осталось 12 домов. Сгорела школа, магазин... На третий день, после ухода немцев, было проведено захоронение жертв фашистов в одной братской могиле на том месте, где сгорела школа. Там теперь стоит временный памятник, изготовленный по инициативе бывшего парторга совхоза «Лесной» и по чертежам директора совхоза (тоже бывшего) Князева А. В. и Василевского Ю. И. На памятнике рукой бывшего библиотекаря с. Квашнино Нины Ивановны Колгановой начертано:

Зверски замучены и расстреляны фашистами в 1941 году:

ИВЛЕВА А. С. — председатель сельсовета,
ИВЛЕВ Р. В. — председатель колхоза,
ЛИСИЧКИН А. А. — депутат сельсовета,
ДОРОНИНА Н. П. — активистка,
30 ПЛЕННЫХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ...

Ясногорский мемориал теперь хранит это на стелле памяти, а в районном музее вы можете увидеть портрет и картину гибели председателя Квашнинского сельсовета и наш материал — как собрание воспоминаний очевидцев того трагического, что было в жизни села Квашнино, в жизни района. Эту страничку из истории села Квашнино помогли нам восстановить очевидцы, а именно: Зотов Алексей Гаврилович, Колганова Мария Ильинична, Веденкина Анна Григорьевна, Полякова Мария Ивановна, Алексеев Михаил Парфеныч, Алексеев Николай Михайлович. Постоянную помощь нам оказывала бывшая библиотекарь Колганова Н. И., а также Костикова Наталья Михайловна, дочь Марцевой Анастасии Федоровны (проживает в Туле, Октябрьский поселок, ул. Красина, 44).

В сборе материала, переписке с очевидцами активное участие принимали бывшие шестиклассницы Квашнинской восьмилетки Зотова Люда, Логачева Оля, Костикова Галя. Подобные работы позволяют сохранить связь времен и поколений, укрепить патриотические чувства, осознать, каких трудов и жертв стоило нам то, что составляло гордость не только нашего народа, но и трудящихся мира и что сейчас так бездумно и преступно растаптывается кое-кем.

Беречь историю, дорожить знаниями, извлекать уроки, но не охаивать все кряду — такова непреходящая задача наших дней, если мы не хотим стать Иванами, не помнящими родства...

РОМАН

Сергей Куликов

ПОЯС ШАКАЛА*
(Детектив)

* * *

— Да не виноват я, клянусь папой, мамой и всей моей разудалой родней!— «Мастер» попытался встать со стула, но стоявший поодаль блюститель правопорядка, довольно жестко положил руку на плечо.

— Не виноват...— с недоверием ухмыльнулся сидевший за столом майор,— но ты же признаешь, что собирался снимать гражданку Хренову в жанре «снафф-муви».

— Какую Хренову? — «Мастер» встряхнул головой, не желая верить в продолжающийся кошмар с псевдонимами.

— Какую...— и снова довольно противно ухмыльнулся Майор,— ту, что ты эксплуатировал всю ночь. Это не мой оборот речи, а эксплуатируемой.

— Прозрачной, что ли? Да мы с ней домой только за полночь вернулись — спросите у соседей-картежников, которые все видят, все слышат. Да мы с этой Хреновой только прилегли. Так-так, получается, мой псевдоним она подгоняла под свою фамилию?

— Прилегли...— верно, в смущении Майор поковырял пальцем в носу.

— Но мой вопрос остался без ответа! Еще раз спрашиваю, с какой целью гражданка Хренова подгоняла свою фамилию под мой псевдоним?

— Только не надо смещать акценты! — уже без ухмылки отозвался Майор.— Конечно, эксплуатируемая важный фигурант в деле с рабочим названием «Снафф-муви» или, говоря нормальным языком, в деле «Нюхательного табака», однако значение сидящего напротив эксплуататора трудно переоценить.

— Да никакой я не эксплуататор! Говорю же, только прилегли, да и то на самый краешек!

— На самый краешек...— Майор вернулся к излюбленной тактике,— и табачку эксплуатируемой не предлагал?

— Только сахар!

— А это еще что за жанр?— Майор даже привстал, ожидая сенсационных признаний.

* Продолжение. Начало в журнале «Приокские зори», № 1, 2005.

— Это не жанр, а так называемое сельскохозяйственное сырье, переработкой которого мы с гражданкой Хреновой собрались заняться уже этой осенью, дабы наполнить отечественный рынок сладким и таким любимым народом продуктом.

— Сельскохозяйственное сырье... Да, да, эксплуатируемая, уверяла, что ей был обещан завод по переработке сахарной свеклы где-то под Тамбовом и сахарного тростника в одном из пригородов Гаваны.

— Вот это аппетиты!— не сдержал своего раздражения Мастер, ничего подобного не обещавший, однако Майор, казалось, только для того и воспользовался передышкой, чтобы закурить: — Баба во все времена остается бабой...

— И эта имеет ко мне претензии?— перебил Майора «Мастер», полагая, что речь зашла о Бабе кровь с молоком.— Поди, на какой-нибудь деревообрабатывающий завод губы раскатала? Но я не дуб, чтобы удовлетворять потребности всякой встречной-поперечной! К тому же меня никто в ее постели не застукивал, так что вот ей труба заводская! — «Мастер» вытянул руку, ударив ребром ладони по плечу.

— Только без порнографии!— Майор спрятался за облако дыма, выказывая ложное смущение.— И вообще, разбирайся сам в своих бабах, ну а я имею в виду конкретную дамочку, то бишь эксплуатируемую, которой ты так ловко запудрил мозги — и не обязательно сахарной пудрой!— что она тут же села на шпагат. Одного не пойму: зачем убивать? Или честный шибко?

— А какая тут связь?

— Крепкая! Пообещал завод, а у самого в кармане дыра, обметанная белыми нитками. Чтобы не выглядеть в глазах обманутой дамочки брачным аферистом,— нож в ее разбитое сердце, и дело с концом!

— Страсти-то какие несете! К счастью, я никого не убил.

— Не убил...— Майор то ли усмехнулся, то ли выпустил дым из уголков рта,— с этим еще надо разобраться.

— Да чего тут разбираться, если Хренова жива, здорова, чего и всем желает!

— Жива, здорова... И тут я не могу не задать себе вопрос: почему эксплуататор стремится к тому, чтобы следствие нюхало «Табак»? Вероятно, желание притупить нюх столь велико, что ни о каком чувстве меры заикаться не приходится?

— Да я, напротив, хочу поскорее замять это странное дело!

— Я задавал вопрос себе, а не эксплуататору,— отозвался Майор, словно не замечая «Мастера»,— и вот я снова обращаю взгляд на собственное отражение, дабы спросить у него: вероятно, «Нюхательный табак» наиболее безобидное злодеяние, совершенное эксплуататором?

— Черт побери, о каких злодеяниях мы ведем речь?!

— Ты, к счастью, не мое отражение, так что помалкивай в тряпочку,— Майор строго посмотрел на «Мастера» и, глубоко затянувшись сигаретой, пробубнил себе под нос,— придется схорониться от этого репья, как можно дальше,— и уже громко добавил: — А теперь я хочу узнать мнение внутреннего голоса. Скажи, голубчик, все идет к тому, что у эксплуататора руки по локоть в крови?

— Никакой крови,— «Мастер» поддернул рукава,— никакой!

— Ты, к счастью не внутренний голос и тем более не голубчик,— реплика направлялась «Мастеру», однако суровый взгляд застыл на блюстителе порядка, который, судя по всему, уже успел поработать парикмахером.

— Только не надо теревить мои волосы!— «Мастер» без понимания отнесся к отпущенному по его адресу подзатыльнику.— К тому же можно по-другому намекнуть на то, что дружба дружбой, а табачок врозь.

— Опять «Нюхательный табак»! — схватился за голову Майор, и дымящая сигарета подпалила его волосы.

— Ну отчего же сразу нюхательный?— «Мастер» с опозданием осознал, что упомянутая им поговорка способна спровоцировать новый виток напряженности,— ведь есть же еще и курительный,— он задержал взгляд на дымящейся сигарете, которая при определенных условиях могла стать его.

— Травись, если есть тяга,— Майор протянул ему окурочек, но «Мастер» оказался на редкость неблагодарным:

— Нет тяги. И кроме того, я здесь усматриваю некий скрытый смысл.

— А если без «тайников»?

— Перед казнью обреченному по обыкновению жаловали курево.

— Может, и просьба у тебя какая есть?

— Надеюсь, не последняя?— не без внутреннего содрогания справился «Мастер», не сомневаясь в том, что Майор проникся атмосферой предрассветных пейзажей — самого, пожалуй, зловещего времени суток, поскольку именно в полутьме свершается подавляющее большинство казней.— Пожалуйста, не надо называть меня эксплуататором.

— Не надо называть... Странная просьба, странная. Во всяком случае в моей практике ничего подобного не было. Чаще всего просят прощение у родственников, у людей, которых уже нет в живых...

— А чего у последних-то просить прощение, если им уже все равно?

— Психологи утверждают, что в критический момент у преступника с его жертвой завязываются теплые доверительные отношения, и это несмотря на то, что первый еще здесь, а последняя уже там,— Майор указал на потолок кривым и толстым, точно банан, пальцем,— происходит своеобразное взаимное прощение.

«Мастер» окончательно понял, что его визави частый гость кабинетов известного толка, однако собственное здоровье и, прежде всего психическое, имело приоритетное значение, так что озвученный вопрос не казался праздным:

— Что это за критический момент?

— Ну, это когда до казни остаются считанные минуты.

— Эй, не слишком ли мы все тут заигрались?— «Мастер» предпринял попытку встать, но бывший парикмахер не очень гладко его причесал.— И вообще, ради какой жертвы разгорелся весь этот сыр-бор? Хренова, к счастью, не там,— он повторил жест Майора,— а здесь!

— Но ведь эксплуататор сам признался, что баб у него было даже больше, чем поганок на пне.

— Я говорил о всякой встречной-поперечной, и грибная пора к данному обстоятельству не имеет никакого отношения!

— Эксплуататор не любит походить по лесу с корзинкой?

— Я сугубо городской житель.

— И в долине «Яств и удовольствий» никогда не был?

«Мастер» даже рот открыл от удивления: откуда Майор узнал о мифической долине, о существовании которой было известно лишь Таксисту и Веронике?

— Вижу эксплуататор все еще находится под впечатлением от недавнего посещения долины.

— Я же умолял, не называть меня эксплуататором!— сорвался на крик «Мастер», выдавая свое волнение.— Или последняя просьба только для галочки в протоколе?

Он хотел сказать единственная просьба, но сорвавшаяся с губ оговорка, стала пищей для всякого рода домыслов:

— Значит, все-таки собираешься засесть за мемуары?— в добавление к уже лежавшему на столе листку Майор приложил еще целую тетрадь.— Не экономь на бумаге, как, впрочем, и на таланте. Название книги уже есть: «Плانتации нюхательного табака в долине «Яств и удовольствий».

— Польщен, конечно, но я и двух слов связать не в состоянии. «Краткость — сестра таланта»,— говаривал классик,— Майор убрал тетрадь в стол, указав на лист и ручку.

— Название книги вызывает у меня серьезные сомнения.

— Действительно, несколько затянуто,— Майор с силой вдавил окурок в пепельницу, что говорило о внутренних противоречиях, характерных для думающего человека,— кажется, я нашел оптимальный вариант: «Эксплуатация человека человеком».

— А это уже плагиат,— сквозь зубы выдавил «Мастер», еле сдерживаясь, чтобы не нагрубить,— у Маркса было нечто подобное.

— Так ведь Маркс давно уже там,— Майор ткнул пальцем-бананом по направлению потолка,— так что некому подавать на тебя в суд за использование чужой интеллектуальной собственности в корыстных целях.

— Да какая уж тут корысть?— натянуто усмехнулся «Мастер»,— и вообще, не лучше ли воспользоваться уже состоявшимся трудом? Кажется, «Капитал» его название.

— «Капитал» был запущен в тираж полтора века назад, и вся его диалектико-материалистическая методология исследования безвозвратно устарела. На тебя же возлагается ответственнейшая миссия — посредством пера и бумаги высветить производственные отношения, сложившиеся в современных условиях.

— Своему труду Маркс посвятил целую жизнь, извел вагон бумаги и цистерну чернил, а от меня требуют, чтобы вся эта диалектико-методологическая материалистика была готова уже через несколько минут!— в пылу раздражения «Мастер» не избежал словесной перетасовки.— Что может вместить в себя какой-то паршивый листок?

— Не стоит так нервничать, что может привести к грубейшим ошибкам, которые, надо признать, уже имеют место быть. Что же касается отпущенного на написание времени, то его больше, чем достаточно. Действительно, ведь в отличие от отца «Капитала» нам повезло родиться в эпоху космических скоростей, значит, спидометр станет зашкаливать. Короче, высокого творческого полета!

— Без топлива не взлететь,— «Мастеру» пришлось-таки принять навязываемые Майором условия игры.

— Без какого еще топлива?

— Без вот этого!— «Мастер» гулко щелкнул по глотке.

— Ты же сам признаешься, что двух слов связать не в состоянии, а если выжрешь пузырь, то и лыка вязать не сможешь.

— Откуда это известно, или ты мне наливал? Торжественно заявляю: никакого высокого полета, пусть и творческого, без горючки не случится!

— Может, влить ему в задницу самого настоящего бензина?— с каким-то даже вызовом произнес бывший парикмахер, чем больно задел за самолюбие начинающего писателя.

— Твое дело ножницами щелкать, а не высекать искры вблизи горюче-смазочных материалов. К тому же, в космической области используют главным образом не бензин, а ракетное топливо на основе нитроцеллюлозы и перхлората аммония.

Судя по выражению лица, парикмахер надолго проглотил язык, да и Майор не сразу нашелся, что сказать:

— Ты это кончай тут «перхлоратить» и заправься нормальным горючим,— он достал из-под стола початую бутылку водки и до краев наполнил граненый стакан,— столько хватит, чтобы долететь до Сатурна?

— До Сатурна вряд ли, но до Марса — почти наверняка!

— До Маркса?— Майор обнаружил вдруг редкие способности направлять беседу в необходимое для него русло.— А нам дальше и не надо!

Мастер опорожнил стакан, выразив искреннее сожаление по поводу того, что у

бывшего парикмахера не оказалось при себе флакона с «Шипром», резкий запах которого способен убить любые ароматы, в том числе и спиртовые.

— Заправился и — в полет!— Майор ткнул пальцем в чистый лист.— В целях экономии бумаги «Эксплуатация человека человеком» отдельной строкой не выделяй.

— Да не эксплуатировал я никого!— возмутился «Мастер».— В тысячный раз повторяю: мы даже не успели прилечь на краешек кровати!

— Прилечь на краешек... Кажется, я где-то уже слышал нечто подобное.

— Не где-то, а здесь, здесь слышал!

— Здесь?— Майор даже не пытался скрывать своего удивления.— Может быть, может быть. Но я не столько о кровати, сколько о заводе, а ведь все владельцы промышленных предприятий — кровопийцы и эксплуататоры. Это хоть и не совсем точная, но цитата из все того же «Капитала».

«Мастер» махнул рукой, отлично понимая, что быть ему угнетателем трудового народа аж до следующей Октябрьской революции, которая неизвестно когда теперь произойдет. Однако Майору померещилось, будто его визави потянулся за ручкой.

— Только шибко мудрено не пиши,— предупредил Майор, придвигая к листу орфографический словарь,— это чтобы избежать детских ошибок.

— Честно говоря, я так безграмотно пишу, что никакие словари не помогут мне предстать перед будущим поколением в респектабельном виде политолога.

— Вероятно, эксплуататор пренебрег призывом вождя мирового пролетариата засесть за школьные парты? А ведь Владимир был тысячу раз прав, упорно вода ручкой по бумаге: «Учиться, учиться и еще раз учиться!»

— Это он ручку расписывал, а кто-то из его лизоблюдов поспешил выдать то за беззаветный завет все того же вождя.

— Беззаветный завет... Какая образность!— Майор с нетерпением забарабанил пальцами по все еще чистому листу бумаги.— Я в предвкушении гениального творения!

— Пиши сам: у тебя гениальней получится,— проворчал «Мастер», плохо понимая, чем ему это может выйти.

— Что значит сам? В конце концов, ты заправлялся топливом, а не я.— Пузырь-то не был полным,— «Мастер» устремил на бутылку быстро косящийся взгляд,— вероятно, еще кто-то собирался полететь к Марксу. Впрочем, я не слагаю с себя обязанностей командира летательного аппарата, но ведь и бортиженер не должен сидеть, сложа руки!— он ясно дал понять, кого имеет в виду,

— В мои обязанности входит запись указаний, поступающих сверху?— Майор вскочил со стула и вытянулся по стойке «смирно!».

— Выше нас будет только Господь Бог, но мы не станем докучать ему всякими глупостями,— деловито заключил «Мастер»,— указания станут поступать от меня.

— Тебя я и подразумевал под вышестоящим начальством.

— Не тыкать отныне! И давай за рычаг.

Майор взял ручку и приготовился записывать указания.

— Садись, бортиженер, садись! Вот так. А теперь пиши: наш космический корабль благополучно вышел из плотных слоев атмосферы и уверенно взял курс на Маркс, где жители ближайшей от Земли планеты уже накрыли столы, проявляя повышенный интерес к прибытию долгожданных гостей.

— Но на Марксе нету жизни!

— Ты там уже бывал?

— Нет, но я склонен доверять ученым.

— А я склонен доверять собственным глазам! Нет, что ты имеешь против жизни во всей нашей галактике? Своим плохо скрываемым скепсисом ты лишаешь меня

надежды отведать марксианской водки, вынуждая приглушать душевные раны всяким там суррогатом,— «Мастер» перевернул бутылку в стакан, и тут раздался жалобный голос бывшего парикмахера:

— Оставьте глоточек!

— Откуда взялись побирушки на космическом судне?— «Мастер» сурово посмотрел на бортинженера, и тот ничего умнее не придумал, как только выдать откровеннейшую чушь.

— Земля уже давно поделена на сферы влияния между побирушками, вследствие чего они вынуждены осваивать все новые территории, включая и межпланетное пространство.

— Нигде от этих побирушек нет покоя! Дай оборванцу пустую бутылку, и пусть себе отправляется в поисках ближайшего пункта приема посуды.

— Если мы сейчас находимся между Марксом и Землей, то до ближайшего пункта по приему стеклотары не менее тридцати миллионов километров. Боюсь, побирушка не успеет до закрытия на обед.

«Мастер» задержал взгляд на новоявленном бортинженере: на кого же он похож? И не столько внешне, сколько внутренне. Но ведь «Мастер» не заглядывал в недра человеческого организма! Впрочем, делать это вовсе не обязательно, поскольку глупо трепанировать череп, дабы утвердиться в своих подозрениях в ослаблении психических функций на отдельных участках головного мозга. Достаточно одного взгляда, чтобы заручиться точным и весьма неутешительным диагнозом, ставящим под сомнение дальнейшее пребывание в космосе бортинженера. Э, да он похож на полковника — начальника службы охраны телецентра! Вероятно, у бортинженера также бывала пуля в голове или того хуже — элементы космического мусора, извлечь которые не представляется возможным.

— Слышь, бортинженер, ты часом не лежал в одном госпитале с полковником, мнвившим себя учителем географии? Он еще любит раскручивать глобус.

— Да это же брат мой, Жорка!

— Час от часу не легче! И вы с братом сиамские близнецы, сросшиеся головами, о не совсем удачном разделении которых писалось во второй половине прошлого века?

— Мы не могли быть близнецами, ибо Жорка на восемь лет старше. Но у нас с ним действительно есть много общего.

— Я это уже заметил,— не весело улыбнулся «Мастер», все еще сохраняя надежду на то, что Жорка не тот, за кого его принимает бортинженер,— у моего полковника в подчиненных ходит некто Москвитин.

— А это мой братишка!— широко заулыбался бывший парикмахер и нынешний побирушка,— шеф все время называет его Варшавиным.

От надежды и следа не осталось. Как это ни прискорбно, а экипаж состоит сплошь из психов, да и побирушка — этот космический турист — душевным здоровьем явно не блещет.

— Будем заходить на вынужденную посадку,— на правах командира корабля «Мастер» раструбил безрадостную весть,— бортинженер, свяжитесь с родной планетой: пусть сообщат, на каком континенте метеоусловия наиболее благоприятствуют нашему приземлению.

— В мои обязанности не входит чесать языком,— огрызнулся тот,— да и чего ради прекращать полет, если все приборы работают, как часы, и в полном соответствии с заданной программой?

— Не тебе объяснять, что существует такое понятие, как психологическая несовместимость членов экипажа. Сейчас это ощущается наиболее остро.

— Недаром говорят: паршивая овца все стадо испортит,— бортинженер покосился на космического туриста,— а может, выбросить заразную за борт?

— Мы обязаны вернуться в родные пенаты в полном составе,— твердо произнес «Мастер», но космический турист не оценил щедрости его душевной:

— И чего пороть горячку? Нет, право, когда еще представится возможность совершить вояж к Марксу?

«Мастер» шибко пожалел, что не позволил выбросить этого туриста за борт, и дабы не обнаруживать своего раздражения, процедил сквозь зубы:

— Бунт на корабле?

Он попытался встать, но за время полета рука бывшего парикмахера и нынешнего уже не побирушки, а космического туриста не потеряла в твердости. Совершенно очевидно, что без заигрывания с отдельными личностями явно не обойтись:

— Приказом сверху я снимаю вот этого майора с занимаемой должности и назначаю бортинженером вот этого сержанта.

— Ну, тогда уж мы точно улетим к черту на кулички!— обрадовался уже не турист еще не бортинженер,— мне страсть как хочется откушать маркسيанской водки!

«Мастер» мысленно влепил себе строгача по служебной линии: с отдельными личностями по мелочевке сегодня никто не заигрывает! Пока еще не оказались у черта на куличках, необходимо было срочно исправлять сложившееся положение.

— А что если бывший бортинженер прав, и на Марксе нет жизни?— «Мастер» не без сочувствия похлопал по крепкой руке, гирей давившей на плечо,— израсходуем не одну полулитру горючего и все зря: вот так опустимся на «красную планету», а на ней тишь беспросветная, и хоть кто бы встретил хлебом-солью,— «Мастер» взял со стола наполненный водкой стакан и протянул его страждущему,— лучше откушай нашей родименькой, да и пошли быстрее на посадку, пока магазины не позакрывались.

— Я знаю точку, где спиртным торгуют круглосуточно и без перерыва на обед,— торжественно сообщил космический турист, быстро входивший в должность бортинженера.

— Если что, я могу сбежать,— «Мастер» обрадовался представившейся возможности улизнуть на свободу,— дай бог, не последняя!

Пока все еще действующий бортинженер переваривал услышанное, его преемник в пару глотков опорожнил стакан, обнаружив командирские задатки:

— Даю отчет на посадку!

— Отчет дают на взлет,— проворчал «Мастер», опасаясь как бы амбициозный преемник не подселел его самого.

— Теперь все будет с точностью до наоборот!— пообещал тот, прибавив в командном голосе.— Итак, десять, девять, восемь...

— Ничего у тебя не выйдет!— позлорадствовал Майор, хвастая ручкой,— рычаг управления под моим началом, и я не позволю воспользоваться катапультной до тех пор, пока не будет написана первая глава двухтомника «Эксплуатация человека человеком». Диктуй, командир!

— Значит, так,— космический турист попытался навлечь на себя умное выражение лица, полагая, что обращаются именно к нему, но Майор весьма четко дал понять, кто он есть на самом деле:

— Побирушка, заткни свое поддувало, чтобы больше не воняло!— и, взглянув на «Мастера», повторил.— Диктуй, командир!

— Да пока мы здесь станем лалы разводить, приборы зашкалит, несовместимость дойдет до точки кипения, и нам ничего не останется, как только перегрызть друг другу глотки. Давайте, приземлимся где-нибудь в Новой Зеландии и в теплой дружеской атмосфере приступим к реализации творческих планов.

— Я просто сгораю от нетерпения откушать новозеландской водки!— подпрыгнул от радости космический турист, чье чревоугодие становилось поистине не кон-

тролируемым, и железное правило всех пап и мам: чем больше ешь, тем быстрее растешь, дало глубокую трещину, ибо карьерный рост потенциального алкоголика явно замедлился.

— Новая Зеландия — островное государство, и очень даже легко промахнуться и оказаться в океане,— решительно запротестовал бортинженер, предпочитавший чревоугодию карьере,— акулы не те дамочки, с которыми приятно крутить шашни.

— Тогда предлагаю Австралию,— бодрым голосом откликнулся «Мастер»,— огромная территория — не промахнешься!

— Страусы не те парни, с которыми приятно заводить дружеские отношения,— продолжал стоять на своем бортинженер, чем сильно досаждал вышестоящему начальству.

— По мне же страусы весьма милые и безобидные создания!

— Безобидные, когда лениво прохаживаются по вольеру зоопарка. А теперь представьте, что мы приземлились на равнине Налларбор, где этих зверей что ворон на загородной свалке. Но в отличие от последних вес «австралийца» уходит далеко за центнер. Известно, что страусы чрезвычайно трусливы, и наш визит, подобный грому среди ясного неба, способен вызвать в их стане настоящий переполох, жертвами которого окажутся в первую очередь существа мелкие и слабо адаптированные. Короче, я не стремлюсь быть раздавленным мощными ногами и съеденным падальщиками.

«Мастер» хотел было предложить территорию с куда более доброжелательной фауной, но спрогнозировать реакцию спутников большого труда не составляло: космический турист станет прыгать от радости в предвкушении очередной диковинной водки, а бортинженер подвергнет настоящей обструкции любой вариант, притянув за уши все тех же падальщиков, упоминание о которых способно разрушить даже самую стойкую психику. Но в тот момент, когда «Мастер», не видя выхода из создавшегося положения, уже собирался сложить с себя все полномочия, космический турист внес предложение, в той или иной степени устраивавшее всех членов этого весьма странного экипажа.

— А давайте приземлимся в точке круглосуточной продажи спиртного!

— Задницей да в кипящую брагу?— бортинженер продолжал стоять на своем, правда, не столь прочно,— не разумней ли чуть скорректировать место посадки и катапультироваться где-то в районе долины «Яств и удовольствий»? Но последнее слово за командным составом!

Отлично осознавая, что место посадки выбрано отнюдь не случайно, «Мастер» принял нелегкое решение порвать с космосом и, глядя на туриста, умеющего неплохо загигать пальцы, скомандовал:

— Веди отсчет на посадку!

— А кто-то говорил, что арифметические знания важны при взлете,— язвительно отозвался космический турист, загибая пальцы,— десять, девять, восемь, шесть, четыре, один, посадка!— в последнее слово он вложил столько энергии, что не удержался на ногах и гулко шлепнулся на пол.

— Жестко приземлился,— прыснул «Мастер», однако бортинженер явно не стремился к веселью.

— А мы так и вовсе не отрывали от стульев своих задниц.

— Еще скажи, что в космос летали понарошку,— недобро покосился на него «Мастер».

— Не понарошку,— Майор вдруг повеселел,— иначе не радовала бы взор долина «Яств и удовольствий»,— он с каким-то даже восторгом посмотрел по сторонам, словно обозревая некие бескрайние просторы.

— Никакая это не долина «Яств» и тем более — «Удовольствий»,— простонал не

состоявшийся космический турист, потирая ушибленное бедро,— мало того, что синяков и шишек прибавилось, так еще и в пище отказано.

— Ты же все равно пьешь и не закусываешь,— усмехнулся Майор и, нахмутив брови, добавил,— а с пагубной привычкой пора завязывать!

— Значит, побег... я хотел сказать, поход в магазин отменяется?— не без чувства разочарования справился «Мастер», фактически дав ответ на свой же вопрос, но вот Майор не был настроен столь пессимистично:

— Отменяется?.. Я бы не торопился впадать в прострацию: вот накропаем пособие «Как получить удовольствие, не прибегая к вкусной и здоровой пище», так и откушаем по рюмочке-другой нашей родименькой.

— А когда засядем за двухтомник «Эксплуатация человека человеком»?— не без напряжения спросил «Мастер», предвкушая крупные неприятности.

— Как получить удовольствие — тема куда злободневнее производственных отношений,— Майор посмотрел на своего подчиненного с напускным состраданием,— или я не прав, сержант?

— Я больше не желаю получать синяки да шишки на ровном месте, потому с особенным интересом прочитаю готовящееся к написанию пособие,— не очень радостно отрапортовал тот.

— Твой жизненный опыт способен многих осчастливить,— Майор совсем не ласково смотрел на «Мастера»,— так что ничего шокирующего не произойдет, если тираж все еще готовящегося к написанию пособия превысит тиражи поваренной книги, ратующей как за трату финансовых средств на покупку продуктов, так и времени, идущего на их приготовление. Ничего подобного наше издание не предусматривает: все, как завещали отцы,— дешево и сердито!

— И все же я хотел бы начать с более трудоемкой работы — с двухтомника.

— Не могу не склонить голову перед истинным талантом, не пасующим перед трудностями,— не без ложного пафоса изрек Майор и, переведя взгляд на болезного, спросил,— придется еще немного потерпеть: первым у нас пойдет «Эксплуатация».

— Сдохнешь, пока вас дождешься,— проворчал сержант, тихо смиряясь со злодейкой-судьбой.

Тем временем Майор покинул свое место, предложив занять его «Мастеру», мотивировав собственное решение тем, что у всякого писателя должен быть письменный стол, иначе истинного шедевра не вымучить. «Мастер» поспешил напомнить о том, что у многих маститых литераторов имеются секретари, однако Майор почему-то пропустил подобное мимо ушей.

— Пожалуй, самая важная в произведении — первая строчка,— деловито заключил «Мастер», неуютно чувствуя себя за служебным столом,— желательно, чтобы уже с самого начала читатель ощутил некую интригу, галопирующую по страницам остросюжетного романа,

— Писатель обязан помнить, что он берется за труд отнюдь не носящий название «Эксплуатация лошади лошадю». В нашем двухтомнике отношения между людьми, а если быть точным, между полами, должны стать лейтмотивом данного произведения, раскупаемость которого достигнет поистине вселенских масштабов. И не надо отпугивать покупателя остротой сюжета, о которую тот может сильно пораниться: пусть все будет достаточно тупо, зато предельно безопасно. К примеру, первая строчка может выглядеть так: «Начало нового тысячелетия явилось мощным импульсом в закреплении эксплуататорских отношений между женщиной и женщиной, между белыми и черными, между голубыми и розовыми, а также между бисексуалами и трансвеститами, включая их домашних питомцев».

— Мусю и Бусю? — «Мастер», кажется, начал догадываться, к чему его призывают. — Но умопомрачительная дистрофия этих, безусловно, милых кошечек, не есть

результат интенсивной трудотерапии, кою некоторые горячие головы воспринимают за неприкрытую эксплуатацию. Просто их хозяйка слишком увлекается модными диетами, экспериментируя на своих питомцах.

— Вот он, главный персонаж — хозяйка! — отчего-то слишком эмоционально отреагировал Майор, в общем-то, на вполне логическое развитие сюжета. — О той самой, наверняка чрезвычайно гостеприимной тетушке хотелось бы узнать несколько больше.

— Да кто она, собственно, такая, чтобы отнимать у нас время, которое вполне разумно распределить между представительницами слабого пола, действительно заслуживающими пристальное внимание летописца? К примеру, чем не положительный персонаж Оксана Медова, «мисс Вселенная» текущего года?

— Конечно, мед не хрен, но приторно-слащавые персонажи вызывают во мне приступ тошноты. Другое дело, слегка горячий привкус: в нем незримо присутствует искренность, весьма выпукло высвечивающая широту человеческой натуры.

— Да какая там у Хреновой выпуклая широта? — характерные жестом «Мастер» обозначил на своей груди (другой под рукой не оказалось) женские прелести. — Я полночи искал нечто подобное, результат — ноль!

— А божился, только прилегли...

— Пожалуйста, не надо цепляться к каждой запятой: романист имеет право на художественный вымысел. Поставь себя на место читателя, который отстоял за книгой длинную очередь, выложил кругленькую сумму, а в процессе прочтения вдруг выясняется, что главные герои всего лишь прилегли! Где буйное пламя страстей? Вместо ожидаемого пламени, надувательство чистой воды! Дальнейшая реакция вполне прогнозируема: книга летит в камин, больше никаких очередей, суммы, предназначенные для усиления интеллектуального потенциала, прочно оседают в кубышке, что ведет к бурному размножению бактерий стяжательства. Ослабленная иммунная система уже не может противостоять внешним факторам, и даже легкое дуновение ветерка способно вызвать атипичную пневмонию, и, как результат, многокилометровая очередь у входа в Колонный зал, где установлен гроб с телом уроды, бросившего вызов судьбе, и ничего, кроме неприятностей, не нажившего.

— Неужели меня будут хоронить с такими почестями? — сдавленным голосом спросил Майор, тронутый до слез. — Я готов умереть здесь и сейчас, если бы не одно «но»: уроды необходимо вытряхнуть из гроба, уложив в него героя всех времен и народов. Боже, неужели мне выпадет счастье лежать в Колонном зале?

— Говорю же, романист имеет право на художественный вымысел! Теперь, надеюсь, понятно, что никакой полночи и в помине не было?

«Мастер» посмотрел на Майора, с горечью сознавая, что тот ничегошеньки не понял. Майор стоял с закрытыми глазами, примеряя на себя гроб, который со временем установят в Колонном зале. Какой момент для осуществления тайных замыслов! Действительно, заката мечтателю в лоб бутылкой, и побег более чем осуществим! А сержант? Этот глаза «настроил» так, словно два века жить собирается. Правда, смотрит он на свое ушибленное бедро, и очень даже возможно не заметит исчезновения задержанного. Все бы ничего, да боязно, что известного рода примерка состоится уже сегодня. «Мастер» поставил бутылку на пол. От греха подальше. Но больше из-за того, что порожнюю тару на столе не оставляют.

— Начальник, — «Мастер» осторожно тронул Майора за плечо, покинув насиженное место, — пора бы воскреснуть.

— Первый том «Эксплуатации» уже написан? — он широко распахнул глаза, не скрывая своего удивления. — Немедленно приступаем к компьютерной верстке!

— Шустрый какой! Накропать книгу, это тебе не умереть и воскреснуть!

— Без соавтора дело с мертвой точки не трогается? — Майор занял свое привычное место и приготовился к написанию бессмертного произведения.

Впрочем, не совсем бессмертного. О чем свидетельствовал цвет лица соавтора, больше подходивший покойнику. Вероятно, Майор все же побывал на том свете. Надо же обладать столь уникальным воображением! Впрочем, всему есть объяснение, в том числе и уникальности. Творческие натуры отличаются от простых смертных скрытыми резервами, к коим относятся и легкие, объем которых не может не впечатлять. При чем тут дыхательная система? Да при том, что без нагнетания определенного количества атмосфер раздуть из мухи слона не удастся. С «дыхалкой» у Майора проблем, похоже, не возникает, так что не стоит удивляться, если уже в скором будущем в нашей стране слонов станет больше, чем в Индии.

— Итак, мы пришли к выводу, что в слегка горящем привкусе незримо присутствует искренность, подкупающая какой-то особенной трогательностью. А если желчью пропитан весь организм? Как, к примеру, у гражданки Хреновой, чья фамилия отнюдь не во всеуслышание предупреждает о высокой концентрации горечи, и совсем даже не обязательно — в желчном пузыре.

— Послушай, соавтор, скажи без обиняков и всяких там литературных изыществ, о чем я должен надиктовать, дабы мы разошлись по разным направлениям?

— Наконец-то наше совместное творчество достигло своей кульминации. Сейчас, не снижая накала, писатель сообщит, где находится камера.

— Вам ли не знать, где она находится?— не сдержал «Мастер» ухмылки.

— Значит, была камера, была?!

— А где же, по-вашему, я коротал время до вопроса?

— Я не о камере предварительного содержания, а о видеокамере!— вспылал Майор, перечеркивая то, что успел набросать на теперь уже не чистый лист.

— О видео? Скорее о телекамере, установленной «Фабрике»?— «Мастер» посчитал, что и на сей раз соавтор выказал свою литературную несостоятельность.

— На фабрике? Конечно, производственные отношения в «Эксплуатации» занимают не последнее место, но нас сейчас больше занимают отношения интимные, которые писатель собирался заснять на пленку,— литературное чутье стало явно подводить соавтора, и он опустил до примитивного каламбура.

— Вероятно, все же видео,— почесывая за ухом, «Мастер» с горечью осознал, что соавтор ничего не напортачил,— но если бы я собирался что-либо заснять, то ваши сотрудники выудили бы камеру из-под кровати. Но ведь ничего подобного обнаружить не удалось!

— Кое-что удалось.

— Что именно?

— Отпечатки твоих пальчиков.

— Ничего удивительного, ведь кроме «выпуклой широты», я пытался нащупать выключатель, комнатные тапочки, нож...

— Нож?! — Майор принялся что-то лихорадочно записывать.— Вот она, острота сюжета! Диктуй же, пока вдохновение накатило!

— Нож был столовый и понадобился для приготовления бутерброда.

— Выкрутился!— Майор швырнул ручку на стол и, выдвинув ящик, достал видеокассету.— Кроме пальчиков, нам удалось найти и это. Твое имущество?

— С чего бы ради?

— Да или нет?

— Знамо дело, нет! И вообще, я впервые вижу это имущество.

— Впервые? В таком случае, как объяснить то, что твои пальчики вступили в тесный контакт с этим имуществом?

— В тесный, да еще и контакт? — «Мастер» сдвинул брови к переносице, сясь припомнить, где, когда и при каких обстоятельствах он взаимодействовал с сим имуществом.

Конечно, это происходило все в той же печально известной квартире, а если быть предельно точным, то в кухне, где на столе покоилась видеокассета, которую «Мастер» отодвинул в сторону, освобождая место для чашек. Тогда он не придал большого значения тому, что данное имущество лежит не там, где полагается. Но вот теперь все видится несколько иначе и отнюдь не в розовом свете.

— Это имущество валялось на кухонном столе Хреновой, и я смахнул его на край, дабы ничто не мешало чаевничать.

— Писатель всеми правдами и неправдами старается убедить меня в том, что все основные события развивались в пищеблоке! А между тем данное имущество мы нашли в спальне.

— Да? Значит, я смахнул совсем другое имущество.

— Более того, данное имущество находилось в кармане твоего пиджака, висевшего на спинке стула.

— Милиция называется! Да чем вы отличаетесь от воров-карманников? Однако я не стану заявлять на вас в соответствующие структуры, поскольку украденное вами имущество моим не является.

— Тогда почему оно оказалось в твоём пиджаке?

— До появления в квартире Хреновой мой карман ничего не оттягивало, — уверенно произнес «Мастер», — значит, имущество обнаружилось в тот момент, когда пиджак пристроился к стулу. Кто мог преподнести презент? Скорее всего, Муся и Буся!

— Только не надо перекладывать на кошек груз ответственности!

— Какой право, груз, какая, право, ответственность? Или на кассете запечатлены внепроизводственные отношения между полами, кое-кем называемые ни много ни мало эксплуатацией? Да здесь наверняка любимый мультик Муси и Буси «Том и Джерри»!

— Здесь как раз то, что кое-кем называется эксплуатацией.

— Вот даже как? Значит, презент — дело рук отнюдь ни Муси и Буси?

— Вероятно, презент дело твоих собственных рук.

— Скорее всего, хозяйка квартиры возжелала сделать мне приятное, — задумчиво отозвался «Мастер», — только не совсем понятно, для чего ей понадобилось все это кино, если наши с ней внепроизводственные отношения развивались в реальном режиме?

— Вот вам и «снафф-муви», кое-кем называемое «нюхательный табак»! До кульминационной развязки осталось совсем чуть-чуть.

— Опять «табак»? Да разъясните же мне, наконец, что под этой отравой подразумевается?

— Писатель сам дал исчерпывающее разъяснение.

Вот кто перекладывает груз ответственности!

— Я перекладываю? А кто сказал, что ваши, с Хреновой, отношения развивались в реальном режиме? Что является благодатной почвой для получения высокого урожая, часто упоминаемой нами культуры, кое-кем называемой табаком.

— Вырастить высокий урожай — мечта любого дехканина.

— И это ты называешь мечтой? — Майор затряс кассетой перед носом «Мастера», после чего вогнал ее в видеоманитофон и включил монитор. — Это, по-твоему, мечта?

— Кажется, внепроизводственные отношения имеют здесь ярко выраженную эксплуататорскую подоплеку, — заключил «Мастер», без чувства внутреннего дискомфорта наблюдая за весьма непристойной сценой. — Во всяком случае, проявление насилия более чем очевидно.

— Узнаешь кого-нибудь из действующих лиц?

— С ней пути не пересекались, а у него так вообще лица не видно.

— А теперь оторви взгляд от экрана и подойди к зеркалу. Встань к нему задом.

— Может, хватит сказки сказывать?

— Подойди, да встань!

— Тоже мне командир нашелся,— проворчал «Мастер», преступив, впрочем, к выполнению приказа.

Однако и Майор не остался на одном месте, и перед лицом соавтора возникло зеркальце, подобное тому, что можно найти в дамской сумочке.

— Смотри сюда и диктуй, что видишь,— продолжал командовать Майор, хотя в космосе он вел себя куда скромнее.

— Вижу открытый лоб, умный взгляд, губы хоть и не бантиком, но завязаны со знанием дела, нос прямой, но не до безобразия...

— А теперь?— Майор чуть отвел зеркальце в сторону.

— Теперь ничего не вижу,— ответ «Мастера» был прямым, как и его нос, но Майору показалось, что соавтор покривил душой.

— Что отражается в большом зеркале?

— Да уж не демократические преобразования нашего государства!

— Преобразования не предмет,— жестко отреагировал Майор, укрепляясь в собственном мнении по поводу душевной кривизны,— а в большом зеркале, подсказываю, явственно обозначен...

— Затылок!

— Верно! Но чей это затылок?

— Ясно чей — мой! — «Мастер» попытался пригладить неизвестно откуда взявшийся вихор, но затылок не хотел терять своей индивидуальности.

— А теперь посмотри на того, без лица,— Майор ткнул пальцем в монитор, угловид в голую задницу,— разве этот затылок и твой не похожи?

Только теперь до «Мастера» дошло, ради чего он провел столько времени у зеркала.

— Не похожи. На моей заднице... я хотел сказать, на моем затылке весьма трогательный вихор, а на той заднице... я хотел сказать, затылке — никаких наворотов.

— Вихор...— Майор пришел в некоторое смятение, пристально вглядываясь в монитор.

Однако спустя секунду-другую глаза его просияли. Но это еще не все: рука не хотела отставать от глаз, и на мгновение показалось, будто на ладони лежала начищенная до блеска серебряная монета. Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что заглянувший в окно солнечный лучик заставил серебриться самый обыкновенный плевок, посредством которого Майор собирался приструнить ершистый вихор.

— Эй, только не надо мыть мою голову! — возмутился «Мастер» с опозданием.

— А вот теперь сравни затылки, сравни! — завершал «Майор» с присущей детям радостью, хотя возникшая на экране картинка предполагала прямо противоположные чувства.

— Боже, да этот затылок — законченный изверг! Зачем же за нож хвататься? Да это же не киношное, а самое что ни на есть настоящее убийство!

— Это и есть «снафф-муви», кое-кем называемое «Нюхательным табаком». Все происходит в реальном режиме, без какой бы то ни было инсценировке. Кто был твоим оператором?

— Говорю же, это не моя задница выступает в качестве злодейского затылка!

— А как насчет внешнего сходства?— Майор поднес к лицу Мастера зеркальце, чтобы тот смог убедиться в идентичности известно каких предметов, однако тот не совсем понял, к чему его призывали.

— Все, что болтается ниже пояса, чаще всего, похоже, как две капля воды.

— Я о затылочном сходстве.

— Конечно, здесь сравнение с каплями неуместно, но одинаковых затылков тоже хватает.

— Значит, писатель утверждает, что это не он орудовал холодным оружием?— Майор остановил кадр, на котором было четко видно, как лезвие ножа по ручку вошло в грудь жертвы.— Утверждает?

— Не писательское это дело орудовать холодным оружием.

— А как же хорошо известное «перо приравнять к штыку»?

— Слушай, кто-то там чего-то пукнул в общественный котел, а я расхлебывай?

— Котел обычно бывает бурлящим,— потирая лоб, погрузился в размышления Майор,— почему же писатель все горячее воспринимает в штыки? Не потому ли, что тяготеет к холоду и, в частности,— к холодному оружию?

— Да не тяготею я к оружию! Могу на Коране поклясться!

— А ведь не сказал на Библии,— Майор посмотрел на сержанта, не отрывавшего глаз от монитора,— а ведь для «коранцев» нож — культовое оружие: чуть что, эти азиаты чик по горлу лезвием, и поминай, как звали! Свежий пример с филиппинскими религиозными фанатиками.

— Я могу поклясться на Библии, тем более для меня она понятней.

— Не будь хамелеоном. К тому же первое слово дороже второго,— Майор, похоже, снова впал в детство, и в таком случае переспорить его вряд ли представлялось возможным,— Москвитин, хватит пялиться на монитор! Ты готов засвидетельствовать чистосердечное раскаяние этой акулы пера?

«Мастер» вознамерился было возмутиться как по поводу отпущенного по его адресу оскорбления, так и сфабрикованного раскаяния, но Москвитин, брат «телецентровского» Москвитина, сам оказался малым не промах:

— Но никакого раскаяния пока еще не было,— резонно заметил он, не отрывая глаз от застывшего кадра,— вероятно, эта акула во второй серии станет рвать на своей груди волосы.

— Я об этой акуле,— Майор развернул голову Москвитина, но он в упор не хотел замечать «Мастера», косясь на монитор:

— Да чего мы будем гадать — вот досмотрим фильм до конца, тогда и станет ясно, кто акула, а кто мелочь пузатая.

— Вот балда! Да ты хоть понимаешь, что эти съемки происходили не на киностудии «Уорнер бразерс», а в каком-нибудь загородном доме?

— Так это, верно, мыльная опера?— повеселел Москвитин, брат «телецентровского» Москвитина, тыча пальцем в монитор.— Тогда конец будет таким: через год выяснится, что она беременна. Он станет отрицать свое отцовство, прозрачно намекая на молодого и горячего Родриго, а также на не успевшего остыть дядюшку Павлиньо. Но задолго до развязки наиболее искушенные телезрительницы вдруг осознают, что все разрешится свадебным столом, за которым найдется место и уже немалодому Родриго, и почти уже остывшему старику Павлиньо. Хэппи-энд без всякого там Уорнера и бразерса! Ну а скептикам я предлагаю вернуться к «мылу» лет эдак через пятнадцать, когда, наконец, полопаются все его пузыри. Предлагаю даже, заключить пари,— Москвитин протянул руку Майору, которая, конечно же, была с треском отвергнута.— Эй, драться-то на фига?

— Какое пари, сержант? Через пятнадцать лет ты бросишь якорь в психушке, а с дураков, как известно, взятки гладки,— Майор посмотрел на «Мастера»,— писатель, может, ты рискнешь? Впрочем, с твоими аргументами трудно не согласиться: за пятнадцать лет ты столько же раз загнешься в тюрьме от туберкулеза.

— Не рой другому могилу, не то сам в нее провалишься,— огрызнулся «Мастер», в чьи планы не входило посещение тюрем,— к тому же я готов заключить с сержантом пари, поскольку вижу в нем вполне нормального человека, который к окончанию мыльной оперы станет полковником, не меньше.

— Через пятнадцать лет я до генерала дослужусь!— уверенно сказал Москвитин,

с благодарностью поглядывая на «Мастера», который смог рассмотреть в нем будущего начальника УВД чуть ли не всех столичных округов.

— До генерала? Ну, тогда я не беспокоюсь, что выигранные в пари денежки пролетят мимо моего кармана. Ставлю на дядюшку Павлиньо, поскольку не сомневаюсь, что именно он является отцом будущего ребенка.

— Да нет же, нет! На твоём месте я больше доверял бы молодому Родриго. Ну а я поставлю на того, с кем она сейчас, мягко говоря, милуется,— сержант указал на монитор, на котором творилось что-то невообразимое,— условно назовем его Густаво, а ее — Карлота.

— И все же я останусь при своем мнении,— «Мастер» протянул сержанту руку, а тот ответил тем же,— разбей же, ну!

— И не подумаю,— Майор на всякий случай спрятал за спиной руки, тем самым еще четче обозначив свою непримиримую позицию.— сержант Москвитян, может, хватит заигрывать с преступниками?

— Будем считать, что пари состоялось,— подмигнул тот «Мастеру», отдергивая руку.

— Да, но мы не оговорили, в какую сумму выльется проигравшему его тяга к легкой наживе.

— Ясное дело, в копеечку!

— Не дешево.

— Эй, хватит торговаться — вы же не на базаре,— Майор погасил монитор, давая понять, что «кина не будет: электричество кончилось»,— от «Нюхательного табака» перейдем к «Долине яств и удовольствий»,— не очень радостно проинформировал он, явно не довольный тем, что нос так и остался не у дел,— писатель хорошо знал Веру Железкину.

— Очень плохо,— откликнулся «Мастер» не без иронии, полагая, что какой вопрос, такой должен быть и ответ.

— Значит, знал!— под воздействием эмоциональной волны Майор едва «не въехал» башкой в потолок.

— Абсолютно нет!— поспешил «Мастер» расставить все точки над «i», ибо жизненный опыт подсказывал, что от бурной радости собеседника не стоит ожидать ничего хорошего.

— «Нет», да к тому же еще и абсолютное,— криво усмехнулся Майор,— однако учти: если «Нюхательным табаком» тебе все же удалось сбить со следа хорошо натренированных псов,— он почему-то посмотрел на сержанта, чья глуповатая мимика выдавала в нем бухгалтера, пытающегося понять, сколько рублей кроется за известным выражением «влететь в копейку»,— то с «Долиной» ничего подобного не произойдет. И дело тут не столько в необозримых просторах, сколько в замкнутом пространстве.

— Ох, уж мне эти соавторы! А нельзя ли изъясняться проще, без всякой там литературщины?

— Можно, но тогда у писателя уши завянут.

— Я не призывал к непарламентским выражениям! — «Мастер» решительно настаивал на неукоснительном соблюдении морально-этических норм, за рамки которых Майор уже неоднократно пытался выйти.— Что это за замкнутое пространство?

— А лифт! Или писатель предпочитает подниматься по лестнице на своих двоих?

— Больше — на лифте.

— Значит, писатель признает свое непосредственное участие в убийстве гражданки Железкиной?— на сей раз показалось, будто Майор все-таки «въехал» башкой в потолок.

— Не много ли криминала для одного дня: покушение на гражданку Хренову, убийство сеньоры Карлоты и вот теперь гражданка Железкина?

— С Карлотой все будет хорошо, и писателю его тяга к азарту выльется в копеечку,— пообещал Москвитин, не выходя из образа бухгалтера.

— Лучше бы ты вообще рта не раскрывал — за умного сошел,— язвительно заметил Майор,— но мы вроде бы говорили о высоких материях, в частности, о замкнутом пространстве.

— Скажи без всяких там материй: о кабине лифта,— довольно резкоотреагировал Мастер.

Однако Майор как будто этого не заметил:

— Ну, если говорить без всяких материй, то посудачим об убийстве.

— Об убийствах правильной судачить с писателями-детективщиками.

— Ну да, ты же в основном над научным коммунизмом корпишь, но то поистине адов труд, и я планомерно и совсем не навязчиво изменил курс от «Эксплуатации» к «Долине яств и удовольствий», где, понятное дело, горбатиться не обязательно, а только живи на всем готовеньком да грей себе сытое пузо на солнышке!

— Я привык зарабатывать свой хлеб в поте лица.

— Еще бы, сто потов сойдет, пока добьешь-таки жертву. И чем тебе только не угодила гражданка Железкина? Вероятно, она не захотела стать своего рода пособием по эксплуатации, так необходимой нашему писателю для практического воплощения художественных замыслов?

— Глупости! Я никогда прежде не слышал такой фамилии, как Железкина,— признался «Мастер», прислушиваясь к собственной речи,— однако не скрою, подобное я где-то уже слышал.

— Наконец-то!— Майор запрыгнул на стол и, ерзая от нетерпения, приставил ручку к бумаге. Нечего сказать, своеобразная манера письма! — Диктуй же, и не думай о правилах правописания!

— Я вообще не желаю ни о чем думать.

— И правильно: ничто не должно отвлекать от диктовки.

— И даже о диктовке не хочу думать,— вконец ошетинился «Мастер», совершенно не понимая, как можно что-то такое наговорить, не вникая в смысл собственных слов.

— Не хочет он!— Майор с такой силой ударил ручкой о стол, что она взвилась на довольно приличную высоту.— Повторяется история с «Нюхательным табаком». И это несмотря на то, что в данной ситуации вовсе даже не обязательно шевелить не только ноздрями, но и пальцем! Тем более куча свидетелей видела тебя в лифте вместе с Железкойной.

— Она красивая?

— Железкина? Но разве это имеет какое-то значение?

— Еще бы!

— Ну, красивая.

— Тогда эта твоя куча, вполне вероятно, права: судьба иногда сводит меня с красивыми женщинами, и чаще всего подобное происходит в лифтах. Полагаю, и Майор ездит с этажа на этаж отнюдь не в гордом одиночестве.

— Разговор у нас вполне конкретный, как, впрочем, и час, благодаря которому все парни нашего доблестного отделения не сомкнули минувшей ночью глаз. Небывалый случай! И все из-за твоей выходки да длинных языков телевизионщиков, которые уже завтра начнут нам мстить за своего боевого товарища,— Майор с такой ненавистью посмотрел на известного рода «ящик», словно в нем притаилось все руководство телевещательной корпорации.

— За какого еще боевого товарища?

— За Железку, разумеется! Когда-то она трудилась на телевидении, куда, впрочем, путь для нее до поры до времени был не заказан. В последнее время, прав-

да, ее ампула претерпело существенные изменения: Железкина все больше снималась в дешевых шоу.

— Снималась? Теперь она отдает предпочтение дорогим шоу?

— Благодаря тебе Железкина окончательно завязала со всей этой развлекаловкой

— Видите, какой я хороший, и нечего было сажать меня за решетку! Впрочем, спасибо за кров, дармовые макароны, и расстанемся друзьями. Паспорт только верните, а то кому-нибудь из вашего брата не понравится моя рожа, а я даже не смогу доказать, что я не Усама бен Ладен.

— Не такой уж ты и хороший. Значит, писатель не отрицает, что минувшим вечером судьба столкнула его с Железкиной?

— Как я могу отрицать то, что способна засвидетельствовать целая куча?

— Кажется, раскопегарились!— Майор вновь вцепился в ручку.— И чем было вызвано твое крайне негативное отношение к потерпевшей?

— К потерпевшей? Тогда это явно была не Железкина, ибо минувшим вечером никаких эксцессов не наблюдалось.

— А как же куча свидетелей,— на сей раз ручка взяла рекордную высоту,— которая утверждает, будто ты отнюдь не мирно беседовал с Верой Железкиной. Писатель ей угрожал: вот-де размазжу по стенке — вот так, вот так,— не слезая со стола, Майор интенсивно задрогал ногой.

— Только не так, а вот как,— «Мастер» вспомнил, что совсем недавно был корейским Чебурашкой, владеющим искусством каратэ,— вот как, вот!

— Эй, не ломай стол, иначе писать не на чем будет!— в который уже раз майорские пальцы сомкнулись на ручке, чья судьба, впрочем, целиком и полностью находилась в руках «Мастера», ибо всего одно неловко брошенное слово способно вызвать цепную реакцию, последствия от которой несложно было спрогнозировать.

Тем более стало окончательно ясно, кто скрывается за именем Вера. Конечно же, Вероника! Железкина... А что, характер у девочки на самом деле железный!

— Вероятно, соавтора интересуется, при каких обстоятельствах я оказался в одном лифте с Вероникой, сокращенно Верой?

— Только без сокращений, пожалуйста!— Майор не стал скрывать радости, представив ручку к бумаге.

— Я попросил ее провести меня на «Фабрику», и отказа не последовало.

Еще бы чуть-чуть, и от ручки остались бы только рожки да ножки, однако благодаря исключительной оперативности «Мастера», удалось предотвратить непоправимое.

— «Фабрика» — это не производственное предприятие, а, применяя терминологию соавтора, дешевое шоу, раскручивающее отпрысков богатых родителей, в той или иной мере являющихся собственниками данного проекта.

— Надо думать, основной пакет акций находится в руках писателя?

— В таком случае стал бы я кого-то просить провести меня на «Фабрику»?

— Логично. Однако для чего-то писателю потребовалось, фигурально выражаясь, перемахнуть за фабричное ограждение. Но самое любопытное, что с просьбой о помощи он обратился не к Деревяшкиной или Стекляшкиной, а к Железкиной. С чего бы такая избирательность? Только не надо сыпать штампами, как то: «Железо прочнее перечисленных ранее материалов».

— Я и не собираюсь ничего сыпать, просто с Вероникой мы худо-бедно, а знакомы, а вот с перечисленными ранее...

— С этими-то как раз все в порядке, а вот Железкиной повезло меньше.

— Нogu, что ли, подвернула? Но при мне ничего подобного не происходило. Мало того, Вероника еще танцевала на сцене.

— Если бы только подвернула... А вывести с «Фабрики» ты ее не просил?

— Не этично надоедать человеку. К тому же, какие с выходом проблемы?

— Значит, в лифте писатель спускался один?

— Красивых попутчиц, увы, не оказалось.

— Ой ли? А говорят, будто после того, как известный режиссер пригласил писателя сниматься в своей новой картине, табун поклонниц устремился за будущей звездой экрана.

— Так уж и табун!— вспыхнул от смущения «Мастер»,— Баба кровь с молоком, да еще пара из тех, кто ищет кавалеров на молодежных шоу, хотя в силу своего возраста романтические встречи правильной искать на кладбище, куда время от времени заглядывают вдовцы, находящиеся в неплохой физической форме. Короче, красивыми этих дамочек возможно признать только при потушенном свете и при плотно задвинутых шторах, дабы, не дай бог, не просочилось лунное сияние.

— Так или иначе, но «табунщицы» уверяют, что писатель-актер попросил их не беспокоиться, поскольку на одном из этажей ждет его та единственная, с кем спуск подобен взлету. Очевидно, речь шла о Железкиной?

— Я бы попросил не вмешиваться в мою личную жизнь.

— Если твоей жизнью заинтересовались следственные органы, то никакая она уже не личная.

— Ладушки, ковыряйтесь в грязном белье: еще на «Фабрике» меня домогалась Прозрачная, ну та, что Хренова, а когда все увидели во мне народного артиста, окончательно потеряла голову. Чтобы поклонница моего таланта не стала посылать предположения известного толка прямо на бюстгальтере, я настоял на обсуждении наших отношений у выхода, считая данное местечко весьма символичным. К тому же, очень уж не хотелось, чтобы другие поклонницы, увидев мою избранницу, попадали от зависти в обморок. А так, извините, девочки, мое сердце занято!

— Скользкий ты малый,— вопреки ожиданию, Майор не стал срывать зло на ручке,— кажется, вот уже схвачен за шкурку, ан нет — словно мылом натертый!

— Вчера от комплиментов отбоя не было, и сегодня та же песня!— устало усмехнулся «Мастер».— Ну подумайте, на хрена мне нужна эта Хренова, у которой ни кожи ни рожи?

— Ну, с рожей-то у нее полный «зер гут»,— заерзал на столе Майор, и можно было не беспокоиться, что он куда-то да упадет, пусть даже и в обморок,— да и худенькие нынче в большом спросе!

— Худенькие, а не скелеты.

— А мне нравится, когда на бабе нет ничего лишнего: делаешь свое дело, не спотыкаясь.

— На чем там можно споткнуться?

— На кочках! Да ты разве не мужик, коль нуждаешься в разъяснениях? Однако мы перепрыгнули с одной бабы на другую. Так что там у нас с Железкиной?— Майор хлопнул себя по лбу, давая толчок явно застоявшимся мозгам.— Что, я спрашиваю, что?!

— После «Фабрики» с Железкиной я не встречался,— спешно ответил «Мастер», опасаясь, как бы соавтор не навлек на собственную голову сотрясение мозга,— конечно же, прояви она инициативу, Хреновой пришлось бы основательно подвинуться, но, видно, у Вероники таких народных артистов, что титров по окончании художественного фильма. А что это она так интересуется моего соавтора? Никак подкатить замыслил?

— Опоздал я с подкатами,— грустно улыбнулся Майор,— умерла Железкина.

— Как умерла?!

— А то не знаешь, как. От потери крови вследствие множественных ножевых ран.

— Какой ужас!— «Мастер» ощутил сухость во рту, что говорило о нервном потрясении.— Но честное беспартийное, в лифте я был один.

— Кто может это подтвердить?
— Если со мной никого не было, то, о каком подтверждении идет речь?
— Но ведь писатель не гонял лифт туда-сюда до бесконечности?
— Конечно, не гонял, но, к моему стыду, я не обратил внимания на желающих воспользоваться кабиной, после того как ее освободил.
— Подводишь к тому, что красавиц среди тех самых желающих не наблюдалось?
— Еще как не наблюдалось!— чересчур эмоционально отреагировал «Мастер», что кое у кого вызвало прямо противоположные чувства.
— А чему тут, собственно, радоваться? Мы не собираемся искать для тебя свидетелей среди некрасивой половины населения. Свидетелей, которых могло вовсе не быть.
— Как это вовсе?! Так, парни никуда не годится. Нет, мне не нужны липовые свидетели, но давайте сделаем все от нас зависящее, чтобы они появились. Да, да, самые настоящие свидетели, без дешевой подделки!
— Твоя речь, писатель, задевает за живое. Будем работать в одной упряжке. И как бельгийские лошади! Бери ручку и паши!
— Составить внешнее описание самых настоящих свидетелей? Но я же говорил, что не обратил внимания на желающих воспользоваться освобожденным лифтом!
— Не можешь составить внешнее описание, сбацай портрет.
— Как же я сбацаю, если не представляю, с кого бацать?
— Все тебе не так, все тебе не этак! Остается последнее: болтаться по телецентру в надежде, что свидетели сами тебя окликнут. Приступай!
— К чему?
— К болтанию!
— Но здесь не телецентр!
— А ты мечтаешь, чтобы мы доставили тебя к телецентру с мигалкой под вой сирен?— не отрывая задницы от стола, Майор вытащил из ящичка паспорт и швырнул его писателю.— Сержант, проводи портретиста!
«Мастер» каждой клеточкой прочувствовал, что быть портретистом куда приятнее, чем писателем. Пожалуй, лишь Москвитин, брат телецентровского Москвитина, несколько подпортил настроение своим не влезавшим ни в какие ворота откровением: «Готовь сани летом, а деньги — зимой». Правда, он не уточнил, какой именно: нынешней или той, что наступит через пятнадцать лет.
— Вот увидишь, Карлота понесет от Густаво.
— Лишь бы она ко мне не имела претензий,— рассудительно подметил «Мастер», подставляя лицо предзакатному солнцу.

* * *

Не везет «Мастеру» с женщинами, хоть тресни, не везет! Впрочем, отдал бы предпочтение не той, что сидела по правую руку, а той, что льнула к левому плечу, лопал бы сейчас сдобные булочки, прихлебывая сливками. Да, но при чем тут сливки? А при том, что Баба кровь с молоком имеет довольно высокий процент жирности, отмечающийся не только в телесном проявлении, но и в том, что это проявление питает. То есть жидкость? А еще точнее — молоко. Причем с рекордным содержанием жира. Выходит, Баба кровь со сливками, то бишь с молоком, в котором отмечено рекордное содержание жира, кормящая мать? А что тут плохого? Да, но «Мастер» мало похож на младенца, сосущего грудь! Если дело только во внешнем несоответствии, то это вовсе не означает, будто «Мастер» должен питаться исключительно святым духом. Впрочем, остается лишь широко облизнуться, поскольку никто не собирается подставлять ему свою грудь. А ведь еще вчера все было так романтично и сытно: Прозрачная не препятствовала кормежке, и оставалось только не промахнуться мимо

ее поистине неуловимых сосков. Конечно, сытно — это громко сказано, и если бы до известного рода кормежки не случилось не менее известного содержания бутерброда, то чувство голода вряд ли удалось бы заглушить. Впрочем, даже лучше, что желудок оказался отнюдь не перегруженным, ибо у Хреновой, судя по фамилии, молоко должно быть с горчинкой.

И все же что-то неудержимо влекло к этой женщине, как к какому-то дыму отечества, который «и сладок и приятен». Настоящая чертовка! Все в ней чудесным образом переплелось, все перемешалось: удивительная скромность и умиляющая плоть разнузданность, поразительная скупость и ни с чем не сравнимая щедрость. Алкогольный коктейль, приготовленный на основе легких и крепких напитков! Все перечисленные человеческие качества не вызывают, в сущности, никаких вопросов, за исключением, пожалуй, щедрости. Впрочем, кое-что станет ясным, если заглянуть в сердцевину вопроса, в плоскости которого лежит себе полеживает то самое человеческое качество, вызвавшее столь неоднозначную реакцию. Щедрость. Если касаться щедрости телесной, то здесь Хренова заслуживает высшего балла, поскольку не было предпринято ни единой попытки что-либо недодать или утаить. А вот холодильник буквально поразил своей скупостью. А ведь к приходу народного артиста можно было разнообразить продуктовый набор, равно как и ассортимент напитков. Впрочем, владелица холодильника не смела даже вообразить, что к ней нагрянет столь выдающийся гость. Не смела? Но весь ход дальнейших событий говорит о том, что как раз с воображением у гражданочки дела обстоят очень даже неплохо! Одна видеокассета чего стоит. Кажется, не надо объяснять, каким образом она очутилась в пиджаке? Получается, встреча на известной территории была заранее запланирована, так что претензии к холодильнику видятся вполне обоснованными. Запланирована. Значит, никакие звания не явились поводом к посещению злополучной квартиры, и будь «Мастер» самым, что ни на есть посредственным артистом, для него все равно нашлась бы чашка чая и бутерброд из творожной массы, намазанной на ладонь? Не совсем так, ибо на посредственность никто бы не обратил внимания, на отсутствие которого «Мастеру» сетовать явно не приходилось. Да, но как всем этим Майорам и Москвитиним удалось раздобыть адрес, по которому находился один из наиболее очевидных подозреваемых в убийстве Вероники, каковым представляется писатель, портретист да и просто хороший парень? А вот последнее явно лишнее, впрочем, кто скажет о себе плохо?

Однако вернемся к адресу, раздобыть который для отдельных товарищей оказалось делом плевым. Почему подобное стало возможным? Да потому что внимание исходило не только от гражданки Хреновой. Иными словами, кто-то еще положил на «Мастера» глаз? Вне сомнения, у гражданки имелись сообщники, одним из которых могла быть Баба кровь с молоком, осуществлявшая прикрытие с левого фланга. Впрочем, вряд ли сообщники находились столь близко от интересующего их объекта. Неужели Зануда? Ведь он умело держал дистанцию! Этот если кому и уделял повышенное внимание, то исключительно своей соседке, измотанной пустой болтовней не меньше бойца, вышедшего из вражеского окружения. Орден на грудь страдальцы! Однако основной удар пришелся на ее уши, на которые вешать награды почему-то не принято. Другое дело — серьги. Впрочем, подобная форма поощрения государством не практикуется. А чем, собственно, Тарзан не соответствует образу сообщника? Тогда еще у Тарзана была Вероника, которая даст сто очков вперед любой Хреновой. Впрочем, у каждого свое видение, в том числе касающееся привлекательности. Майор, надо думать, обеими руками проголосовал бы за Хренову. Да и Тарзан, возможно, не был уверен в том, что Вероника легко перенесет поездку в лифте. А разве Кочегар не способен взвалить на себя ношу сообщника? Судя по тому, с каким неприятием Тарзан отнесся к визитам Вероники в «Алюминиевый солдатик», Кочегар — малый

не промах. Такой мимо не пропустит ни одной юбки, и, несмотря на то, что Хренова предпочитает носить брюки, сообщники из этой парочки получились бы на загляденье. Да и довольно существенная дистанция, отделявшая этих аферистов друг от друга, говорила о многом. Кажется, никто не забыт? А как же панк? Он так явно «давил косяка», что даже темные очки оказались не в силе скрыть его заинтересованности, направленной отнюдь не на эстрадную площадку.

«Мастер» нажал на кнопку звонка, но открывать дверь явно не торопились, что, впрочем, вовсе не означало, будто каждый здесь живет сам по себе. «Мастер» не решился оглянуться, затылком ощущая чье-то присутствие. Да и по ту сторону двери гробового молчания не наблюдалось. Правда, кому принадлежало слабое мяуканье, распознать не представлялось возможным.

— Муся, это ты? А может, это Буся?

Звуки стихли, чему не стоило удивляться, ибо измученные голодом кошки быстро лишились последних сил, что, конечно же, не могло не тревожить.

— Девоньки, соберите волю в кулак и прошепчите, куда умотала ваша хозяйка.

— У нее одна дорога — в ресторан!

— Можно не так громко. А в какой ресторан, не знаете?

— Он не сказал, а только шлепнул хозяйку по заднице да скомандовал: «Ать-два на ужин!

— Кто это он?

— Ухажер, знамо дело.

«Мастер» оглянулся и увидел старуху с половой тряпкой на голове.

— По субботам я всегда мою лестницу, и эта «швабра» из шестидесятой должна была заплакать мне, а тут он как на грех нарисовался. Цветет весь и пахнет!

— Почему это она швабра?— «Мастеру» вдруг показалось обидным прозвище, данное Хреновой.

— Как почему?— старуха вышла из полумрака, и тут выяснилось, что это у нее шевелюра такая, впрочем, весьма походившая на половую тряпку.— Все люди как люди, а эта швабра платит раз в год, да и то по обещанию! Но сегодня я твердо решила,— старуха слегка пошатнулась,— с живой не слезу, а вырву причитающиеся мне денежки. Зная, что вечерами эта сучка отчаливает из дома, я затаилась, а когда она открыла дверь,— прыг ей на шею!

— Эй, на меня-то прыгать зачем?— «Мастер» с трудом оторвал от себя разогретую спиртным старуху, которая крепко на него обиделась.

— Брезгуешь? А ведь как в философии: бытие определяет сознание, но я бы продолжила и внешнее очертание,— она ткнула пальцем меж своих глаз, и «Мастер» содрогнулся, представив, что бы произошло, если бы данная особа не обладала снайперскими способностями,— а ведь мне нет еще и сорока.

— Надо же, никогда бы не подумал...— с очевидным опозданием притормозил «Мастер», успев нанести собеседнице душевную травму.

— Мне часто такое говорят. Чтоб у них языки отсохли! Нагло так заявляют, будто мне все сорок пять.

«Человеческая лесь не знает границ»,— чуть было не ляпнул «Мастер», но разум, к счастью, не покинул его:

— Действительно, чтоб языки отсохли.

— Нет, я, конечно, не слепая и прекрасно вижу, что выгляжу старше своих лет,— с позволения сказать молодуха попыталась отыскать собственное отражение в ведре с мутной водой, которое, несмотря на завершение уборки, так и осталось стоять на лестничной площадке,— и пусть мне не дашь моих тридцати восьми, но и больше тридцати девяти я никак не заслуживаю!— она как-то вдруг сразу приосанилась, скинув, по крайней мере, с десяток лет.

— Конечно, ты совсем не старая,— «Мастер» озвучил собственные мысли и, спохватившись, добавил,— а если тебе причесон сварнакать да платье от Кардена, за Наоми Кэмпбелл сойдешь!

— А кто это такая?— глаза собеседницы помолодели еще лет на десять.

— Наоми — одна из самых высокооплачиваемых манекенщиц.

— Для женщины деньги не главное. Сколько лет твоей Наоми?

— Поди, не девочка!

— Это мне подходит,— вполне серьезно произнесла собеседница,— полагаю, мне еще не поздно в манекенщицы. А что, я девка нерожавшая: сиськи колом, брови долом. Вот ты сделал из Наомки человека, пусть теперь сама о себе заботиться, а ты тем временем займешься моим продвижением.

— К успеху Кэмпбелл я не имею ни малейшего отношения. И, кроме всего прочего, мне есть кого двигать,— «Мастер» кивнул на дверь, за которой вновь послышалось слабое мяуканье.

— Швабру, что ли, двигаешь? Но, кажется, она не нуждается в твоём участии.

— Как у всех очаровашек, так и у моей протеже, есть много поклонников, но все они какие-то ненастоящие. Вот и сегодняшний, поди, урод в кепке?

— Красивый, и совсем без кепки.

— Красивый... Ты когда разогрелась?— «Мастер» щелчком проверил музыкальные возможности своего кадьяка,— до появления ухажера или после?

— Нынче как-никак не новогодняя ночь, чтобы дожидаться боя курантов.

— Ясненько. А под «газами» все кажутся красавцами писаными.

— Того ухажера я видела много раз и без всяких «газов».

— Много? А мне вешали на уши, что мужики здесь — редкие гости.

— А ты и рад уши развешивать!— залиvisto рассмеялась будущая манекенщица.— Вот только вчера целая банда в камуфляжах выбивала из «швабриной» постели одного из ухажеров, так тот до последнего патрона отстреливался.

— Так уж и отстреливался,— усмехнулся «Мастер», у которого имелись все основания не доверять собеседнице,— может, еще скажешь, ухажер пал смертью храбрых?

— Счастливчик, знать, в рубашке родился,— она вдруг вьедливым взглядом всмотрелась в «Мастера»,— чем-то он на тебя был похож.

— И когда же ты успела его рассмотреть?

— А чего тут успевать?— будущая манекенщица ткнула пальцем вверх.— Вон тот перископ видишь?

— Только люк чердачный.

— А в нем отверстие аккуратно под глаз. Вот в этот перископ я и наблюдала за пленением ухажера.

— Получается, ты хозяйка мансарды? Это не у тебя собираются в картишки переломиться?

— С хозяйкой — стопроцентное яблочко, а вот с картежниками точно такой же промах. Я не стараюсь завязывать отношения с носителями подмоченных репутаций. Другой базар, эти, из шестьдесят первой квартиры, но я к ним без претензий: за вымытую лестницу платят исправно, а там пусть хоть все перережутся.

— Неужели там все так серьезно?— «Мастер» на всякий пожарный отошел подальше от злополучной двери.— И до поножовщины доходит?

— С чего такие крайности?

— Но ты же сама сказала, пусть хоть все перережутся.

— А разве ты не знаешь, что есть такое выражение, как резаться в карты? Видать, не знаешь. Оно и понятно: от всех этих вертихвосток типа Наомок ума не набраться. Зато теперь осознал, с кем надо иметь дело?

— Еще не до конца.
— И где тормозит?
— Здесь,— «Мастер» постучал по полу,— кто, кроме тебя, сможет содержать лестницу в такой поистине исключительной частоте?
— Не писай, патрон: пока суд да дело, я успею подготовить себе достойную смену.

Признаться, «Мастеру» были абсолютно до лампочки бытовые проблемы в отдельно взятом подъезде, чего не скажешь о его визитерах, среди которых могли оказаться сообщники Хреновой.

— Я так и не догнал, как выглядел сегодняшний ухажер?

— Повторяю: красиво выглядел.

— В чем, собственно, заключалась его красавость?— «Мастер» начал нервничать, ибо хозяйка мансарды предоставила весьма невыразительное портретное описание ухажера.— В прямом носе, в устах сахарных, в глазах цвета моря бездонного, в ресницах пушистых-препушистых?

— Да это же кукла Барби, а не мужик!

Становилось понятно: чтобы прекратить топтание на одном месте, необходимо осуществить финансовые вливания, кои при помощи бутылки тут же трансформируются во вливания известного толка.

— Вот тебе на пузырь, и постарайся точнее описать того красавчика.

— Не все в этой жизни измеряется в пузырях...

— Вот тебе на ящик водки!

— Не все в этой жизни измеряется в ящиках...

— А в чем измеряется, в цистернах?!

— Как все же измельчал человек!

— Понимаю, ты хочешь искупаться в шампанском?

— Из меня уже сейчас собираются сделать манекенщицу?— хозяйка мансарды кокетливо поправила волосы, нуждавшиеся в твердой руке парикмахера.— И где же то озеро с ударяющими в голову пузырьками?

— Завтра же я отведу тебя туда. Заодно и опохмелишься,— горячо пообещал «Мастер», преследуя собственные интересы,— да, что там у нас с красавчиком?

— Слушай, я начинаю подозревать, что во взаимоотношениях полов ты придержишься нетрадиционных взглядов. Иначе чем объяснить маниакальный интерес к красавчикам?

— Не стоит надувать губы: на манекенщиках я не специализируюсь.

— Даже на очень милых, с длинными волосами?

— Даже с длинными волосами,— подтвердил «Мастер», отлично сознавая, что «мансардница» приступила-таки к портретному описанию интересующего объекта,— даже с длинными волосами,— «Мастер» более выпукло обозначил свою позицию, но хмельная собеседница, словно шампанского в рот набрала,— с длинными аж до самых пят!

Реакция та же. Вероятно, «мансардница» решила, что озеро с ударяющими по мозгам пузырьками у нее уже в кармане.

— Может, зайдешь на рюмку водки?— спросила она, поднимаясь по железной лестнице.— Куда пойдешь на ночь глядя?

Какие все же гостеприимные женщины здесь обитают — и накормят, и напоют, и спать с собой уложат!

— Благодарю за приглашение, но мне еще предстоит сгонять на озеро, дабы убедиться, хорошо ли лопаются ударяющие по шарам пузырьки.

— Действительно, разве тут заснешь, когда забот полон рот?— «мансардница» откинула головой люк и попросила подсобить с ведром.— Не гоже оставлять после

себя грязь. Значит, до завтра? Стучать три раза и без спешки. Вот так: тук, тук, тук! Усвоил?

— Я же не дерево!— «Мастер» приложился кулаком к своей голове, в точности воспроизведя условный стук.

На том и расстались. Кто же этот красавчик с длинными волосами? Да мало ли их по всей стране шныряет? А по известному подъезду? В тысячи раз меньше! А если еще немного потрясти ситом, можно будет спокойно накручивать красавчику бигуди. Но может, у него волосы и без того вьющиеся, как, допустим, у Тарзана? Тогда накрутить ему хвост! А вот у Панка волосы прямые, и не присмотреться ли к нему поближе? Хорошая идея!

«Мастер» попросил таксиста притормозить у «Алюминиевого солдатика», где он надеялся повстречаться с гражданкой Хреновой, дабы задать ей парочку неловких вопросов. Почему непременно «Солдатык»? Но ведь длинноволосый ухажер не зря скомандовал: «Ать-два на ужин!» Не зря. Все это, конечно, замечательно, но ведь Тарзан не без предубеждения относится к данному заведению. Вспомнить хотя бы, с каким гонором он набросился на Веронику, прознав об ее очередном флирте с «Солдатыком». Ну, не с «Солдатыком», а с Кочегаром. К тому же, что нельзя женщине, можно мужчине. Демагогия! Но коль скоро ничего конкретного не обнаружилось, придется кушать, что есть. Но если пути Тарзана и «Солдатика» пересекались, то Панк наверняка с последним не знаком. Еще как знаком! Короче, ать-два на ужин? Тем более есть чертовски хочется!

Ночной клуб оказался наполовину пустым. Возможно, подобное объяснялось не желанием завсегдатаев разделить участь тех, у кого странным образом останавливалось сердце. Прямо за столиком! И хотя администрация заведения винила самих же клиентов, злоупотреблявших спиртным, слухом, как известно, земля полнится. Нельзя было исключать и того, что на эстраде отсутствовал Влад, и вместо юного лица предлагалось нечто бесформенное, обрюзглое, с желтовато-свинцовым отливом. Да и саксофон, кажется, уже вышел из моды.

За одним из столиков сидела гражданка Хренова, но длинноволосого ухажера рядом явно не наблюдалось. «Мастер» прощупал взглядом каждого посетителя, но ассортимент голов не поражал разнообразием: довольно скудный волосяной покров, а у кое-кого даже этого не отмечалось. Впрочем, «Мастер» не особенно-то и расстроился, поскольку встреча со своей вчерашней знакомой казалась куда предпочтительней любых иных рукопожатий.

— Я вам не помешаю?— вежливо справился «Мастер», намереваясь присоединиться к сладкой парочке.

— Мест, что ли, больше нет?— проворчал спутник Хреновой, задвигая стул под стол.

— А вот по выражению лица твоей дамы легко понять, нелюбезный, что она безмерно рада появлению очередного кавалера.

На самом же деле на Хренову было страшно смотреть: до такой степени она переменилась в лице.

— Думала: я уже в Сибири, на лесоповале?— криво усмехнулся «Мастер», присаживаясь.

— Господин Желе, киноактер,— приступила к представлению Хренова, слегка заикаясь,— он чуть ли не директор новосибирской киностудии, где, верно, проводятся съемки о декабристах.

— Киноактер?— немало удивился спутник, в котором несложно было признать Таксиста.— А я полагал, что это Полярник.

— Надоело, нелюбезный, болтаться по полюсам холода: быт не устроен, до повсеместной газификации еще далеко, ближайший магазин за тысячу километров,

свободное передвижение возможно разве что подо льдом, но самое пренеприятное — все удобства во дворе, что чревато глубокими душевными переживаниями. Только представь, человек зашел за угол, расчистил место от сугробов, в приподнятом настроении снял штаны, присел в ожидании приятных ощущений, и тут чувствует, что кто-то обнюхивает его задницу. Оборачивается, а это белый медведь — гора мышц, и куча неприятностей!

— Да уж какие тут неприятности?— рассмеялся Таксист.— Доктора даже настаивают на очистительных клизмах.

— А ведь, действительно, после такого обнюхивания штаны месяц не снимаешь. Я вижу, гражданочка мне не верит,— «Мастер» задержал взгляд на Хреновой.

А с какой такой стати она должна была ему верить, если минувшая ночь явилась опровержением вышесказанного?

— Впрочем, можешь оставаться при своем мнении, а я все равно перебрался ближе к помидорным грядкам.

— В Сибири особенно не согреешься,— не без иронии произнес Таксист, все больше проникаясь настроением Хреновой или, точнее сказать, хреновым настроением.

— Да летом в Новосибирске, знаешь, какая жарница стоит? Помидоры так и прут, так и прут!

— Чуть ли не директор киностудии подсел к нам для выдачи пригласительных билетов на его фазенду, где уже на следующей неделе возобновятся съемки очередного сериала «Рабыня Изаура-2»?

— Слушай, ты, часом, не еще один Москвитин?— «Мастеру» не удалось сдержать своего раздражения.— Все свихнулись на латиноамериканском «мысле». Однако вынужден предупредить: я не намерен сплетничать по поводу, с кем и когда расслабляется эта порочная Карлота, и мне совершенно начихать, кто приходится отцом ее будущего ребенка — ревнивец Густаво, молодой и горячий Родриго или же дядюшка Павлиньо, в которого я по-прежнему больше всего верю. И вообще, если уж делать фильмы, то без всякой там тягомотины. Допустим, в жанре «снафф-муви».

— Как это понимать?— в глазах Таксиста читался интерес.

— А разве твоя дама ничего по поводу «снаффа» не говорила?

— Кажется, она далека от всего того, что связано с кинопроизводством.

— Не уверен,— хитро усмехнулся «Мастер», чем не преминула воспользоваться Хренова.

— Конечно, радость Желе вполне объяснима, но, полагаю, далеко не все разделяют его чувства,— она устремила на Таксиста виноватый взгляд,— мужайся, но я выхожу замуж.

— Наконец-то!— с нескрываемой радостью выпалил тот, тем самым опровергнув пессимистические прогнозы.— И кто этот несчастный?

— А Желе,— с некоторым кокетством ответила Хренова, полагая, что теперь уже бывший ее дружок мужественно скрывает свою досаду,— так что к кинопроизводству я имею самое непосредственное отношение.

Но «Мастер» всю жизнь стремился обрести тихое семейное счастье! Таксист же истаивает на обратном. Нет, похоже, еще слишком рано вить семейное гнездышко...

— Девкам только бы замуж,— «Мастер» обнаружил задатки брюзги,— не лучше ли для начала подтвердить свою профпригодность, а уж потом примазываться к киношной тусовке?

— Кажется, минувшей ночью я с блеском подтвердила эту самую профпригодность.

— Но на нашей студии не снимают порнографические фильмы, и пока я являюсь еще чуть ли не директором, голым задницам у нас ничего не светит! Другое дело, опе-

раторам. Снимать картины некому. Нет, держать камеру в руках может любой, но для искусства требуется нечто большее. А между тем, не оскудела земля-матушка талантами, и снятый фильм в жанре «снафф-муви», видеокассету с которым гостеприимная хозяйка скромно подсунула мне, говорит именно о том.

— Ничего я не подсовывала!— Хренова звонко ударила по столу костлявым кулачком.

— Какие мы злюки, однако. Нет, а почему это мы решили, будто гостеприимные хозяйки проживают исключительно в шестидесятых квартирах?

— Но ведь Желе смотрит на меня, Хренову, а не на Редькину или Петькину!

— Если я стану пялиться на других баб, что обо мне подумает моя суженая-ряженая?— «Мастер» с трудом сохранял хладнокровие, однако некоторая горячность проявлялась красными пятнами на лице, не пощадив и глаза, что кое-кем было воспринято чуть ли не за признание в любви. А, может, даже без всякого чуть ли.

— Какой обжигающий взгляд! — Хренова отпрянула на спинку стула, демонстрируя собственную безоружность перед огненной стихией.— А ведь взаправду не стоит начинать совместную жизнь с взаимных упреков. Ну, зазывали Желе гостеприимные хозяйки, но разве лучше мокнуть под дождем или валяться на автобусных остановках, невольно препятствуя посадке в общественный вид транспорта?

— Почему это я должен был валяться на автобусных остановках и препятствовать посадке в общественный вид транспорта?— не на шутку обиделся «Мастер».

— Но ведь все актеры — алкаши страшные, что же тогда говорить о чуть ли не директорах киностудий?— Хренова налила себе водки и одним глотком опорожнила рюмку.— А чего, собственно, Желе дуется: лучше препятствовать посадке, нежели выборам.

— Каким еще выборам?

— А в Государственную Думу.

Договорились! Впрочем, лиха беда начало, и вряд ли стоило сомневаться в том, что при дальнейшем нагнетании атмосферы «Мастер» предстанет таким гигантским чудовищем, препятствующим установлению добрососедских отношений между народами. Но и это еще не все: он окажется своеобразным камнем преткновения в налаживании контактов между гуманоидами, что приведет к хищническому переделу галактической собственности и, как следствие, к звездным войнам.

— Признаться, до встречи с суженой-ряженой я вел аморальный образ жизни, частенько препятствуя посадкам в общественный вид транспорта, но теперь все будет с точностью до наоборот: я стану помогать хромым и немощным безболезненно проникать в тот или иной вид, периодически выступая в новом для себя качестве, в качестве подъемника инвалидных колясок.

— Такой мужик всю жизнь будет носить на руках свою благоверную,— Хренова выразительно посмотрела на Таксиста, пытаясь вызвать в нем чувство ревности.

— Велика тяжесть,— криво усмехнулся тот,— есть же пластиковая бутылка без крышки!

— Сам ты без крыши!— Хренова покрутила пальцем у виска, пытаясь вызвать в «Мастере» чувство душевного дискомфорта, поскольку кому же приятно находиться среди тех, у кого едет «крыша»?

— Эй, суженая-ряженая, хватит засматриваться на чужих мужиков!— «Мастер» четко дал понять, что и среди сумасшедших он свой в доску,— на «Фабрике» с лохматого глаз не сводила, теперь вот с линиялого...

— С какого еще лохматого?— насупил Таксист, но вовсе не из-за того, что кто-то обозвал его линиялым.— Какие еще лохматые крутятся возле твоей тощей задницы?

Хорошо, что упомянутая с такой неприязнью часть тела плотно прикипела к

стулу, иначе расхожее выражение «найти приключений на собственную задницу» возымело бы реальное свое воплощение.

— Оказывается, мы еще те ревнивцы!— усмехнулся «Мастер», освобождая Хренову от весьма неллицеприятных объяснений.— Лохматый — это панк в темных очках, за которыми он тщательно скрывал выражение глаз.

— Выходит, Желе не сможет более детально описать того панка?

— А чего ты, собственно, дергаешься: а то мне, как жениху, не помешает прибегнуть к холодному оружию, дабы остудить чей-то пыл,— «Мастер» схватился за столовый нож, и Хренова в очередной раз проверила на прочность спинку стула,— кстати, о ножичках: вчера Веронику зарезали в лифте.

— Не знаю, о ком идет речь, но все равно возмущен бездействием нашей доблестной милиции.

— Вероника есть Вера Железкина. Кстати, теперь я понимаю, отчего меня угрозило стать Желе — это производное от вышеупомянутой фамилии,— «Мастер» с прищуром посмотрел на Хренову, и ему даже показалось, что спинка ее стула начала издавать прощальный треск.

Чтобы от администрации клуба не последовало известного толка нареканий. «Мастер» поспешил сместить центр тяжести на Таксиста:

— Кажется, ты вовсе не обескуражен гибелью своей подружки.

— Я просто не нахожу слов, чтобы выразить возмущение бездействием фискальных структур.

— В правоохранительных органах полно светлых голов, иначе на меня спокойно навесили бы убиство Вероники, благо недостатка в уликах не наблюдалось. И здесь уже я позволю себе некоторую иронию: спасибо моим доброжелателям!— «Мастер» посмотрел на Хренову отнюдь не так, как смотрит жених на свою суженую, которая ко всему прочему еще и ряженая, что, впрочем, не помешало с особенной теплотой подумать о Майоре.

— Мне не нравится, как зырит на меня Желез... я хотела связать, Желе. Если так и дальше дело пойдет, я отказываюсь узаконивать наши с ним отношения,— Хренова хотела было встать, для того чтобы покинуть ночной клуб, но «Мастер» не совсем вежливо попридержал ее за руку.

— Хорошо, я стану зырить на других баб.

— Да уж лучше так, чем взглядом стирать меня в порошок! К тому же все актеры — гуляки страшные, а что же тогда говорить о чуть ли не директорах киностудий?— вздохнула Хренова, и трудно было понять, с облегчением ли она это сделала или же совсем даже наоборот.

— Слышь, ты лично не присутствовал на «Фабрике»?— в доказательство того, что не все директора страшные гуляки, «Мастер» принялся зырить на Таксиста, заставив того поерзать на стуле:

— Что я тебе, баба какая? Вон, гляди туда, сколько их мечтает, чтобы и им наконец повезло в этой жизни!

— Наверняка присутствовал! А иначе с чего бы рассуждать точно так, как рассуждали на «Фабрике» Баба кровь с молоком и Прозрачная, мечтавшие, чтобы и их, наконец, сняли. Больше повезло последней, с чем я ее и поздравляю!— «Мастер» выразительно посмотрел на Хренову.

— Поздравлять-то, в общем, не с чем,— наигранно всхлинула та,— как быстро я в Желе разочаровалась!

— Конечно, выполнила свою миссию, можно и разочароваться. Впрочем, я не стремлюсь стирать тебя в порошок, потому обращаю взгляд на нашего соседа: признавайся, с какими тайными замыслами ты посетил «Фабрику»?

— В первый и последний раз я побывал на фабрике, еще учась в школе, когда

нам устроили экскурсию, дабы мы не скучали на зимних каникулах. Короче, если я тогда и был одержим какими-либо замыслами, то сейчас вряд ли вспомню, в чем они заключались. Впрочем, не сложно догадаться: рано стал интересоваться девочками, а на фабрике столько милых мордашек!

— Ты прекрасно понимаешь, о какой фабрике идет базар-базарыч. Колись: вы на пару устроили весь этот «снафф-муви»?

— Я даже не знаю, что это такое.

— Ну да, коли ты отрещиваешься от «Фабрики», то от «снаффа», надо полагать, станешь удирать, как черт от ладана. Однако предупреждаю, я еще не утерял спринтерские качества.

— А я — боксерские! — Таксист поплевал на кулак, не скрывая своих намерений, и «Мастер» крепко призадумался, а не воспользоваться ли своими лучшими качествами?

— Кажется, наши клиенты чем-то недовольны? — к столику приблизился Кочегар, который, похоже, наблюдал за дебатами со стороны, до поры до времени не решаясь нарушить их не очень спокойное течение. — Вероятно, в пище многовато острых приправ?

— Да не в этом соль, тем более посахарить при желании всегда возможно, — «Мастер» попробовал на вкус клубничный мусс, посыпанный тертым шоколадом, — лучше скажи, любезный, видел ли ты этого жулика на «Фабрике»?

— Ответишь за жулика! — Таксист уже собирался применить свои качества, но Кочегар вовремя схватил его за руку.

— Мы не принимаем претензий, которые не связаны с обслуживанием клиентов. Что же касается жуликов, то с ними борются соответствующие структуры.

— Понятненько: куда ни плюнь, везде круговая порука! — с горечью подытожил «Мастер», налегая на мусс. — А что теперь всегда будет саксофонист вместо Влада?

— А вот эти претензии не выходят за границы нашего клуба, — не очень весело откликнулся Кочегар, — саксофон — временное явление, и длинноногая певица скоро украсит эстрадную площадку. Впрочем, поклонникам таланта Влада не стоит предаваться стенаниям: на следующей неделе состоится прощальная гастроль этого, безусловно, перспективного во всех отношениях мальчика.

— Прощальная? — закашлялся «Мастер», — значит, эпопея с десятками подходит к своему логическому завершению?

— С какими еще десятками? — Кочегар вскинул черными бровями.

— С «Красноярцами», неужели не ясно?

— Все актеры — придурки страшные, а что же тогда говорить о чуть ли не директорах киностудий? — хихикнула Хренова.

Стало ясно, что с этой минуты любое, даже самое серьезное изречение будет воспринято со снисходительной усмешкой — дурак он и в Африке дурак! Ну уж коль все здесь такие умники, позвольте откланяться, но прежде — доесть мусс. С чем «Мастер», надо признать, весьма неплохо справился. А тем временем завершился короткий антракт, и музыкант вновь появился на эстраде, держа перед собой саксофон, в «хобот» которого «Мастер» положил чаевые. — Оттруби, маэстро, напоследок «Прощание славянки».

— Сколько заплатил? — задал тот, судя по всему, отнюдь не праздный вопрос.

— Как и положено — «красноярца»!

— Красноярца? — на лице музыканта отпечаталось недоумение, и он хотел было самолично пощупать, что сие значит, но не стал рисковать, памятуя о происках международных террористов, активно использующих те или иные послания, сдобренные белым порошком, при соприкосновении с которым обеспечен летальный исход.

Сибирская язва!

— Конечно, ты здесь без году неделя, и потому не можешь знать, что «красноярец» — это десять рублей,— «Мастер» поспешил успокоить музыканта.

Но тот еще сильнее разволновался:

— Да знаешь, что сегодня за десятку отрубят? Реквием, да и то одну ноту! Вот такую,— музыкант набрал в легкие воздуха и что есть силы дунул в саксофон, чей «хобот» разродился настоящим листопадом из «красноярцев».

— Да ты никакой не маэстро, а фокусник!— «Мастер» заплодировал, и все вокруг прониклись его начинанием.

Однако по обескураженному взгляду музыканта можно было с большой долей уверенности предположить, что фокусы не его амплуа.

Мастер поднял несколько купюр, на которых виднелось кровавое уведомление: «Ты будешь моим!»

— В отличие от некоторых, я не гордый и согласен скинуться на этакую мелочь,— он сунул деньги в карман и морской походочкой, той, что в море лодочка, направился к выходу, где лоб в лоб столкнулся с Тарзаном,— а вот и длинноволосый красавчик!

— Я не собираюсь с Полярником обмениваться комплиментами,— совсем не дружелюбно прореагировал тот,— если он принес «евы», я готов с ними познакомиться.

— Да откуда я мог знать, что мы встретимся в заведении, которое лучший спасатель страны, как не трудно догадаться, на дух не переносит? Звякнул бы на «мобилу», я бы обзавелся гаремом «ев».

Впрочем, Тарзаном, судя по всему, одолевали куда более значительные проблемы, скорейшее разрешение которых сулило солидную выгоду.

— На совет в Филях едва не опоздал?— «Мастер» указал взглядом на только что покинутый столик, с которого, впрочем, Тарзан не спускал глаз.— Желая выиграть сражение!

— Иного не дано!— с жаром выдохнул тот, абсолютно не обращая внимания на того, кто проявил по отношению к нему столь трогательную любезность.

«Мастер» лишний раз убедился в том, что в «Алюминиевом солдатики» ему больше нечего делать.

* * *

Конечно, Тарзан нарисовался в известном клубе не музыки ради, и «Мастер» не отказался бы соприсутствовать на совете, однако за столиком могли разместиться не более четырех человек. Здесь явно не тот случай, когда срабатывает правило «в тесноте, да не в обиде». Впрочем, обиды и без всякой тесноты будет хоть отбавляй, и значит, уберечь глотку от острых клыков — задача первостепенной важности. Конечно, «Мастер» мог предстать в новом для себя качестве, но ему не предложили судейский свисток, а проявлять инициативу не очень-то и хотелось. К тому же, рефери нередко оказывается крайним, а свое горло, как та рубашка, всегда ближе к телу. Ближе не бывает!

Проникшись Вероника подобными мыслями, с температурой тела не случилось бы недоразумений, а теперь вот повышай, не повышай — все останется на прежнем уровне. И кому эта, в общем-то, милая девушка перешла дорогу? Но если и перешла, то не правильной было бы свести с ней счеты не в столь шумном заведении, каким представляется телецентр? Анализируя происшедшее, все больше склоняешься к тому, что не столько Вероника переходила дорогу в неустановленном месте, сколько сам «Мастер» наплевательски отнесся к предписаниям светофора. Наплевательски? В таком случае, счеты нужно сводить с тем, у кого слюны полон рот! А разве то, что «Мастер» оказался за решеткой, не похоже на сведение счетов? Похоже. Но ведь все

возможно было сделать куда проще и эффективнее: чик ножичком в тихом месте, каковым представляется долина «Яств и удовольствий», да и справляй поминки, не скрывая собственного удовлетворения, благо и харчей, и всего того, что к ним прилагается, хоть задницей ешь. Намек на Таксиста, этого доброго путешественника? Но ведь он был с Вероникой, с этой поистине доброй путешественницей, симпатизировавшей «Мастеру». Достаточно вспомнить, как она взяла его сторону, защищая от нападок Тарзана. Там, во «Втором дыхании». Словом, ни о каких поминках говорить не приходится. Кстати, приведенный пример, не такая уж редкость, и всякого рода недоразумения случались из-за того, что Вероника, сдается, не поддерживала курс, выбранный Тарзанами, Таксистами и прочими автомобилистами. Чрезмерная самостоятельность могла стать причиной ее явно преждевременной смерти. Вероника — вот основная мишень для злоумышленников, а коль скоро «Мастер» слишком уж стал путаться под ногами, между делом и его попытались вывести из игры, благо компрометирующего материала набралось предостаточно. Один лифт чего стоит, откуда угрозы в адрес Вероники сыпались, словно град с почерневшего неба. А видеокассета со всякими там «снафф-муви» никакие-то там хухры-мухры. Определенно ни то и ни другое! Все бы ничего, но если кусок масла оказывается толще краюхи хлеба, как-то противно становится. Вот и Майор не столько жевал, сколько морщился. В общем, хоть наши опера и не самые пузатые в мире, зато есть все подряд их уж точно не заставишь. Верно, оттого Майор и поделился маслицем с главным и пока единственным подозреваемым, который, надо отдать ему должное, не привык жировать за чужой счет и посему постарается хоть чем-то отблагодарить своего кормильца. Но для начала необходимо выяснить, на каком молочном комбинате взбивается столь высококалорийное масло.

Однако сделать это будет крайне сложно, поскольку «комбинаторы» не захотят раскрывать профессиональные секреты, так что ничего не стоит нарваться на крупные неприятности. Но с другой стороны, нельзя не отметить некую гарантию личной безопасности: не станут же «комбинаторы» пускать под нож того, кто и без всяких крайностей призван принять удар на себя. К тому же, «Мастер» еще не рассчитался по всем векселям, а тысячами даже такие пижоны, как Тарзан, явно не бросаются. Впрочем, не Тарзан определяет стратегию молочного комбината, иначе на совет в Филях он не отправился бы как на решительную битву. Получается, совет не совсем удачное сравнение? Может, лучше сражение? И непременно Бородинское! Не по размаху, разумеется, а по внутреннему накалу. Ладушки, со статусом Тарзана худо-бедно, а разобрались, а вот какие посты занимают оставшиеся «комбинаторы»? Верховным главнокомандующим, вероятно, является Кочегар. Есть сомнения? А как же сигара? Да, но... И никаких но, ибо сигара считай скипетр — символ власти! Но символ если где и держат, то в руках, а не в зубах! А британский премьер Черчилль? Этот, конечно, держал в зубах свой символ, но то было гораздо позже Бородинского сражения, в котором к тому же британцы участия не принимали. Ну, была временная разница между Наполеоном и Черчиллем в сто с небольшим лет, но разве это срок? Да уже сейчас на выпускных экзаменах отличники путают, кто верховодил тем или иным сражением, так что не стоит подвергать сомнению первоначальный выбор. Хорошо, с главнокомом все более или менее понятно, а что же собой представляют его прихлебатели? Кажется, тут и «догонять-то» ничего не надо, ибо ответ содержится в вопросе.

Осмотр Вероникиной квартиры «Мастер» начал с кухни, поскольку хорошо известно, что тараканы хоть и являются всеядными, но предпочтение отдают вкусной и здоровой пище. При чем тут тараканы? Станный вопрос! Кажется, такую марку, как «Доктор Клаус», прекрасно знают не только насекомые, но и люди. С людьми не совсем так? Вполне возможно, ибо далеко не всем посчастливилось побывать в шкуре Непонимающего, чью полнейшую физическую несостоятельность кое-кто пытался

объяснить чрезмерным употреблением алкоголя. Однако перед тем, как случиться той самой несостоятельности, возле злосчастного столика вертелись двое: Вероника, в чьей руке был баллончик с распыляющейся жидкостью «Доктор Клаус», за вывеской которой мог скрываться самый настоящий яд, а также Услужливый, наполнявший бокал вином, не исключено, сомнительного качества. Словом, «Мастер» очень надеялся на то, что ситуация с повальной несостоятельностью «Солдатиковой» клиентуры значительно прояснится. Впрочем, он был готов заранее оправдать Веронику, поскольку в ее отсутствие участь Непонимающего разделит еще один клиент, точнее, клиентка.

Копаться в кухонных шкафах долго не пришлось, но на этом везение, похоже, закончилось. Действительно, хоть «Мастер» и стремился к оправданию Вероники, однако попробовать на вкус содержимое баллончика явно не спешил, а тараканы — эти ночные гангстеры — полностью игнорировали дневной свет. С какой-то особенной теплотой вспомнились Муся и Буся, которые могли бы стать подопытными кроликами. К сожалению, Вероника не любила животных, так что проводить эксперименты оказалось не на ком. Но, кажется, не все так безнадежно...

Не успел «Мастер» отреагировать на шорох, как кто-то прыгнул ему на плечи. Таракан-мутант величиной с человека! «Доктор Клаус», миленький, на помощь! «Мастер» направил распыляющее средство на предполагаемую голову, которую он, по понятным причинам, не мог обозреть, но по тому, каким матом она разрешилась, стало ясно, что помощь случилась очень даже эффективная. «Мастер» оглянулся, после чего пришел к однозначному выводу, что тараканов-монстров в природе не существует.

— Простите, но мне показалось...

— Убивец! — вопила голова, лицевая часть которой скрывалась за ладонями. — Серийный маньяк, у тебя всю жизнь глаза жгло, как сейчас у меня!

— Проклятье, оказывается это никакой не «Доктор», а самый настоящий убийца, — «Мастер» швырнул баллончик в угол, — старайтесь не дышать и быстренько в ванную: необходимо сделать клизму, дабы избежать распространения токсичных веществ в организме.

— Клизму? Но эта дрянь попала мне в глаза, а не в задницу!

— Глаза-то проморгаются, а вот дыхательным путям необходима экстренная вентиляция, а коль скоро под рукой нет вентилятора, займемся их промывкой.

— Утопить хочешь? Правильно: что за жизнь без глаз!

И только тут до «Мастера» стало доходить, что никакой смертью тут и не пахнет: аэрозольное вещество если для кого и опасно, то исключительно для насекомых. От мелких же неприятностей никто не застрахован.

— Чтоб у тебя глаза лопнули, как они лопаются сейчас у меня!

— А на фига было прыгать на спину? — «Мастер» не собирался долго выслушивать пожелания, направленные на подрыв его и без того не богатырского здоровья.

— Ну, я же не настолько возрадовалась, чтобы прыгать на то, к чему принуждает меня твое извращенное воображение!

По принципу театрального занавеса кисти рук разъехались в разные стороны, придав обзору всю лицевую часть.

— Такое чувство, что мы уже где-то встречались, — произнес «Мастер», напрягая память.

— Вот даже как? А я-то, наивная, размечталась, что ты сейчас отвезешь меня на озеро с ударяющими по шарам пузырьками. Значит, ты оказался здесь совсем с другими намерениями?

«Мансардница», мамочки, как же она преобразилась! Чистенькая вся такая, ухоженная. Конечно, до своих тридцати восьми все равно не дотягивает, но сорок с небольшим вполне можно дать.

— Никакая ты не наивная, а самая что ни на есть реалистка. Господи, если бы ты знала, сколько сил потрачено на твои поиски!

— Сил? Выходит, ты не нашел моей записки с точно указанным адресом? А ведь я ее оставила на самом видном месте!

— Конечно, я нашел записку с точно указанным адресом,— соврал «Мастер», боясь навлечь на себя подозрения,— но разве легко добраться на другой конец города, когда вокруг такие «пробки»? Ну не плачь же, чего уж теперь... Главное, мы вместе, и озеро с ударяющими по мозгам пузырьками готово обласкать наши изможденные страстью тела,— для пущей убедительности он даже обнял ненаивную, но та не спешила уткнуться в его лесистую грудь.

— Думаешь, я плачу от передозировки чувств? Посмотрела бы я, как бы ты улыбался, если бы против тебя предприняли химическую атаку!

— Я принял тебя за таракана,— «Мастер» поздно сообразил, что честность приветствуется далеко не всегда, но, пытаясь выкрутить ситуацию, только еще больше ее усугубил,— такого огромного-преогромного. Словом, Гулливера.

— За таракана? К тому же еще и Гулливера?! Разве я щекотала твою шею усами?

— Теперь я вижу, что не усами, но мне было щекотно,— «Мастер» поздно сообразил, что и ложь далеко не всегда приветствуется, но, кажется, рулить он стал уверенней,— ну что, покатали на озеро с ударяющими по кумполу пузырьками?

— Не удалось в ванне утопить, так на озеро заманиваешь?— неожиданно встала в позу ненаивная.— Мне и здесь есть, чем глаза промыть,— она достала из холодильника початую бутылку водки и шумно поставила ее на стол.

— Но ведь это чужая квартира, и ты не вправе распоряжаться ее имуществом,— была чужая, была не вправе, а теперь моя, а теперь очень даже вправе.

— Иными словами, ты снимаешь эту жилплощадь?

— Ну я пока что еще не Наомка, и мой выход на подиум не оплачивается в тысячах. Но я доверяю своим бывшим соседям, настаивавшим, чтобы я ни о чем не беспокоилась.

— Картежники расщедрились?

— Не-а. Ни за что не догадаешься, кто.

— Еще как догадаюсь! Хренова, верно?

— Ясновидящий, сухой буду, ясновидящий! Она мне говорит: «Хватит тебе, Лидка, по углам мыкаться: вот тебе адрес, вот ключи, живи — не тужи. Я не всегда вовремя платила тебе за лестницу, а теперь хочу вознаградить тебя по-королевски. И слезно умоляла, ни в чем себе не отказывать. Хочешь сидеть за обеденным столом,— сиди! Хочешь лежать в ванне,— лежи! Хочешь стоять на лоджии,— стой!

— А что если хозяева нагрывают?

— Не нагрывают. Жила здесь одна вертихвостка, да выскочила замуж за негритоса, принца какого-то островного государства. Дура, понесло ее туда, куда Макар телят не гонял. Да у этих островитян людоедство, знаешь, как процветает? В общем, мне дали понять, что квартирка останется за мной, но я не захребетница какая-нибудь: стану второй Наомкой и выкуплю эту жилплощадь,

— Получается, Хренова хорошо знала ту самую вертихвостку,— «Мастер» озвучил собственные мысли, ведя беседу, прежде всего, с самим собой, однако вторая Наомка не собиралась представлять в качестве статиста или, говоря доступным языком, отсиживаться за обеденным столом, отлеживаться в ванне, отстаиваться на лоджии.

— Вертихвостка отбила у Хреновой принца-людоеда, что сделать было совсем не сложно, ибо кому захочется ломать зубы о кости!

— Да, Хренову съест не так-то просто,— задумчиво произнес «Мастер», прекрасно осознавая, что отсутствие мышечной массы далеко не всегда объективно отражает соотношение сил.

По своему скрытому потенциалу Хренова — безусловный тяжеловес!

— Еще как не просто,— вторила «Мастеру» вторая Наомка, чуть ли не вплотную приблизив свое лицо к его щеке,— значит, ты, наконец, понял, что ставил не на ту? Однако не стоит опускать руки: мы станем впахивать так яростно и самозабвенно, что лучшие подиумы планеты окажутся у наших ног. О, мой господин!

— Зови меня Желе,— «Мастер» уклонился от носа, на кончике которого застыла капля, являвшаяся свидетельством того, что чувства его собеседницы перехлестывали через край.

— Желе? Как это по-французски!— слишком уж бурно возрадовалась она, и «Мастер» не уследил за шустрым носом, шмыгнувшим в не нуждающуюся в пояснениях лесистость.

— Значит, договорились: с завтрашнего дня начинаем впахивать,— «Мастеру» пришлось приложить немало усилий для того, чтобы оторвать от груди явно разгорячившуюся голову.

— Рви на мне волосы, мой господин, рви, чтоб я почитала тебя еще сильнее! — все пуще горячилась вторая Наомка, превращая блузу в лохмотья.— О, мой господин, о мой...

— Желе я, черт тебя раздери, Желе!— «Мастер» крепко пожалел о том, что так грубо обошелся с Наомкиной головой, с которой исчезла часть волосяного покрова, что спровоцировало беспорядки, направленные хулиганствующими элементами против самих же себя.— И хватит рвать на себе одежду!

— Никакая она не моя, а вертихвостки!— вторая Наомка вконец распоясалась, и «Мастеру» пришлось заломить ей руки за спину.— Так мне и надо, мой господин, так мне и надо! Но и этого мало: убей же меня, доставь истинное наслаждение! О, мой господин, о, мой господин...

— Желе я, понимаешь, Желе,— прошипел «Мастер» в лицо мученицы, чьи, с позволения сказать, стенания больше походили на сладострастные стоны,— и если еще хоть раз скажешь: мой господин,— я на полном серьезе тебя пришибу. Как муху навозную!

— Вот зверюга! Мало ему пришибить, так еще и по стенке размазать надо,— обиженно отозвалась вторая Наомка, будто вовсе не она умоляла доставить ей истинное наслаждение,— но если этот вепрь воплотит свои угрозы, то лучшие подиумы планеты не окажутся под моими каблуками, и мне вряд ли удастся выкупить данную жилплощадь. А ведь я только-только зажила, как все нормальные люди. Ладно, стану называть вепря: мой французик.

Недалеко ушла от моего господина! Впрочем, «Мастер» не стал упираться, поскольку предложенное второй Наомкой обращение, имело общие корни с фамилией Желе, которую не сложно отыскать в парижских телефонных справочниках. И, кроме того, пора бы отказаться от всякого намека на провокацию. Тем более «Мастер» не собирался продлевать отношения с этой явно неуравновешенной особой, и уже завтра он забудет о ее существовании.

— Короче, бывай здорова, Наомка, не кашляй!— «Мастер» попытался улизнуть, однако все его усилия оказались тщетными.

— Повтори, что сказал,— потребовала собеседница, и глаза ее заслезились с новой силой.

— Здоровья тебе желаю... Ну, чтобы со зрением был полный ажур.

— Не то повторяешь, французик, не то!

— Еще пожелал не кашлять, но это ничего не меняет.

— Опять не то повторяешь, французик, опять не то!

— Да ты прямо как с цепи сорвалась,— «Мастер» отступил от собеседницы на пару шагов, опасаясь быть укушенным,— что я обидного сказал?

— Вспоминай, что сказал, вспоминай!

— Да не клацай зубами — сейчас вспомню.

— Шевели мозгами, ну, же! — настойчиво поторапливала вторая Наомка, но «Мастер» и без всякого кнута отлично понимал, что если память откажет, то получится одно из двух: либо его покусают, либо в квартире разольется самое настоящее озеро, пусть и без ударяющих по башке пузырьков, чему жильцы нижнего этажа вряд ли обрадуются. — Шевели, мать твою французиху, шевели! — взвыла сиреной вторая Наомка, и слезы неудержимо хлынули из ее глаз.

— Соседей прольешь.

— Шевели же скорей, и потопа не будет!

— Перед «бывай здорова», я употребил ныне модное «короче».

— Да не перед, а после! — вконец разрыдалась эта явно неуравновешенная особа. — После «бывай здорова».

— После? — «Мастер» в строгом порядке попытался восстановить фразу, взбудоражившую его собеседницу. — Я сказал: «...бывай здорова, Наомка, не кашляй». Ну да, Наомка.

— Повтори еще.

— Бывай здорова, Наомка.

— Еще!

— Наомка, не кашляй.

— Можно просто: Наомка.

— Ну, Наомка.

— Можно без всякого ну!

— Наомка.

— Еще!

— Наомка.

— Еще, еще!

— Наомка, Наомка.

— Еще, еще, еще!

— Наомка, Наомка, Наомка.

— Еще, еще, еще, еще!..

— Так ведь язык отсохнет!

— Повторяй, не то обрыдаюсь, и вместе со мной — соседи вплоть до первого этажа!

Пролет нижние этажи, как пить дать, проллет! Но «Мастер» не собирался уподобляться бесталанному попугаю, осилившему одно-единственное слово, которым и «достаёт» своих не в меру терпеливых хозяев. Необходимо срочно найти решение, устроившее обе стороны.

— Неужели нам друг другу и сказать-то больше нечего, как только талдычить одно и то же? Вероятно, тебя тронуло то, что я сравнил тебя с Наоми Кэмпбелл?

— Ой, сейчас от восторга польется изо всех дырок!

— Только не это! К тому же, сама признаешься, что ты отнюдь не первая, а вторая Наомка. Но и здесь планка существенно завышена: я бы сказал, ты сейчас больше на восьмую Наомку тянешь.

— На восьмую? — поток из счастливых слез быстро обмелел, и «Мастер» не без удовлетворения отметил, что найденное им решение позволило избежать всемирного потопа в отдельно взятом подъезде. — Чего это так далеко?

— Я бы не сказал, что далеко, — «Мастер» продолжил умело варьировать ситуацией, опасаясь провокаций, но уже не со своей стороны, а со стороны собеседницы, ибо поток слез возможно легко компенсировать потоком брани, до которой Наомка очень даже охоча.

— Мой французик готов аргументировать, чем я обязана своему далеко не лучшему порядковому номеру?— не очень ласково произнесла та и прямо из горлышка сделала несколько затяжных глотков.— Готов, я спрашиваю!

— Конечно, готов!— резво откликнулся «Мастер», отлично сознавая, что промедление смерти подобно, ибо было вполне реально схлопотать бутылкой по «чайнику»,— первая Наомка, чтобы таковой сделаться, не один год трудилась над собственной фигурой, походкой, жестами...

— Не один... Мой французик готов засыпать меня аргументами, что за этим скрывается?

— Всегда готов!— по-пионерски звонко отозвался «Мастер», наблюдая за тем, с каким желанием Наомка взялась за бутылку.— Первая, Наомка, считай, с пеленок придерживается всевозможных диет: по утрам — гимнастика, по вечерам — пробежка.

— А днем?

— Шейпинг, массаж, бассейн... Каторжный труд!

— С пеленок... Первой, сейчас, считай, столько же лет, сколько и мне. Получается, на диеты, пробежки, шейпинги мне потребуется не одно десятилетие, так что на подиум я выйду в лучшем случае годкам эдак к шестидесяти, а это плотный пенсионный возраст. Спрашивается, чего ради сиськами трясти, если государственное обеспечение тебе гарантировано?

— Логично! Тогда я пойду и пригляжу будущую Наомку из числа тех, кто еще под стол пешком ходит.

— Ни с места!— скомандовала прилично захмелевшая собеседница, ударяя бутылкой по ладони.— Или я сказала, что собираюсь ждать милости от государства? Впахивать начнем с сегодняшнего дня, более того, с этой самой минуты!

— Давай хотя бы с завтрашнего дня,— взмолился «Мастер», и лучик надежды не заставил себя ждать.

— Давай,— восьмая Наомка уронила на грудь свою буйную головушку, а когда подняла ее вновь, от луча не осталось даже воспоминаний,— давай завтра, но с этой самой минуты!

— С чего начнем?— не без чувства обреченности спросил «Мастер», прекрасно понимая, что чем быстрее восьмая Наомка «упахнет», тем реальней окажется за дверью.

— Сейчас у нас день, или я не права?

— Солнце в зените!

— Повезло нам с погодкой!— Восьмая выглянула на улицу, и лучик надежды заиграл на оконном стекле.

— Конечно, разумней всего начать с пробежки.

— Пробежки у нас вечером, а днем — шейпинг, массаж, бассейн. Выбери, французик, что тебе ближе.

— При чем тут я? Тебе впахивать, ты и выбери.

— Мне впахивать... А ты что будешь делать?

— Семечки лузгать и между делом проводить консультации. А чего мне задницу рвать: я на подиум не собираюсь.

— Зато стричь проценты с каждого моего выхода собираешься,— криво усмехнулась Восьмая, не сомневаясь в предстоящем успехе, и все больше — в финансовом,— кроме того, не в моих правилах заниматься мастурбацией.

— А вот этого как раз для карьеры манекенщицы не требуется.

— Но мой французик всячески склоняет меня к этому!

— Только не надо подтасовывать факты!— даже рискуя получить бутылкой по башке, «Мастер» не собирался поступать своими принципами.— Хотя, кажется, я начинаю догадываться, что от меня хотят. Ничего у тебя не выйдет, ничего! Да-да, я не ложусь в постель при каждом удобном случае!

— На постели, действительно, трудно достичь максимального эффекта, но уж коль нет кушетки, может, на пол завалимся? Тем более, утром я провела генеральную уборку.

— Разве я не ясно сказал, что у Восьмой ничего не выйдет? Ничего!

— Как будто французика противоправным делом заставляют заниматься! К тому же я хочу, чтобы у нас было все, как у людей.

— Состав преступления тут, конечно, никакого нет, но почему непременно я?

— А кто, Пушкин?

— Только не надо трогать классиков! К тому же, Александр Сергеевич в нынешнем своем состоянии вряд ли сможет удовлетворить твои запросы,— «Мастер» все больше проникался сочувствием к этой, в общем-то, миловидной женщине, которая, судя по всему, так и не встретила принца на белом коне,— ладно, попробуем достичь твоего максимального эффекта,— он вырвал из рук Восьмой бутылку, и в пару глотков придал ей законченную форму.

— Вот это настрой!— рассыпалась в комплиментах восьмая, увлекая «Мастера» в гостиную.— Да мы за месяц сделаем столько, сколько иные не делают за десятилетия.

Мастер не на шутку переполошился: похоже, Восьмая собирается продержать его под замком, по крайней мере, с месяц, но и этого срока будет вполне достаточно, чтобы раз и навсегда отпала охота к женитьбе. Впрочем, замок во входной двери не ахти какой, а, точнее сказать, вообще никакой, так что уже вечером возможно устроить дежурную пробежку.

— Простыню только что пропылесосила,— Восьмая взглядом указала на ковер, лежавший на полу, и принялась оголяться по всем правилам эротического искусства.

Правда, нижнее белье выбивалось за рамки того самого искусства: панталоны в рюшку были явно с чужого плеча, точнее, зада, а бюстгальтер — с чужой груди. Впрочем, удивляться не приходилось, поскольку Восьмая пришла на все готовенькое и отказывать себе ни в чем не собиралась.

Так или иначе, но «Мастеру» ничего не оставалось, как только последовать ее примеру, но, как оказалось, снимать брюки было вовсе не обязательно.

— Боюсь, при полном параде будет сложно достичь максимального эффекта,— осторожно высказался «Мастер», и Восьмая смилостивилась, разрешив снять пиджак.

— Как раз пиджак здесь не помеха,— продолжал настаивать на своем «Мастер», делая это весьма ненавязчиво, и очередная милость не заставила себя долго ждать,— да и в галстук можно остаться,— уже куда более жестко отозвался он, поражаясь наивности будущей манекенщицы,— достаточно узел ослабить.

Когда же ему было позволено распрощаться с запонками, стало очевидно, что прицел у Восьмой явно сбился, а вести пристрелку в густонаселенном районе, казалось делом небезопасным.

— Ладно, с брюками что-нибудь да придумаю, но будь добра, не глумись над моим зрением своими рюшками.

— Это не мои рюшки, а вертихвосткины. В них она, поди, соблазнила своего людоеда-короля.

— Я же не король и, к счастью, не людоед, так что со мной все должно быть как можно проще.

— Но ты же французик, а вы там все любите, чтобы было а-ля Лувр в период правления Бурбонов. И что значит проще?

— Неужели не ясно?— заметно смутился «Мастер».— Ну чтобы без всяких там наворотов.

— Ох уж эти простолюдины!— криво усмехнулась Восьмая, отрывая рюшки.— Теперь, надеюсь, все преграды устранены?

— Под рюшками я подразумевал нечто большее...

— Французик хочет, чтобы я поступила с панталонами точно так же, как и с ротками?

— Ну, рвать-то совсем не обязательно...

— Так-так,— Восьмая с прищуром смотрела на «Мастера»,— может, скажешь, что и лифчик снять надо?

— Если это окажется не затруднительно,— вежливо ответил тот, но, напорвшись на колючий взгляд, пошел на попятную,— впрочем, в нашем случае грудь играет далеко не ведущую роль.

— Каков нахал!— Восьмая обвела глазами комнату, словно в ней кто-то еще находился.— Я говорю, каков нахал, люди добрые? Всего во второй раз я вижу этого французика, и он требует от меня позабыть о приличии!

— Как будто это я хотел, чтобы у нас было все, как у людей,— проворчал «Мастер», затягивая галстук,— не снимая брюк, худо-бедно можно прийти к максимальному эффекту, однако вот с этим,— он оттянул резинку панталон,— ничего подобного ожидать не приходится.

— Под тем самым эффектом я подразумевала массаж, делать который себе все равно, что заниматься мастурбацией,— Восьмая первой осознала, что они имеют в виду совершенно разные вещи,— а ты о чем подумал, похотливый французик? Колись, о чем?

— Откуда я должен знать, что ты там подразумеваешь?— «Мастер» не очень нежно отпустил резинку, которая заставила Восьмую вскрикнуть от боли.— Боюсь тебя разочаровать, но в искусстве массажа я полный истукан.

— А тут не надо быть «вундером», поскольку в массаже главное не голова, а руки. Следы за моими пальчиками: вот они побежали сюда, вот — обратно.

— Да это ты на пианино играешь!

— А ты на моих нервах!— Восьмая довольно неуравновешенно откликнулась на сарказм своего визави.— Если в массаже иметь голову не обязательно, то в жизни без нее ну никак не обойтись. Раздевайся!

— Но моя голова, кажется, без одежды.

— Действительно, три волоска в шесть рядов смешно называть одеждой, но я о тряпках,— Восьмая ясно дала понять, что с брюками теперь уже нечего церемониться,— снимай, снимай: покажу, что пальчики прекрасно бегают не только по клавишам, но и по коже.

— Массажу станешь обучать? Полагаешь, лучше задницы тренировочной базы не сыскать?

— Какой примитив!— Восьмая даже схватилась за голову, высвечивая весь ужас создавшегося положения.— Разве можно мыслить столь однобоко: или в брюках и спрятать уже больше нечего?

— Есть, конечно, что прятать,— «Мастера» вынудили сделать нелицеприятное признание,— но, люди добрые, всего во второй раз я вижу эту Восьмую Наомку, и она требует от меня позабыть о приличии!

— Где-то уже нечто подобное слышала,— Восьмая напрягла извилины, силясь вспомнить то, что всего пару минут назад слетело с ее уст,— впрочем, на повестке дня не это главное. Массаж — вот что будоражит наши умы! Первое правило которого гласит: полнейшее расслабление мышц. Одежда же абсолютно не способствует практическому применению того самого правила.

— Хорошо, но даже если я и скину брюки, никакого расслабления не случится. Скорее наоборот. Пальчики у тебя шибко музыкальные...

— Люди добрые, всего во второй раз в жизни я лицезрею этого французика, и он говорит мне такую пошлятину!— Восьмая в который уже раз прошвырнулась по комнате взглядом, словно в ней кто-то присутствовал.

— Да ты сама себе противоречишь: то от грязного намека краснеешь, а то голого мужика тебе подавай!

— Люди добрые, неужели у них там давно уже не в Бурбонском Лувре все еще не знают, что, кроме эротического массажа, есть массаж лечебный, которым я и намереваюсь заняться с этим помешанным на намеках французиком?

— Конечно, лечебный массаж меняет многое,— «Мастер» поспешил снять с себя подозрения во всяком помешательстве,— но мне совестно обнажаться перед людьми, на выдворении которых я бы стал очень настаивать.

— Чокнутый!— своим, пусть и не бесспорным, откровением Восьмая перечеркнула старания собеседника.— Впрочем, у них там, в Лувре, все такие. Где здесь люди, где, я у тебя спрашиваю, шизанутый французик?!

— А к кому же тогда ты обращалась, к Пушкину?

— И про Пушкина я что-то уже такое слышала,— Восьмая в очередной раз нагрузила извилины, и снова без какой бы то ни было надежды на положительный результат,— Впрочем, на повестке дня вопрос о классиках не стоит. Люди — вот что будоражит наши умы! Да, я обращалась к некоей виртуальной зрительской аудитории, что, верно, было расценено некоторыми психически неустойчивыми представителями Лувра за реальное присутствие тех или иных физических лиц, в частности, целой когорты Людовиков и их многочисленной свиты. Признайся, шизанутый французик, твои воспаленные мысли были обращены к той самой когорте?

«Еще неизвестно, кто из нас шизанутый»,— подумал «Мастер», проговорив:

— Мои мысли были обращены к многочисленной свите, которая, к счастью, оказалась без Людовиков.

— Почему же к счастью?

— Потому что я ни за что на свете не отважился бы предстать перед всей королевской династией вот в таком виде.

Восьмая и глазом не успела моргнуть, как ее шизанутый французик скинул с себя всю одежду. Или почти всю.

— Эка как подлечиться приспичило!— Восьмая нашла свое объяснение скоростным качествам «Мастера», возжелавшего оградить себя от всякого, в том числе и виртуального присутствия королевских персон,— заваливайся на пузо!

«Мастер» выполнил указания строгой массажистки, но ту вечно что-нибудь да не устраивало:

— Снимай трусы!

— Ага, чтобы ты снова завопила: «Люди добрые, всего во второй раз в жизни...» Не стану я вгонять тебя в краску!

— Массаж-то лечебный, или французик запомнил?

— Вот и разминай свои пальчики на спине, и нечего совать нос между ягодиц — прищемить, знаешь, как можно?

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского. К тому же, я боюсь набить на руках мозоли: лопатки-то у тебя — бери больше, кидай дальше!

— Только не надо путать человеческие лопатки с шахтерской лопатой!

— Вот те на! Или шахтер не человек?— Восьмая, похоже, не только вконец запутала «Мастера», но и себя.— Короче, снимай, чего тебе велено!

Все более отчетливо вырисовывалась такая картина: «Мастер» пытается убедить упертую собеседницу в неукоснительном соблюдении им первого правила массажа, но та продолжает гнуть свою линию, в едином порыве оставляя его без какого бы то ни было прикрытия. Нет, ни в коем случае нельзя выпускать инициативу из собственных рук, и «Мастер» приспустил трусы на бедра.

— Французик на толчок засобирился засесть?— испугалась Восьмая.— Смотри, иранский ковер не обделай!

Стало очевидно, что настало время проявить твердость духа, в противном случае, дело грозило завершиться полным фиаско.

— Люди добрые...— затянул было старую песню «Мастер», и лицо Восьмой перекосилось, как от зловония.

— Фиг с тобой, оставайся, как есть: запоносим мозги всей этой когорте Людовигов и их многочисленной свите тем, что ты собираешься-таки засесть на толчок. Мы ведь тоже в интрижках не новички!

От одного только упоминания о столь представительной зрительской аудитории «Мастеру» сделалось за себя очень совестно, и он вознамерился было облачиться в пиджак да галстук. Но шаловливые пальчики массажистки принялись шустро гонять по его ягодицам.

— Три щипка вправо, чуть больше — влево, три щипка вверх, чуть больше — вниз,— Восьмая сопровождала короткими пояснениями свои действия,— и серия щипков: вот так, вот так!

— Полегче, не пельмени же лепишь!

— Признаться, пельмени из твоих окороков получились бы пальчики оближешь,— Восьмая наглядно продемонстрировала, как то будет выглядеть, но Мастер поспешил придать беседе чисто лечебную подоплеку:

— Пальцы слюнявишь для лучшего скольжения?

— А ты не подглядывай,— обиделась горе-массажистка, что-то беря с журнального столика,— на-ка, займи свое зрение настоящим искусством,— она швырнула это что-то под нос «Мастеру».

— Тоже мне нашла искусство,— все так же лежа на животе, он повертел видеокассету в руках, отметив на ней не совсем приличную наклейку,— да это же самая настоящая порнография! Кино, дорогуша, мало отличается от мертвечины — слишком уж оно оторвано от жизни.

— В натуре,— восьмая явно не ограничилась словесной поддержкой, плюхаясь рядом с «Мастером».

— Эй, да ты совсем утерjala скромность!— «Мастер» не без опасения следил за оголившейся массажисткой, полагая, что той захотелось попробовать себя в роли одной из персонажей предлагаемой кассеты.— Знала бы твоя мать, какая у нее вырастет дочка, еще бы в младенчестве придушила собственными руками.

— Не нагнетай атмосферу: я всего-навсего соблюдаю первое правило массажа. А теперь дело за французиком. Представь, что я тесто для пельменей, которое необходимо раскатать. Сделай из меня лепешку!

— Эй, но массаж делается одними руками!— не очень решительно возмутился «Мастер», хмелея от аромата дорогого шампуня, который Восьмая позаимствовала у безвременно почившей хозяйки квартиры.— Люди добрые, меня, кажется, хотят принудить стать одним из героев постельной сцены!

— Что ты пицишь, как придушенный цыпленок? Вот как надо кричать: «Люди чертовы, избавьте меня от домогательств известного содержания! Помогите же, пока до смерти замусолили!»

Вдруг с шумом распахнулась входная дверь, и в квартиру ворвалась целая когорта, нет, не Людовигов и их многочисленной свиты, а омовцев, которым не составило труда обезвредить, с позволения сказать, преступника, у коего не то что оружия, но даже штанов не оказалось. И почти сразу же нарисовались Майор и гражданка Хренова, которая прямо-таки светилась от радости.

— Теперь любому ефрейтору ясно, что не стоило бы доверять Желе, этому людоеду, иного слова и не подобрать. Или я не права, майор?

— Права,— сквозь зубы выдавил тот.

* * *

— Показывай, как все происходило,— Майор угрюмо кивнул на манекен, который почему-то пребывал в сидячем положении.

— Во-первых, лифт не спальный вагон, и в нем особенно не рассидишься,— явно не к месту заумничал «Мастер»,— и, во-вторых, я не убивал Веронику.

— Не удивлюсь, если так называемый Желе...

— Французик он,— выглянув из-за широкой спины Майора, проинформировала Восьмая.

— Не удивлюсь, если французский Желе договорится до того, что вдруг выяснится, будто он вообще не знаком с Железкиной, царство ей небесное,— поморщился тот,— в таком случае, почему он оказался в ее квартире, да не один, а с этой очаровашкой?

— Нашел очаровашку!— не очень весело улыбнулся «Мастер», отлично сознавая, к чему клонит Майор.— Так ведь она поджидала меня в той самой квартире.

— Не удивлюсь, если Французик договорится до того, что я уже лежала с раздвинутыми ногами,— Восьмая залопотала языком Майора, добавив сарказма.

— Только не надо лепить из меня героя постельных сцен,— огрызнулся «Мастер»,— между нами ничего не было.

— Не удивлюсь, если Французик договорится до того, что это вовсе не он лежал на мне, а один из омовцев.

— Как раз очаровашка лежала на Желе, а не он на ней,— уточнение Майора показалось весьма обнадеживающим.

— А что мне оставалось, если угрозы сыпалась, как из рога изобилия? И все сводилось к одному и тому же: станешь бездельничать, замусолю до смерти!

— Вот сука!— развел руками «Мастер», словно желая ослабить эмоциональное возбуждение, грозившее перерасти в кулачный поединок,— у нас же имелась договоренность: дальше массажа ни-ни.

— Эротического массажа?— Майор с ухмылкой посмотрел на подозреваемого.

— Лечебного!— возмутился «Мастер».

— Лечебного... А на хрена тогда было полностью оголяться?

— Для соблюдения первого и самого важного правила массажного искусства, согласно которому мышцы должны быть абсолютно расслабленными.

— Врет и не краснеет!— Восьмая погрозила «Мастеру» кулаком из-за все той же спины,— как раз твоя мышца прямо изнывала от напряжения.

— Вот кому бы краснеть, как свекле!

— Он же еще и обзывается,— захныкала Восьмая,— надеюсь, это станет отягчающим обстоятельством в деле об изнасиловании?

— Вот я тебе сейчас покажу такое дело!..— «Мастер» нашел своим рукам более достойное применение, и сержант вынужден был снять с пояса «браслеты».

— Зверюга!— констатировала Восьмая, отступив от «Мастера» на несколько шагов.— Наклонности-то волчьи. Пожалуй, только теперь я каждой родинкой, каждой ресничкой прочувствовала, что меня могла постичь участь мухи.

— Потерпевшая, не вводи следствие в заблуждение,— Майор исподлобья взирал на Восьмую,— упомянутое тобой насекомое видится мне весьма подозрительным.

— Еще бы не подозрительным! Французик обещал пришибить меня, как навозную муху.

— Обещал?— Майор совсем недобро посмотрел на «Мастера».

— Был такой грешок. А что она талдычила: «Мой господин, мой господин»?

— Французик сам настаивал на подобном обращении.

— Да когда же ты только свеклой станешь?— «Мастер» и в наручниках проявлял чрезмерную строптивость.

— Требую посадить этого зверя на цепь! — не растерялась Восьмая.

— Посадим, — пообещал Майор, с чем «Мастер», конечно же, не мог согласиться.

— Я не позволю обращаться с собой, как с собакой. Я стану жаловаться в международную ассамблею по правам человека. Будет вам цепь!

— Мы посадим тебя за решетку, — уточнил Майор, доставая из кармана видеокассету, — здесь к тебе также обращаются «мой господин».

Увидев не совсем приличную наклейку, «Мастер» понял, что это та самая кассета, которой ему предлагалось «занять свое зрение».

— С чего вы решили, будто обращение направлено именно ко мне?

— Затылок твой, писательский, — с умной миной заключил Майор.

— У писателя бывает собственный стиль в написании того или иного произведения, а затылки у большей части населения имеют вполне объяснимое сходство.

— Именно по этой причине я утверждаю, что ведущую роль в этом сериале, — сержант Москвитин ткнул пальцем в кассету, — исполняет уже хорошо нам известный Густаво, изменяющей Карлоте — матери своего будущего ребенка — с ее лучшей подругой, не устающей повторять: «О да, мой господин, о да, мой господин!»

— И зачем я только позволил тебе посмотреть весь этот «снафф-муви»? — зло сплюнул Майор, — помешался на «мысле»!

— Бьюсь об заклад, ведущую роль исполняет дядюшка Павлиньо, — «Мастер» поспешил заручиться поддержкой сержанта, однако Майор под собственным углом взглянул на проблему:

— Симулируешь невменяемость? Полагаю, скоро тебе предстоит убедиться в высоком профессионализме наших психиатров, и заслуженное наказание станет неотвратимым. Да, да, отпечатки пальцев на этом вещдоке, — он угрожающе потряс кассетой, — в точности совпадают с отпечатками, снятыми с кассеты, какую нашли в твоём пиджаке при твоём ещё первом задержании в известной квартире.

— Чушь, да и только! — не сдержал своего возмущения «Мастер». — Если первую кассету хоть как-то можно приписать мне, то вторую — ни под каким видом. В конце концов, она валялась на полу отнюдь не моей квартиры.

— Валяться кассета могла и на луне, но отпечатки пальцев говорят сами за себя.

— Но там ведь не только мои пальчики засветились! — «Мастер» выразительно посмотрел на Восьмую, которая не собиралась отсиживаться в обороне:

— Ясное дело, я брала кассету в руки! А что мне оставалось, если зверюга настоятельно рекомендовал мне занять свое зрение?

— Хватит передергивать! — «Мастер» готов был растерзать врушку, жаль, вот только наручники мешали. — Скажи лучше, сколько тебе заплатили за весь этот спектакль?

— Ты заплатишь!.. — продолжала передергивать Восьмая, бросая на «Мастера» косые взгляды. — Сам только и ждешь, как бы где халяву сорвать.

— Зря не наговаривай! — «Мастер» едва сдержался, чтобы не плюнуть в наглую образину.

— А ты не положи глотку, не положи! — Восьмая разгадала его намерения. — Может, скажешь не пил хозяйской водочки?

— Отчего же не выпить, коли угощали?

— Угощали... — криво усмехнулась Восьмая, — да ты бутылку из моих рук вырвал, да и осушил в два глотка! Но и этого Французику показалось мало: сначала он захотел испить до дна мою, мягко говоря, любовь, а потом — кровь, предварительно расчленив мою плоть.

— Все как в этом «снафф-муви», — Майор сунул кассету под нос «Мастеру», и снова сержант Москвитин все испортил:

— Крутой сериальчик! Густаво не подражаем, а лучшая подруга Карлоты вообще

супер! А это ее «о, да, мой господин!» так к себе располагает! Не понятно только: если им было хорошо вместе, зачем расставаться? Видно, Карлота все-таки что-то пронюхала, и Густаво решил немедленно отделаться от ее подруги. Однако нет надобности рыдать в голос: хирурги-латиносы соберут страдалицу по частям, и за свадебным столом она будет сидеть рядом с Карлотой, с завистью поправляя ей фату. Впрочем, никто на том празднике в проигрыше не останется: Карлоту увезет «скорая» в родильный дом, а Густаво проведет брачную ночь с ее подругой, которая, придет срок, разрешится тройней, и бесплодный дядюшка Павлиньо с радостью оформит отцовство на очаровательных малюток, двое из которых окажутся сиамскими близнецами. Но и тут латиноамериканские хирурги не оплошают: разделение малышей не принесет их родителям разочарований.

— Хватит сказки сказывать!— зарычал на сержанта Майор.— Держи манекен, а подозреваемый покажет нам, как он расправлялся со своей жертвой.

— Смотри, не перепутай: показывать надо на нем, а не на мне,— сержант ткнул пальцем в манекен,— а то на днях проводим следственный эксперимент, и преступник вместо тряпочной хари лупит по моей! Думаете, мне орден дали или повысили в звании? Фиг с двумя загогулинами! Но если не дадут, ты вправе сам отблагодарить себя. И я дал, пусть не орден, а всего лишь зарок, суть которого сводится к следующему: держи тряпочную харю на расстоянии вытянутой руки, тогда никто не сможет заехать по твоей физиономии,— он наглядно продемонстрировал, как нужно владеть манекеном.

— Соблюдать дистанцию рекомендуют автоинспекторы, особенно при больших скоростях. Мы же так вообще стоим на месте,— без какого бы то ни было подвоха отозвался «Мастер», но вышло так, будто он вынес сержанту последнее предупреждение.

— Да что я лысый рискую своим здоровьем?!— испуганно воскликнул сержант, избавляясь от манекена.— Звала же меня одна милая воспитательница сторожить детский сад со всеми вытекающими отсюда благами: трехразовое питание, повышенное внимание со стороны всего женского коллектива, включая директрису, крепкий здоровый сон во время ночного дежурства...

— Трехразовое питание...— передразнил подчиненного Майор,— да от каши манной если и не протянешь ноги, то повышенное внимание женского коллектива покажется настоящей обузой, а сон превратится в сущий кошмар. Короче, поднимай тряпочную харю и помни о рекомендациях автоинспекторов.

— Похоже, молва права: хорошо там, где нас нет,— пробубнил сержант, устанавливая перед собой манекен, учитывая при этом рекомендации автоинспекторов,— а ты уж, пожалуйста, не лихачь,— он устремил на «Мастера» взгляд побитой собаки, но тот не стал его обнадеживать:

— Это уже как получится!

— Говорю же, зверюга!— подлила масла в огонь Восьмая.— Таких необходимо срочно изолировать от общества, и лучше всего ссылать на необитаемый остров

— Тебе ли пещься о моей изоляции?— вспыхнул «Мастер».— Не будет меня, не будет и подиума.

— Тоже мне, нашел Наомку,— ехидно ухмыльнулась Восьмая.

— Что ты этим хочешь сказать?

— А то, что я не негр впахивать без перерыва на обед!

— Ну да, Наоми Кэмпбелл темнокожая,— задумчиво произнес «Мастер»,— значит, ты только прикидывалась, будто не ведала, о ком шла речь? Впрочем, во всем остальном ты также преуспела, гениально сыграв отведенную тебе роль.

— А что, будь эта очаровашка помоложе, она бы очень даже подошла на роль подруги Карлоты,— сержант задержал на груди Восьмой заинтересованный

взгляд,— у меня есть знакомый актер — стопроцентный герой-любовник — думаю, он взял бы ее в партнерши в фильм с рабочим названием «Веселенькие вдовушки и их богатые постояльцы». Ну-ка, скажи так страстно-страстно: «О да, мой господин!»

— Мне необходимо вжиться в роль, иначе страсть подучится какой-то не настоящей,— честно призналась Восьмая,— приведи ко мне домой своего стопроцентного жеребца, прорепетируем.

— Кажется, я знаю фамилию того самого, стопроцентного — Москвитин!— Майор пристально всмотрелся в сержанта, и тот не смог скрыть смущения,— а сейчас он снимается в фильме с рабочим названием «Веселенькие воспитательницы и их бедные сторожа».

— Вы с такой заинтересованностью полемизируете о тонкостях сценария, что я ощущаю себя законченным профаном, совершенно случайно оказавшимся в обществе киноакадемиков. Короче, разрешите откланяться!

— За побег в лучшем случае грозит пуля в задницу, в худшем — не малый срок,— выступила в качестве юриста Восьмая, хотя ее никто о том не просил.

— Ни пули, ни срока я тебе не обещаю,— Майор устало глядел на Восьмую, ошибочно считая, что той наскучила мужская компания,— беги и не оглядывайся, а когда понадобишься, мы тебя вызовем.

— Дело к вечеру: я провожу дамочку,— «Мастер» не оставлял попыток совершить санкционированный побег,— ведь тебе же страшно одной возвращаться домой?

— Боюсь, твоя подружка приревнует,— отрезала та, ткнув кулаком в тряпочную голову,— к тому же, мне приятно находиться в окружении большого количества мужчин.

— Нечего строить глазки стопроцентному жеребцу: он как-никак на работе,— разозлился Майор,— вот освободится, тогда и прорепетируете. Короче, жди у дежурной машины.

Дальнейшее препирательство показалось Восьмой нецелесообразным, и она поспешно ретировалась.

— Теперь-то уж мы сможем вплотную заняться тряпочной головой,— с некоторым облегчением произнес Майор, протягивая «Мастеру» шариковую ручку,— вот тебе нож — показывай, как у вас с Железкиной все происходило.

Судя по всему, сержант выступал резко против холодного оружия, в том числе и бутачного, строго следуя рекомендациям автоинспекторов:

— Фингал, в конце концов, легко припудрить, а вот проникающее ранение можно и не заделать.

— Но, кажется, тебе не очень удобно стоять?— не без жалости заметил Майор, наблюдая за дугообразной фигурой.

— Лучше неудобно стоять, чем лежать на реанимационной кровати, в окружении обеспечивающих комфорт медсестер,— прокряхтел сержант, с трудом удерживая манекен на вытянутых руках.

— Не мучай же стопроцентного, французский писатель Желе — быстрее поработай ножиком,— закричал Майор, теряя терпение.

— Да не собираюсь я ничем работать!— «Мастер» хотел было избавиться от ручки, но в последний момент передумал.

— Пожалей сержанта,— завопил Майор, подмигивая,— сердце кровью обливается, стоит лишь задержать взгляд на его страдальческой роже.

— А ведь действительно и без всяких там проникающих ранений угодит на реанимационную койку,— задумчиво откликнулся «Мастер», отлично сознавая, что затеянная Майором игра глаз, ко многому обязывает,— короче, мы оказались в лифте одни, и я принялся методично наносить удары ножом,— он говорил точно так, как пишут в криминалистических рубриках.

— С кем ты оказался в лифте и как наносил удары ножом?— недовольно спросил Майор, вызвав в подозреваемом протестную реакцию:

— Да ничего я не собираюсь уточнять! И вообще...

— И вообще, сержант скоро отбросит копыта,— Майор вовремя перебил «Мастера», но не это являлось определяющим фактором, а то, с какой частотой осуществлялось подмигивание,— уточняй же быстрее!

Опасаясь за здоровье Майора, «Мастер» не стал набивать себе цену, попросив, однако, снять наручники, чему воспротивился сержант, памятуя о реанимационной кровати.

— Да чего можно сделать этой зубочисткой?— усмехнулся «Мастер», постукивая указательным пальцем по шариковой ручке.— Разве что глаз выколоть?

Подмигивание тут же прекратилось, ибо Майор, как человек неглупый, понял, на кого была направлена скрытая угроза.

— Тебе же не надо по-настоящему наносить удары,— справедливо заметил тот, держа веки у самых бровей,— а имитировать можно и в наручниках.

— Да не стоит уж так напрягаться,— «Мастер» по-доброму подмигнул Майору,— имитировать я стану вот так, вот так!

— На трупе было обнаружено шесть ножевых ранений,— как бы между делом подсказывал Майор, что явилось для подозреваемого сигналом к вседозволенности.

— Сейчас добавим: вот так, вот так...

— Хватит,— замахал руками Майор,— обнаружено шесть ранений, а не двадцать шесть!

— Хватит, так хватит!— обиженно отозвался «Мастер», швырнув ручку в угол лифта.— А все говорят, что кашу маслом не испортишь.

— Нам и без дополнительных ударов ясно, кто убийца Железкиной, констатировал Майор, что, конечно же, не могло не огорчить «Мастера»:

— Кажется, мы уж чересчур увлеклись всякой там имитацией.

— Ничего подобного!— воспользовавшись тем, что в руках «Мастера» не оказалось «зубочистки», Майор вновь взял на вооружение подмигивание.

— Тогда увлеклись игрой глаз,— изменив ориентиры, «Мастер» не собирался менять жизненной концепции.

— Голову даю на отсечение, ничем мы не увлекались, то есть совершенно ничем!— выпалил Майор.

— Не похоже,— «Мастер» внимательно следил за выражением майорского лица, которое уже не столь явно было подвержено подмигиванию, но стоило открыть рот, чтобы более четко сформулировать свою позицию, как гримаса вновь приобрела ярко выраженную рельефность.

«Мастер» пожалел о том, что слишком рано расстался с бутафорским ножом, при виде которого неугомонный глаз становился как шелковый, а веко вытягивалось по стойке «смирно!».

— Может, хватит меня гипнотизировать: что тебе еще нужно?

— Всего ничего, то есть совершенно ничего: сказать с чувством, с толком, с расстановкой, кто убил гражданку Железину.

— В этом я сам пытаюсь разобраться,— задумчиво изрек «Мастер», но уйти от действительности ему не позволило все то же противное подмигивание,— ну, я убил, я!

— Сказано с чувством, но где толк, где расстановка?

— Я убил гражданку Железину, я, черт бы побрал твой гипноз!

— Учись, как надобно расследовать, казалось бы, дохлые дела,— Майор повернулся к сержанту лицом,— забирай тряпичную голову и дуй к машине известно, что репетировать.

Сержанта не понадобилось долго упрашивать, и только после того, как от него и след простыл, Майор вздохнул с облегчением:

— Москвитин не такой уж и дурак, каковым себя выставляет. Хорошо, хоть ты не стал из себя строить недоумка.

— То есть?

— А то и есть, что ты верно расшифровал мое подмигивание. Нам было важно убедить сержанта в твоей причастности к убийству Железкиной.

— Сержант, что ли, здесь главный?

— Нет, конечно, но он весьма видная фигура, хотя и держится в тени.

— Короче, серый кардинал,— ухмыльнулся «Мастер», уверенный в том, что Майор слишком уж преувеличивает значение сержанта для органов МВД.

— Я не могу раскрывать всех карт, но одно скажу со всей определенностью: зря писатель лыбится! Кстати, визит на квартиру Железкиной был нами предпринят по настоятельной просьбе сержанта Москвитина.

— Так-так, кажется, я начинаю кое о чем догадываться: сержант — оборотень в погонах, играющий на одну лапу с гражданкой Хреновой и с Восьмой Наомкой, то есть со своей партнершей по будущему фильму.

— Ну вот, ты и без всяких карт прекрасно во всем разбираешься,— Майор снял с «Мастера» наручники,— матерый преступник, типа того, кто порешил Железку, не наступает дважды на одни и те же грабли.

— Не городи огород, какие еще грабли?

— А такие! Сначала у тебя была возлюбленной Хренова, затем, проклятье, забыл фамилию...

— Восьмая Наомка, или партнерша,— не задержался с подсказкой «Мастер».

— Пусть будет Наомка,— махнул рукой Майор,— затем, значит, была партнерша, и в обоих случаях не обходилось без кассет со «снафф-муви». Разумеется, те, кто стремился подставить французского писателя, поступали в строгом соответствии с понятиями, на коих и держится преступное сообщество, но ведь и в правоохранительных органах хватает мудрых людей,— Майор посмотрел на себя в зеркало, висевшее в лифте,— сегодня мы переиграли своих оппонентов, уверовавших, что писатель собственными же руками накинул веревку на собственную же шею. Не станем их разочаровывать!

— Что значит не станем разочаровывать? Мне нужно повеситься?

— Поступим проще,— не сдержал улыбки Майор,— я дам понять сержанту, что тебя перевели в тюрьму, где ты с редкой для убийц покорностью станешь ожидать суда. На самом же деле французский писатель уедет куда-нибудь за город, на природу, может, даже на дачу к друзьям, где и поживет, пока оборотень и его гоп-компания не угодят за решетку.

— Это же сколько мне кантоваться в ссылке? На снегу, знаете ли, помидоры не растут.

— Хорошо, если до зимы управимся,— как-то уж слишком неуверенно произнес Майор, что, ясное дело, не привело «Мастера» в восторг:

— Ага, минет зима, наступит время высадки помидоров, а там и сбор урожая не за горами.

— В тюрьме, что ли, лучше?— Майор как-то уж слишком строго звякнул наручниками, и «Мастер» счел благоразумным прекратить дискуссию.

* * *

Как все-таки здорово вытянуться на травке и считать... нет, не пролетающих мимо ворон, а барашков, зайчиков, медвежат... Такого не может быть? Может, коли воображение высокого полета! Действительно, разве облака не похожи на отдельных представителей животного мира, призрачно связанных с небом? К примеру, вон то облако — точная копия оленя, убегающего от целого стада бегемотов. Стада? Да на

небе не больше десятка облаков, ни одно из которых не смахивает на бегемота! К тому же, не нужно загонять на одну широту морозостойких особей и обожающих африканскую жару мастодонтов. И вообще, упомянутые животные — травоядные и по определению не могут питать друг к другу ненависти. С научной точки зрения все это, конечно, так, но с чисто физиологической... С физиологической? Но тогда о каком воображении можно вести речь?

Спасибо Майору: если бы не его настойчивые рекомендации, «Мастер» совершенно забыл бы, чем отличаются травоядные от хищников, ибо все больше привык находиться среди последних, готовых проверить на прочность его глотку. За городом дела обстоят несколько иначе. Здесь даже малое насекомое проникнуто уважением к твоему ботинку, и царь зверей непременно снимет шляпу, то бишь корону. Слышатся протесты? В окрестностях российской столицы львы не устраивают своих резиденций? Конечно, земля здесь стоит дорого, и далеко не каждому царю по зубам обзавестись частной собственностью, но если включить все то же воображение, То многое предстанет в весьма привлекательном свете, отраженном от драгоценных камней, венчающих корону. Кажется, кто-то опять пытается бравировать научной точкой зрения? Прямо беда от этих Эйнштейнов!

Как занимательно облако в предзакатных лучах — рыжее, точно белка! Впрочем, это и есть белка. Сейчас юркнет в свое жилище. Однако что-то ее явно смущает. Возможно, объявился незваный гость? Кто бы это мог быть? Неужели рысь? Вот уж дудки? Почему это дудки, или, кроме как на духовых инструментах, и сыграть уже больше не на чем? Если же говорить по существу, то, даже при наличии буйного воображения, в присутствии дикой кошки трудно поверить. Но если нечто подобное и допустить, ну, всего-то на чуть, на какой-то коготок, то рысь вряд ли упустила бы случай продемонстрировать, кто отныне в доме хозяин. Да и белка не стала бы дожидаться, когда с нее спустят шкуру. Вероятно, интерес зверька обусловлен чем-то иным. Такое ощущение, что никакое это не жилище. Во всяком случае, для белки дупло явно великовато, и зимовать в нем будет не очень комфортно. Ан, нет, все же не осталась на улице. Впрочем, и в «избе» не засиделась. Вот рванула, так рванула! Так убегает нечистый на руку субъект, когда слышит за спиной: «Держите вора!». Кажется, быт животных мало отличается от человеческого — жулья везде хватает. Тем не менее, если в «людском криминале» не принято возвращаться на место преступления, то у зверей все происходит с точностью до наоборот. Вот и белка скоренько напомнила о себе... Воровато вертит башкой. Убедилась, что за хвост схватить некому и — прыг в дупло! Вероятно, за видеоаппаратурой нацелилась. Эйнштейны вновь протестуют? Кажется, на сей раз они правы: белка возвратилась налегке, зажав в передних лапках нечто похожее на пучок сена. Жаль, добрый путешественник отобрал у «Мастера» бинокль, который сейчас бы весьма пригодился. Однако белка не собиралась хвастать собственными успехами, но и на этот раз ее отсутствие оказалось недолгим. Далее все происходило по хорошо отработанной схеме. Когда же белка скрылась в ветвях с воровской поклажей, до ее возвращения было решено поближе ознакомиться с дуплом. Действительно, с чего это вдруг «Мастер» решил, будто принадлежащий доброму путешественнику тайник находится на земле, а не на некотором от нее расстоянии?

«Мастер» хотел было сунуть в дупло руку, но тут сработал инстинкт самосохранения, так что визуальное обследование выделось как наиболее разумное решение. Но дупло не ночное небо, расцвеченное звездами! Зажигалка сейчас явно бы не помешала. Однако не стоит отвлекаться на разного рода мечтания, тем более держать распахнутым рот на этакой высоте вовсе не безопасно. Впрочем, инстинкт самосохранения куда-то вдруг испарился, иначе, как объяснить то, что голова, потеряв разум, протиснулась в дупло, перекрыв доступ хоть какого-то, но света? Все бы ничего, да

только вот вернуть голову в исходное положение никак не удавалось. Оно и понятно: когда дурья башка бросила вызов дуплу, она была пустая, а сейчас ее распирают мысли, препятствовавшие любовному расставанию. Неужели голова так и останется в дупле? Черт бы побрал эти мысли! Однако предводитель нечистой силы не дурак искать на свою голову приключений. Придется «Мастеру» самому выкручиваться. Логичней всего начать с мыслей, избавиться от которых возможно разве что при полной отрешенности от внешнего мира. Но, кажется, «Мастер» и без того ушел с головой в дупло, а это куда круче, нежели уйти в себя. В общем, полнее не бывает. Замкнутый круг какой-то получается! Впрочем, достаточно взглянуть на дупло, чтобы отметить в нем сходство с кругом. Может, снаружи и достаточно, однако как взглянуть изнутри? Мысли, мысли, мысли...

«Мастер» попытался кричать, но вскоре пришлось отказаться от подобной затеи, поскольку зов о помощи застревал в собственных ушах, а сделаться, ко всем прочему, еще и глухим, не очень-то и хотелось. Все это говорило о том, что, несмотря, в сущности, на безвыходное положение, «Мастер» продолжал верить в любовное расставание с деревом, к которому прикипел если и не всем сердцем, то уж точно всей головой. Он сидел на суку, болтая ногами, что делало его положение поистине идиотским, однако (случаются же исключения!) на умственном содержании это нисколько не отразилось. Проклятые мысли! Вот угораздило, так угораздило! Нос зачесался, а оказать ему помощь не представляется возможным. Кажется, муравей забавляется. Эй, приятель, ноздря не трасса для бобслея, к тому же на дворе отнюдь не минусовая температура, и сопли не успели превратиться в лед! Как об стенку горох. Пришлось с чувством чихнуть, и незадачливого бобслеиста в прямом смысле ветром сдуло. Однако испытания на том не закончились: подоспела тяжелая артиллерия в качестве жука-короеда. Уж этот забавляться не станет: превратит нос в труху, как то случается с деревьями, когда на них идет войной полчища этих усатых отморозков. Может, еще не поздно заключить пакт о ненападении?

— Признаюсь честно, любезный жучок-паучок, я никогда не сую нос, куда не просят, и то, что он оказался на твоей территории, вовсе не означает, будто я намереваюсь оттяпать жирный кусок древесины. Короче, я еще чуть-чуть у тебя погощу, да и домой засобираюсь.

Но, судя по всему, короед ждать не собирался и доступными только ему методами стремился показать на дверь.

— Пожалуйста, не надо укорачивать мой нос, и, хотя он несколько и великоват, на моем благосостоянии это абсолютно не отражается.

Но короед словно и не слышал, о чем ему говорят. Мало того, его отношение к делу вызывало одновременно как уважение, так и жгучую ненависть.

— Вот садист! Знаешь, о чем я сейчас жалею? О том, что не родился дятлом!

К сожалению, взять короеда на испуг не удалось, и, хотя по своим размерам нос значительно уступал бесчелюстной панцирной рыбе, угроза исчезновения и над ним нависла достаточно явно. Конечно, безвыходных ситуаций не бывает, и мобильный телефон помог бы разрешить возникшую проблему, но, поскольку голова оказалась фактически отделена от всего остального мира, осуществить экстренный вызов спасателей, не представлялось возможным. Но где-то поблизости должна находиться белка-воровка. Вот именно воровка! Скажи ей, в каком кармане лежит мобильник, она шустренько и отблагодарит, помахав хвостом. Впрочем, не обязательно провоцировать воровские наклонности, а коль скоро руки, в отличие от некоторых, не потеряли связь с остальным миром, то им вполне по силам самим пошарить по карманам. А вот и телефон!

— Белка, подруга дней моих суровых, на-ка мобильник, звякни по «009». И, пожалуйста, не делай вид, что чужая боль тебя не касается. Ну же!

И белка вошла в его положение! Только голос ее больше подходил медведю.

— Алло, это «Служба спасения»? Тут один дятел застрял в дупле, и ему срочно необходимо приделать дополнительные крылья. Адрес? Записывайте: долина «Яств и удовольствий».

— Не совсем долина, а только ее предбанник,— испуганно закричал «Мастер», справедливо полагая, что на карту поставлена жизнь, и тут уже мелочей быть не должно,— косолапый, скорее внеси ясность!

— А вот за косолапого ответишь!— проревел медведь, прикладывая лапой к спине невольного пленника, да так, что у того случилось просветление в мозгах.

— Ну и лапища же у тебя! Пожалуй, таким ласковым может быть только добрый путешественник. Как же я рад тебя видеть!

— Полярник выдает желаемое за действительное,— рассмеялся Таксист, небезосновательно полагая, что его визави не в состоянии ничего видеть.

— Пусть выдаю, но это только должно усилить твое стремление помочь мне.

— Но я не захватил с собой ножовку!

— Ножовку?— «Мастер» испуганно захлопал глазами, но, кроме жука-короеда, этого никто не заметил.— Добрый путешественник настаивает на необходимости отделения ствола от корней?

— Я настаиваю на отделении головы от туловища,— Таксист подтвердил догадки «Мастера», и тот еще интенсивней захлопал глазами.

— В таком случае разумней дожидаться спасателей.

— Да ты не печалься,— еле сдерживаясь от смеха, произнес Таксист,— у меня есть охотничий нож, с которым не сравнится ни одна пила. Сейчас займу поудобней позицию, и твое спасение окажется делом времени.

Добрый путешественник, а, если уж называть вещи своими именами, этот головорез, забрался чуть выше жертвы и достал то, на чем с минуту назад акцентировал внимание, и от чего «Мастер» пришел в настоящее смятение. Учитывая то, что дружеские отношения между данными людьми так и не сложились, вполне реально ожидать некоторых, мягко говоря, неприятностей.

— Шел бы ты своей дорогой, добрый путешественник,— не очень твердым голосом отозвался «Мастер», ощущая на шее острое лезвие

— Да разве я могу оставить человека в беде?— фальшиво возмутился тот.— Сейчас покончим с проблемой, да и разбежимся в разные стороны.

— Здесь нет никакой проблемы,— решительно оппонировал «Мастер», кожей чувствуя, что счет пошел на секунды,— и вообще, я тут сижу себе смирно, никому не мешаю... Чего вы все ко мне в душу лезете?

— Кто это все?— насторожился Таксист, и лезвие обожгло «Мастеру» кожу.

— Кто-кто... Сначала бобслеист забавлялся, затем обжора объявился, теперь вот — добрый путешественник.

— Что еще за Бобслеист? Не тот адвокат, который отмазал Аквалангиста от скамьи подсудимых?

— Аквалангист считай Тарзан? Ну тот, кто заправляет «Вторым дыханием»?

— Не задавай встречных вопросов!— Таксист слегка стронул лезвие с места, но и этого оказалось достаточно, чтобы «Мастер» вскрикнул от боли.— А обжора не тот, которого сколько «капустой» не корми, ему все одно мало?

— Добрый путешественник о сержанте Москвитине?— «Мастер», рискуя собственной шеей, проигнорировал предостережение головореза.— Полегче же с ножичком! И нечего так беспокоиться: бобслеист всего лишь муравей, а обжора — жук-короед.

— Жуков Колька?— а разве его не «пришили» на прошлой неделе?

— Еще скажи, что это я выпустил ему кишки? Речь-то об обыкновенном насеко-

мом, которым и является жук-короед. Этот обжора ужинает моим носом. Однако отнюдь не это тревожит доброго путешественника, а то почему я оказался на свободе, пусть и относительной.

— Свобода не бывает относительной.

— Бывает, и мой пример весьма показателен,— тяжело вздохнул «Мастер», и Таксист в очередной раз выказал веселый нрав:

— Признаться, впервые встречаю идиота, который собственноручно приковал себя к дереву.

— Чего тут ухохатываться? От тюрьмы, как и от курения, нужно отвыкать постепенно.

— Не скрою, мне действительно интересно, каким образом Полярнику удалось выйти из-за решетки.

— Благодаря все той же «капусте»,— «Мастер» на собственной шее убедился, сколь сильное впечатление произвел своей выдумкой на Таксиста,— не увлекайся там ножичком!

— Хочешь сказать, сержант помог тебе улизнуть от правосудия?

— Москвитин! У него обостренное чувство справедливости, и он прекрасно понимал, что я не мог убить гражданку Железкину, и потому сразу же согласился способствовать моему побегу. Короче, передай Тарзану-Аквалангисту, что я, в силу объективных причин, несколько задержусь с благодарностью.

«Мастер» даже и предположить не мог, что последняя фраза окажется для него поистине судьбоносной. Да, да, нож наконец-то оставил в покое его многострадальную шею! Если еще мгновение назад чаша весов склонялась к разрешению проблемы силовым методом, то теперь продолжение диалога казалось объективной закономерностью. Однако кое-кому не терпелось превратить диалог в настоящий базар: Ну же, освободи Желе от свалившихся на него страданий!— донесся снизу голос, принадлежавший гражданке Хреновой.— Пусть хотя бы его душа обретет свободу перемещения.

— Обойдемся без науськиваний, правда, добрый путешественник?— испуганно заморгал в дупле «Мастер», прекрасно сознавая, к чему Хренова подталкивает своего приятеля.— И дайте же, наконец, побалдеть на природе!— он размашисто замахал ногами, показывая, как ему здесь хорошо.

Впрочем, можно было бы и не усердствовать, поскольку Таксист не стремился к «раздраю» с Аквалангистом, которому «Мастер» задолжал немалую сумму. Да и зачем убирать того, кто своим побегом из-под стражи только еще больше себя скомпрометировал? В общем, теперь любому и каждому ясно, кто «замочил» Железкину.

— Выходит, сержант ведет двойную игру,— то ли самому себе, то ли Хреновой сказал Таксист,— вот кому надо бы пожелать, чтобы его душа обрела свободу перемещения.

— Но мы должны помнить о каждой душе!— Хренова продолжала играть роль пастора, внутри которого бесчинствовал бес.

— Для начала позаботьтесь о собственных душах.

— Типун тебе на язык!— Хренова довольно резко отреагировала на пожелание «Мастера», заметно осмелевшего оттого, что нож переместился несколько выше, куда-то ближе к затылку, что легко, в общем-то, объяснялось: Таксист приступил к расширению дупла.

— Извлекайся,— скомандовал он, отодрав кусок коры, однако «Мастер» не спешил брать «под козырек» и тем более кидаться на шею своему освободителю.

— Не для того я сбегал, чтобы вновь оказаться за решеткой,— логично заметил «Мастер», пытаясь протиснуться в глубь дупла,— ничего, как-нибудь перезимую.

— Вот дятел,— не сдержал иронии Таксист,— дупло явно не по размеру!

— Не каркай под руку,— вернул «Мастер» должок, фактически обозвав Таксиста вороной,— двигайте своей дорогой и не мешайте обживать на новом месте.

— Плечи тормозят: надо бы вход расширить.

— В подрядчики набиваешься?— понимая, что никто никуда не собирается двигать, «Мастер» дал-таки задний ход.

— А теперь без дураков: что ты забыл в этом дупле?— Таксист схватил «Мастера» за волосы, обернувшись из освободителя в захватчика.

— Чего бесишься, словно уже давно присмотрел для себя это местечко? В конце концов, я могу подыскать другое дуло!

— Почему сразу не подыскал?

— Потому что ты не удосужился прибить здесь табличку с одним единственным словом: «Занято».

— Я же ясно сказал: без дураков!

— А я не менее ясно сказал: не бесись. Да и было б из-за чего: жилище сырое и запущенное. Мало пригодно для обитания,— «Мастер» запустил руку в дупло, из которого извлек потрепанный парик,— вот, значит, какое сено белка таскала! Знакомые волосы, только не припомню, где я с ними сталкивался. Однако давай продолжим осмотр жилища. Бинобль! И здесь даже вспоминать ничего не нужно! Так, что там у нас на очереди? Эй, добрый путешественник, на фига отпустил мой чубчик? Держи меня крепче, не то свалюсь от избытка эмоций.

Но не успел «Мастер» опустить руку в дупло, как Таксист предоставил бедняге свободное падение. Объективности ради надо сказать, что падение случилось не совсем свободным. Но не бывает худа без добра, ибо ветви смягчили приземление, что, верно, не понравилось гражданке Хреновой, с каким-то даже вызовом поставившей ногу на корчившееся от боли тело.

— Мне и так тяжело переносить страдания, а ты еще и копытом давишь!— пристыдил Хренову «Мастер», но та оказалась тугой на ухо.— Слышь, чего говорю? Помилосердствуй, чтоб на тебя слон наступил!

— Может, поведаешь мне по секрету, что ты делал на дереве?

— А то ты не слышала, о чем мы калякали с твоим приятелем. Да не каблучь ты меня: на мне и без того живого места нет!

— С приятелем Желе не был откровенен.

— Но разве не очевидно, что я собираюсь подыскать себе иное место жительства? Можете вить на этом дереве гнездышко!

— Твое место жительства — тюрьма, и я, как законопослушная гражданка, намерена сдать Желе в руки правосудия.

— Да ни в какие руки ты меня не сдашь! Хотелось бы очень, да кто поверит в непреднамеренность нашей встречи? Действительно, как объяснить столь редкое совпадение лесных тропинок, на пересечении которых и соприкоснулись наши носы? Мечтаешь из разряда потерпевших перейти в разряд подозреваемых? Риски!

Гражданка Хренова задержала взгляд на носу, покрасневшем после вероломного вмешательства жука. Кажется, соприкосновение случилось достаточно серьезным! Конечно, все это не могло не отразиться, причем самым негативным образом, на ее практически безупречной репутации, однако не стоит терять присутствия духа: в конце концов, сдать беглеца возможно и без непосредственного участия, анонимно, посредством телефонного звонка. Что же касается сержанта Москвитина, то присущая ему непоследовательность вносит сумятицу в гениально написанный сценарий, кульминацией которого должно стать пожизненное заключение Желе. Впрочем, по ходу дела всякое случается, и важно вовремя пресечь любую самодеятельность, способную придать зрелищу некую незавершенность, что, конечно же, не прибавит популярности сценаристам.

Хренова помогла «Мастеру» подняться, после чего торжественно водрузила на его шею бинокль, не задержавшийся на дереве. Поскольку острое лезвие успело-таки повредить кожу, лицо «Мастера» не озарилось белозубой улыбкой, и Хреновой, как истинной гражданке, пришлось срочно вспоминать уроки по гражданской обороне, которые она усвоила далеко не лучшим образом.

— Шлепнуть на шею подорожник, я и сам в состоянии,— проворчал «Мастер», не испытавший восторга от прикосновения отнюдь не нежных рук,— медицинская помощь, должна быть насколько своевременной, настолько и квалифицированной.

— Сейчас Желе поместим в отдельную палату, где все это он получит в полном объеме.

— Дупло ты называешь отдельной палатой? Да в нем такая теснотища, что ноги протянуть невозможно!

— Как раз с этим проблем не будет,— уж очень немилосердно заулыбалась Хренова, подталкивая «Мастера» к кустарнику, где сгустившиеся сумерки, казалось, уже давно перетекли в ночь.

Признаться, «Мастер» не горел желанием в очередной раз дожидаться рассвета под открытым небом, тем более цель была достигнута: тайник обнаружен, и совершенно очевидно, кому он принадлежал. Да, да, панком в темных очках был не кто иной, как Таксист! Значит, с высокой долей ответственности возможно заявить, что это он убил Веронику? Во всяком случае, он присутствовал при весьма отвратительной сцене, когда «Мастер» обещал размазать Веронику по стенке лифта. Но ведь тогда Таксист не был одним-единственным зрителем! Конечно! Но, кроме него, никто не скрывал своих чувств за темными стеклами и не упаковывал мысли в густой парик.

— Разве Желе не торопится протянуть ноги?— Хренова в который уже раз не отметилась милосердием, больно ткнув «Мастера» в бок.

— Не поверишь, но я действительно не тороплюсь протянуть ноги.

— Как это понимать?— Хренова взирала на «Мастера» с недоумением, точно он должен был с радостью лечь в гроб, скрестив на груди руки.— Как?!

— А так, что в предлагаемой мне отдельной палате, будет весьма непросто оказать квалифицированную медицинскую помощь: в дупле-то особенно не развернешься. Кроме того, не век же лежать на больничной койке. Допустим, наступил час интенсивной реабилитации, а соответствующее оборудование, к которому не грех отнести не только тренажеры, но и комплекующие к ним, как то: спортивные залы, бассейн, корт,— негде разместить. Палата ведь малогабаритная!

— Да ему санаторно-курортные условия подавай!— усмехнулся Таксист, спрыгивая с дерева, на что «Мастер» отреагировал не менее язвительно:

— А чего же ты, заботливый, паричок не прихватил?

— Мне чужого не надобно,— уже не так желтозубо откликнулся тот,— что вовсе не означает, будто я готов расшвыривать личное имущество направо и налево,— он попытался оставить «Мастера» без бинокля, но встретил серьезное сопротивление:

— Это мое имущество, не законно конфискованное не таким уж и добрым путешественником.

— Как это не таким уж, тьфу ты, не законно?— свое возмущение Таксист подкрепил ударом ножа в ствол, но «Мастер», все больше ощущая к себе трепетное отношение со стороны этих где-то даже милых человечков, уже ничего не боялся:

— Не напрягайся, заботливый, никакая лезть тебе все равно не поможет,— он вытащил из ствола нож, которым таксист быстро овладел вновь, вонзив лезвие в ту же самую точку.

— Говорю же, нечего строить для меня элитное жилье,— «Мастер» в очередной раз вызволил лезвие из ствола,— даже если ты проковыряешь для меня новое дупло

и установишь в нем импортную сантехнику, я не стану в него перебираться. Мне очень понравилась идея с санаторно-курортными условиями.

— А чем здесь условия хуже? Тренажеры — каждый сук, корт — любая поляна, бассейн — в трех шагах,— Хренова простерла длань в сторону реки.

— И все это видно невооруженным глазом,— вторил ей Таксист, не оставляя попыток овладеть биноклем.

— Да чего я, собственно, упираюсь?— «Мастер» сделал вид, будто собирается уступить под натиском грубой силы.— Бинокль по праву принадлежит доброму путешественнику. Только вот в чем загвоздка: коли парик чужой, то с какой стати рядом с ним оказалось личное имущество все того же доброго человека? Впрочем, какое мне до того дело? Забирай свою хренодель!

— А вдруг я ошибаюсь?— Таксист отдернул от бинокля руку.— Ведь эта, как верно подмечено, хренодель — промышленного производства, а их, таких погожих, хоть пруд пруди.

— Да твоя эта хренодель!

— Где доказательства?

— Вот где!

— Какие-то буквы... Но что это меняет?

— Абсолютно ничего! Зато указывает на то, что хренодель принадлежит: с — Сергеем, п — Полярнику,

— Выходит, ты ее владелец? Поздравляю и носи, пока плечо не оттянет!

— Может, хватит чесать языки без толку?— Хренова решительно вмешалась в диалог, проигнорировав восточную мудрость: когда мужчины говорят, женщины не мешают,— через десять минут станет совсем темно, и мы не успеем определиться с отдельной палатой.

— Да не хочу я реабилитироваться на прогнивших тренажерах, на кочковатом корте и в бассейне с мутной да илистой водой!

— Нет, а почему Желе полагает, будто мы прямо-таки обязаны создавать ему санаторно-курортные условия?— продолжила кипятиться Хренова.

— Да потому, чтобы не рассылся сотворенный вами образ, образ преступника,— «Мастер» ударил себя в грудь и наигранно закашлялся,— в чем только душа держится?

— А ведь ему действительно не мешало бы подлечиться,— отнюдь не тепло улынулся Таксист,— однако пусть болезный поставит свою подпись под параграфом о соблюдении санаторно-курортного режима.

— Давай сюда ручку, и этот самый параграф,— хмуро отозвался «Мастер», сожалея о том, что ввязался в авантюру, не сулившую ничего хорошего.

Кажется, он только сейчас начинал понимать то, что кочковатый корт смотрится куда привлекательнее кочковатого лба, а шишек, судя по всему, избежать вряд ли удастся.

* * *

«Мастер» оказался в предбаннике долины «Яств и удовольствий» вовсе не оттого, что все двери дач были для него закрыты. Он отлично сознавал, что выбранный добрым путешественником маршрут, будет еще неоднократно использован, и что далеко не все вещи хранятся в гардеробе. Тем более, если эти вещи могут оказаться компрометирующим материалом. Впрочем, дупло — это уж слишком, но ведь недаром же в криминальных хрониках все чаще сообщают о том, что преступность вышла на новый виток своего развития. Понятное дело, «Мастер» не собирался засиживаться в предбаннике до белых мух: уже в самое ближайшее время должен состояться гала-концерт с участием всех «фабрикантов», и Таксист, как гений маскировки, просто не

мог не прибегнуть к изменению внешности. Его появление в окрестностях долины «Яств и удовольствий» было в какой-то мере запланировано. Конечно же, «Мастер» должен в первую очередь поблагодарить себя за то, что сумел разглядеть в панке Таксиста, чье увлечение «живым» звуком не может не настораживать. Действительно, если ты профессиональный «води́ла», включай себе приемник и слушай песенки, особенно, впрочем, не увлекаясь, дабы не проскочить на красный сигнал светофора. Так неужели Таксист и есть самый настоящий донор? А разве сдача крови не поощряется государством?

— Подъем!— скомандовал Таксист, зажигая свет.— И шустренько в тренажерный зал!

— Может, сначала в сортир?— не очень решительно возразил «Мастер», выглядывая из-под одеяла.

— В санаторно-курортном режиме о сортире — ни сном, ни духом,— Таксист вручил «Мастеру» клочок туалетной бумаги, где синим по серому был составлен распорядок дня,— подъем в пять ноль-ноль, гимнастическая зарядка — всего минуту спустя,— он хотел было помочь «Мастеру» избавиться от одеяла, но тот очень уж не желал покидать теплую постель.

— Гимнастическая зарядка... Умышленно страху нагоняешь? И вообще, ты знаешь хотя бы один санаторий, где будили бы в такую рань?

— Мне не посчастливилось бывать в заведениях подобного толка, однако отчего-то всегда казалось, что вставать нужно затемно.

— Теперь-то ты понимаешь, что прежде, чем братья за перо,— «Мастер» вонзил палец в клочок туалетной бумаги, прекрасно понимая, чьих это рук дело,— необходимо до корней волос проникнуться правдой жизни? Вот тебе мой совет: немедленно сожги сей сигнальный экземпляр, дабы не давать критике пищи для насмешек. Впрочем, будем практичны,— он сунул клочок под подушку,— приспичит, будет чем воздать заднице за ударную работу!

— Нашел грамоту!— Таксист попытался вернуть себе распорядок дня, но, встретив яростное сопротивление, перешел к куда более насущным проблемам.— Не знаю, как в лечебно-оздоровительных комплексах, а в нашем залеживаться категорически не рекомендуется,— он снова попытался стянуть с «Мастера» одеяло,— согласно разработанной главврачом методике, максимальный реабилитационный эффект достигается с первыми петухами, а то и с первыми лягушками. Слышишь, протяжное ква-ква?

— Да это гром грохочет.

— Даже более того, это трещат устоявшиеся стереотипы, и мы ломаем все, что тормозит научно-технический прогресс!

— Ломать не строить,— огрызнулся «Мастер», натягивая одеяло до подбородка,— но если у кого-то чешутся руки, давай займемся ломкой с начала учебного года, тем паче ждать осталось всего ничего!

— Ждать и догонять — хуже не бывает,— Таксист продемонстрировал, что в народном творчестве он тоже кое-чего да кумекает,— сказано: подъем!

— Вот привязался!— «Мастер» весьма неосторожно взбрыкнул, доставив Таксисту массу неприятных ощущений.— Какая может быть реабилитация, если у меня только начался постельный режим?

— Твои пятки говорят об обратном. Шустро на велотренажер!

Конечно, если бы «Мастер» не выказал присущую для рысака прыть, то худобно, а возможно было отстоять (точнее, отлежать) тепленькое место в постели. Теперь же хочешь, не хочешь, а приступай к интенсивной реабилитации. «Мастер» извлек из-под подушки клочок туалетной бумаги, но здесь таксист явно не оплошал:

— Ни каких сортиров!— он прикрепил клочок к стене, чтобы курортник строго следовал распорядку дня.— Мы и так потеряли слишком много времени.

— Но хотя бы чисто по-человечески можешь меня понять? В конце концов, я готов задержаться в тренажерном зале сверх отведенного срока.

— Думаешь, ты один у нас такой спортивный? Здесь все подчинено строжайшему распорядку дня,— Таксист где-то даже с восторгом взирал на измятый клочок туалетной бумаги, словно это был шедевр кисти гениального художника.

— В гробу я видел такую оздоровительную методику! — не сдержал негатива Мастер, намереваясь, однако влезть в брюки.

— Где это видано, чтобы гимнастической зарядкой занимались в цивильном костюме?— Таксист ясно дал понять, что недостатка в негативе и у него не наблюдается,— ко всему прочему, на тебе классные велотрусы. Наверняка от Юдашкина! Короче, на велотренажере ты будешь смотреться совершенно обалденно.

— Такое ощущение, будто мне предстоит вилять задницей на весьма престижном подиуме. Но я не желаю быть девятой Наомкой!— «Мастер» уже всунул ногу в брючину, но таксист не очень вежливо вытряс его оттуда.

— Не переживай, с такими ногами, как у тебя, на подиуме делать нечего.

— Хочешь сказать, мои костыли даже до девятой Наомки не дотягивают?— не без чувства обиды отозвался «Мастер», разглядывая свои волосатые ноги.

— Я не собираюсь вступать на эту тему в дискуссию и уж тем более бежать за бритвенным станком,— Таксист грубо толкнул «Мастера» к выходу,— нельзя больше терять ни секунды!

— Такое чувство, будто вот-вот прогремит взрыв, и от нас если что и останется, то лишь резинка от трусов. Да и то — одна на двоих!— не на шутку перепугался «Мастер», переходя на рысь, но вскоре, однако, пришлось прибегнуть к экстренному торможению, поскольку тренажерный зал оказался совсем рядом,— сплошной «Кетлер»!— не сдержал он своих эмоций, войдя в довольно просторное помещение,— да здесь за время реабилитации можно сделаться настоящим качком!

— Уверен, восстановительный процесс не займет у нас много времени,— с ухмылкой констатировал Таксист.

Впрочем, «Мастер» и без всяких намеков отлично понимал то, что вся эта реабилитация не пойдет ему на пользу, и плата за предоставленные услуги может оказаться слишком высокой.

— Эх, прокачусь, да с ветерком!— «Мастер» запрыгнул на тренажер и яростно закрутил педалями.

— Не лихач, а то шею сломаешь,— до противного криво ухмыльнулся Таксист.

— И это вместо пожелания «счастливого пути»! Или думаешь, я такой тупой, что мне надо угрожать по сто раз на день?

— Разве я угрожаю? Напротив, я искренне пекусь о твоём драгоценном здоровье,— Таксист уперся обеими руками в спину «Мастера»,— давай-ка, подтолкну на горочку.

— Где ты видишь горку?— «Мастер» посмотрел на «толкача» так, словно тот сам нуждался в реабилитации.— Гимнастическую зарядку глаз давно делал? Похоже, давно, раз не усек спуск,— и он еще энергичней заработал ногами, показывая, как легко катить под гору.

— Стараешься оторваться?— Таксист включил «беговой» тренажер, отправляясь в погоню.— От меня еще никто не уходил!

— Пора ломать устаревшие традиции!— «Мастер» поддал жару, следя за спидометром.— Пятьдесят км. в час, шестьдесят...

— Я могу развивать скорость гепарда,— Таксист четко дал понять, чтобы велосипедист особенно не усердствовал,— а это как-никак сотня км в час!

— Гепарды быстро выбиваются из сил, так что уже через пару км я намерен увеличить отрыв до неприличного.

— А я не намерен тянуть резину: все разрешится уже в самые ближайшие метры,— Таксист увеличил частоту движений, и «Мастеру» вдруг показалось, что он проигрывает своему преследователю в скорости,— врешь — не уйдешь!— подзадоривал тот себя, и на какое-то мгновение почудилось, что из-под его подошв вылетели искры,— а теперь пора!

И в ту самую секунду, когда «Мастер» уже было хотел поднять не только руки, но и ноги, признавая свою безоговорочную капитуляцию, этот взбесившийся гепард прыгнул ему на шею!

— Говорил же, от меня еще никто не уходил.

— Эй, не удалось перегрызть мне шею, так давай теперь наверстывать упущенное? Это называется лечебно-оздоровительной реабилитацией?

— Кажется, я вошел в нечеловеческий раж,— к счастью, бешенство Таксиста оказалось непродолжительным,— да от такой гонки свихнуться немудрено.

— И я за то, что тебе пора менять профиль санатория,— прокричал «Мастер», морщась от боли,— готов выдать соответствующее направление, а то и путевку. Жаль, только туалетной бумаги поблизости нет.

— Да тебе самому пора менять тот самый профиль,— Таксист даже присвистнул, крутя у виска пальцем,— кто же использует под путевки туалетную бумагу?

— Под распорядок дня, значит, можно, а под путевки нет?— «Мастер» широко размахнулся, желая поскорее вернуть Таксисту должок, однако был схвачен за руку.— Ладно, отпусти: обещаю не хулиганить.

— Да я тебя не держу,— Таксист снова присвистнул, задействовав пальцы у обоих висков.

— Кажется, твои руки действительно заняты другими проблемами... Но кто же в таком случае надел на меня «браслеты»?— «Мастер» оглянулся и увидел улыбающуюся гражданку Хренову.— А ну, дай мне свободу!

— Только после того, как покинешь велотренажер,— нагло заявила та,— сейчас моя очередь крутить педали.

— Да кто бы спорил!— «Мастер» с радостью исполнил желание очередницы, и та сразу же взяла с места в карьер.— И чего так упираться, или лишний вес желаешь сбросить?— он устремил саркастический взгляд на прыщики, обозначающие груди.

— До идеальной фигуры мне жизненно необходимо сбросить что-то около полутора килограммов, и я в лепешку разобьюсь, но достигну поставленной перед собой задачи!— острые колени Хреновой задвигались с поразительной быстротой.

— Вот наяривает!— не сдержал своего восхищения «Мастер», наклоняясь к спидометру и легонько лягая таксиста.— Гепард, тебе здесь ничего не светит.

— Э, да она так доведет себя до полного физического истощения!— испугался тот, следя за стрелкой спидометра.— Сбрось обороты, немедленно сбрось!

— Не стой на пути — собью, как зазевавшуюся курицу!— выпучив глаза, закричала Хренова, и Таксист отскочил в сторону, как будто тренажер мог причинить ему какой-либо вред.

«Мастер» все больше убеждался в том, что сей санаторий предназначен для людей с неуравновешенной психикой.

— Кажется, я догадываюсь, как называется этот лечебно-оздоровительный комплекс — «Скоростные галлюцинации»,— невесело заключил он, косясь на взбесившуюся стрелку спидометра.

— Клевое название,— верно, от избытка гормонов радости Таксист ступил на беговую дорожку, отправляясь в погоню за велосипедисткой,— я чувствую себя супергепардом!

Стало совершенно очевидно, что никакие скоростные галлюцинации не уберегут шею велосипедистки от клыков гепарда, но «Мастер», к сожалению, не успел

скрыться за дверью, дабы не оказаться невольным свидетелем непреднамеренного убийства.

— Занятия по гимнастической зарядке еще не закончились!— строго предупредил то ли таксист, то ли гепард, указывая на байдарку.— Садись за весла, и не отставай!

— От вас трудно не отстать,— теперь уже «Мастер» присвистнул с особенным удовольствием, браво крутанув пальцем у виска.

— А ты приложи максимум усилий, и тогда увидишь, что не только не отстаешь, но и вырвешься вперед,— таксист не следил за «Мастером», потому-то не смог верно оценить ситуацию,— вот увидишь, вырвешься!

— Не приведи господи, вырваться!— отмахнулся тот, однако проигнорировать весла было бы верхом безумия, ибо гепард мог перепутать шею, причем умышленно.

— Вырвешься,— с высокой долей оптимизма заявил Таксист, начиная уставать,— только обещай следовать моим указаниям.

«Мастер» не стал тратить время на пустые обещания и, поплевав на ладони, взялся за весла.

— На старт, внимание, марш!— на одном дыхании выдал таксист, не переставая перебирать ногами беговую дорожку.

«Мастер» замахал веслами с такой частотой, с какой петух машет крыльями, взлетая на плетень. Однако развить скорость более десяти узлов никак не удавалось. А тут еще инструктор принялся вставлять палки в колеса, не обращая внимания на то, что таковых в байдарке днем с огнем не найти.

— Реже маши веслами, реже, иначе уже на первой миле сдохнешь!

— Если я не стремлюсь вас догнать и тем более вырваться вперед, значит, должен плестись в хвосте? Фиг вы угадали!

— Не теряй голову, курортник!— Таксист ясно дал понять, что быть гребцом — дело второстепенное.— К тому же, в моем арсенале имеется тактическая заготовка, благодаря которой твоя байдарка на целый корпус опередит на финише реактивный велосипед.

— Но я не стремлюсь подняться на высшую ступеньку пьедестала почета,— «Мастер» присвистнул, но, коль скоро руки прикипели к веслам, задействовать палец у виска не удалось,— более того, я смахну украдкой счастливую слезу в тот самый момент, когда медали украсят ваши мускулистые груди,— он покосился на знаменитые прыщики, уличая себя в лести.

— Но я не бросаю обещаний на ветер!— несмотря на усталость, Таксист увеличил скорость дорожного полотна.— И я сделаю из тебя чемпиона, только поклянись следовать моим указаниям.

— О чемпионстве базара не было,— в отличие от инструктора «Мастер» поумерил свой пыл,— мне пожелали всего-навсего оказаться впереди.

— Это одно и то же!— нечто похожее на свист вырвалось из груди уставшего бегуна.— Без отменной функциональной готовности, психологии чемпиона и, главное, без уже упоминавшейся тактической заготовки гребцу ни в жизнь не обойти неутомную велосипедистку,— он не совсем уважительно посмотрел на раскрасневшуюся Хренову, с неизменным остервенением давившую на педали.

Не надо быть шибко смышленным, дабы «догнать» то, что приоритетной составляющей в достижении высшей ступени пьедестала почета является уже набившая оскомину тактическая заготовка. И сколько бы «Мастер» ни упирался, быть ему чемпионом и точка! Одно смущает: как определить победителя в этой сумасшедшей гонке (точнее, в гонке сумасшедших), если тренажеры стоят на месте? Короче говоря, финиш произойдет какой-то весьма сомнительный.

— Кажется, гребец готов уже сейчас взять на вооружение ту самую заготовку?—

нажатию кнопки непревзойденный стратег придал дорожному полотну умеренное движение, справедливо полагая, что спешка если где и уместна, то лишь при ловле блох и нисколько при разработке тактического плана,— я не слышу задорного «Всегда готов!»

— Какой тут задор, если язык хоть на плечо вешай?

— А ты перекури — все равно золотая медаль никуда от нас не денется.

— С чего бы такая забота: и курево, и золото?..

— Хочу, чтобы из «Скоростных галлюцинаций» ты вынес самые лучшие впечатления и, подводя на закате лет итоговую черту, смог честно себе признаться: только здесь уделялось, уделяется и будет уделяться наиболее пристальное внимание здоровью человека,— чувства захлестнули бегуна, и он уже был готов разрыдаться, как гребец испортил-таки ему праздничное настроение:

— Пристальное внимание... А как же общеизвестное правило: курить — здоровью вредить?

— Только не надо пускать дым в глаза! Подобное правило изобрели жмоты — эти быстрее удавятся, чем выложат денежку за пачку сигарет. Впрочем, сейчас правильной подумай о собственной репутации: до финишного старта осталось всего несколько прямых и точно столько же поворотов,— Таксист покинул беговую дорожку и, сев на нос байдарке, наклонился к «Мастеру»,— когда велосипедистка начнет подниматься по горному серпантину, сделаешь резкий поворот направо и по виадуку мотанешь через ущелье. Срежешь миль двадцать!

— На байдарке да через ущелье? Будь я, гепардом, тогда без вопросов!

— Гепардом надо было родиться, а чемпионами становятся. Улавливаешь разницу?— не без высокомерия заявил еще в недавнем прошлом таксист, чуть позднее — бегун, а вот теперь — самый обыкновенный пешеход.— Однако не станем отвлекаться: долгожданное ущелье не за горами!

— Но я ничего подобного не вижу!— «Мастер» придал своей голове вращательное движение.

— Не туда глазеешь, посмотри на велосипедистку. Тебе не кажется, что она уже не столь активно заостряет наше внимание на своих угловатых коленках?

— Действительно, не так празднично давит на педали.

— А ты думал легко взбираться по серпантину?

«Мастер» машинально поднял голову, но взгляд не ушел дальше потолка.

— Просто велосипедистка подустала.

— Конечно, вялость икроножных мышц не стоит сбрасывать со счетов, но если бы не крутой подъем... Однако внимание — ущелье!

На сей раз «Мастер» машинально опустил голову, но взгляд не ушел дальше пола.

— Ущелье? С чего бы оно здесь образовалось?

— Не доверяй собственным глазам, положиись на другого. Согласись, велосипедистка все чаще поглядывает вниз.

— И что с того?

— Боится сорваться в ущелье!

— Тебя не проведешь.

— Потом будешь подхалимничать, а сейчас...

— Всегда готов!— «Мастер» предвосхитил команду «напра-во!»), пулей выскочив из байдарки.

— Зачем оставил весла?

— Но ведь они будут мешать переправляться по узкому виадуку! Поможешь толкать лодку?

— Ты совсем того или наполовину?— пешеход противно присвистнул, подкрутив что-то ногтем на виске.— Или прикажешь снимать тренажер с болтов?

— Если уж я того, то кто же тогда ты? Или мне привиделись все-эти серпантины да ущелья?

— Только без диагнозов! Подумал бы своей обезвоженной тыквой,— пешеход поднял с пола стоявший рядом с кадкой монстеры кувшин, который перевернул над головой «Мастера», освежив ее остатками воды,— если бы я был того, и мне привиделось ущелье, разве ты стоял бы здесь, нагло улыбаясь?

— Никак столкнул бы?

— И глазом бы не моргнул!— без намека на улыбку отозвался пешеход, и Мастеру сразу вдруг расхотелось кривить губы.

— Ладно, погребли дальше,— «Мастер» снова взял в руки весла, и почти тут же последовала команда «направо!»

И хотя байдарка, по понятным причинам, стояла на одном месте, пешеход оказался чрезвычайно недовольным таким поворотом событий.

— Я же не сказал «налево»!

— Будто это что-то изменит?— проворчал «Мастер», подключая к работе очередную группу мышц,— лодка-то все равно стоит, как вкопанная.

— Сачковать меньше надо — маши веслами загребастей!

— Чтобы сорвать тренажер с болтов?

— Обойдемся без вандализма! К тому же, взятая гребцом скорость вполне соответствует поставленным перед ним задачам.

— Да не точу я ничему соответствовать!— «Мастер» бросил весла, что только порадовало пешехода.

— Да ты природенный байдарочник! Нет, вы только посмотрите, как четко вписался в поворот! А теперь постепенное ускорение. Хорошо, хорошо, молодчина!

И хотя «Мастер» не пошевелил и пальцем, пешеход не переставал удивляться, с какой виртуозностью байдарка преодолевает, пожалуй, самый сложный участок пути — виадук.

— Не гребец, а золото! Нет, вы только посмотрите: не задел ни единого колокольчика!!

— Это еще что за новости?

— Колокольчики используются горцами для предупреждения о надвигающейся опасности. Вокруг столько недружественных тейпов!

«Как все-таки важно вовремя бросить весла»,— подумал «Мастер», подпадая под влияние неадекватно мыслящего пешехода.

— А теперь, когда виадук позади, не упустить бы время для решающего старта,— пешеход поднял над головой руку, намереваясь сделать отмашку — сигнал к финишному ускорению.

— Всегда готов!— в который уже раз отпартовал «Мастер» о своей физической состоятельности, беря в руки весла.

— Терпение, гребец, терпение: подпустим велосипедистку поближе,— пешеход следил за Хреновой,— еще ближе... еще... а вот теперь давай, родной! Загребастей, еще загребастей! И раз, и два, и три!..

«Мастер», что есть силы заработал веслами, и, хотя байдарка ни на сантиметр не сдвинулась с места, стало ясно: на финише он будет первым.

— Давай, родной, давай родимый!— пешеход бурно поддерживал «Мастера», и тот даже ощутил себя участником традиционной регаты, проходящей между студентами кембриджского и оксфордского университетов.— И раз, и два, и двадцать два!

Однако довольно быстро «Мастер» стал уставать, и взмахи веслами уже не казались победными, что не преминуло отразиться на настроении болельщика, затянувшего отнюдь не оптимистичную песню:

— Эх, ухнем, еще раз, да еще раз!

— Лучше бы ухал по воде веслами,— «Мастер» весьма прозрачно намекнул на оказание конкретной помощи, окончательно свихнувшись на регате известного толка,— обойдут оксфордцы, как два пальца обмочить, обойдут!

— Похоже, так оно и произойдет,— обреченно выдохнул пешеход, наблюдая, с каким остервенением велосипедистка давила на педали,— может, на наше счастье покрышку в колесе пробьет?

Поскольку велотренажер не был оборудован колесами, «Мастер» в фортуна не верил, однако неожиданный хлопок и последовавший за ним радостный возглас заставили в значительной мере подкорректировать точку зрения.

— Одно колесо накрылось!— ликовал пешеход и, сунув за щеку палец изобразил точно такой же хлопок, который случился мгновением раньше.— А вот и другое разделило участь собрата!

Конечно, то было всего лишь совпадением, но нельзя не признать, что давление на педали в значительной степени снизилось, а уже через минуту и вовсе сошло на нет.

— Наш противник выкинул на ринг полотенце!— восторженно объявил пешеход, запев небезызвестное «Мы — чемпионы!» из репертуара группы «Куин».

«Мастер» задрал нос и вальяжно, как и подобает безоговорочному фавориту, опередившему всех остальных на корпус авианосца, задвигал веслами. Пешеход где-то разжился полосатым полотенцем, которое, вероятно, предназначалось для вытирания пота, и отдал его чемпиону.

— Лицо я вытру сам, а о ногах ты позаботишься,— с очевидным зазнайством проинформировал «Мастер», полагая, что возле него начинают виться льстецы, желающие примазаться к славе новоиспеченного чемпиона.

— Только не надо осквернять государственные символы!

— Это ты, что ли, символ?

— Я — достояние, а символ вот это,— пешеход взялся за конец полотенца.

— Эта тряпка символ?— усмехнулся «Мастер», на что пешеход отреагировал весьма серьезно:

— Не смей оскорблять государственный флаг!

И только тут до «Мастера» дошло, что висит на его потной шее. Однако не слишком ли пешеход злоупотребляет патриотическими чувствами? Нет, «Мастер» не против того, чтобы пересечь финишную черту, гордо неся нал головой государственный символ, но полотенце-то все равно останется полотенцем.

— Давай, обойдемся без пренебрежительного отношения к соперникам,— «Мастер» с сочувствием посмотрел на велосипедистку, нехотя покидавшую свой спортивный снаряд,— или они виноваты, что какой-то мерзавец устроил им прокол в полном понимании этого слова?

— Без мерзавцев в спорте побеждал бы отнюдь не сильнейший,— уверенно сказал пешеход, отлично сознавая, в кого были пущены критические стрелы.

Продолжение дискуссии поставило бы под сомнение первенство гребца, которому ничего не оставалось, как только вознести над своей головой государственный символ. Дабы ни у кого не возникло сомнений в том, что победа достигнута за явным преимуществом, чемпиона принудили финишировать шагом. Более того,— пятками вперед!

— Для полного счастья не хватает чемпионской бутылки шампанского,— сыронизировал Мастер, плохо представляя, чем все это может закончиться.

А коль скоро пешехода, ставшего вновь таксистом, заносило не только на крутых виражах, то ему вдруг показалось, будто чемпион возжелал освежиться после столь изнурительного состязания. Ко всему прочему, кувшин оказался под рукой, а раковина с водопроводной прохладой — в паре шагах. Короче говоря, очередная порция

«дури» пролилась на голову «Мастера», и тут уже полотенце было использовано по прямому назначению.

— Где, спрашиваю, предел подхалимству?— «Мастер» воздел руки к потолку, в то время как Таксист конструировал на его голове чалму из полотенца,— я бы еще понял, предложи мне освежиться в душевой кабине.

— До кабины нужно было еще дойти, на что у чемпиона совершенно не осталось сил,— констатировал Таксист, любуясь известного толка конструкцией.

— Конечно, я еле таскаю ноги, однако до столовой добежал бы на удивление резво,— признался «Мастер», в последнее время отдававший предпочтение подножному корму, и это несмотря на то, что пребывание у долины «Яств и удовольствий», по большому с чету, должно было открывать широкие перспективы,— полагаю, тамошнее меню состоит в основном из мясных блюд,— он жадно зашевелил ноздрями, надеясь уловить запах готовящегося в духовке гуся.

— Никакой обжираловки!— верно, мстя за поражение, заявила велосипедистка, ставшая вновь гражданкой Хреновой,— исключительно натурпродукты растительного производства.

— От чего ушел, к тому и пришел,— невесело усмехнулся «Мастер»,— однако, в отличие от некоторых, я не стремлюсь стать жертвой диеты,— он выразительно посмотрел на Хренову, ставшую, казалось, еще худее.

Оно и понятно: гонка случилась поистине изнуряющей!

— А кто призывал к снисходительному отношению к проигравшим?— Таксист хоть и глядел на «Мастера», но душа его все явственней тянулась к Хреновой.— Пожалуйста, без оскорблений!

— Выходит, кормить меня вообще не собираются?— «Мастер» сделал весьма неутешительное открытие.— А как же чемпионский банкет?

— Но ведь мы преследовали совершенно другие цели, ничего общего со спортивными достижениями не имеющие,— развел руками Таксист.

— То есть как не имеющие? Столько пота пролито!

— Только что завершившийся праздник дружбы и молодости продемонстрировал всему миру функциональную готовность отдельно взятого спортсмена. Я имею в виду гребца, чья задница первой пересекла финишную черту.

— Да ты же сам настоял, чтобы я финишировал не как все нормальные деятели спорта, с выпендрежем!

— Славой после сочтемся,— отмахнулся Таксист, словно не понимая, о чем идет разговор,— главным же итогом завершившегося праздника дружбы и молодости являются установленные нами сроки пребывания чемпиона в границах «Скоростных галлюцинаций». Спешу чемпиона обрадовать: уже завтра ноги его тут не будет!

— Спасибоочки, конечно, но я, в общем-то, никуда не тороплюсь: реабилитация должна стать максимально полезной для моего ослабленного организма. И здесь трудно переоценить полноценное и весьма калорийное питание. И где же у нас столовая?

— В столовой сегодня исключительно рыбные блюда, так что предлагаю поискать свое счастье в прилегающей к санаторию лесополосе,— с известной долей наглости заявила Хренова.

— Да я по горло сыт всякого рода ягодами да грибами!— вскипел «Мастер».— Семгу хочу, балык, икру всех расцветок! Реабилитироваться так по полной программе.

— В этом абсолютно нет никакой нужды!— радостно сообщил Таксист.— Только что завершившийся праздник дружбы и молодости показал, насколько чемпион физически развит. Короче, завтра можешь не выходить на гимнастическую зарядку и напрямик за ворота «Скоростных галлюцинаций»!

— Тогда уж лучше сегодня,— зло усмехнулся «Мастер», срывая с головы чалму.
— Сегодня астрологи не советуют предпринимать сколько-нибудь ответственных решений,— Таксист принялся за восстановление известной конструкции.
— Да чего ты меня наряжаешь?— взъерепенился «Мастер».— Не верю я в предсказания звездочетов, не верю!
— И тем не менее разумней не рисковать,— Таксист, несмотря на противодействие, продолжал конструировать чалму,— вот ты по гороскопу баран, а им сегодня все рога пообломают!
— Я — рак.
— Еще хуже: раком поставят!
— Почему это хуже?— вмешалась в разговор Хренова.— Может, это его любимая поза.
— Да ты, оказывается, не столько жертва диеты, сколько жертва половой распущенности!— все больше заводился «Мастер», не желая покорно сносить оскорбления.— Впрочем, если уж вы так настаиваете, я готов потерпеть до завтра. Но семга чтобы была!
— Разве сделать исключение?— тяжело вздохнул Таксист, уклоняясь от протестующего взгляда Хреновой.— Беря во внимание заслуги чемпиона перед страной и перед грядущим поколением.
— Я бы не стала взваливать на себя такую огромную ответственность.
— А ты ничего и не взваливай. Просто сгоняй в столовую,— на сей раз Таксист предпочел не уклоняться от взгляда Хреновой, и та поспешила покинуть тренажерный зал.

* * *

Значит, самое интересное должно произойти сегодня. В противном случае реабилитационный процесс растянулся бы на неопределенное время. Чему «Мастер» не очень бы огорчился, поскольку «Скоростные галлюцинации» — это то гнездышко, где приятно коротать дни, тем более погода заметно испортилась. И кроме всего прочего, приказ Майора исполняется весьма четко: «Мастер» обосновался на даче, правда, не друзей, а совсем даже наоборот. Впрочем, у друзей дачки весьма скромненькие, а здесь есть все, чтобы забыть о внешних факторах, проявляющихся в гуле моторов, с трудом пробивавшегося сквозь частокол сосен, представлявший собой некий акустический барьер, будто бы специально возведенный между автострадой и «Скоростными галлюцинациями». И там и тут шустрят по-своему!

Диву даешься, как Хренова ловко передвигается по корту! Таксист явно уступает ей в маневренности, что не могло не отразиться на счете: первый сет взят Хреновой вчистую. В этой связи раздражение Таксиста объяснить совсем несложно.

— Мальчик, разве ты не чувствуешь, что дождь опять начинается?

«Мастер» поставил на столик банку с килькой (семги, видите ли, не оказалось!) и нехотя отправился расстилать водонепроницаемое покрытие. Конечно, пребывать в качестве уважаемого зрителя куда приятней, чем прислуживать этим, с позволения сказать, теннисистам, возомнившим себя участниками одного из этапов «Большого шлема». Однако правила игры устанавливает здесь отнюдь не «Мастер», и возмущаться особенно не приходится.

— Мальчик, разве ты не чувствуешь, что дождь прекратился?— проворчал Таксист в тот самый момент, когда водонепроницаемое покрытие обеспечило корту надежную защиту от воздействия на него атмосферных осадков.

Пришлось «Мастеру» проделать работу в обратном порядке. Но стоило теннисистам вновь взяться за ракетки, как небо в очередной раз «прохудилось».

— Не разумней отложить соревнование на завтра?— прогнусавил «Мастер», расстилая водонепроницаемое покрытие.

— Завтра уже некому будет следить за состоянием игровой площадки, да и зрителей значительно поубавится,— важно заметила теннисистка.

Учитывая тот факт, что в лице «Мастера» данное соревнование приобрело и мальчика, и зрителей, то опасения Таксиста покажутся отнюдь не беспочвенными.

— Но я не желаю пахать, не разгибая спины!— доводы «Мастера» также казались чрезвычайно весомыми.— Но коль уж все сложилось как сложилось, то и кормить меня надо соответствующим образом. Нет, право, сейчас даже в подворотнях не закусывают килькой в томатном соусе!

— Складывается впечатление, будто Желе для того только и родился на свет, чтобы пожрать за чужой счет,— а вот Хренова высказала отнюдь не бесспорную точку зрения, к чему, собственно, уже можно было привыкнуть.

— Для чего уж точно я не родился, так это мокнуть под дождем,— «Мастер» казался весьма убедительным, не забывая при этом разглаживать морщины на водонепроницаемом покрытии.

— Только не надо строить из себя мученика,— усмехнулся Таксист, выставив перед собой руку,— дождя-то и в помине не наблюдается!

— Проклятье, неужели нужно опять сматывать манатки?— не сдержал своего возмущения «Мастер», с нескрываемой ненавистью глядя на водонепроницаемое покрытие.— Давайте подождем, когда дождь вновь возобновится.

— А если не возобновится?— Таксист взирал из-под тяжело нависших бровей, отчего еще больше не верилось в благосклонность природы.— Кто ответит за то, что зрители прохлопали глазами впустую?

— Да ни за что не надо будет отвечать,— твердо сказал «Мастер», учитывая мнение зрительской аудитории, которую сам же и представлял,— публика подобралась понимающая!

— У меня на сей счет иное видение,— Таксист обвел глазами предполагаемые трибуны и, обнаружив сторожевого пса, еще больше укрепился в собственном мнении,— только дай повод, и нас разорвут на куски. Готовь же, мальчик, корт к жарким баталиям!

«Мастер» не стал спорить, тем более между тучами обозначились проблески надежды на хорошую погоду. Однако стоило теннисистам возобновить игру, а «Мастеру» — трапезу, как пес начал довольно яростно выказывать свое неудовольствие, устремившись к воротам, к которым подкатила какая-то машина.

— Проклятье, даже и в плохую погоду не дают расслабиться!— Таксист швырнул ракетку, отправляясь открывать ворота.

Впрочем, до ворот руки не дошли, и когда Таксист скрылся за калиткой, «Мастер» ощутил такой прилив сил, что пущенный им мяч улетел далеко за пределы корта. Пришлось бежать за мячом до самых ворот, заглянуть за которые труда не составило. Труповозка! Да, да, номер фургона соответствовал тому номеру, который встречался «Мастеру» у «Второго дыхания». Как же все в жизни переплетено! Из кабины выбрался Тарзан, и Таксист поспешил занять его место. В общем, руль оказался в руках настоящего профессионала. Однако пора возвращаться на корт...

Впрочем, завершить сет так и не удалось, поскольку Тарзан увидел в Хреновой ту, с которой, по его же глубокому убеждению, «приятно поиграть». И сколько ему не втолковывали, что на соревнованиях «Большого шлема» если кого и недостает, то лишь мальчиков из команды обслуживания, новоявленный теннисист упрямо твердил: «Хочу поиграть с этой чемпионкой!» Он, правда, не уточнил, в каком виде спорта преуспела гражданка Хренова. Впрочем, выдающихся результатов возможно достичь и вдали от спортивных арен...

— Намекаешь, чтобы я шустро свалил?— невесело улыбнулся «Мастер», прекрасно сознавая то, что без известных мальчиков, равно как и без зрителей сорев-

нования подобного ранга утерять в своей значимости,— не смею больше капать на нервы.

— Но ведь что-то же должно капать!— Тарзан с прищуром посмотрел на небо, где сквозь серые облака все увереннее проглядывало солнце.

— Мда, санаторий «Скоростные галлюцинации» все очевидней оправдывает свое название,— «Мастер» пристально взгляделся в глаза Тарзана, стремясь отметить в них симптомы легкого помешательства, а может, даже и не легкого!— желаю победы и обязательно с сухим счетом.

— Ни с места Полярник!— Тарзан использовал ракетку в качестве шлагбаума.

— Послушай, теннисист, разве я не ясно дал понять, что сухой счет ни в жизнь не случится, если здесь что-то будет капать?

— Только не надо держать меня за идиота, но на данном этапе куда важнее заполучить от тебя благодарность.

— Ох, и бабник же ты, теннисист!

— Не съезжай с рельсов, Полярник!

— И не думаю никуда съезжать: под благодарностью ты понимаешь «евы», да?

— Ну да,— Тарзан часто заморгал, адресуя Хреновой свою растерянность,— «ева» — это не имя, а европейская валюта.

— Но я же ничего тебе не должна!— возмутилась гражданка, не верно истолковав направленный на нее взгляд.

— Зато то же самое не может сказать о себе Полярник,— Тарзан значительно подкорректировал собственное зрение.

— Нет, ты не бабник, ты хуже!— весьма эмоционально отозвался «Мастер».

— Хуже?— насторожился Тарзан.— И кто же я есть в твоём понимании?

— Вымогатель!

— Бывает и похуже,— отчего-то вдруг сразу повеселел Тарзан, за которым, конечно же, водились и не такие грешки,— у тебя путевка по какое число?

— Завтра его уже здесь не будет,— проявила инициативу Хренова, хотя никто ее о том не просил.

— Завтра?— Тарзан с каким-то даже состраданием посмотрел на «Мастера»,— с благодарностью надо бы поторопиться.

— Легко сказать, поторопиться! Кто бы мог подумать, что мы будем отдыхать в одно время? Впрочем, если мне позволят на несколько часов отлучиться, с благодарностью будет все о'кей.

— Да кто же тебе позволит отлучиться?— Хренова смотрела на «Мастера», как на законченного дебила.— Знаешь, сколько дров можно наломать за твои несколько часов?

— Не знаю, но хотелось бы узнать,— не задумываясь, выдал тот, хотя надо было бы взвешивать каждое слово.

— А может, сократить отлучку до нескольких минут?— Тарзан опустил «шлагбаум», что являлось добрым знаком,— ведь десять кусков на дороге не валяются!

— До нескольких минут...— ухмыльнулся «Мастер»,— да что я, реактивный?

— За пару часов можно было бы обернуться,— задумчиво произнесла Хренова, отлично понимая, что ей предлагают войти в долю,— но за двумя зайцами погонишься... Нет-нет, санаторный режим нельзя нарушать ни под каким предлогом!

— На «Харлее» возможно это время сократить...— не унимался Тарзан, отметив нерешительность Хреновой, которая, судя по всему, сама способна руководить всякого рода игроками.

— «Харлей»— это здорово, но вчера я вернула ключи моему благодетелю. Это только для стороннего наблюдателя все у нас идет, как по накатанному.

— Но ведь можно же что-то придумать!— Тарзан неотрывно следил, прямо сказать, за руководительницей.— Треть благодарности — твоя!

— Режим есть режим,— вздохнула та, разводя руками.
— Половина твоя!
— Но ведь курортника обязательно спохватятся.
— Хорошо, мне — треть, а остальное забирай себе,— Тарзан пошел на беспрецедентные уступки,— но если что, выкручиваться придется самой.
— Уж здесь-то мне равных нет!— сразу как-то вдруг приободрилась Хренова и, задержав на «Мастере» взгляд, задумчиво произнесла.— А не поступить ли нам проще?
— Даже если бы мне и было, кому позвонить, не уверен, что обозначенную сумму доставили бы уже сегодня,— резонно заметил Мастер, быстро разгадав, что скрывается за словом «проще».
— Давайте повременим с выпиской,— внес предложение Тарзан.
— Главврач уже подписал распоряжение о выписке курортника.
— Я могу сходить к этому распорядителю и настоять на продлении санаторно-курортного лечения,— не совсем уверенно произнес Мастер,— где кабинет главврача?
— Думается, ссылки на благодарность известного рода покажутся ему малоубедительными,— а вот голос Хреновой звучал довольно твердо,— и вообще, нашей затее никто больше не должен знать.
— Да я сам в том заинтересован, поскольку не желаю оказаться за решеткой,— поморщился «Мастер», ощутив резь в животе.
— Сильно били?— как бы между делом полюбопытствовала Хренова.
— Сильно,— соврал «Мастер», однако понять его было легко: боль в животе казалась нешуточной,— нет, в тюрягу я больше ни ногой! А чтобы меня не повязали, необходимо изменить внешность. Кстати, паричка лишнего у Таксиста-бегуна не найдется?
— Мы поступим проще,— зло отреагировала Хренова, передав «Мастеру» значительную долю своего негатива.
— Но ведь мы пришли к единодушному мнению, что звонить, по крайней мере, глупо!
— «Проще» имеет несколько значений, в том числе и такое, как сопровождение неблагонадежного лица до пункта его назначения.
— В чем же здесь простота?— возмутился «Мастер», путаясь во всей этой казуистике.
— А в чем сложность?— в свою очередь возмутилась Хренова.— Вот этот Арнольд,— она ткнула в бицепс Тарзана,— и сопроводит тебя до сейфа.
— До какого еще сейфа?— обнаружил «Мастер» удивительную бестолковость.
— Где лежат две третьих благодарности, по праву принадлежащих мне.
— Я прекрасно найду дорогу и без всякого там Арнольда!
— К сейфу — безусловно, а вот обратно...
— Бойтесь сбегу, оставив вас у разбитого корыта?
— Ну, если курортник сбежал из тюряги...— аргументы Хреновой казались весьма весомыми.
— Действительно, все говорит против меня,— «Мастер» повертел головой, высматривая кустик, за которым было бы возможно ослабить давление на брюшную полость,— Арнольд, надеюсь, проходил альтернативную службу в армии?
— К чему ты клонишь?— насторожился Тарзан, не спуская с «Мастера» колючих глаз.
— Опыт санитаря имеется? Тогда захвати на всякий пожарный судно и айда за благодарностью.
— Я служил в воздушно-десантных войсках, о чем поведал тебе еще на аэрошоу!
— Выходит, зря сапоги топтал?

— Как это зря?— проревел Тарзан, делая «Мастеру» больно.

— Я и без того страдаю!— «Мастер» попытался высвободить плененную руку, но ничего из этого не вышло.— Нет, ты прояви объективность, прояви! А если не в состоянии взглянуть на себя со стороны, я готов, разумеется, временно стать твоими глазами. Всмотрелся? А теперь скажи, чем может быть полезен болван, только и умеющий, что колоть кирпичи о собственную голову?

— Почему обязательно о собственную?— Тарзан посмотрел на «Мастера» так, что тот поспешил втянуть голову в плечи.

— Кажется, вы увидели друг в друге то, что сблизит вас на долгие годы,— Хренова, пряча улыбку, сделала весьма не бесспорное заключение,— а теперь бегом за сейфом, точнее, за тем, что в нем находится.

— Я стану быстрее пули!— «Мастер» с такой скоростью рванул за куст, что вряд ли стоило сомневаться в искренности его слов.

Между тем Тарзан подчистую опорожнил банку с килькой.

— Не плохо здесь кормят,— обратился он к «Мастеру», когда они покинули территорию этого с позволения сказать санатория.

— Уверен, скоро ты станешь придерживаться прямо противоположного мнения,— усмехнулся «Мастер», чей побег за куст принес лишь временное облегчение.

— Не расстраивайся, Полярник, набыю карманы благодарностью — свожу тебя в ресторан!

— Мне нельзя светиться в ресторане.

— Я это уже понял. Да, что ты там говорил о парике и о каком-то таксисте-бегуне?

— Ни о каком-то, а о том самом, кому ты передоверил руль труповозки.

— Просвещенный,— криво ухмыльнулся Тарзан,— но при чем тут парик?

— А при том, что парик вкупе с темными очками способствовал Таксисту в изменении внешности!

— Таксист и без всякого изменения считает себя малым хоть куда.

— Дело-то вовсе не в красоте: Таксист не желал быть узнаваемым! Вот и с Вероникой он разделался, напялив на себя весь этот маскарад.

— С чего Полярник взял, будто Таксист убил Веру... ну, Веронику?— Тарзан резко остановился, принуждая «Мастера» сделать то же самое.

— Но ведь ты и без моей подсказки о том догадывался?— спокойно произнес «Мастер», вспомнив, с каким настроением Тарзан переступил порог «Солдатика», где за одним из столиков его поджидала «святая троица»: Таксист, Хренова, Кочегар.

— Догадывался, но мне нужны факты!— Тарзан схватил «Мастера» за грудки, чему тот не слишком обрадовался:

— Факты нужны? А я полагал, «евы»!

— Никакая Ева не заменит мне Веронику!— Тарзан принялся яростно трясти «Мастера», словно таким, весьма примитивным, способом возможно было разжиться необходимыми фактами,— что же ты молчишь, сукин сын?

— Говорю же, плохо, что ты не нес службу в альтернативных войсках.

— Не строй из себя кретина!

— Я не люблю кривить душой, вот и сейчас я никого из себя не строю, разве что человека, у которого шибко расстроился живот. Кажется, судно мне может понадобиться с секунды на секунду...

Осознав, что тряска способствует приближению к не очень приятной развязке, Тарзан оставил-таки в покое своего визави. Впрочем, на то имелись и более веские основания.

— Проклятье, кажется, с судном я действительно промахнулся,— схватившись за живот, Тарзан сошел с дороги и скрылся в кустарнике.

Рыбные консервы оказались совершенно не годными к употреблению! Однако «Мастер» не собирался дожидаться, когда Тарзан оторвет от земли свой многострадальный зад, и неторопливо свернул на проселочную дорогу. До автострады, где они надеялись тормознуть попутку, было гораздо дальше. На дороге явственно проступали следы от протекторов. С большой долей ответственности возможно утверждать, что именно здесь прокатилась труповозка. Конечно, основной своей задачей «Мастер» считал уклонение (потому и свернул!) от благодарности, но и спасение собственной жизни тоже ведь дорогого стоит! Действительно, то, что никакой выписки не случится, ясно уже сегодня, ну а завтра «Мастера» просто-напросто вынесут за ворота вперед ногами, что, в общем-то, сути дела не меняет. Конечно, для того, чтобы избежать встречи с таксистом, чье возвращение по проселочной дороге несложно спрогнозировать, разумнее было отправиться другим путем. Но «Мастер» предпочитал не увиливать от лобовой атаки, на которую мог отважиться его, пожалуй, самый главный оппонент. К тому же интуиция подсказывала, что изуродованную колесами кривую по праву возможно назвать «дорогой смерти». Отчего не «жизни»? Да оттого, что труповозка и жизнь,— понятия совершенно несовместимые!

Несмотря на грозные оклики своего провожатого, «Мастер» углубился в лес где-то на пару километров, но никакой атаки так и не последовало. Мало того, он очутился у развилки дорог, где встал вопрос, куда податься дальше. Поскольку определить, в какую сторону свернула труповозка, оказалось много легче, чем заблудиться в трех соснах, вопрос отпал сам собой, действительно «прочитать» отпечатки протекторов на сырой после дождя земле смог бы даже второгодник начальной школы. Так или иначе, но вероятность лобовой атаки резко возросла, что, в общем-то, вскоре нашло свое подтверждение. Труповозка, правда, стояла с заглушенным двигателем, и посему крутых виражей ожидать не приходилось. Да и Таксист, судя по тому, с какой ленцией махал лопатой, не собирался производить кардинальных перемен в своей судьбе. Впрочем, и «Мастер» предпочел не спешить с криками «ура», а тихо-мирно приступить к рекогносцировке местности. Однако поляна размером с баскетбольную площадку в длительном изучении не нуждалась, поскольку на ней трудно было что-либо угадать. Любопытнее другое: на какую глубину «закопается» Таксист. Всего-то не многим выше пупа! Куда это он теперь намылился? К труповозке, ясное дело! Что-то он затерялся в фургоне! Может, нужна помощь?

— А я-то думаю, куда это теннисист запропастился!— судя по всему, своим внезапным появлением «Мастер» сильно озадачил Таксиста.

— Кто тебе позволил нарушать санаторный режим?!

— Новый спарринг партнер теннисистки-велосипедистки. Он так и сказал: «Хочу поиграть с этой чемпионкой и — без свидетелей!» Мне ничего не оставалось, как только отправиться за морошкой.

— Морошка — болотное растение, а здесь сосны в пять этажей!

— Вот и я о том же подумал: не наберу ягод, то хоть шишками разживусь. Но тут возникают проблемы с транспортировкой, и хорошо, что ты захватил с собой вот это лукошко,— «Мастер» постучал по фургону,— здесь много лесных даров разместится. Признайся, хитрец, ведь ты предвидел, что мне не обойтись без твоей помощи?

— Все предвидеть нельзя,— Таксист покинул фургон и взял лопату наперевес, намереваясь использовать ее вместо штыка,— в противном случае я не оставил бы пистолет дома.

— Полагаешь, местные свиньи, то бишь кабаны, станут с клыками во рту отстаивать богатства своей территории?— невзирая на всю безысходность своего положения, «Мастер» нашел-таки силы для шутки.— Но, кажется, ножом ты владеешь не хуже, чем пистолетом?

— На что намекаешь?— насторожился Таксист, приостановив наступление.

— На то, что свиней, как правило, забивают ножом.
— Ты хотел сказать совсем другое!
— Мало ли, что я хотел сказать! Правда ведь не каждому нравится...
— Я — исключение из правил.
— Что-то не похоже,— «Мастер» устремил на «штык» красноречивый взгляд.
— И почему люди с таким предубеждением относятся к орудиям труда?— Таксист вогнал лопату в землю, как бы выказывая добрую волю, что, впрочем, не ввело «Мастера» в заблуждение, который попросил оппонента отойти от «мирного» черенка на несколько шагов.
— Я, значит, отойду, а ты схватишься за орудие, и как начнешь все кругом лопатить, как начнешь!
— Да тут и перелопачивать уже нечего,— «Мастер» окинул взглядом поляну, походившую на гигантский маскхалат: темный сектор, и тут же— светлый, темный и снова — светлый,— могил-то сколько!
— Ты что это буровишь, приятель?— передернулся в лице Таксист.
— Слова-то какие выискивает!— «Мастер» ощутил себя оскорбленным.— А это по-твоему не могила?— он указал взглядом на вырытую яму.
— Может, я клад хотел здесь закопать, и вот из-за тебя придется теперь лопатить в другом месте.
— Клад,— усмехнулся «Мастер»,— а золотишко в брезенте привез? Не утопленник ли там?
— Да ты не Полярник и даже не Желе. Ты — экстрасенс!
— Хорошо, хоть не бабка-гадалка,— «Мастеру» все сложнее приходилось шутить, поскольку он уже не сомневался в том, что под ногами — самое настоящее кладбище,— сровнял, значит, с землей покойничков и сверху дерном прикрыл? Если боишься, что кто-либо обнаружит это захоронение, не правильной ли не свозить трупы в одно место?
— Если на то пошло, чего мне бояться? Это бесхозные покойнички, ну те, чьим погребением родственники не захотели заниматься.
— А может, это те, кто отказал вам в благодарности?
— Полярник даже не экстрасенс, а суперэкстрасенс,— без былого восхищения произнес Таксист,— но если тебе отказали в благодарности, то, значит, и ты должен ответить тем же? Лично мне претит подобное правило, потому-то я и берусь за лопату, дабы покойнички не ощущали себя обездоленными. Уж мне-то хорошо знакомо подобное чувство! И ко всему прочему, я неисправимый коллекционер.
— А при чем тут твои слабости?
— Да при том, что эти, как ты говоришь, слабости целиком и полностью подчиняют себе твою волю, и ты, как загипнотизированный, идешь на их поводу, рискуя сорваться в пропасть собственного безумия. Вот краткая хронология моего жизненного пути: в детстве я сходил с ума от значков и наклеек от спичечных коробков, в подростковом возрасте стал коллекционировать пачки сигарет и фигурные бутылки преимущественно импортного производства. Молодость ознаменовалась сбором фотографий обманутых мной девиц и увеличением золотовалютного фонда, главной сокровищницей которого были монеты времен правления Александра Македонского. Но все это казалось настолько банальным и затхлым, что мне захотелось влить в коллекционное движение свежую кровь, и я приступил к собиранию трупов. Оригинальничко, правда?
— Ты рассуждаешь как закоренелый донор,— «Мастер» не без напряжения подвел итог откровениям своего визави,— кстати, как ты относишься к Мишке Кукольнику и Владу?
— С презрением отношусь,— не стал кривить душой Таксист и, спохватившись,

несколько смягчил ситуацию,— не конкретно к ним, а к тому, что они несут в массы: поппа из нормального человека делает идиота.

— Похоже, ты бы остался доволен, если бы эти молодые люди пополнили твою коллекцию,— «Мастер» не без содрогания сердца обвел взглядом поляну, светлых секторов на которой было гораздо больше, чем темных.

— Если бы...— усмехнулся Таксист,— в жизни нет места сослагательному наклонению, а вот ты станешь настоящим украшением моей поистине уникальной коллекции,— он с какой-то патологической страстью схватился за черенок лопаты, но «Мастер» четко дал понять, что их чуть ли не дружеская беседа на том может оборваться.

Впрочем, беседа грозила оборваться при любом раскладе, поскольку она случилась уж чересчур откровенной. Но Таксист повременил вытаскивать штык из земли, надеясь получить-таки ответ на животрепещущий вопрос.

— Так на что экстрасенс намекал, когда утверждал, будто ножом я владею не хуже, чем пистолетом?

— Помнится, было время, когда ты не на шутку струхнул, заслышав о панке — вероятном убийце Вероники. Однако, поняв, что мне не удастся составить портретное описание потенциального злоумышленника, вздохнул с облегчением. С чего бы такой резкий перепад эмоционального фона? А с того, что тем самым панком был ты! Признаться, я чуть ли не с первого взгляда увидел в панке именно тебя, и, после того как все прояснилось с париком, от призрачных сомнений не осталось и следа.

— Неужели быть панком — преступление, да к тому же с отягчающими последствиями?

— Конечно, не преступление, но наш случай сугубо частный.

— А попонятней!

— Тебе ли прикидываться дурачком? Ведь это ты убил Веронику!

— И жалею лишь об одном, что она, по не зависящим от меня причинам, не пополнила мою коллекцию. А ведь мне, в натуре, есть чем гордиться! К примеру, где ты стоишь, лежит процветающий... теперь уже процветавший бизнесмен, подо мной — преуспевающий... теперь, верно, преуспевавший адвокат, чуть левее от него...

— Кажется, твоя коллекция состоит не только из утопленников.

— Утопленники — мелочь пузатая! Как, впрочем, и «подстава», на которую я сподобился ради спортивного интереса.

— Вспомнил тот случай, когда угробил официанта из «Алюминиевого солдатика»?

— Сам напросился: на кой хрен было разжигать во мне пламя азарта? А ведь я азартен, Полярник, до потери пульса азартен!— Таксист выдернул из земли «штык», и «Мастер» ощутил холодное дуновение, исходившее из-под жухлой травы.

— Ну, я-то понятно, чем тебе не угодил, а вот на Веронику ты за что окрылся?

— В последнее время эта красавица все больше стала от нас отдаляться. Вот и Полярнику все очевидней отдавала свои симпатии.

— Если кто-то мне что-то там и отдавал, то это распутная Хренова.

— Хренова убедительно сыграла отведенную ей роль, и симпатии тут ни при чем. А вот Вероника могла наломать много дров...

— Надо признать, и ты сыграл свою роль весьма достоверно. Во всяком случае, с твоей не совсем легкой руки меня упекли за решетку.

— Ну, я-то всего-навсего актер, хотя ты прав, очень не плохой.

— А кто же режиссер?

— Любознательный аж до противности!— Таксист взял «штык» на изготовку.

— Напомнить действующие лица?— не унимался «Мастер», пятясь.— Тарзан, Кочегар, Инструктор, Хренова, Восьмая Наомка... При чем тут последняя? Но ведь

классная актриса!— он вдруг уперся спиной в кузов машины, чем не преминул воспользоваться Таксист, приставивший острие лопаты к горлу «Мастера», который, даже в столь критической для себя ситуации, не переставал сохранять присутствие духа.— Далась же тебе моя шея!

— Понимаешь, что имя режиссера так никогда и не узнаешь, а ведь желания было, хоть отбавляй. И это, скажу по большому благу, не совсем выгодно выделяло тебя из общего потока пассивно настроенного люда.

— Слушай, а может, все-таки сгоняешь за ножичком? Ну, за тем, которым ты травмировал мою шею в предбаннике долины «Яств и удовольствий. Поди, с него еще стекает кровь Вероники? Только не надо напоминать мне, что всяк убийца старается избавиться от всяческого компромата и в первую очередь — от орудия преступления. Истинный коллекционер никогда не позволит себе подобной роскоши!

— Действительно, не позволит,— довольно произнес Таксист, строя из себя истинного коллекционера,— но я всегда стремился разнообразить свое собрание холдного оружия. Лопата, согласишься, это нечто!

— Не соглашаюсь!— категорично заявил «Мастер», все явственнее ощущая присутствие острия под кадыком.

— Протест не принимается!— не менее категорично выдал Таксист, намереваясь не только де-юре, но и де-факто придать лопате статус штыка.

Но тут раздался стук, случающийся при закрытии двери.

— Оказывается, я не так плохо тебя знаю,— перед собеседниками появился Тарзан, адресуя Таксисту весьма не дружелюбный взгляд,— ты ни при каких условиях не расстаешься с ножом и не прихватить его просто не мог. Вот это орудие преступления я нашел в кабине фургона.

— Действительно, я выложил нож из заднего кармана,— испуганно отозвался Таксист, поскольку стало совершенно очевидно, что Тарзан был в курсе произошедшего на кладбище разговора,— спасибо за услугу.

Таксист осторожно, словно не веря в искренность своего благодетеля, протянул руку, и, когда до цели оставались считанные сантиметры, Тарзан нажал кнопку на рукоятке, откуда выскочило лезвие, поранив пальцы визави.

— Понимаешь, что нож тебе не достанется,— сыронизировал Тарзан в тот миг, когда Таксист отдернул руку от лезвия,— значит, это ты убил Веронику?

— Что только распалило его аппетит!— уже с приличного расстояния заметил «Мастер», давая понять, насколько близко он находился от той черты, за которой все перспективы видятся весьма туманными.— Дай ему, Тарзанчик, по зубам, чтобы жевать было не чем!

Но Таксист прекрасно сознавал, что зубы — слишком низкая цена за собственную болтливость. Впрочем, кто же ожидал увидеть этого аквалангиста в лесном массиве, где если и есть намек на присутствие воды, то он случился аккурат после недавно закончившегося дождя? Однако нельзя опускать руки! Во всяком случае, острие лопаты может оказаться сдерживающим фактором, посредством которого удастся-таки прийти к компромиссу. Поигрывая весьма грозным холодным оружием, Таксист попытался перевести диалог в мирное русло:

— Не кипятись, братишка, или у нас не общие цели? Мало того, я бы на твоём месте поставил мне ящик французского коньяка за то, что освободил тебя от черновой работенки.

— Что ты подразумеваешь под той самой работенкой?— Тарзан, судя по всему, обдумывал, как произвести обезоруживание оппонента без ущерба для собственного здоровья.

— Но ведь ты же все равно убил бы распутницу.

— Вероника обещала больше не путаться с Кочегаром.

— Наверное, она сдержала бы свое слово, но ведь у нас в стране с избытком достойных мужиков.

— Но ведь ты еще больше взбесишься, если я стану говорить о Веронике, как о благочестивой послушнице.

— Тебя послушать, то получится, будто ты располагаешь фактами из личной практики.

— Не веришь мне, поверь Полярнику.

— Уважаемые драчуны, не впутывайте меня в свои криминальные разборки,— настоятельно потребовал «Мастер», увеличивая дистанцию до еще более безопасной.

— Только не пытайся бежать, ладно?— Тарзан устремил на «Мастера» отнюдь не доброжелательный взгляд.— Выкладывай свои факты.

— Да нечего мне выкладывать!

— Не дури, Полярник,— не очень ласково произнес Таксист,— вспомни долину «Яств и удовольствий»,— пришло время отработать шашлычок.

— Начинаю догонять,— с какой-то обреченностью поскреб в затылке «Мастер»,— но если оставаться честным до конца, до последнего вздоха не отважусь со всей опеределенностью поведать, чем ты занимался с Вероникой на лоне природы, хотя догадаться совсем не сложно.

— Какие еще нужны доказательства?— несмотря на всю драматичность сложившейся ситуации, Таксист ухитрился-таки привнести в сказанное некую ироничность.

— Но Полярник если чем и оперирует, то исключительно догадками!

— Кажется, тут не надо ничем оперировать! Предельно ясно, для каких целей выбираются на природу молодые люди, полные физических сил,— Таксист не оставлял попыток вразумить своего оппонента, готового придать ножу отнюдь не безопасное ускорение.

— Тем более не понятно, зачем убивать женщину, доставившую тебе массу положительных эмоций?— Тарзан явно не спешил «вразумляться».

— Все, как в «снафф-муви»,— не удержался от вставки «Мастер», адресуя Таксисту презрительный взгляд,— кажется, я начинаю догадываться, кто сыграл роль любвеобильного и коварного дядюшки Павлинью. Ну а в качестве оператора подрядился сержант Москвитин, угадал?

— Сержант в каком только качестве не подряжался!— натянуто усмехнулся Таксист, не отрывая глаз от ножа.— Давайте сгоняем к нему на хату и из первых уст узнаем, какую роль он считает самой удачной.

— Терпеть не могу сериалов,— поморщился Тарзан, до синевы в ногтях сжимая рукоятку ножа,— сплошная тягомотина!

Он вдруг резко повернул голову вправо, словно из зарослей кто-то должен был появиться, но стоило Таксисту лишь на мгновение скосить глаза, как «штык» сразу же перестал выполнять сдерживающую функцию. Короче говоря, Тарзан с блеском продемонстрировал преимущество элитных подразделений перед уклонистами от службы в вооруженных силах. Кажется, Таксист так и не успел понять, что роль дядюшки Павлинью ему уже никогда не сыграть.

— Не слишком ли круто ты с ним обошелся?— хрипло произнес «Мастер», с ужасом наблюдая за бездыханным телом Таксиста.

— В отличие от Вероники, этот не долго мучился.

— Говоря откровенно, он совсем не мучился,— «Мастер» сделал вовсе не обязательное уточнение,— что же теперь делать?

— Да уж только не причитать: «И на кого же ты нас покинул?»— язвительно заметил Тарзан,— помоги красавцу перебраться в тени,— он кивнул на свежевырытую могилу, но «Мастер» явно не торопился выполнять приказ:

— Та яма приготовлена для утопленника, или кто там сегодня его заменяет?

— Так бери в руки лопату, и чтобы через полчаса все были довольны.

— Шустрый какой! Это человек может убраться в какие-то пару секунд, а чтобы обеспечить ему соответствующее перемещение, необходим срок, и немалый! Однако как бы кто нас здесь не прихватил — тогда попробуй объяснить, что это не ты устроил данное кладбище. Полагаю, нам стоит придерживаться принципа: в тесноте да не в обиде.

На том и перешли, уложив два трупа в одну могилу. Причитаний, как не сложно догадаться, слышно не было, но и минута молчания явно затянулась. И лишь после того, как машина выкатилась на твердое покрытие, «Мастер» не сдержал своего раздражения:

— Автострада в другой стороне!

— На все про все нам было отведено четыре часа. За оставшееся время нам разве что удастся приблизиться к сейфу с благодарностью. Придется отложить расчет до лучших дней.

— Сам виноват: не засиживался бы под каждым кустом — денег были бы полны карманы!

— Всем бы так засиживаться! — огрызнулся Тарзан, притормаживая у ворот «Ускоренных галлюцинаций».

«Мастер» сдвинул ладонями виски: еще день-другой, и название этого, с позволения сказать, санатория найдет свое реальное подтверждение.

* * *

— И эта вся благодарность? — Хренова вывернула карман, откуда выпало несколько купюр, подобранных «Мастером» в тот самый миг, когда саксофон сыграл «осень», там, в «Алюминиевом солдатике». — Где мои денежки, спрашиваю?

— Говорю же, мы не были в городе, — устало выдохнул Тарзан, — неподалеку от автострады наше внимание привлек фургончик, которым — и мне о том прекрасно было известно — управлял твой партнер по корту. В кабине никого не оказалось. Все бы ничего, но на сиденье лежал окровавленный нож, и тревога за человеческую судьбу заставила нас изменить собственные планы. К сожалению, многочасовые поиски не привели к желаемому результату.

Хренова задержала взгляд на ноже, предоставленном как вещественное доказательство.

— Да, эта игрушка моего партнера по постели... тьфу ты, по корту. Остается выяснить, чья кровь на лезвии: если чужая, то никакой беды в том нет, если партнера, тогда резонно ожидать незваных гостей с минуты на минуту.

— Иными словами, и нам не поздоровится? — скорее в утвердительной форме изрек Тарзан. — Хочется верить: партнер просто-напросто сбежал к какой-нибудь красотке, инсценировав кровавую разборку.

— Нынешним вечером ему и без того предстояло развлечься на полную катушку, — хмуря брови, поведала Хренова, — кажется, ему кто-то крупно позавидовал.

На полную катушку... «Мастер» отлично сознавал, что речь не идет о гареме или казино: развлекаться Таксист стал бы совсем по-другому. Как именно? Пока неизвестно, однако вряд ли стоит сомневаться в том, что операция «Донор» вступает в решающую фазу и уход со сцены одного из главных актеров не нарушит сложившейся за последнее время динамики. Короче говоря, необходимо держать ухо востро, но и рукам не позволять бездельничать!

«Мастер» принялся подбирать «красноярцы», выпавшие из его кармана, после того как Хренова выказала вопиющую невоспитанность. В это время к воротам «Галлюцинаций» подкатил джип, которому был обеспечен беспрепятственный проезд на территорию санатория.

— Главврач собственной персоной?— не без доли уверенности предположил «Мастер», видя, как крепкого телосложения парень распахивает дверцу перед сидевшим в машине шефом.— Э, да это же Кочегар, и не один, а со своим воспитанником! Мальчишка явно не в духе: ноздри-то как раздувает, аж кольцо колышется!

Проходя мимо Хреновой, Кочегар изъявил желание увидеть ее партнера и не только по корту, чей уход оказался слишком преждевременным.

— Как не знаешь, куда он делся?— Кочегар явно утерять присущую ему респектабельность, буквально съедая Хренову взглядом.— Я же предупреждал, что буду к обеду!

— До которого осталось еще некоторое время,— взглянув на часы, констатировала Хренова,— возможно, интересующий нас субъект еще вернется.

— Что значит возможно?— вспылил Кочегар.— Так называемый субъект не имел права отлучаться!

— Возникла внештатная ситуация,— вмешался в разговор Тарзан,— я привез «груз-200», на котором у нас специализируется все тот же субъект. Обеспокоенный его долгим отсутствием, я приступил к поискам. Машину обнаружить удалось, а вот водителя...

— Неужели струсил?— хмуро произнес Кочегар, но, встряхнув головой, жестко взглянул на Тарзана.— Гони на аэродром, и чтобы через полтора часа парашютист был здесь,— и только после этого дошла очередь до «Мастера»,— у нас уже начался новый заезд? Кажется, мы где-то уже встречались... Припоминаю, припоминаю... Ну, конечно же, передо мной завсегда «Алюминиевого солдатака»! Надеюсь, здесь обслуживание не хуже, чем в ночном клубе?

— Кормежка несколько слабительная,— «Мастер» хотел сказать «слабенькая», но частое сидение под кустами способствовало спонтанному словообразованию, наиболее точно передающему самочувствие.

— Слабительная?— Кочегар уставился на «Мастера», не пытаясь проникнуться его самочувствием.— Это еще как понимать?

— Главврач называется,— криво усмехнулся «Мастер»,— штаны я снимаю у каждого куста — вот как надо это понимать!

— Сделать страдальцу очистительную клизму,— Кочегар выразительно посмотрел на Хренову, представшей в качестве дежурной медсестры,— и немедленно в проктологический кабинет!

— Да какая может быть клизма, если и без того вымывание кишечника случалось через каждые четверть часа? — возмутился «Мастер», сделав нелицеприятное открытие.— Теперь на целый месяц легко забыть о существовании унитаза.

Впрочем, Кочегар явно не собирался поддерживать беседу, и вот уже «Мастер» остался наедине с Хреновой.

— Пройдем же в гигиеническую комнату,— больше скомандовала, чем предложила она,— и не смотри на меня так, словно я приглашаю тебя в комнату пыток.

— Разве я нечетко высказал собственную точку зрения?

— Здесь имеет право быть только одна точка, та, в какую попал главврач.

— Который, иными словами, никогда не промахивается?

— Никогда! Впрочем, хватит полоскать мозги — займемся промыванием твоего кишечника. И не горбиться! Клизма в любом случае не повредит: человек должен быть кристально чистым, тем более — изнутри.

— С этим не поспоришь, но мне бы не хотелось снимать штаны...— по признанию пациента, он уже «наснял» штанов на месяц вперед.

— Но я не представляю, как, оставаясь при полном параде, возможно осуществить заветное промывание? Может, у тебя еще и сзади ширинка?

— Я предпочитаю умеренный стиль одежды,— огрызнулся «Мастер»,— к тому

же, еще свежи воспоминания, что ты со мной сделала, когда я остался без штанов.

— Еще неизвестно, кто с кем что сделал! Впрочем, можешь не дергаться: я больше не намерена потакать всяким там извращенцам.

— Вот и прекрасно: давай расстанемся уже сейчас.

— Пациенту ясно было сказано: выписка состоится завтра.

— Даже если проктолог станет настаивать на продлении санаторно-курортного лечения?

— Уверяю, никто ни на чем настаивать не станет.

— Короче, при любом диагнозе я обречен?

— В Древнем Китае про невезучего человека говорили: «Он не встретил своей судьбы».

— Хоть бы соврала для приличия! Больного принято поддерживать морально.

— Я стану поддерживать пациента не только морально,— Хренова подхватила «Мастера» под руку, увлекая за собой,— на промывку, причем основательную!

— Но коль скоро я обречен, зачем становиться кристально-чистым, тем более — изнутри?

— Да за тем, что по штату священник в санатории не предусмотрен!

— При чем тут священник?

— Тогда позволь задать тебе встречный вопрос: перед тем, как предстать перед Всевышним, разве не нужно очистить душу?

— Но ведь душа и кишечник совершенно разные субстанции!— возмутился «Мастер», понимая, к чему клонит собеседница.

— Я же настаиваю на прочной взаимосвязи: прикинь, живот скрутило так, что после интенсивного испражнения ты словно заново родился. Надевая штаны, о чем в первую очередь думаешь? Как душевно посидел на унитаза. Душевно! Или здесь не улавливается связи?

— Убедительно. Веди же меня в свою гигиеническую комнату,— «Мастер» обреченно махнул рукой,— точнее сказать, в свое чистилище.

— Так мы уже, считай, пришли.

— Но ведь это бассейн!— испуганно закричал «Мастер», касаясь рукой крана с надетым на него шлангом диаметром аж в десять сантиметров, не меньше.— И этот пожарный рукав мне в задницу?!

— Только так и не иначе возможно достичь кристальной чистоты, вымыть всю скверну, столетиями разъедавшую внутренности.

— Наверное, десятилетиями?— нервно отозвался «Мастер», недовольный тем, что его фактически списали, как отработанный материал.— Неужели я так старо выгляжу?

— И это еще один аргумент за то, чтобы произвести, не побоюсь этого слова, повсеместное водоснабжение организма. Желе станет молодым!

— Повсеместное водоснабжение организма...— усмехнулся «Мастер»,— какая забота о человеке! Боюсь показаться неблагодарным, но я как-нибудь сам о себе позабочусь.

— Самому не с руки. Я же вставлю наконечник со снайперской точностью. Даже не заметишь присутствия в организме инородного предмета!

— Этакий-то диаметр трудно не заметить,— «Мастер» не без содрогания в нижней части тела посмотрел на шланг,— да тут и наконечника-то нет!

— Куда ты все время глядишь? Ах, вот оно, в чем дело!— громко рассмеялась Хренова.— Пациенту не мешало бы помнить, что наша медицина весьма гуманна.

— Выходит, я все же встретил свою судьбу?— облегченно вздохнул «Мастер», наблюдая за тем, как новоявленная медсестра снимает с полки миниатюрную клизму.— Какой миленький наконечник, прямо игрушечный!

— После этакое-то диаметра,— Хренова устремила веселый взгляд на «пожарный рукав», не переставая смеяться,— данный наконечник может показаться для муравья! Однако снимай штаны, и проверим, учуешь ли в организме инородный предмет.

— Давай ничего снимать не будем, а просто станем считать, что я с честью прошел через твое чистилище.

— Что значит, станем считать?

— Ну не желает мой организм повсеместного водоснабжения!

— Хорошо, организуем подачу воды по округам. Начнем с юго-западного, префектом которого является госпожа печень.

— Да ты в своем уме?!

— Действительно, справедливей начать с северо-восточного округа, в котором заправляет господин желудок и где уже третьи сутки с подачей воды наблюдаются существенные перебои.

— Идиотизм чистой воды!

— Согласна: юго-восточный округ под началом госпожи селезенки достоин внеочередного подключения к водонапорной башне.

— Не знаю, как там с водонапорной, а с моей «башней» явно не все в порядке,— простонал «Мастер», хватаясь за голову,— и если уж на то пошло, и печень, и желудок, и селезенка сконцентрированы в центральном административном округе.

— Действительно, твою «башню» повело круче Пизанской,— Хренова внимательно взгляделась в глаза визави, стараясь отметить в них признаки, указывающие на отклонения в психике,— после проктолога необходимо показаться «черепнику».

— Кому?

— Специалисту по «башням»,— Хренова постучала по своей башке,— только перед этим придется произвести тщательную промывку мозгов.

— Уж здесь-то тебе равных нет!— поморщился «Мастер», испытав приступ головной боли.— А коль скоро нам предстоит посетить несколько кабинетов, не станем разбазаривать время и напрямик к проктологу!

— Дельное предложение, однако, боюсь, он догадается, что твой организм избежал повсеместного водоснабжения.

— Достаточно одного места или, как ты говоришь, округа,— «Мастер» зачерпнул из бассейна воды и смочил брюки с задней стороны.

— Халтура, да и только!— Хренова повесила на плечо мастера клизму и с силой толкнула его в грудь.

— Это не мне, а тебе необходимо показаться «черепнику»,— возмутился «Мастер», бултыхаясь в бассейне,— совсем «башня» съехала?

— Зато теперь комар носа не подточит,— резюмировала Хренова, помогая пациенту выбраться из бассейна,— сразу видно: организм прошел повсеместное водоснабжение.

— Признайся, ты стажировалась на лодочной станции «Второе дыхание»? Чуть не утопила, чтоб тебе вовек не просохнуть!

— Нет, зря я все-таки послушала китайцев: пациент нисколечко не похож на человека, не встретившего своей судьбы. Невероятно: попасть в такой шторм и выйти практически сухим из воды!— Хренова попыталась еще раз по-крупному прополоскать «Мастера», и это несмотря на то, что на его плече уже не было соответствующего приспособления, способствующего планомерному водоснабжению организма.

— Кажется, ты жаждешь того, чтобы китайское мировоззрение было доминирующим,— «Мастер» на всякий случай отошел от края бассейна.

— Действительно, если глазами китайцев смотрит пятая часть населения нашей планеты, то это вовсе не означает, будто и все остальные должны с прищуром взирать

на происходящие вокруг события,— Хренова довольно скоро нашла оправдание собственной неудаче,— надо уважать мнение и меньшинства, наиболее ярким представителем которого является, конечно же, проктолог. Выслушаем же его точку зрения!

И уже через минуту «Мастер» был у кабинета, неизвестно, правда, кому принадлежавшего.

— Хоть бы табличку повесили, а то ведь завалишь вместо проктолога к гинекологу.

— А у тебя очко не железное,— задорно рассмеялась Хренова,— не пукай, пациент, прорвемся!— она грубо толкнула дверь и по-хозяйски вошла в кабинет.

— Понимаю, что это не телефонный разговор, но данное обстоятельство не освобождает тебя от ответственности!— Кочегар нервно отключил «мобильник» и только тогда отметил вновь прибывших.— Какого черта?

— Докладываю,— совсем не по-военному отозвалась Хренова,— проведено повсеместное водоснабжение организма, и пациент и в дальнейшем настроен искать приключения на собственную задницу.

— Сегодня целый день идут одни шифровки, причем далеко не лучшего содержания!— Кочегар запустил «мобильником» в кожаное кресло, покинутое Владом мгновением раньше.— Говори открытым текстом!

— Клизма сделана, как в лучших домах австралийской столицы, пациент сгорает от нетерпения в очередной раз снять штаны.

— Вот оно что?— Кочегар окинул довольным взглядом промокшего до нитки пациента.— Похвальное рвение, однако вынужден огорчить: все оздоровительные мероприятия откладываются на неопределенный срок.

— Теперь, надеюсь, окончательно убедилась, что большинство не есть правда в последней инстанции?— возликовал «Мастер», посмотрев на Хренову с некоторым превосходством.— Перед тобой человек, встретивший свою судьбу!

— Это он тебе в любви признается?— Кочегар адресовал вопрос Хреновой, попутно выражая той свои соболезнования.— Кажется, у него даже запасных брюк нет, чтобы переодеться.

— В любви?— криво усмехнулась Хренова.— Просто пациент оппонирует пятой части населения нашей планеты.

— Меня все время не покидает чувство, будто ты намереваешься передать мне какие-то секретные сведения. Но я никак не могу расшифровать твои метафоры,— признался Кочегар, усиленно переваривая всякую там «хреновину».

— Может, оставить вас с дамочкой один на один?— внес предложение Влад, подталкивая «Мастера» к выходу.

— Да не за чем оставлять нас один на один,— Хренова решительно встала на пути «Мастера», словно это от него исходила инициатива сомнительного толка,— тем более ничего секретного в моих депешах нет: пятую часть населения земного шара составляют китайцы, предки которых о несчастном человеке говорили, что он не встретил своей судьбы. Пациент же полагает, будто у него все как раз наоборот.

— И он сюда только для того и пожаловал, чтобы сообщить о своем человеческом счастье?— Кочегар вознамерился еще что-либо запустить в кресло, но ничего подходящего под рукой не оказалось. Тогда он просто-напросто прибавил громкость приемника.

— Ну, уж коль главврачу-проктологу интересней слушать болтовню по ящику, мы с медсестричкой свалим отсюда и с большой радостью,— «Мастер» взял Хренову под руку, но теперь уже Влад был резко против их ухода.

— Как раз сегодня мне не очень интересно слушать приемник: нет ни одной доброй вести,— признался Кочегар, точно он получал послания по каналам общего пользования.

— Как ни одной?— не скрыл своего удивления «Мастер», артистично оттопырив пальцем ухо.— Слышь, что говорят: предотвращен подрыв красноярской ГРЭС — по терроризму нанесен очередной сокрушительный удар.

— Оставьте меня одного,— устало попросил Кочегар, прикуривая сигару.

— Нам также подождать за дверью?— справился только что вошедший Тарзан.

— Пациент пусть заходит, а ты можешь быть свободен,— хрипло отозвался Кочегар, и в ту же самую секунду в кабинет ввалился Инструктор.

— Для кого оздоровление откладывается на неопределенный срок, а кто сейчас снимай штаны?— наигранно проворчал «Мастер» и, посмотрев на Инструктора, съязвил.— Твой организм прошел повсеместное водоснабжение?

— О чем это он?— Инструктор растерянно захлопал глазами.

— О клизме,— как ни в чем ни бывало откликнулась Хренова.

— О клизме?— приглушенно повторил Инструктор.— Шеф намерен мне вставить?

— Разбирайтесь тут сами!— отмахнулась Хренова, покидая кабинет.

На мгновение показалось, будто общественное сознание начало балансировать на грани матриархата, поскольку подавляющее большинство мужского представительства, а именно «Мастер», Влад и Тарзан, отправились вслед за вспылчивой дамочкой. Однако вскоре выяснилось, что сильная часть населения не собирается возвращаться к истокам возникновения жизни на планете.

— Сыграем в теннис?— Тарзан выразительно посмотрел на Влада, но у того, как видно, были иные планы:

— Вечером в «Большом» состоится гала-концерт «фабрикантов», и мне надо готовиться.

— В «Большом»? Неужели «попса» пролезла в святая святых?

— Деньги делают все, тем более ни мой отец, ни отец Кукольника в финансовых средствах не стеснены. Пришла пора открыто сказать, кто в стране хозяин.

— Мда, разбитные куплеты, считай, уже вытеснили со сцены оперные арии,— не без разочарования произнес Тарзан, наблюдая за тем, как по-хозяйски ступает Влад по паркету,— надеюсь, Полярник никуда не спешит нынешним вечером?

— Вечером нет, а вот сейчас...— «Мастер» заглянул за первую же попавшуюся дверь,— нет ли где русской печки, дабы просушить одежонку? Ага, вот и бумага для растопки!

— Эта бумага для других целей,— Хренова не успела помешать «Мастеру» приблизиться к столу.

— Сам вижу, что для других,— пробубнил тот, разглядывая водяные знаки,— вот, оказывается, где денежки штампуют! А вот и печатный станок!

— Ничего общего с русской печкой не имеющий,— Хренова вытолкала «Мастера» за дверь,— и вообще, станок предназначен для печатания путевок, бланков и прочей ерундистики, без коей не может обойтись ни одно лечебно-профилактическое заведение. В том числе и наше.

— Хочешь сказать, ерундистикой вы тут занимаетесь,— подыграл ей «Мастер», прекрасно понимая, что дело обстоит несколько иначе,— айда сушиться на улицу, пока солнце еще припекает!

— И заодно помашем ракетками,— обрадовался Тарзан, нарываясь на язвительную усмешку Хреновой:

— Лишь бы только прыгать и ничего не делать! Твое «Второе дыхание» не «сбьется» без присмотра?

Тарзан не ответил, что, впрочем, не смогло кардинально повлиять на мнение Мастера: случайных людей в «Галлюцинациях» нет, и каждый в курсе того, в чем преуспевает тот или иной пациент или работник данного заведения.

Перво-наперво «Мастер» разложил на бордюрном камне подмокшие купюры,

представлявшие отныне повышенный интерес. Да-да, после того, как удалось обнаружить печатный станок, на деньги предстояло взглянуть другими глазами.

— И где ты только так уделался?— не удержался от вопроса Тарзан, наблюдая за тем, как его будущий спарринг-партнер развешивает на скамейке одежду.

— Пока ты гонял на аэродром, мы с Желе, знаешь, как попотели на корте?— Хренова избавила «Мастера» от обязанности держать ответ.

— Значит, во всем виноват пот, а не какая-нибудь лужа?— с недоверием произнес Тарзан, словно для него имело принципиальное значение, каким составом была пропитана одежда «Мастера».— Только не надо загинать!

— Ну, в бассейн я свалился. Теперь веришь?

— По собственной воле свалился?— не преминул задать вопрос Тарзан, на который сам же и поспешил ответить.— Голову даю на отсечение, не по собственной!

— Я же не приплюснутый какой, чтобы купаться в парадном костюме.

— Голову на отсечение, тебе помогали выбраться из воды.

— Мир не без добрых людей,— «Мастер» покосился на Хренову, давая понять, кому обязан если не жизнью, то здоровьем.

— И сколько же с тебя затребовали за оказанные услуги?— и хотя вопрос адресовался «Мастеру», Тарзан не спускал с Хреновой гневного взгляда.

— В отличие от «Второго дыхания» в «Галлюцинациях» трудятся совершенно бескорыстно!— с воодушевлением произнес «Мастер».

— Пока, значит, несколько не затребовали,— сквозь зубы выдавил Тарзан, съедая взглядом Хренову,— выходит, потихонечку перенимаете опыт?

— Еще чего!— отмахнулась та.— Оживлять утопленников, уже не модно, да и жмоты они все будь здоров! На лошадях куда больше заработаешь.

— На лошадях?— восторженно воскликнул Тарзан.— А это еще как?

— Жаждешь перенять мой опыт?— Хренова отплатила ему той же монетой.— Пока это секрет, который, впрочем, уже завтра утерять свое предназначение. Однако зрители заждались, когда теннисисты скрестят ракетки.

Тарзан в испуге посмотрел по сторонам:

— Но я никого не вижу!

— Зато слышишь,— выразила уверенность Хренова, закрывая ладонями уши,— гром оваций! Ну, право же, хватит проявлять нетерпение!

Тарзан, напротив, дал ушам полную свободу, но никаких аплодисментов все равно не услышал. Тем не менее, он поспешил выйти на корт. «Мастеру» пришлось последовать его примеру. Попробуй тут не последовать, если Хренова настойчиво толкает в спину, стремясь как можно быстрее пригасить зрительское нетерпение.

— Может, ты станешь махать за меня ракеткой?— зло усмехнулся «Мастер», давая понять, что в няньках, в общем-то, не нуждается.

— Конечно, на корте ты сам справишься, а вот за его пределами... Короче, я стану ухаживать за твоим лицом.

— Послушай, заботливая, мне не на подиум выходить, а на корт. Улавливаешь разницу?

— Абсолютно нет! Ну, право же, и там, и тут надо выглядеть суперски, поскольку на тебя будут взирать тысячи глаз.

— Так уж и тысячи,— Мастер завертел головой, но, кроме настороженных глаз охранника, нечего занимательного не обнаружил,— косметику-то, надеюсь, от Диора станешь использовать?

— Если что и надо использовать, то только полотенце: лицо от беготни, знаешь, как потеет?

— Вот, значит, как собираешься за мной ухаживать!— явно не обрадовался «Мастер».— А что обо мне подумают зрители?— он посмотрел на охранника, к ко-

тому присоединилась овчарка.— Освистают-облают, узрев во мне маменькиного сынка.

— Главное, чтобы сукиного сынка не узрели,— Хренова с опаской покосилась на собаку, не собираясь, однако, отказываться от собственных планов.

Стало очевидно, что заботливая дамочка не отстанет от «Мастера» даже тогда, когда испорченные консервы вдруг снова напомнят о себе, и он вынужден будет отлучиться за кустик. В «Галлюцинациях» к нему относятся с особенным пиететом! Чем, по совести говоря, «Мастер» весьма тяготился.

Так или иначе, но затягивать с игрой не имело смысла, поскольку терпение зрителей не бесконечно. Все бы ничего, да только Хренова наотрез отказалась побыть девочкой, подающей мячи, мотивировав собственное решение чрезмерной занятостью. И действительно, она довольно часто выбегала на корт, пуская в ход тряпицу, именуемую полотенцем.

— Можно подумать, с меня пот градом катит,— недовольно изрек «Мастер», чье лицо горело от столь бесцеремонного вмешательства этого, с позволения сказать, полотенца,— вот если бы бегала за мячами, я выглядел бы, как огурчик!

— Не надо меня стыдить! Лучше послушай, какую вывела аксиому: дабы сохранить свое лицо, необходимо тщательно заботиться о чужой харе,— Хренова чересчур рьяно сработала полотенцем, едва не свернув нос своего подопечного,— отрастил рубильник! А ну, сморкайся!

— Не будь назойливой!— «Мастер» дернул за полотенце, облегчив себе дыхание.— Это и зрителям не нравится!— он указал ракеткой на широко шагавшего Инструктора, чей взгляд казался весьма свирепым.

— Ключи!— проревел он, не сбавляя хода, и Тарзан без лишних вопросов откликнулся на приказ, и уже спустя мгновение машина резко рванула в противоположную от «Галлюцинаций» сторону.

— Как с цепи сорвался,— натянуто улыбнулся «Мастер», ожидая от Тарзана соответствующего комментария, от которого тот, впрочем, отказался.

— Зрители, говорю, покидают трибуны,— «Мастер» перевел взгляд на Хренову, надеясь на кое-какие разъяснения.

— Гроза надвигается,— задумчиво откликнулась та, не взглянув на небо.

— Грозой и не пахнет,— «Мастер» шумно втянул воздух ноздрями, отметив яркое солнце.

— Все равно расхотелось гонять мяч,— Тарзан швырнул ракетку на скамейку.

— Конечно, кому же охота проигрывать!— усмехнулся «Мастер», что, впрочем, не отражало реального соотношения сил, ибо счет был как раз в пользу Тарзана.

— Вероятно, соперник Желе взял технический перерыв,— заключила Хренова, желая показать, что в теннисе разбирается очень даже неплохо, заодно проверяя натяжение лески на проигнорированной Тарзаном ракетке.

— Не технический перерыв, а физиологический,— рассмеялся «Мастер», провожая взглядом Тарзана,— напомнили о себе старые болячки? Уж сколько твердили миру: нельзя брать чужого, тем паче, если это чужое далеко не лучшего качества!

— Животом мается?— Хренова обнаружила поразительную прозорливость.— Тогда это надолго, и правильной будет, если выяснение отношений будет продолжено ночью.

— Ночью? Но на корте нет искусственного освещения! К тому же, я не хочу побеждать при полупустых трибунах, Да, да, не многие дураки предпочтут теплой постели сомнительного качества теннис.

— Помешался на качестве,— криво усмехнулась Хренова,— а между тем пора бы уяснить, что на турнирах «Большого шлема» с качеством все «хоккей»! Короче, ровно в ноль-ноль часов и точно столько же минут быть здесь и на этом са-

мом месте!— она браво топнула, словно стремясь нанести отметку, пробив в асфальте лунку.

— Логичней встретиться утром.

— Утро наступит не для каждого,— не без интриги в голосе откликнулась Хренова, напомнив о бренности бытия.

«Мастер» влез в еще не до конца просохшее одеяние, чего нельзя было сказать о купюрах. Спасибо солнышку!

— А ведь мы злостные нарушители санаторно-курортного режима,— «Мастер» занялся самобичеванием, но Хренова не отметила этого факта,— тихого часа, говорю, у нас не было. Начнем исправляться?

— Поздно исправляться,— Хренова посмотрела на «Мастера» как на обреченного,— нормальные люди уже давно выдохлись.

— Стало быть, сейчас позовут на полдник?

— Пациент не в пионерском лагере! И вообще, жрать, что ли, ты сюда прибыл?

— Во всяком случае, не по корту носиться. К тому же, с завтраком я почти пролетел, с обедом — без всякого почти, теперь вот полдник зажимают. Хорошо, потерплю до ужина.

— Кажется, я догнала, к чему клонит пациент: чем больше спишь, тем меньше ешь. Не проверить ли нам эту аксиому?

— Прекрасная идея!— оживился «Мастер», надеясь в спокойной обстановке обмозговать сложившуюся ситуацию, однако уединиться ему явно не удалось.— Ты, кажется, ошиблась дверью,— он попытался преградить дорогу Хреновой, но та прорвалась—таки в номер,— но здесь только одна кровать!

— Если пациента что-то не устраивает, он может лечь на пол,— довольно нагло заявила незваная гостья, освобождаясь от одежды.

— Мечтаешь завершать съемки в жанре «снафф-муви»? Но финал в нем, смею напомнить, весьма трагичен.

— Дрейфишь?— Хренова легла поверх покрывала, презрительно ухмыляясь.

— Мне-то чего дрейфить? Конеч, как правило, печален для женщины.

— Вот именно, как правило! Но ведь не редки исключения, о которых пациент не перестает думать.

— Как тут не думать, если ты все для того только и делаешь? То, видите ли, утро наступит не для каждого, то жрать мне не обязательно, дабы не переводить продукты попусту, то леденящие душу исключения...

— С такими нервами турнир «Большого шлема» не выиграть, а ведь поражение пациента, это и мое поражение.

— Что-то в последнее время ты слишком ревностно стала меня опекать.

— Думаешь, влюбилась?— Хренова не приняла иронии.— Конечно, что-то такое екнуло вот тут,— она ткнула пальцем в левый сосок, с наигранной стыдливостью сомкнув колени,— но это не дает тебе право поступать со мной с бесцеремонностью портового грузчика.

— Да я вообще никак не хочу с тобой поступать,— «Мастер» сел на пол, намереваясь использовать ковер под постель.

— Какая же я жестокая: принудить распластаться человека прямо на полу! Проклятая скромность, проклятая зажатость, приносящая столько страданий ближнему!— Хренова развела колени в стороны, давая наглядно понять, что с былыми пороками покончено раз и навсегда.

— Страдания делают человека нравственно богаче, внешне привлекательней,— «Мастер» принялся освобождаться от одежды, не вставая с ковра,— особенно эффективны страдания во сне. Однако не могу не предупредить об одной своей слабости: я храплю, что табун лошадей!

— Кто-то, значит, будет страдать во сне, а кто наяву? — чуть ли не со слезами на глазах произнесла Хренова, и было не совсем понятно, что ее расстроило больше: предстоящий храп или недостаточное внимание со стороны ближнего.

— В конце концов, мой номер: что хочу, то и делаю.

«Мастер» ясно дал понять, что все имеющиеся к нему претензии, лучше всего высказать за дверью.

— Боюсь, если пациент станет сильно храпеть, в ноль-ноль часов и точно столько же минут на корте появится всего лишь один из соперников,— Хренова перешла к неприкрытой угрозе, корни которой скрывались в уязвленном женском самолюбии.

— Тонкий намек на толстые обстоятельства!— «Мастер» сделал вид, что не уловил ход ее мыслей.— Давай пригласим сюда соперника, ты его измотаешь до ноля часов и точно столько же минут, вследствие чего ракетка станет валиться из его рук. Победа будет за мной, точнее, за нами! Сейчас я за ним сгоняю.

«Мастер» вознамерился было уйти из-под надзора, но Хренова первой оказалась у двери.

— Думаешь, я не понимаю, что ты намылился улизнуть за ворота «Галлюцинаций»?

— В одних трусах?— усмехнулся «Мастер», стараясь посредством мимики передать всю абсурдность мировоззрения собеседницы, что, впрочем, не могло поколебать его собственный взгляд на происходящее: бежать, да так, чтобы пятки сверкали и резинка на трусах лопнула!

— Помнится, на прошлой неделе ты сквозанул из моей квартиры вовсе без прикида,— Хренова ни единым мускулом не отреагировала на мимику «Мастера».

— Так не по своей же воле сквозанул.

— Ну да, сейчас станешь обливать грязью фискальные органы, мол, были нарушены твои гражданские права на ношение не только верхней, но и нижней одежды. А истина на поверхности и она стара, как мир: обещал жениться, а на поверку оказался настоящим прохвостом!

Вступать в дискуссию не имело смысла, и «Мастер» устало опустился на кровать, однако реакция Хреновой оказалась мало прогнозируемой:

— С моего места, как с теста!— заверещала она, и «Мастер», перепугавшись до смерти, стремительно съехал на пол.

— Н-но разве ты н-не сама желала меня приютить?

— Приютила уже раз и в дурах осталась! Дважды в одну реку не входят.

— Прямо девиз спасательной станции «Второе дыхание»!— не сдержал язвительного тона «Мастер».— Ладно, давай малость всхрапнем.

— Ловлю на слове!

— Не понял.

— Храпеть будешь самую малость.

— Если только Кочегар не раскочегарит во сне.

— Теперь уже я не поняла.

— Думы о Кочегаре не дадут спокойно храпеть.

— Зависть раздирает? Мне и самой хотелось бы иметь такие апартаменты. Особенно балдею от бассейна.

— И пуще всего оттого, как падают в него люди.

— Пациенту понравилось бултыхаться в бассейне?— Хренова легла на кровать, имитируя плавание на спине.— И я обожаю водную стихию — вот так ручками, вот так ножками!

— Прямо русалка!— ухмыльнулся «Мастер».— Теперь я понимаю, как выгодно быть продюсером.

— Прежде чем стать продюсером, необходимо заделаться фермером. Удивлен?

Между тем все до безобразного просто: кочегар — кавказец, и когда у них там начался вооруженный конфликт, рванул в Черноземье, где, как вынужденный переселенец, получил беспроцентную ссуду, на которую арендовал несколько га сельскохозяйственных угодий, став вскоре их полноправным хозяином. Ну а принятый почти тут же закон о продаже земли, позволил оборотистому малому ощутить себя вполне состоятельным человеком. Вскоре он махнул в столицу, где втерся в доверие к алюминиевому магнату, чей сынок не скрывал собственных амбиций по поводу своих вокальных возможностей, но более — по поводу финансовых возможностей отца. Короче, Кочегар оказался в нужном месте в нужный час.

— Казалось бы живи и радуйся, но, думается, Кочегар не испытывает чувства удовлетворения.

— Какое может быть удовлетворение, если в самый ответственный момент врывается группа земляков и начинает предъявлять претензии?

— А если попонятней?

— Пациент хочет, чтобы я препроводила его в бассейн и показала, в какой позе я находилась, когда вломились те самые отморозки?

— Мне интересней знать, какие претензии были у земляков к Кочегару.

— Серьезные претензии.

— Земляки так и говорили: «У нас к тебе, братишка, серьезные претензии имеются?»

— Они галдели по-своему, так что мне оставалось только глазами хлопать. Но базар был действительно крупный, ибо дуло револьвера засело в ноздре Кочегара, и даже охрана ничем не могла ему помочь. Но, говорят, помогли «бабки», и пальбы удалось избежать,

— Коль скоро вооруженный конфликт на Кавказе продолжается, резонно предположить, что те самые «бабки» пойдут на поддержание минной войны, которая стала вроде бы затухать в последнее время. Однако смею предположить, что увезенные земляками деньги фальшивые, но распознать это возможно только при помощи соответствующего прибора.

— Если Желе намекает на увиденный здесь печатный станок, то я готова повторить: он используется исключительно в мирных целях.

— Ну да, рецепты, путевочки... — усмехнулся «Мастер», вытягиваясь на ковре, — все у вас тут в мирных целях, даже кладбище.

— Кладбище, допустим, в паре километрах отсюда... — Хренова вдруг запнулась, понимая, что выдала совсем не обязательное, — короче, отключайся на часок-другой, но только без храпа!

— Это как получится.

— Сделай так, чтобы получилось как в Букингемском дворце.

— А как там бывает в Букингемском?

— Культурно бывает! Не поверишь, но там совсем не встает вопрос о храпе. Во сне же даже легкое сопение — знак дурного тона.

— Благо, хоть дышать не возбраняется. Нет, не хотел бы я спать во дворце!

— Это как понимать? Типа ты за себя не ручаешься?

— И без всякого типа! Да чего тебе напрягаться? В конце концов, не ты же станешь продолжать соревнование в ноль-ноль часов и столько же минут! Лучше бы корт подмела, натяжение сетки проверила, состояние ракеток, мячей... Неужели больше заняться нечем, как только валяться в разобранном виде?

— Пробрало все-таки, да? — довольно произнесла Хренова, то сдвигая, то разводя ноги. — Я тоже себе в таком виде нравлюсь, но не это «заводит», а то, что я уже не кажусь себе такой уж неприступной. Однако, чтобы и Желе привиделось подобное, он обязан живописать, что же на самом деле стряслось с моим партнером по корту.

— С Таксистом? Откуда я знаю? Брошенную им машину нашли, окровавленный нож — тоже, а вот того, кто всем этим заправлял...

— Я это уже слышала,— грубо перебила «Мастера» Хренова,— подсказываю: моего партнера порешил твой нынешний соперник, с коим в ноль-ноль часов и столько же минут...

— Не, Тарзан малый сдержанный,— теперь уже «Мастер» не совсем вежливо повел себя с собеседницей,— а чтобы рассеять сомнения, разумней обратиться за помощью в правоохранительные органы, где такой улике, как окровавленный нож, будут рады до потери пульса.

— Я прибегаю к услугам «02» только в тех случаях, когда существует угроза личной безопасности. Недавний пример с Желе, когда тот во всей красе обнаружил свою звериную сущность, весьма показателен. В улаживании же чужих проблем предпочитают не пороть горячку, а тихо-мирно докапываться до истины.

— Пуская в ход свои чары, добавил бы я.

— И нечего скалиться! Думаешь, Муся и Буся не съели бы пирожок с мясом или рулетик с рыбкой? Да у них вот где стоит обезжиренное молоко, вот!— Хренова провела ребром ладони по горлу.— Но они прекрасно отдают себе отчет в том, что котярам нынче нравятся облезлые кошки, то бишь худенькие и стройненькие, вот и приходится себя во всем ограничивать. И еда тут не является исключением.

«Мастер» отлично сознавал то, что под Мусей и Бусей Хренова, прежде всего, подразумевала себя ненаглядную, и, хотя у него имелся собственный взгляд по поводу выше сказанного, он предпочел не развивать тему женской красоты. Судя по всему, Кочегару, этому котяре, нравятся «облезлые кошки, то бишь худенькие и стройненькие», и Хренова ни за какие коврижки, пирожки с мясом и даже рулетики с рыбой не захочет его разочаровывать.

— Похоже, с моим партнером у нас ничего не выходит,— вздохнула Хренова, удерживая ноги в непристойном положении,— а может, Желе не стремится, чтобы ему показалось, насколько я могу быть приступной?

— Приступной? Но это видно невооруженным глазом!

— Даже так?— Хренова вскочила с постели, словно поднятый по тревоге солдат, и как солдат шустро оделась,— а ведь мне не хрена делать обратиться вновь в неприступную!

Всего одна буква способна внести «раздрай» среди людей. Конечно, выдержки собеседники орфоэпические нормы до самого конца, возможно, совет да любовь стали бы составляющими их счастья, начало которому было бы положено прямо здесь, в номере. Впрочем, к Хреновой нельзя предъявить претензий, ибо ее произношение казалось весьма внятным. А вот «Мастер» сплоховал! Но если уж быть строгим до самого последнего вдоха, то вдруг выяснится, что в «раздрае» виновата третья сила. Что она из себя представляет? Да ничего не представляет, если уж не способна привести в надлежащий вид лингвистическую структуру, без которой шага не сделаешь, рта не раскроешь. Действительно, коли в слове «приступной» первый слог оказался бы ударным, вряд ли случилось бы какое-либо недопонимание в стане собеседников, которые, в сущности, говорили о совершенно разных вещах. Впрочем, Хренова тоже хороша птичка! Она кому угодно способна задурить мозги. Право дело, известно слово «неприступный», которое без «не» выглядит весьма сомнительно. В общем, безгрешных людей в природе не существует.

— Смотри, чтобы на корте ни песчинки не было!— успел крикнуть «Мастер», прежде чем Хренова хлопнула дверью.

Тем не менее, Мастер не собирался тянуть время до ноля-ноля часов и точно столько же минут, ибо мало сомневался в том, что самое захватывающее зрелище будет происходить отнюдь не на корте, а на сцене Большого театра, где уже совсем

скоро начнется грандиозное шоу с умопомрачительными спецэффектами, попасть на которое казалось делом не таким уж и сложным. Куда сложнее совершить побег из «Галлюцинаций».

«Мастер» стянул брюки со спинки стула и вынул из кармана разрисованные «Донором» купюры. С учетом вновь выявленных обстоятельств, откровение «Ты будешь моим!» приобретало куда более катастрофические масштабы, чем те, какие представлялись в самом начале расследования дела с рабочим названием «Сынки толстосумов». «Мастер» пристально взгляделся в номера, ничем не отличавшиеся как на десятках, так и на сотнях. Фальшивые банкноты? Безусловно, однако не это напрягает больше всего. 2508004. До боли знакомый номер! Впрочем, всю эту арифметику разумней решать по ходу дела, и «Мастер» по-военному быстро влез в брюки. Конечно, для полного шика не помешало бы навести «стрелки», но коль скоро Большой театр стал терять в культурно-воспитательной практике (на «Фабрике», кроме потертых джинсов, ничего-то и не выпускают!), вряд ли стоит переживать по поводу собственного внешнего вида.

Да, а что там у нас на корте творится? «Мастер» выглянул в окно, однако активно вальсирующую метлу отметить не удалось. Про таких, как Хренова, обычно говорят: сачок-ударник! А что, собственно, от нее требовать? Чтобы носилась по корту, как электровеник? Да она, поди, и не знает о существовании метлы! Впрочем, кое-что такое наверняка слышала. Например, из сказок, ибо Баба-Яга сплошь и рядом пользуется дворницким инвентарем для перемещения в пространстве. Хренова, поди, убеждена, что метла — это устаревшая модель летательного аппарата. Так или иначе, но главное представляется в следующем: в очевидном отсутствии Хреновой — этим основным препятствием в разрешении первоочередной задачи, начальным этапом которой является побег из «Галлюцинаций».

«Мастер» осторожно приоткрыл дверь — ни души! Как бы не сглазить, но фортуна улыбается ему своей белозубой улыбкой. Даже спускаясь по «мелодичным» ступеням, он не привлек к собственной персоне ни малейшего внимания! Но в то самое время, когда «Мастер» потянул на себя ручку входной двери, Фортуна вдруг повернулась к нему задом.

— А ну, непутевая, дай дорогу! — он отвесил щедрый пинок не отличающейся постоянством даме, в которой с ужасом признал Хренову. — Так ты вовсе не фортуна?

— Вероятно, Желе принял мою задницу за теннисный мяч? — Хренова собственноручно указала выход из довольно пикантной ситуации.

— Да-да, я так и не смог заснуть, держа в уме отложенный до ноля-ноля и точно столько же минут поединок за обладание «Золотой бутсы».

— Но «Золотая бутса» присуждается не в теннисе, а в футболе!

— Действительно, ерунду сморозил, — глупо заулыбался Мастер, — я хотел сказать, за обладание «Золотой корзины».

— А это вроде бы из области баскетбола.

— Совсем даже не обязательно, — проямлил Мастер, словно по злему року загоняя себя в положение вне игры, — в корзине лежат теннисные мячи.

— Бывает и такое. Однако на нашем турнире главный приз называется несколько иначе, — Хренова наморщила лоб, нагружая извилины, — допустим вот так, — она выдержала долгую паузу, — или лучше так... — и снова затяжное молчание, — короче, сегодня Желе вознесет над своей развеселой головой четверку резвых лошадей.

— Нашла Геракла!

— Да тут не надо быть качком! «Четверка резвых лошадей» — это скульптура, вручаемая победителю нашего турнира. Да ее любой дистрофан подымет!

— И все же четверка — многовато, да и тройка как-то привычнее.

— Не нам учить уму-разуму организаторов «Большого шлема»!— тон Хреновой стал куда жестче.— И вообще, приз может оказаться и в чужих руках, если Желе в сию же минуту не возьмется за ракетку.

— Но до ноля-ноля часов и стольких же минут еще предостаточно времени.

— Иными словами, Желе вместо мяча предпочитает гонять балду? А вот его соперник настроен весьма по-боевому,— Хренова указала на корт, куда легкой трусцой устремился Тарзан.

— Тогда, может, не станем ждать ноля-ноля часов и точно стольких же минут?

— Черт, а ведь в этом что-то есть!— Хренова довольно поскребла в затылке.— Ракетки на месте, сетка — тоже, да и корт ни на сантиметр не сдвинулся... Разве что еще одного мяча не хватает?

— Так сгоняй за мячом!

— Отлучаться нежелательно.

«Мастер», конечно же, отлично понимал, почему нежелательно, но он не хотел упускать своего шанса вырваться на свободу.

— Гони и ни о чем дурном не думай.

— Но ведь у меня есть мозги! Которые почему-то все время страшат тем, что из футболиста и баскетболиста Желе превратится в отчаянного бегуна на длинные дистанции.

— Да чтобы я убежал от своего счастья? Не дождетесь!

— Счастье — это я?— задышала неровно Хренова.

— Счастье — это «Четверка резвых лошадей», до обладания которой мне осталось всего-то несколько геймов.

— А может, все же моим мячом поиграете?— Хренова поводила из стороны в сторону своей тощей задницей, памятуя о том, за что эта очаровашка была принята «Мастером» всего пять минут тому назад.

— Твой мяч хоть и миниатюрен, однако далек от стандарта, к тому же, у меня рука не поднимется, чтобы лупить по нему от всей души. Если же я стану нежничать, «лошади» помашут мне гривами.

— И это в то время, когда победа, считай, в нашем кармане? Да я сейчас притащу не один, а десять мячей! Впрочем, для большей уверенности — целую сотню, а то и две!

— Только не жмись — тащи, сколько унесешь!— крикнул «Мастер» вдогонку Хреновой, недоумевая, где она собирается взять такое количество мячей.

Однако вряд ли стоило сомневаться в том, что их поиски грозили затянуться, и данное обстоятельство вселяло определенный оптимизм.

Мастер подбежал к Тарзану, ошарашив того первой же фразой:

— Забирай «Четверку резвых лошадей», только помоги мне, ради всех гривастых на земле!— он часто затопал, выказывая нетерпение: так поступают капризные дети, требуя к собственной персоне повышенного внимания.

— погоди бить копытами,— Тарзан замахнулся на «Мастера» ракеткой, стремясь с помощью угроз привести его чувства в норму,— скорее всего, я тебе помогу, но только без всякой там благодарности. Я, к счастью, не пахарь, и четверка лошадей вряд ли придется ко двору.

— Намек понял — сумму благодарности обговорим чуть позже, а пока побожись что не станешь подавать апелляцию в международную ассоциацию тенниса по поводу невручения тебе главного приза «Большого шлема».

— Какого приза, какого шлема? Кажется, Полярник вконец заигрался!— Тарзан рассмеялся, характерным жестом завершив свою фразу.

— Убедил! Но не в том, что я двинулся, а в том, что все обойдется без вмешательства международных ведомств. А теперь слушай сюда: мне срочно нужно удрать

из этого, с позволения сказать, лечебно-оздоровительного центра. Я здоров, как бык, и пусть мое место займет более достойный, Тот, кто ни дня не обходится без пилюль.

— Конечно, такая, поистине поразительная, чуткость не может не вызвать адекватных эмоций, но ведь Полярник очутился тут не для побега,— вяло улыбнулся Тарзан, выравнивая леску на ракетке.

— Думаешь, я о себе пекусь?

— Не о себе, а о том, кто ни дня не обходится без пилюль,— улыбка Тарзана прямо-таки убивала свою живостью.

— Дай закончить мысль,— нервно отозвался «Мастер», поворачиваясь в ту сторону, где с минуты на минуту должна была объявиться Хренова,— я пекусь о культурных ценностях в масштабах страны!

По законам жанра Тарзан обязан был зайтись истерическим хохотом, но с его лица даже улыбка исчезла!

— Вспомни, как лихо мы сработали в самолете,— «Мастер» перешел в решающую атаку,— уверен, и на этот раз твоя фэйса возрадуется с обложек глянцевого журнала. Да что журналы: ты станешь желанным гостем новостных передач, а поп-певичка Наташа Карасева сплет с тобой дуэтом, как она то делает с настоящим Тарзаном.

Ненастоящий Тарзан серьезно призадумался, отдавая себе отчет в том, что стоящий перед ним человек, слов на ветер не бросает, в чем неоднократно приходилось убеждаться. Достаточно вспомнить головокружительный трюк на аэрошоу. Может, потому, что Тарзан был ненастоящим, ему очень хотелось спеть дуэтом с Наташей Карасевой...

От редакции: Окончание романа планируется опубликовать в одном из последующих номеров журнала.

ПРОЗА

Алексей Яшин

РАССКАЗЫ

Мадонна-2005

Ленька Тарханов сдал последний экзамен за четвертый курс строго на «отлично»: не зубрилой был, но просто голову на плечах имел, что по нынешним временам редкость. А учился он в совершенно нелепом университете, скоропалительно возникшем в середине 90-х годов в райцентре исконно русской губернии на базе скромного пединститута, существовавшего в старинном купеческом городе едва не с ветхозаветных времен. Все дело в том, что тщеславные городские власти вовремя подсуетились перед губернатором, который по совместительству занимал очень высокий пост в Москве по части законодательной власти. И вот создали монстра: четырнадцать факультетов, целый квартал старокупеческих зданий, отремонтированных под учебные корпуса. Только потом сообразили: количество приемных мест превышает число выпускников школ города, района и еще двух-трех районов. И вот на рубеже веков старинный город стал высокообразованным; везде выпускники университета: на рынке, за прилавками, обслуга в пивных и забегаловках и так далее. А глава города публично похвалялся: дескать, переплюнули советскую власть!

Но это к слову, сейчас и не такие перекосы случаются; главное — Ленька вздохнул с облегчением: впереди два месяца без доуки слушать каждый день вялые лекции «преподов» — только что переквалифицировавшихся из школьных учителей и училок, бывших коллег его матери, тоже учительницы. А главное, во дворе корпуса, на скамейке сквера его ждала Ольга, его первая серьезная любовь, второкурсница с психологического факультета. Уже ставшую столь знакомой изящную фигуру самой красивой девушки факультета Ленька отметил боковым зрением — через распахнутое по случаю июньской жары окно — еще спускаясь по лестнице с третьего этажа. Душа запела: первая в жизни девушка, ставшая *его* женщиной: юной, ласковой, искренней в словах и любви. Леньку передернуло от отвращения; почему-то вспомнил не к месту, как зимой ездил в соседний областной город проведать брательника, учившегося в тамошнем солидном университете: рискнул, поступил и тем самым вырвался из провинциального зазеркалья, где через пару капиталистических пятилеток только пенсионеры не будут иметь высшего образования.

Соседи брата по общежитской комнате на троих досрочно разъехались на зимние каникулы (братья собирались ехать домой через три дня — пока же город Ленке показать), прикорнуть нашему провинциалу было где. В первый же вечер в их комнату вошла приятная на вид маленькая блондинка, кивнула гостю:

— Юр! У тебя есть что-нибудь пожевать? Последнюю полторашку на мобильную карту истратила, только на автобус до дома осталось.

Брат подмигнул Ленке, достал из шкафчика батон, колбасу и сыр, вышел с чайником на кухню. Девушка с интересом поглядывала на съестное, что-то щебетала о закончившейся сессии. К ужину Юрка из того же шкафчика достал початую бутылку дешевого портвейна (Ленька принципиально ни капли в рот не брал, памятуя спившегося и отъединившегося от семьи отца). Девушка без объяснений осталась на ночь в кровати с Юркой, а Ленка, нимало дивясь простоте нравов, уснул только за полночь под жаркой подушкой, накрывшей голову.

...На следующий день ужинать и спать с Юркой пришла вальяжная крашеная брюнетка, а последнюю перед отъездом ночь с братом провела длинноногая девушка с волоокими крупными глазами. Юрка, экономный по натуре и общежитскому жилью вдали от дома, трясясь в автобусе, запряженном на шесть часов пути до родного дома, сокрушался: «Ох, и жрут же эти девки, себе дороже эта самая любовь обходится!» Ленка молчал, с тоской поглядывая то на розовощекого брата, то в окно на скучный зимний пейзаж.

Ольга тоже зорко отметила выходящего из корпуса Ленку, но продолжала сидеть на скамейке. Тот же, отвечая машинально на приветствия однокашников и преподавателей (они с ним обычно здоровались за просто, за руку, как со взрослым сыном их прежней школьной коллеги), шел только по оптической прямой: от его глаз к Ольге. Мотнув головой, он почти что физически отбросил паскудные воспоминания об общежитских сопостельниках брата; сами эти мысли казались ему оскорблением для его возлюбленной.

Ольга поднялась только когда Ленка подошел к скамье; понятно, что лизаться публично, тереться голым животом в пупочном декольте о торс партнера, как то сейчас заведено, здесь и в мыслях не было. Страстная, женственная в моменты недавно наступившей близости, Ольга была воплощенным воспитанием при постороннем взгляде. Взяв Ленку под руку, она, как истинная девушка-мажор, пошла к выходу из дворового сквера, но на самом выходе ее спутника остановил пожилой преподаватель, осведомился об успехах в сессии, спросил о здоровье матери — как ей учительствуется в школе. Старомодно раскланялся и зашел во двор.

Ольга исподлобья, мотнув очаровательной мелированной челкой, взглянула на спутника, остановилась и отняла свою руку.

— А-а что, у тебя мать училка?

— Да, в той же школе, где я учился,— машинально ответил Ленка, а в мыслях он был далеко, главное, что его сейчас волновало: после нового поворота в отношениях с Ольгой каковы должны быть его действия? Делать предложение сейчас или как?

— Послушай, а Людмила Георгиевна Тарханова, проректор по экономике, кем она тебе?

— Да никем, просто однофамилица. Здесь, как в деревне, на весь город десяток фамилий. А что?

— Нд-а-а... А я полагала, что она твоя мать, смотрю и преподаватели с тобой за руку здороваются, разговаривают. Так-так, вот что, милый, времена сейчас сложные, мне тоже нужно о себе позаботиться, поэтому давай-ка на этом и поставим точку в наших отношениях.

Ленку прошиб холодный пот, ноги перестали держать, он даже пошатнулся, заглота пересохшим ртом воздух, еле-еле выдавил:

— Ппо-о-чему? — вернулось забытое в детства легкое заикание.
— Сам понимаешь почему. Не ребенок. Вот что, давай вернемся на ту же скамейку, я тебе кое-что рассказать, так сказать на прощание, хочу.

* * *

Слава Кирпичников, только что перешедший на третий курс естественного факультета, с утра выстоял очередь к кассе бухгалтерии университета и с удовлетворением получил стипендию за два летних, каникулярных месяца. Тем более, что уже полгода, как ее стараниями ректора и проректора по экономике Тархановой довели до «штуки» — против вполонину меньшей по всей европейско-российской провинции. Для шику он попросил кассиршу дать деньги двумя бумажками с видами города Ярославля.

Выйдя из главного корпуса, Славка вынул из кармана дешевый мобильник, купленный в обменном магазинчике, заметно волнуясь, набрал номер своей недавней знакомой с факультета психологии:

— Оленька! Ты еще не уехала? В Воронеж собиралась... Может, отметим успешное, так сказать, окончание учебного года?

Весь день он готовился: попросил мать постирать свою выходную рубашку с занятным калейдоскопическим ярким рисунком, тщательно отутюжил лучшие свои светлые брюки. Стригся вроде бы недавно, только перед выходом долго причесывался. На вопрос матери о стипендии за летние месяцы ответил, что завтра выдают.

— Вот и хорошо, а я вчера пенсию получила, на лето нам и хватит,— ответила Вера Тихоновна.

Славик отвернулся от матери, на душе кошки скребли, до слез было жалко мать: после прошлогодней операции пришлось оставить заводскую работу; другой не нашлось, вот и осталась с третьей группой и пенсией в полторы тысячи... «Допустим, даже если в кафе штуку истрачу, то отдам матери вторую, скажу: в университете денег нехватка, в два приема будут летнюю стипендию выдавать, а за месяц? — Все одно подрабатывать нужно». На душе сразу полегчало. Матери что-то не терпелось спросить, не выдержала:

— На свиданку, небось, собираешься?

— Ага, к девушке моей знакомой, у нас учится, Ольгой звать. На психологическом факультете. Да ты нас с ней видела месяц назад, помнишь — у почты?

— А-а, это с челкой такая? Красивая девушка...

Славик вышел из квартиры и через четверть часа уже ждал Ольгу у входа в городской парк.

* * *

К половине одиннадцатого Славик уже с нехорошим предчувствием ждал окончания ужина с Ольгой в лучшем ресторане города «Белый Орел» (бывший «Спутник»). Ольга сразу отвергла парковое кафе.

— Хочу шампанского и лазанью, а здесь только это мерзкое пиво и полусырые шашлыки. Извини, не так воспитана.

К их столику, красиво сервированному, но более всего к чуть захмелевшей Ольге, присматривались молодые кавказцы, сидевшие в уголке за своим дастарханом. У Ольги запел мобильник; выслушав, она сказала что-то утвердительное:

— Славик, пора заканчивать пиршество, отец досрочно из командировки в Старый Оскол прибыл, а он не мама — помешан на благонравии девиц и не любит, когда после двенадцати кого-то в квартире не хватает. Попроси, пожалуйста, счет, а через полчаса проводишь меня до дома.

Счет оказался в три тысячи без копеек, но Славик уже загодя все продумал с каким-то яростным хладнокровием.

— Официант! Еще нам на дорожку кофе и мороженое. Олечка, извини, я на минутку.

В предбаннике ресторана он набрал на мобильнике домашний телефон и деревянным голосом все объяснил матери. Та заохала, даже чуть всплакнула, но обещала через четверть часа (дом рядом) подойти ко входу.

Когда через эти самые четверть часа Славик вторично извинился, встав из-за стола, Ольга уже с легкой насмешкой во взгляде разрешающе кивнула своей знаменитой и влекущей челкой. Сердце Славика заныло, когда он, шагнув из ярко освещенного подъезда на тротуар, увидел немного сгорбленную фигуру матери.

— Вот, Славик, возьми полторы тысячи, как просил. А как мы лето-то будем жить, ведь только через месяц следующая пенсия?

— Иди, мам, домой. Я все понимаю.

Когда он протянул подозванному официанту две крупные кредитки и полторы тысячи сотнями («Сдачи не надо!»), Ольга с интересом, как бы со стороны, изучающе посмотрела на Славика, а прощаясь у своего дома на центральной улице города, слегка обняла спутника, чмокнула в щеку:

— Вечер мне понравился, а ты-ы интересный парень! Завтра созвонимся. Пока.

Славик еще с полчаса побродил по затихающим улицам. Ни сердца своего, ни ног под собой он не ощущал. Так и вошел в квартиру. Мать сидела на стуле в крохотной кухне «хрущевки», опустив голову долу. Медленно подняла ее на Славика. Такая тоска, беспокойство и жалость к сыну были в ее глазах на почерневшем лице, что Славик снова развернулся в коридорчик, вошел в санузел, сожалея, что никак не нашел времени починить щеколду, висевшую на одном шурупе, сел на старую маленькую стиральную машинку, взял с полочки бритву и, отставив правую руку в сторону ванной, вонзил ее в вену у запястья.

Через короткое время мать, почуяв неладное, бросилась к сыну.

...«Скорая» забрала Славика в больницу — слишком много крови потерял. Врач успокоил Веру Тихоновну, но предупредил: в случаях суицида они обязаны ставить в известность милицию.

Через две недели, еще с перевязанной рукой, что он скрывал рукавом рубашки, Славик устроился подсобным рабочим во вновь открывшийся в городе супермаркет. Мать тоже нашла работу «на телефоне».

* * *

К концу рассказа Ленка уже пришел в себя. Что-то в нем вмиг перегорело:

— Ну и к чему это мне все знать?

— К тому, милый, что если ты задумаешь вены себе резать, вешаться или топить по летнему времени, то делай это не сейчас, а дня три-четыре спустя. А сейчас расстанемся, как говорится,— не сошлись характерами...

— Постой, постой! А почему через три дня?

— А чтобы милиция меня не беспокоила, как в прошлый раз. Привет маме!

Замучен Гаагской неволей...

В ночь на одиннадцатое марта Слободан почувствовал себя — без всяких видимых причин — лучше. Тупая пульсирующая боль в сердце сгладилась, проявляясь лишь... он не мог точно определить словами этого состояния: и неприятное, и расслабляющее. «Сладкая тянущая боль»,— решил он, ибо обычная пунктуальность и

самодовлеющая логика ума не позволяли оставлять любое явление в себе или вовне себя без точного определения. Некстати вспомнил последнюю, правда, шесть лет назад, встречу и беседу с Ладиславом Гундуличем, некогда соседом по школьной парте, а теперь известным врачом и профессором университета в Нише.

Далматинец по крови Ладислав, видно в соответствии с национальным характером, мог серьезные вещи говорить с улыбкой, а анекдоты рассказывать с похоронным выражением лица. Слободан не помнил — в каком контексте Ладислав завел разговор об ощущениях удушьяемых людей, но поразился услышанному: человек может повеситься, не имея крюка на потолке, и на батарее отопления, поджав ноги. Казалось бы, что для этого нужно иметь гигантскую силу воли, но Ладислав объяснил, что здесь не помогла бы никакая воля, но все дело в том, что при удушении, как и при замерзании, в организме происходят процессы, активизирующие мозговой центр удовольствия. Поэтому залезшему в петлю вовсе уже и не хочется от нее освободиться... Чудно устроен человек!

Сам неплохо разбирающийся в медицине, Слободан был удивлен. Но теперь, когда болезнь подступила вплотную, он четко знал: всем в теле человека управляет мозг. Простейший пример — каждый по себе знает: если болит сердце — мозг продолжает исправно работать, а если заломило в голове, то и сердце выскакивает из груди...

Отгнав малоприятные воспоминания, Слободан, мысленно поблагодарив сердце за временный покой, удобно устроился на правом боку, взял в руки томик Якшича*, в бесцельный раз прочел наизусть знаемую строфу:

*Тиран казнит нас, позорит женщин,
Посевов наших плоды берет.
Сама суди же, будь справедлива,
Да разве может так жить народ!
— Мы погибаем!.. — И погибайте! —
Что ей, Европе! Все нипочем!*

Только ли Европе, извечно ненавидящей православных и вообще славян, всему миру сейчас нипочем, нет дела до Сербии, обкусанной со всех сторон, как оставленный на ночь пасхальный пирог, обгрызенный церковными крысами. Якшич в своих печальных и гневных стихах писал о последних годах четырехсотлетнего османского ига, но тогда была и сбылась надежда: Великая Россия, начиная с осады Азова воеводой Шеиным и юным Петром Первым, за два без малого века в бесчисленных войнах сломала хребет Османской империи и освободила Балканы.

Где та сильная Российская империя? Где великий и могучий Советский Союз, властитель полумира? Правда, зря Иосип Тито с тезкой-генералиссимусом сгоряча горшки побил; СССР это не повредило — укус комара для медведя, а для Югославии это заложило мину замедленного действия. Увы, нет той царской, той советской империи, и некому сейчас защитить Сербию.

Джордж Оруэлл в романе «1984» всего лишь полутора десятков лет ошибся в своем прогнозе: наступлении эры господства избранных над всем миром... Сладкая тянущая боль на несколько секунд снова превратилась в режущие спазмы, но, слава Богу, отпустила. Кто сейчас с Россией считается? Даже не позволили ему съездить в Москву, в институт Бакулева подлечиться. И брат все пороги в русской столице оттопал с просьбами. Не пустили. Это не ему, Слободану, не доверяют. Это в Россию с европейско-американской надменностью нарочито плюют.

А как бы пригодились русские зенитные установки С-300 во время американских бомбежек Белграда? Не та страна, не те люди, нет Черняева с его полком доброволь-

* Джюра Якшич (1832—1878); строки из стихотворения «Европе»; пер. с сербск.

цев. А сербы разве те? — Его же, последнего защитника страны, продали Гаагскому трибуналу, то есть тем же американцам, за миллиард долларов. Ха-ха! Наивные все же славяне. Так им Америка и дала этот миллиард. Сам Слободан некогда стажировался в Штатах по финансовому барышничеству, как он сейчас этот эпизод жизни называл, хорошо заокеанские нравы изучил. Миллиард! Да за пятидолларовую купюру удавятся... Так и получилось: вместо продажной стоимости Слободана даже не дали, а пообещали в десять раз меньше, а остальное перезачли за что-то. За что? — Белградцы, еще не потерявшие голову, злорадствуют: вычли за «томагавки» и бомбы, что потратили на Югославию. Так оно, наверное, и есть. Не те сербы, не те. Весь мир не тот.

И снова Слободан в мыслях вернулся к запрету трибунала на лечение в Москве. Ведь не идиоты же они полные вкупе со Злой Карлой, должны понимать: не сбежать он собирается, а ткнуть кичливую Европу в ее же с Америкой дерьмо, как это сделал Георгий Димитров в процессе о поджоге рейхстага. Хотя сейчас это жест Дон Кихота. Тогда даже фашисты устыдились своей провокации и отпустили главу Коминтерна, но кто такие гитлеровцы по сравнению с сегодняшними силами мирового зла? — Взбунтовавшиеся дети-хулиганы, нацепившие повязки со свастикой на коричневые рубашонки и с жестокостью нервических подростков заваливших свою и чужие страны горами трупов. Все видится и оценивается на расстоянии времени.

Главное, все у них просчитано на мегакомпьютерах по направлениям и последовательностям. По европейскому же направлению последовательность устранения самых активных противников началась с Николае Чаушеску, ритуально расстрелянного без суда и следствия. Ибо Николае совершил самое страшное преступление перед силами мирового зла: посадил страну на пустую мамалыгу, но полностью расплатился с долгами Америке и Европе. Всякий, кто это делает, получает смертный приговор.

Теперь вот до него добрались. Отсюда он не выйдет иначе как на тот свет. И уже оповещено на весь этот свет: следующим «последним диктатором в Европе» будет белорусский вождь Лукашенко. Жаль, что жить отпущено по крохам, а любопытство профессионального политика снедает: какой сценарий готовится под Лукашенко? — Учитывая интересы России. К сожалению, и здесь выход будет найден.

Слободан полуоткинулся на спину, высвобождая затекшую правую руку и судорожно вдохнул воздух; он понял: остановилось сердце. Эти три-четыре секунды показались вечностью, от пяток выше по ногам пополз ледяной холод. Все. Конец. И тут он почувствовал, как громко, ударом молота по наковальне сердце воскресло и, постепенно разгоняясь, вошло в норму, вернее, в привычный для больного человека ритм. Пронесло.

Сердце побаливало уже за десяток лет, да давление скакало по погоде. Но до «скорой» не доходило: таблетку энаприла, а через час по таблетке же аспаркама и рибоксина. Причем энаприл использовал только свой, словенской фармфабрики, правда, за эти десять лет пришлось увеличить дозировку от пяти до двадцати миллиграмм. А что здесь ему дают? — Бог знает. Да еще издевательски медсестра, чем-то похожая на Злую Карлу, и надзиратель требуют проглатывать снадобье в их присутствии, чтобы не спустил в унитаз. Как будто он стремится ускорить конец своей земной жизни... Может, и правда эти западники искренне полагают его преступником, для которого самоубийство — единственный выход?

Слободан усмехнулся; вот тебе прямо по Гегелю-Марксу: единство и борьба противоположностей! Действительно, только двум человекам не нужна его скорая смерть: ему самому, чтобы ткнуть западников понятно куда, и Карле — для ее прокурорской реабилитации. Ибо на ней уже висят два «русских» проигранных дела: союзного секретаря России и Белоруссии Павла Бородина и главаря солнцевской

бандитской группировки Михайлова-Михася. Если рухнет из-за смерти Слободана и трибунал по бывшей Югославии, издевательски нареченный международным, то это конец карьеры Карлы. Придется ей остаток трудоспособных лет проскучать окружной прокуроршей в глухом швейцарском кантоне...

Югославия. Из предыдущей его мысли четко выкристаллизовывалось только имя его бывшей страны. Ведь, несмотря на трагизм Второй мировой и некоторую двусмысленность положения в соцлагере, это была страна европейского уровня, даже одна из восьми в мире государств строила свои подводные лодки! Даже не в том дело, что Иосип Тито был хорватом и многое делал в ущерб сербам... Нет, не в этом дело, Тито являлся выдающимся коммунистом и руководителем страны, но вот какое-то его навязчивое желание самостоятельности Югославии? Даже получая в Кремле от Брежнева ордена Ленина и Октябрьской революции, неизменно заявлял: *«Будучи независимым и самостоятельным фактором вне блоков, политика неприсоединения, которой мы глубоко и прочно привержены...»* И так далее. Это Слободан хорошо помнил, хотя слышал эти речи по белградскому радио тридцать лет назад.

А что это изменило и в мировой истории, и в судьбе родной страны, если бы два Иосифа не поругались, а Тито ездил каждое лето с отчетом в Сочи или Крым к Самому, потом к Никите и Ильичу Второму? Да ровным счетом ничего, пожалуй. Ход этой самой истории неумолим. Но почему-то все пробные свои ходы она начально опробовала на славянах, особенно не везет здесь русским и сербам, двум православным народам. Боже, что и твои, и наши враги-антихристы сотворили с сербами?! — Четыреста лет османского ига, настоящего, не русско-татарско-монгольского союза, хотя тоже на крови немалой. Происки Европы... И как результат — растащили Великую Сербию по трем религиям. Но опять же не католикам-хорватам, не мусульманам-боснийцам, а православным сербам западный мир ставит в вину все свои же преступления. Сколько же лет, десятков лет пройдет, прежде чем история начнет новый свой виток, снова Великая Россия и Сербия станут социальными, бесклассовыми государствами? Не было дано Слободану ответить самому себе на этот вопрос. Сердце остановилось.

* * *

Душа Слободана отлетела от тела и сорок дней металась над осколками страны, дважды воссозданной после мировых войн XX века. Да, потянулись к брезгливой Европе Словения и Хорватия; мечутся Босния и Македония; темные силы отталкивают от Сербии последнего союзника — Черногорию. Бестелесные слезы проливал он над расчлененной Сербией, уже без Сербской Краины и прародины Косова поля с тысячью взорванных албанцами монастырей и церквей.

На сороковой день душа великого воина Югославии, последнего рыцаря Европы прибыла к воротам Царства Небесного. Апостол Петр уважительно приветствовал новоприбывшего и отворил ворота. Проводить Слободана вышел сам Архистратиг Михаил. Из православных душ доселе только четверо удостаивались такой чести: князя Александр Невский, Дмитрий Донской и два русских генералиссимуса.

Скоро миновал рай католический с гигантским подземным чистилищем, они подошли к необъятному православному раю, стены которого вправо и влево терялись за горизонтом. Архистратиг Михаил отворил двери рая и напутствовал входящего:

— *Шестуй в вечность, Святой Великомученик Слободан!*

ДЕРЕВЕНСКИЕ РАССКАЗЫ

Дмитрий Ракитин

ПЕТРОВИЧ И ДУСЬКА

— Гулял, гуляю и буду гулять! — подмигивает Петрович мне.— А что? Дуська под боком, моя стерва все деньги зарабатывает, пусть!

Петрович высок, широкоплеч в свои шестьдесят, ходит неторопливо, а лицо открытое, с сеткой морщинок у глаз, располагающее.

Дуська помоложе и поменьше ростом, сутуловатая чуть, но быстрая, проворная и говорливая. Лицо светлое, голова чуть опущена, а когда посмотрит исподлобья, улыбнется, просто обаятельная становится.

Вся деревня знает про их любовь. И жена Петровича, Максимовна, тоже. Да от Дуськи, соседки, как отвяжешься? Сделала Максимовна сплошной забор, так Дуська в щелочки все подглядывает да подслушивает.

— Представляешь,— Дуська мне рассказывает,— что Максимовна Петровичу говорит? Чтоб ты сдох, говорит, хоть поживу без тебя, свет белый увижу. Всю жизнь пил и гулял, и на старости лет туда же с этой торгашкой. А зачем жила, Петрович отвечает, развелась бы.

Максимовна и напрямую пыталась поговорить с Дуськой, чтоб не позорились оба, да Дуська хитровато улыбнется и ласково так проговорит, словно пропоет.

— Ой, Максимовна, да что ж ты слушаешь злые языки! Да мало ли што люди наговорять! Какая ж тут любовь, в могилу уж пора!

— Да уж в могилу! — зло сверкнет глазами Максимовна.— По твоей роже вижу, что врешь. Чтоб ноги в моем доме не было!

— Ну а оскорблять зачем, соседка? Мы должны хорошо жить,— ласково так Дуська в ответ, чем выводит из себя Максимовну.

— У-у-ух, хитрющая стерва! Вот покажись, покажись на моем дворе, я тебе ноги поперебиваю!

— А тут он в Сочи с Людкой Букашкиной поехал. Это мне люди потом рассказали, — напоминает Дуська. — Максимовна его встречать, да поезд пришел раньше, они и разминулись. И слава Богу! Такая нехорошая! Деньги, пенсию получить, ничего ему не дать. А рюмочку пенсионеру выпить надо? Надо. Я и налью ему иной раз. Привезет колбасу, съест, кусочек ему достанется, он и живет на одной картошке и рыбе... Ой, не думала, не гадала, что она такая нехорошая! И как он с ней жил-то? А то убить хотела! Гардероб стоит, она и толкнула на него, она вон баба здоровая, не меньше его ростом. Он же слабый, парализованный... А это што! Дочка Валька

моя — некрасивая! А ее Ритка что, лучше? Со всей деревней перегуляла — и ничего! В город уехала — и концы в воду. Я же молчу! Да Валька моя, если хочешь знать, внука с полпуда весом родила! Еле отходили после родов!

Слушаю Дуську, ее убаюкивающий говорок, сам по сторонам смотрю.

Над головой зависли темные тучи, свет косо падает на подлесок, на траву, стена орешника загорается ярким, серебристым цветом.

Дятел работает над осиной, маленькая верхушка которой, как детская шапочка, засыхает. Водит красной головкой дятел вверх-вниз, вверх-вниз, проворно так, ловко, залобуешься. Да не трудись, думаю, доктор, поздно уже, не вылечишь, вон и кора отвалилась.

Я встаю. Дуська прощается, уходит. Не любят ее в деревне. Она и жадная, и болтливая, всех оговорит да так, что и концов не найдешь, во всем права Дуська. Сестра Тяпа тоже не жалуется Дуську, а Васька, тот и вовсе не раз выгонял ее из дома. А Дуське все нипочем. И вот сидит она у Тяпы в доме, про жизнь рассуждает.

— Я женщина простая, честная, я столько лет проработала в столовой, никто худого слова про меня не скажет.

— Пошла брехать, — смеется Васька. — Ты-то — простая и честная? Вот это сказала!

— Да ладно тебе! — Дуська укоризненно. — Мне перед людьми не стыдно!

— Да простые только дураки! — в ответ раздраженно Тяпа. — Что значить простая, скажи мне? Была в столовке и «простая и честная»? Не мели уж, будто не знаю.

— Конечно, что-то и перепадало, — оправдывается раскрасневшаяся Дуська. — И другим перепадало! — выкручивается. — А как же, я никого не обижала, я жила честно. Деньжонки водились, что там скрывать... А теперь все сбережения пропали, — горестно вздыхает, — теперь на пенсию не проживешь.

— А за какие ж деньги домишко себе строишь? За пенсионные? Я знаю, за какие! Петрович на тебя пашет, да Ратаны за рюмку самогонки день и ночь у тебя!

— Тебе-то что жаловаться, а? — спрашивает Васька. — Дети пристроены, внуки тоже выросли.

— Да как же, домишко достроить надо, сарайчик надо поставить.

— Вот ты вся такая хорошая! — не выдерживает Тяпа. — Самогоночки нагонишь у меня да на мои деньги, разбавишь эту самогонку, и строят тебе мужички за стакан кислятины домишко. Украдут что. К кому идти? Да к Дуське. А мне люди, знаешь, что говорят? Мы и тебя, и Дуську твою подпалим, чтоб ворованное не брала. В колхозе ладно, хоть там и нечего воровать, но это меня не касается. А у людей? Ты избенку свою из белого кирпича за мою самогонку поставила, и воров-работников моей самогонкой поишь! А я тут в...ю с мужем-инвалидом! И все-то ты стараешься, и такая ты хорошая! А в чужую жизнь зачем влезает? Зачем Максимовну и ее родню в гроб вгоняешь? Скоро в могилу — тебе и там любовник нужен! Ишь какая заявилась тут! Он же больной, парализованный, а ты из вредности все, из пакости все! От своего гуляла, как хотела, ушел — в деревню приехала, туда же повело. Че-е-естная! Да заткнулась бы ты. Да ты хоть кого до инфаркта доведешь!

Обиженная Дуська молча подхватывается, убегает. Тяпа знает, завтра она опять прибежит как ни в чем не бывало, потому провожает ее тоже молча.

— И моя дура тоже свихнулась! — возмущается Петрович. — Ну что ей Дуська? Ревновать вздумала. Я с рыбалки приду, обсушиться надо, рыбу почистить и пожарить надо. А я один как бирюк. А Дуська зайдет, все сделает... Ну, было дело когда-то, с кем не случилось... А моя: «Стерва Дуська, стерва!» Да сама такая же стерва! Я по молодости гулял, так она меня, как партизана, выслеживала. Зачем? А Дуська, она неплохая баба! Далась им эта Дуська!

Да ведь Дуська меня от смерти спасла! Моей-то все денег мало, а я тут один. Пришел как-то с рыбалки, вымок до нитки, чувствую, руки, ноги отнимаются. Я быстрее звать Дуську. Моя же только через неделю приехала! А не будь Дуськи, так бы и загнулся! Ду-у-уська!

Иван Еронин

РАССКАЗЫ

Дед Тихон

На здании Рахлеевского Дома культуры есть мемориальная доска, на которой написано: «Чибисов Тихон Прокофьевич, герой русско-японской войны, матрос легендарного крейсера «Варяг», личный адъютант капитана Руднева. Родился здесь, в деревне Рахлеево, в 1877 году и здесь же умер 1968 году». Прах этого человека покоится на местном деревенском кладбище. Всякий раз, проходя мимо Дома культуры, я останавливаюсь, снова и снова вчитываясь в слова и даты, написанные на этой доске. Стоя здесь, я мысленно представляю этого человека живым. Дело в том, что знал я его очень близко. Были мы соседями, и наши дома разделял проулок шириной, дай бог, метра три-четыре.

Роста невысокого, но плотного телосложения. В ту пору дед Тихон был еще полон сил, бодр и с определенной крестьянской хитринкой. Чувствовалось, что в молодости он обладал достаточной силой и проворством. С той поры, а это примерно 1947—1948 годы, никто в деревне, наверное, не знал, что дед Тихон в начале века был военным моряком, участвовал в русско-японской войне, да еще на таком героическом корабле, как крейсер «Варяг», и полностью разделял участь корабля и его команды.

Во всяком случае мы, деревенская ребятня, об этой стороне жизни деда Тихона ничего не слышали ни от одного взрослого человека. И вдруг деревню взорвало. Весть о том, что какие-то столичные гости, приехавшие в Рахлеево и объявившие, что нашли здесь героя-матроса с крейсера «Варяг», стала достоянием всех. Деревня гудела, как потревоженный улей. У всех на устах была только эта новость. Деда Тихона куда-то увозили, потом привозили. Приезжали художники. Днями колдовали над его портретами в саду за домом. Их сменяли писатели и журналисты. И, наконец, была организована в клубе его встреча с односельчанами, приуроченная к показу кинофильма «Варяг».

Помню тот вечер. Электричества в деревне не было, и внутренности тогдашнего клуба освещались керосиновыми лампами. Народу набилось полным-полно. На маленькой сцене установили трибуну, и на нее поднялся Тихон Прокофьевич Чибисов в форме русского матроса. Грудь его украшали георгиевские кресты и еще какие-то награды, а по лентам бескозырки струились оранжевые полосы и в центре красовалась надпись «Варяг».

Клуб взорвался аплодисментами. Человек с небольшой редкой бородкой, в морской форме, стоящий на трибуне и рассказывающий односельчанам, где и как он защищал честь Родины, был безумно красив. То ли на фоне послевоенной деревенской нищеты, то ли на фоне совершенного им подвига, только вид этого человека меня завораживал.

Мало-помалу страсти стали стихать, деревня успокаиваться, а Тихон Прокофьевич начал снова превращаться в обыкновенного деда Тихона.

В то время колхозный скот пасли по очереди колхозники, как правило, два соседствующих дома. Подбирались пожилой разум и молодые ноги. Так что эта «почетная» обязанность всегда выпадала нам с дедом Тихоном. Скот выгоняли часа в четыре утра и до начала восхода солнца стадо оказывалось на почтительном расстоянии от деревни за железнодорожным полотном, где коровы останавливались и начинали поедать сдобренную росой траву.

А дед Тихон становился на обочине дороги рядом и, опершись обеими руками на палку, как бы повиснув на ней, сначала спрашивал, читаю ли я книжки, какие и про что. Иногда просил рассказать, что в них написано, а потом сам незаметно переходил на рассказы, где он был и что видел. Видимо, находя во мне, хоть и малого, но довольно любопытного собеседника. Он охотно отвечал на мои наивные детские вопросы. Это там, в июле со скотом, я узнал от него, что крейсер «Варяг» строился на верфях «Филадельфии» в Америке. Он тогда же рассказал мне, как команда сначала была доставлена в Англию, а потом на каком-то английском не очень уютном и слабом корабле семь суток добирались до места назначения на волнах Атлантики.

Рассказывая, он не забывал следить за стадом и, заметив какой-либо непорядок, говорил об этом мне. Я бежал, поворачивая коров в нужном направлении, прибежал назад и снова своими просьбами возвращал деда Тихона на продолжение рассказов. Отказов на эти просьбы не было никогда. С его слов получалось: после того, как корабль был получен и освоен, его отправляли в кругосветное плавание. И таким образом он оказался на Дальнем Востоке.

Рассказывал он подробно. О сражении с четырнадцатью кораблями японской эскадры, вспоминая каждый раз все новые и новые эпизоды. Будучи адъютантом капитана корабля Руднева, матрос Чибисов первым узнал накануне вечером о принятом решении вступить в бой с противником, во много раз превосходящем в количественном и качественном соотношении, и получил приказ: утром надеть новое белье. Потом был страшный, беспощадно-жестокий бой, плен, после освобождения, путешествие через всю страну на поезде в Санкт-Петербург, награждения и чествования. Встречи с царем и его правительством. Не обошла его вниманием и советская власть; после того, как он был найден. Я увидел у него фотографии в обществе К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного и других военачальников, партийных и государственных деятелей.

Но однажды нам с дедом Тихоном крупно не повезло. Была вторая половина летнего не очень жаркого дня. Коровы паслись в небольшой пологой и сырой ложбине. Мы с дедом Тихоном стояли рядом, и он потихоньку делился со мной своими воспоминаниями. Потом он заметил, что в одном месте собралось около десятка полтора коров, что-то усердно лизавших и жадно поедавших растущую тут же осоку. Когда я сказал ему, что лизут они кочку, заросшую травой, дед Тихон успокоился, предположив, что коровы нашли, видимо, какой-то солонид. Уже часа через два, когда мы погнали стадо на ферму, коровы не хотели идти, ложась прямо на дороге. Я обратил на это внимание деда Тихона, на что он заметил: «Вот как хорошо мы их накормили, даже не хотят идти домой». На том и порешили.

Однако рано утром я был поднят со своей убогой постели маминой хворостиной. Стегая меня ею, она плакала и причитала, что мы с дедом Тихоном потравили колхозных коров, что нас теперь сживут со свету и окончательно разорят, сведя со двора нашу корову.

Сбегав на скотный двор, я понял, что падеж произошел среди тех коров, которые лизали кочку. Дед Тихон был темнее июньской грозовой тучи, и не знаю, боялся он чего-либо, но мне казалось, что тогда я впервые видел его испуганным. Часов в де-

сять утра приехала милицейская бричка. Меня посадили в нее и повезли смотреть ту злополучную кочку. Осмотрели место, взяли образцы его содержимого и повезли назад в деревню, где и отпустили. А через некоторое время вызвали в сельсовет на допрос. Допрашивал меня в присутствии учительницы Нины Матвеевны Рыжовой, ныне здравствующей и проживающей в селе Манаенки. сам начальник милиции Георгий Миронович Савицкий, наводя на меня неопиcуемый страх милицейской формой, строгой худощавостью и сухостью вопросов.

Деда Тихона за дощатой перегородкой допрашивал кто-то другой. Часа через полтора меня отпустили, чуть позже — деда Тихона. Нина Матвеевна, как могла, поддерживала меня во время допроса и давала мне самые лестные характеристики, за это я ей благодарен и теперь. А было мне тогда лет десять-одиннадцать.

Потом оказалось, что кочка была ни чем иным, как давно и халатно кем-то высыпанным удобрением, за давностью покрывшимся коркой земли и растительностью. И нас оставили в покое. Поговаривали то ли из-за того, что я правильно сделал, показав кочку, то ли из-за особых заслуг деда Тихона.

Как бы там ни было, но после всего случившегося он не допускал меня к себе месяца полтора-два, а потом вновь оттаял и относился ко мне с прежней любовью. Обещал даже, когда занедужит, подарить мне какую-то именную книгу и еще какие-то реликвии. Но лет через пять я уехал из деревни, а в начале 1968 года получил известие о кончине деда Тихона.

Спустя много-много лет я все-таки благодарю судьбу за то, что близко знал этого человека. Каждый раз, посещая кладбище, я вижу, как по тихим кладбищенским волнам плывут кованые корабли с ограды на его могиле, как бы охраняя покой усопших, как и он когда-то охранял честь и покой страны его родившей.

Шапка

*Светлой памяти брата
Ероина И. В. посвящается*

Бабье лето в эту военную годину было долгим, светлым и теплым. В небе без конца плыли серебряные нити паутин, перевоза паучье население куда-то далеко, на новое место жительства. Отлетали в теплые края птичьи стаи и косяки. Деревья, тихо ронявшие на землю оранжево-желтую листву, своим задумчиво-скорбным видом были похожи на вдов, оплакивающих погибших мужей. Но жизнь продолжалась, все шло своим чередом. Деревня выкопала и убрала картошку со своих конопляников и, успокаиваясь от картофельного ажиотажа, прикидывала, где и как повыгоднее продать излишки и что купить на вырученные копейки. Участки, на которых выращивалась картошка и вся остальная овощная растительность, конопляниками назывались издавна, с той поры, когда на них при единоличном хозяйствовании сеяли коноплю. Свое название они сохранили и поныне. Татьяна Афонина, жившая одна со своими двумя малолетними сыновьями Сережей и Петей, наконец-то тоже управилась с копкой картошки и все никак не могла отойти от дикой усталости, доставшейся ей от этой нечеловеческой работы.

В ту пору в колхозах разрешили начинать копать свою картошку примерно после 15-го сентября. А после двадцатого числа в здешних краях, как правило, начиналась гнилая осень с нудными и промозглыми дождями. Поэтому все старались управиться с этой работой до престольного праздника Рождества Богородицы, срок которому двадцать первого сентября.

Татьяна выбирала клубни одна. Дети по причине малолетства помогали мало, а

маленький Петя больше мешал, чем помогал. И все же они с грехом пополам набирали ведро картошки и вдвоем волокли его к вороху. Татьяна же, чтобы не терять драгоценного времени на походы лишней раз к месту ссыпки, подбирала картошку в две плетушки и, так как была она хоть и невысока, но достаточно сильна, относила их сразу обе, получая громадную экономию времени для подборки. То, что надо было надеяться только на себя, ее подстегивало, и от этого у нее пропадало чувство усталости и недомогания. Работая споро, она не отставала от тех, у кого было два, а то и три помощника. И вот управилась с картошкой и она. Урожай выдался хороший. Заполнив доверху подвал, часть картошки Татьяна разместила дома. Однако и дыр, которые надо ею затыкать, еще больше. В доме не было соли, спичек. И, главное, Сережа, ее старшенький, шустрый белоголовый мальчик, пошедший в этом году в школу, не имел к зиме шапку.

Прослышав, что на станции Горбачево можно продать картошку и на базаре купить все необходимое, Татьяна решила ехать туда. Затарив два мешка, она на телеге отвезла их к железнодорожному разъезду. Там в одиночку перетащила мешки на существовавший в то время перрон и стала ждать поезда. Затащить их в тамбур вагона помогла проводница. На время отсутствия присматривала за детьми четырнадцатилетняя Татьянина племянница Настя. Тяжела была поездка, но удачна. Картошку раскупили быстро. На вырученные деньги купила Татьяна пригоршню соли, два коробка спичек и главное — Сереже совершенно новую, небольшого размера, красиво и добротнo сработанную солдатскую шапку. Когда мать вернулась домой, ребячьей радости не было границ. Старший радовался обновке, младший тоже, зная о том, что в будущем Сереже будет куплена другая, а эта серая красавица, может быть, уже не совсем новая, достанется ему. Только долгой радости не получилось и виной тому были сами ребята и отчасти их мать.

Несмотря на то, что бабье лето было теплым, Сережа сразу же стал щеголять в понравившейся шапке. Мальчик он был рассудительный и умный. И мать даже не подумала отобрать ее у сына и спрятать до холодов, полагая, что относиться к ней он будет бережно. Не подумала она убрать подальше и две коробки спичек, которые достались ей с таким трудом. Но поступки детей бывают непредсказуемыми. В конце конопляников то ли от выжига кирпича, то ли от чьей-то риги или погреба была довольно большая и глубокая яма, заросшая травой и мелким кустарником. Вот в этой-то яме Сереже, пришедшему из школы в один из осенних дней, когда мать была на работе, и пришла в голову идея смастерить печку и испечь в ней картошки. Надев новую шапку, прихватив из печурки спички, Сережа позвал с собой Петю и отправился с ним в эту яму. Печку решили выкопать в ямном откосе и чтобы она была непременно с трубой. Нашли обломок лопаты и долго, забыв про все, сооружали топку с трубой. Потом положили в нее картошку, закрыли сыроватой травой, таким же хворостом и начали растапливать.

Возможно, от неумения, возможно, оттого, что все было сыро, топливо гореть не хотело ни в какую. Сережа жег спичку за спичкой — все напрасно. Топка чадила дымом и гасла. Сережа залез в нее с головой, пытаясь раздуть. Тщетно. Дым только лез в глаза и они мало что видели. Однако азарт достиг наивысшей точки, так что остановиться было уже невозможно. Израсходовав все спички, Сережа послал Петю за вторым коробком. Результат был тот же.

Уже когда кончились спички во втором коробке и дети, обескураженные, сели в изнеможении, Петя увидел вдруг, что дымок струится не столько из «печной трубы», сколько из новенькой Сережиной красавицы-шапки. Начали тушить, выдергивая из нее вату. Однако дыра успела прогореть довольно большая. Нет, Татьяна не ругала и не била детей. Долго и безутешно плакала несчастная мать не столько по шапке и сожженным спичкам, сколько по своей тяжелой доле. Потом сгребла в охапку ребят

и, плача и лаская их, запричитала: «Вырастайте скорей и покупайте себе шапки сами. И тогда хотите — берегите их, хотите — жгите».

Сереза и Петя молча, задумчиво глядели на мать, только теперь осознав, какой они удар нанесли по ее сердцу.

Соловей

Почти в самом начале деревенской улицы, там, где в большой овраг, тянувшийся с юга на север и делящий деревню на две стороны, каждая из которых называет другую на местном наречии, завержкой, перпендикулярно врезается короткий, резко уходящий вглубь овраг, своей конфигурацией напоминающий след от огромной сохи, воткнутой с размаха каким-то великаном в землю. На мысу, образованном этими оврагами, стояла неказистая деревянная изба, крытая соломой, аккуратно чистенькая, с небольшими светлыми оконцами, одни из которых смотрели на улицу, а торцовое — вдоль нее. Изба была похожа на опрятную старушку, присевшую отдохнуть и согреть свою старость под лучами не очень жаркого российского солнца.

Жил в этой избе Иван Петрович Емельянов, по прозвищу «Соловей», со своей женой — бабой Варей — и дочерью Леной. Вообще, детей у них было много, но кто-то умирал, едва родившись, один сгорел на комсомольской работе и ушел из жизни в двадцать лет, двое сыновей, Николай и Петр, погибли в Великую Отечественную, трое, зрелых годами, жили своими семьями в разных городах.

Так что с ними находилась только самая младшая — Елена.

Родился Иван Петрович в 1879 году здесь, в деревне. Прожив в ней до двадцати, подался молодой и здоровый парень в белокаменную искать свое счастье. В Москве не потерялся. Пристроился кондуктором на конку и проработал бы, наверное, всю жизнь на городском транспорте, став окончательно горожанином, да, видно, не судьба.

Лошадей с конки кучера водили ковать в колесную мастерскую, где и была кузница. Иван Петрович им в этом помогал. Там и познакомился с двадцатилетней Варей, внучкой хозяина колесной. В 1907 году сыграли свадьбу, а в 1908-м появился на свет их первенец. К 1914 году обзавелись они уже четырьмя детьми. Не были дети помехой, ладилось пока все. Но грянула в этом году германская, и забрали Ивана Петровича в солдаты, направив в действующую. Там определили его ездовым пулеметной тачки, и он оказался в самом центре событий.

Страшна война и смертью, и жестокостью уродства. Однажды плеснула она в лицо Ивана Петровича сноп огня разорвавшегося совсем близко впереди артиллерийского снаряда. Лошадей срезало начисто. Тачанку вместе с пулеметом и сидками отшвырнуло на несколько десятков метров, перевернув и придавив их. Тем, видимо, и спаслись от осколков. Оглохших, контуженных, но живых подобрали их с пулеметчиком отступавшие казаки, избавив от опасности плена. И не стала вдовой молодая многодетная мать. Вскоре после этого оказался Иван Петрович в Москве. Только к тому времени случилась в России революция, а с нею пришли нищета и голод. На защиту революции Ивана Петровича не взяли по причине многодетности, но на детей пайка не давали, и привез он Варю с детьми да с зингеровской машинкой в свою деревню. Сам же вернулся в Москву. Хоть и давало умение мало-мальски жить на какой-то заработок Варю, да вот неустроенность жилья, неприспособленность к деревенской жизни, многодетность допекла молодую женщину, и она жестко потребовала возвращения мужа. Так Иван Петрович окончательно простился с Москвой и никогда уже туда не вернулся.

В первой половине двадцатых съездил он со старшим сыном на заработки на Украину. Привез оттуда зерна и хлеба, немного тем самым поправив свои дела, оставив

ясь все же в бедняках. В колхоз вступил одним из первых и, в основном, работал конюхом до войны и после. В свободное время, а также долгими осенне-зимними вечерами латал Иван Петрович всевозможную деревенскую обувь, а баба Варя крутила маховичок «Зингера», обшивая незатейливыми юбками и кофтами местных женщин, привлекая их умением поговорить да малой платой за сделанную работу. Вообще отличались эти люди определенным гостеприимством. В колхозе в ту пору устраивались общие обеды в ознаменование Великой Октябрьской социалистической революции. Так вот проходили они в их небольшой, но уютной избе.

По характеру был Иван Петрович вспыльчив, однако не злопамятен, а скорее добр. Однажды в своем саду он застал двух соседских ребятишек. Пошел к их отцу. Тем временем Виктор, так звали младшего, слез с яблони и находился уже дома. Иван Петрович зашел в избу, поздоровался с хозяином и, увидев стоявшего возле окна Витю, произнес:

— Иван Митрофанович, вот сколько раз я им говорил, чтобы не лазали в сад, не ломали горожу и сучья. Пусть подойдут и попросят,— я сам нарву им этих яблок, так нет же — лезут,— и подходя к Виктору со словами: «Сейчас я тебя кнутом»,— легонько стеганул его находившейся в его руках лычной веревкой с узлом на конце, которым путали лошадей, за неимением ничего лучшего, по мягкому месту.

Отец Виктора, сидевший на скамейке, посоветовал Ивану Петровичу добавить еще и посильней, на что тот ответил:

— Нет, хватит, зашибить можно.

Не обошла стороной Ивана Петровича и самая страшная война двадцатого столетия. Затужило сердце по двум погибшим сыновьям. Только время, говорят, лечит. Затягивались раны военной поры, разгибались спины, придавленные бедами и непосильной работой. Растягивались в улыбке губы и раскрывались в шутках и смехе рты. Все самое страшное уходило в небытие. Отходило потихоньку и замеревшее после гибели сыновей сердце Ивана Петровича. Превращался снова он в приятного собеседника и балагура. Когда кто-либо приходил к нему с какой-то нуждой, он усаживал человека рядом со своим столиком, за которым, постукивая сапожным молоточком, чинил сапоги или накалывал шилом чьи-то прохудившиеся валенки и степенно, неторопливо заводил разговор о жите-бытье или начинал что-нибудь рассказывать, чуть-чуть фантазируя и привирая из своей нелегкой жизни. Слушатель, как правило, слушал его внимательно, иногда заливаясь смехом на неожиданные обороты речи, которые он использовал. Такое допускал Иван Петрович и где-нибудь на стороне. Такое случалось и тогда, когда, придя однажды из леса, куда ходил за лыком, он пошел к тому же Ивану Митрофановичу и на полном серьезе, в присутствии всей семьи заявил: «Вы знаете, я был в лесу и видел там соловыху. Она спит, сама глядит и глаза у нее открыты». Сосед до слез хохотал над этим словосочетанием. Потом пересказал это на улице. С той поры прилипло к Ивану Петровичу самое красивое и безобидное на свете прозвище «Соловей».

Давно нет в живых Ивана Петровича и его жены — бабы Вари. Не осталось ничего и от старенькой избы. Но до последнего времени, как часовые у мавзолея, стояли на склоне оврага высоченные груши теперь уже совсем одичавшего сада, вызывая из сокровенных уголков моей памяти голоса и лица людей, населявших эту, когда-то большую деревню.

Людмила Стаханова

САМАЯ КОРОТКАЯ НОЧЬ

Уснул Федор сразу. Лег и будто провалился в глубокую и темную яму — сказывалась усталость душного, хлопотливого дня.

Проснулся он внезапно, как от толчка. Уже ставшими привычными неровными ударами билось сердце, и Федор, не открывая глаз, чтобы сберечь остатки сна, легонько растер грудь ладонью.

Коротко и отрывисто взбрехнула соседская Жучка. «Тьфу ты, пропасти на тебя нет,— ругнулся про себя Федор, но тут же устыдился,— Чего это я? Жучка — сторож что надо, свою собачью службу твердо знает».

На сеновале темно, тихо, и сон снова начал понемногу обволакивать Федора своей сладкой, расслабляющей истомой. Он любил в эту пору коротких ночей спать на сеновале. Запах сена особенно резко, как ничто другое, напоминал ему детство, когда отец только что вернулся с фронта к великой радости пострадавшей с тремя ребятишками матери и на зависть соседкам, дождавшимся вместо своих кормильцев лишь серые листки похоронок со скупыми казенными строчками.

Собираясь на первый послевоенный сенокос, запрягал отец в полуразвалившейся колхозной конюшне чудом уцелевшего Решку. Решка прядал ушами, зло косил лиловым глазом и высоко задира голову при виде уздечки. С норовом был коняга, может, потому и уцелел в войну, из упрямства своего лошадиного, наверное, только ему одному и понятного. Но отец не сердился, терпеливо сносил Решкины фокусы и час-то (Федору казалось даже чаще, чем нужно было бы) похлопывал и поглаживал коня по потной шее, по спутанной пыльной челке.

Бывало, подсаживал отец Федора на высокий душистый воз, а сам шел не спеша рядом, слегка прихрамывая на раненую правую ногу. А вечером, лежа на сеновале, Федор с замиранием сердца слушал нескончаемые рассказы отца, будто заново переживавшего все события тех страшных дней и ночей, которыми так были богаты четыре года странствий этого простого русского солдата от Москвы до самой Германии. До Берлина отец, правда, так и не дошел — был тяжело ранен при переправе через Одер. Пока провалялся в госпиталях, кончилась война.

Ни медалей, ни орденов, ни диковинных трофейных подарков не привез отец с той войны. Только осколок в ноге, который в конце концов и свел его в могилу раньше срока. Хотя, как знать, каков он — срок человеческой жизни? Но в роду Арефьевых все жили долго...

Под стеной сарая, в малиннике, чуть слышно прошуршало, и, разгоняя подступающий сон, Жучка снова тявкнула пару раз, но как-то лениво и беззлобно...

«Сколько же сейчас времени? Час? Больше?»

Было душно, как перед грозой. «Эх, дождя бы сейчас не надо,— подумал Федор.— Вон за сосняком-то сено не подобрали еще. И в Поповке малость осталось. Еще б недельку, а потом пусть поливает». И усмехнулся в темноту:

«Ну, тебе, бригадир, и по ночам покоя нет».

В малине снова зашуршало. «Кошки, небось, леший их носит. Откуда столько развелось — просто пропасть. Вот по телевизору все о любви к братьям нашим меньшим твердят, клубы всякие создают — кошачьи, собачьи. А послушали б они, как у Верки Косовой телята некормленные орут. Стоят по колено в навозной жиже и тычутся сопливыми носами в изгрызенные жерди загородки...»

От этих мыслей Федору вдруг страшно захотелось курить. Ох, и пилила его Наталья за это самое курение. Обещал бросить. Вот и Николай Иванович, сухонький и улыбочивый врач райбольницы, не раз предупреждал: «Хочешь, чтоб мотор твой подольше послужил, — кончай смолить». На людях и при жене Федор крепился, а по ночам, украдкой нет-нет да и доставал спрятанную в ржавую консервную банку смятую пачку сигарет и выкуривал одну, не спеша, растягивая удовольствие, глубоко и жадно затягиваясь.

Догадывалась ли Наталья? Кто знает, может быть. Но прямо об этом никогда не говорила.

Федор вздохнул. Что-то прохладное коснулось щеки. Раз, другой. Маленькие проворные лапки защекотали кожу. Федор одной рукой смахнул паука, а другой нащупал верхнюю ступеньку лестницы и, уже спускаясь, подумал: «...Надо бы как-нибудь заняться — пяток, другой гвоздей подзабить. Ишь — скрипит. Я-то ладно, Наталья не убила бы. Погрузнела она, раздалась. Да и то сказать — не семнадцать же лет».

На дворе было чуть прохладнее, но не светлее. Полной луны, висевшей обычно в это время почти над самой головой, видно не было. Федор завернул за угол сарая и присел на бревно — отсюда красный огонек его сигареты из дома не приметят.

«Ах, Наталья, Наталья! Тоненькая, стройная была, как березка».

Федор вспомнил, как в первый раз встретились они на крыльце правления. Здорово нагорело ему тогда за что-то от председателя. Красный и злой вылетел он на крыльцо и чуть не сшиб с ног какую-то незнакомую глазастую девчонку-учительницу, как потом выяснилось, приехавшую по распределению в только что выстроенную школу-восьмилетку.

Не вдруг, не сразу разглядел Федор судьбу свою — целых восемь лет понадобилось ему для этого. Да, поздновато женился. Тридцать пять стукнуло, а Наталье как раз тридцать сравнялось. Как ждали они своего первенца, как боялись! И недаром. Роды были тяжелыми, и тот же Николай Иванович (специалист на все руки, да только не от скуки, а оттого, что не больно-то рвутся молодые врачи в такие вот райбольницы) объявил им без своей обычной улыбки, сказал как отрезал — не будет у Натальи больше детей!

Может, надо было в область ехать, или даже в столицу к специалистам, авось что и присоветовали бы? Но куда там, на Наталье — школа, она уже к этому времени директорствовала. И у него в бригаде все дела да случаи. Опять же хозяйство, дом. А дома, как говорится, не в гостях — посидевши не уйдешь. Год за годом — так и смирились. Да и возраст уж, этого бы сыночка на ноги поставить.

Пашке шестнадцать скоро. Паспорт получит, а там, глядишь и в город, как все! Поди, удержи его дома. А чего ему здесь-то не хватает? Телевизор цветной, магнитофон. Мотоцикл купили — так месяца не прошло — разбил. А чинить — руки не оттуда растут, все на отца надеется. Ну ни к чему у парня охоты нет: ни к земле, ни к технике. Если что и сделает, все из-под палки да с окрика. Да, вырос детинушка, не больно-то и докричишься. По три раза мать повторяет. Бывает, лопнет у нее терпение, распахнет дверь к нему в комнату, а он на диване развалился, наушники эти свои нацепил и в потолок уставился. А глаза пустые, бессмысленные, как у снулой рыбы. Теперь вот видеомангитофон ему подавай. Тьфу! Не заметил, как вторую закурил. - Явно, перебор!

Чтобы отогнать неприятные мысли, Федор повернул голову и сквозь редкий шта-

кетник забора стал смотреть на улицу. На прошлой неделе пацаны опять схулиганили — разбили фонарь, но глаза уже привыкли к темноте, и Федор без труда различал противоположный ряд домов — таких же, как и его, Федора, приземистых коттеджей на две семьи. Только дом напротив немного выделялся из этого однообразного ряда — был чуток повыше. Ну, так и должно быть — председатель, он и сам больно уж не любил быть как все: и колхоз-то у него лучший в районе, и холодильник японский, и розы у него английские. Два месяца назад в Москву ездил, так назад возвратился с подарком для сына своего, Юрки — привез этот чертов «видак». Все пацаны от зависти ну прямо с ума посходили. Вот и Пашка — туда же. Мало что ли по телевизору всякой дряни показывают; как ни включишь — стрельба, да кровища, да дамочки размалеванные в чем мать родила... Ну, опять что-то сердце щемит. Нет, пора на боковую.

Федор поднялся и в последний раз окинул взглядом темную улицу. Спит еще деревня, в окнах темно. Только в угловом окне председателя дома едва теплится тусклое свечение. «Опять, небось, Юрка свой «видак» гоняет», — подумал Федор и шагнул было к лестнице, но другая мысль заставила его остановиться.

Он вдруг вспомнил, что Юрка уже неделю гостит в городе у тетки, председателяша Нина — в санатории, а глава семьи, сам Илья Петрович, вчера еще уехал в райцентр, предупредив, что его не будет дня три. Других обитателей у этого дома не имелось.

Федор оглянулся. Света в окне не было. «Фу, мерещится уже стало», — пробормотал Федор и покрутил головой. Но что за черт? Свет опять появился, но теперь он переместился в соседнее окно. Затем пропал и снова появился в угловом окне. Федор, как зачарованный, следил за этой странной игрой света.

Было похоже, что... Ну, да, кто-то ходит по дому с фонариком — оттого и свет такой неяркий, как будто рассеянный, — догадался Федор. Но от этой догадки яснее не стало. Но кто же это? Хозяев нет. Вор? Да, у Ильи есть чем поживиться. Но кто же, кто? Нет, главное, как подгадал-то точно — нет никого! Подгадал? А может, подгадали? Чужие? Тогда почему собаки молчат? Жучка и та пару раз брехнула только. Значит, свой кто-то? Что же делать-то? За Михалычем бы надо... Да далеко — на другом конце деревни. Стоп! Телефон же есть. Сейчас я, мигом. Нет, вдруг чепуха какая-нибудь. Ну положим. Михалыча среди ночи поднять — не в первый раз. На то ж он и милиция — днем и ночью на посту. Но пока добежит... А тарактелкой своей и подавно — полдеревни разбудит. А он (или они) за это время фюйть и нету, поминай как звали.

Пока все эти мысли роились в голове Федора, ноги уже сами несли его к калитке. «Правильно, — подбадривал он себя. — Сначала сам взгляну, что там да как, а потом уж...» Что будет потом, он еще и сам не знал.

Стараясь не скрипнуть калиткой, Федор осторожно шагнул на улицу и остановился за кустом сирени у забора. Луна как назло выкатилась из-за косматого облака и застыла над самой его головой, ярко освещая мертвенным светом пустынную улицу. Федор в сердцах выругался про себя и, дожидаясь нового облака, минут десять простоял за кустом. Облако медленно (слишком медленно, как казалось Федору) обволакивало луну. Когда луна скрылась окончательно, Федор выглянул из-за куста, прошел шагов двадцать вдоль забора, быстро пересек асфальт и оказался около председателя гаража.

Перешагнуть низкий штакетник для него, рослого мужчины, не составило труда. В окнах дома со стороны двора было темно. Стараясь не шуршать кустами смородины, Федор, пригнувшись, весь мокрый от росы, прокрался вдоль забора, обогнул гараж и очутился перед крыльцом. Отсюда хорошо просматривалась ведущая от калитки дорожка, выложенная плитам и обсаженная по бокам кустами флоксов.

И в доме, и вокруг все было тихо. Федор поднялся на крыльцо, нащупал ручку двери на застекленную терраску и слегка потянул ее на себя. Дверь не поддавалась.

Потом вспомнил, что дверь открывается вовнутрь, и толкнул ее тихонько. Заперта. И только тут он заметил, что почти перед самым его носом висит большой амбарный замок. Замок тоже был цел. Федор постоял в задумчивости. Вот, значит, как? Тогда остаются окна и лестница, ведущая к окну мансарды. Луна опять появилась, резко обозначив квадрат тени перед крыльцом. Федор повернулся, но так и остался стоять около двери в этой непроглядной темени.

Какое-то шуршание и позвякивание, доносившееся от окна кухни, заставили его остановиться. Сердце неприятно и как-то с перебойми ворочалось и сжималось, но Федор давно перестал обращать на это внимание. По привычке растереть больное место ладонью он не мог — боялся пошевелиться и даже затаил дыхание.

Створки кухонного окна тихо распахнулись, и из черной глубины дома высунулась вихрастая голова. Несколько секунд парень прислушивался, а затем ловко и почти бесшумно спрыгнул на плиты дорожки, выпрямился и протянул руки к окну.

«Пацаны! — изумился Федор. — Вот черти! Чей же это? Что-то в темноте не разберу. Вроде не наш, не местный».

Кто-то другой, еще не видимый Федору, передал в руки парня чем-то наполненный полиэтиленовый пакет, потом небольшой продолговатый предмет, который парень с усилием перехватил за ручку и поставил на дорожку. Потом еще что-то вроде чемоданчика или ящика (а может, коробки — Федор разглядеть не смог).

Парень замешкался с ним, а из окна уже выдвигалось что-то длинное и черное.

«Ружье! — ужаснулся Федор. — Плюшкин дробовик. Он его всегда заряженным держит. Ах, сукины дети, что удумали!»

Федор едва сдерживал все нарастающее волнение. В призрачном зеленоватом свете луны все происходящее казалось ему чем-то нереальным, напоминало кадры из какого-то давно виденного фильма.

Федор еще силился разглядеть парнишку, в то же время понимая, что медлить было уже нельзя. И он решился.

— Эй! — негромко окликнул он парня.

Тот от неожиданности дернулся и разжал руки. Ящик полетел на землю, приминая флоксы.

— Что же это вы делаете, поган...

Договорить Федор не успел. Последовавший сразу же за яркой вспышкой грохот выстрела, треск и звон чего-то, будто взорвавшегося над самой его головой и осыпавшего Федора крошевом битого стекла, штукатурки и мелких щепок, звонкий, заливиственный лай Жучки, вразнобой и разноголосо подхваченный во всех концах деревни — все эти звуки, казалось, одновременно вспороли ночную тишину.

Ничего не соображая, Федор собрался уже шагнуть с крыльца, но резкая боль, как ножом, проткнула его насквозь.

«Что это? Ранен я, что ли? Да нет вроде», — промелькнуло у него в сознании. А перед глазами продолжало раскручиваться это странное кино. Незнакомый парень на дорожке метнулся к калитке, поддав ногой пакет, из которого веером разлетелись во все стороны разноцветные кассеты, и срывающимся, совсем еще мальчишеским голосом выкрикнул на бегу: «Пашка! Ата!»

«Пашка? Господи, да что же это такое?» Федор опять попытался шагнуть, но боль не отпускала. Ноги стали ватными, колени подогнулись, и он сначала сел на ступени крыльца, а затем, откинувшись на спину, чуть-чуть сполз вниз, пытаясь ухватиться ставшими непослушными пальцами за перила. В глазах заплескались, сходясь и расходясь яркие, огненные круги и кольца. И только слух продолжал четко улавливать все происходящее.

Он еще слышал, как стукнула в стену створка окна, что-то глухо ухнуло (наверное, полетел на плиты горшок со знаменитыми Ниниными лилиями), затрещала раз-

давленная кассета, удаляясь, замирал дробный топот бегущих ног. А издалека, постепенно нарастая и приближаясь, пополз над деревней треск Михалычева мотоцикла. Но звуки постепенно глохли, тонули в жгучей и палящей боли, казалось, растекающейся как расплавленный металл по всему телу.

Теряя сознание, Федор дернулся, еще пытаясь подняться, но только перевалился на бок, неудобно подвернув ногу и свесившись головой со ступенек крыльца...

Очнулся Федор, когда стало уже совсем светло, лежа на спине и чувствуя под головой что-то мягкое. Первое, что он увидел, было лицо Михалыча, близко нависшее над ним. Михалыч шевелил губами — кажется, что-то говорил или спрашивал, не переставая быстро и осторожно шарить руками по груди, по животу, по голове Федора. Но из-за звона в ушах Федор ничего не мог разобрать.

Он поморгал глазами, сделал над собой усилие, хотел-шевельнуться, но ни руки, ни ноги не слушались, оставаясь ватными, чужими и совершенно безвольными.

Потом Федор наконец услышал, чего хотел от него Михалыч. А милиционер, все продолжая водить по нему чуть вздрагивающими пальцами, спрашивал:

— Федь! Федор? А, Федор! Как же это ты? Не ранен, нет? Куда тебя, Федя, а? Кто же это? А, Федь?

И Федор вспомнил, отчетливо вспомнил все события этой самой короткой и вдруг ставшей такой длинной ночи. Вспомнил и напрягся всем телом, пытаясь встать, сопротивляясь вновь пронзившей грудь острой боли.

— Ты лежи, лежи Федор, не шевелись! Видать, сердце у тебя схватило,— засуетился Михалыч.

— Терпи, сейчас «скорая» приедет, выехали уже. Ты хоть словечко-то скажи. А, Федор?

— Нат... Наталью позови,— выдавил из себя Федор.

Откуда-то из-за спины Михалыча вынырнуло белое испуганное лицо жены.

— Нагнись...

Наталья, неуклюже подобрав подол, опустилась перед крыльцом, вдавливая в землю голыми коленями осколки стекла.

— Ниже... Ниже...

И когда ухо жены оказалось почти возле самых его губ, Федор, сглотнув вдруг подступивший к горлу комок, едва слышно прошептал:

— Наталь... Наталья. Слышь — не сказал я ему ничего, Михалычу-то. Сын ведь все-таки...

Наталья отпрянула, крепко зажав рот ладонями. И по мере того, как доходило до сознания все сказанное мужем, в ее полных еще не пролитыми слезами глазах ширился и рос такой безграничный, такой безмерный ужас, что Михалычу, пристально глядевшему на нее, и самому сделалось страшно от чего-то непоправимого, неотвратимо надвигающегося в эти минуты и на эту семью, и на него самого, и на всю еще ни о чем не подозревавшую деревню.

А Федор уже не смотрел на жену. Взгляд его уходил куда-то вверх, мимо ее перекошенного ужасом лица, мимо резных наличников председателя дома с его самой высокой в деревне антенной.

Губы его снова слабо шевельнулись, и Михалыч, нагнувшись к самому его лицу, услышал, как Федор, неизвестно к кому обращаясь, тихо, с трудом выговаривая каждое слово произнес:

— А... дождя-то... сегодня... не будет...

Михалыч хотел было переспросить: «О чем это ты, Федор?» Но глянув в его широко раскрытые глаза, отражавшие высокое безоблачное, по-утреннему голубое июньское небо, вдруг понял, что ответа на все свои вопросы он уже не дожидается.

ПОЭЗИЯ

Николай Боев

НОВЫЕ СТИХИ

В ДОРОГЕ «НОВОЛЬВОВСК — ЕПИФАНЬ»

1

Я потер висок седеющий,
Отгоняя мрачный сон,—
Едут пожилые женщины,
Говор слушает салон.
Говорят слова хорошие,
Мысли не берут взаймы.
Легким снегом припорошены
Монастырщины холмы.
Вновь прикрыл глаза.
Притихшие
Голоса извне слышны:
«Здесь у древней Монастырщины
Захоронены сыны,
Что на поле Куликовом
Отстояли честь земли...»
Отчего же к бедам новым
Нас, пропавших, привели?
Бились мы мечом-железом,
Как эпоха — так излом.
Словно овцы, снова лезем
Мы на бойню за козлом...
За изгибами дорожными
Древний город-старина.
Все слова пустопорожние,
Если Родина больна.
Посиделки (раньше — супранки)
Въехали в ночную рань.

Сквозь зашторенные сумерки
Месяц, словно Божья длань,
Осняет Епифань.

2

Епифань — моя провинция.
Я в тебе и кровь, и плоть.
Сквозь века твой облик видится
С вечным: «Помоги, Господь!»
Здесь казаки да посадские,
Вольным воздухом дыша,
Укрепляли узы братские,
Супостатов всех круша,
По-над Доном песни времени
Оглашали берега.
Епифань...
Цари доверили
Русь беречь — ты берегла!
Унеслись былые подвиги
Вместе с вешнею водой.
Отчего ж, столица подлая,
Нас обходишь стороной?
Постарели наши улицы
И, как Родины укор;
В просветленье горько хмурится
Оживающий собор...

3

Пыль веков стоит за Епифанью...
Тысяча ж тысяча годов...
Вдоль Оки и Дона степь пахали
Балты, что с балтийских берегов.
Но еще древнее балтов древних
Наши предки вятичи-народ,
Вольнолюбцы из породы верных,
Неподкупных в мор и недород
Охраняли рубежи святые,
Презирая черной смерти страх.
Уважал их рати боевые
Даже сам Владимир Мономах.
Балтов растворила даль земная.
Шел еще не раз коварный тать,
Но разбиты всякие Мамаи
И следов в округе не видать.
Вот и нынче столько шума-гвалта:
«Кто мы, что мы?»
Но ответ простой...
Я кричу сквозь время:
«Где вы, балты?»
Пыль веков...
Да вятичи со мной...

БОГАТЫРИ

На гривастых конях на косматых...
«Святогор и Илья» И. Бунин.

«На гривастых конях на косматых...»
Муромец, Никитович, Попович,—
Выезжали три богатыря
На охрану отчего предела.
«Долго спали, други вы мои,
Поглядим, что стало с нашей Русью»,—
Молвил Муромец, взглянув из-под руки
На раздолье отчего простора.
Вслед за ним Никитович с Поповичем
Зорко оглядели все окрест.
Даль и ширь разверзлась перед ними:
Все вокруг знакомо-незнакомо,
Все вокруг в разоре и раздоре,
Хищно воронье вокруг кружит.
Далеко-далеко, на Востоке,
Там, где край земли и край России,
Желтые туманы вновь клубятся,
Запыляя древние равнины.
А на русских землях вдруг границы
Встали из-под матушки земли.
Дюже беспокойно на Кавказе,
Черный дым зловещ и непрогляден,
Блещут лишь кинжалы в темноте
И, как прежде, гибнут, гибнут люди.
Запад затянуло пленой.
«Ох, и беспокойно у пределов»,—
Молвил Муромец, копье свое поправив,
Тронул меч направленный Никитович,
Осмотрел Попович лук и стрелы...

ТАЙНЫЙ ЗНАК

Все-таки мой век проходит так,
Как и должен проходить, наверно.
Но порой восходит тайный знак,
Слышу чей-то голос неизменно.
Он беззвучен, но неотвратим,
И сопротивленье невозможно,—
Резко поворачивал за ним,
Убеждаясь в том, что шел я ложно.
Не проехать, не пройти порой —
Колея двоилась и троилась,
И не видно, что там, за горой,
Поджидает — кара или милость?
И тогда являлся тайный знак,
Голос возникал вдруг ниоткуда,
Уводил через опасный мрак,
Ну а все твердили: «Это — чудо!»

Избегая мистик и крестов,
Не стремился я идти в монахи.
Будет тайный знак, и я готов
Принять схиму, раздарив рубахи...

ТВОРЦЫ

Ох, творцы, вы — пропащий народ,—
На послушных людей непохожи,
Ваши судьбы-водоворот
Поднимают вас и ничтожат...

Переходит старушка проспект,
За веревку козу свою тащит,
А художник встал как монумент,
На картину глаза таращит.

На скамейке — влюбленных уют,
А художник, прищуривши глазки,
Подсмотрел вдруг Джульетту свою
И Ромео для будущей сказки.

За чертой городской суеты,
В городской суете изначальной
Вы узрите такие черты,
Что застынете в позе печальной.

А потом в одинокой тиши,
Позабыв о бритве и обеде,
На эскизе карандаши
Будут песню писать о рассвете...

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Я на бугор всходил с колхозным стадом,
А над селом вдруг стала мне видней —
Чуть на восток, почти с ветлою рядом,
Зазывная звезда моих полей.
Она меня коснулась теплым светом
И пронизала им всего насквозь.
Пел соловей в березах ранним летом,
И шло тепло от высвета берез.
Я вырастал, звезде не изменяя,
Родным полям я кланялся земно.
Через войну легла тропа иная,—
Я заплутался с веком заодно.
Таежной падью выходил к отрогу,
Бродил по незнакомым городам,
Но выходил на старую дорогу,
Больным и сирым шел к родным полям.
Все также колосилась рожь с пшеницей,
Пел в поредевшей роще соловей,

Но только здесь дано мне исцелиться —
В краю моей родной звезды полей.
Она одна — пусть не видна повсюду —
Я ощущаю свет ее лучей.
Везде, всегда — пока я не избуду —
Пусть горит звезда моих полей!..

САТАНИНСКИЙ УГАР

Над страной сатанинский угар,—
Вся в рекламе сгорает минута,—
Даже девушек наших в товар
Превратила проклятая смута,
В чем же старый сосед виноват,
Сталинграду оставивший ногу?
А сегодня он тем и богат,
Что к базару проторил дорогу.
Безработные внуки твердят:
«Где ж великая ваша победа?
У тебя два десятка наград,
Но Москвою жестоко ты предан!»
Кто расскажет им, бедным, сполна
(СМИ в зубах у сионского волка),—
Что на откупе нынче страна,
Вместо шляпы почетна ермолка.
Тыщу лет кровожадно и зло
Русь трясло сатанинским брожением,
В этом веке ему повезло,—
Нам остались разор с униженьем.
Если ты «демократ» и урод
По душе — допускают к корыту.
Чтоб спокойнее грабить народ,
Расплодили воров и бандитов.
И гуляет с кастетом кулак,
Рвут дома, стонут пули со свистом.
Собирался недавно «сходняк» —
Съезд отпетых воров и садистов,
И кидали спокойно блесну —
Каждой банде по области в глотку,—
На куски разрезали страну,—
Сталинград просит банда на откуп!
Предлагает всего миллион —
Символ мира накрыт миллионом,
Нашу славу и гордость в полон
За масонскую пачку «зеленых»...
Костыляет просить на базар
Ветеран и герои Сталинграда.
Над страной сатанинский угар —
Продолженье октябрьского ада* ...

* Октябрьский ад — имеется в виду 3—4 октября 1993 года

СЛОВО О СОБАКЕ

В. Пахомову

В растревоженном мире, однако,
Прорывается все больней:
Нету преданнее собаки
Среди тварей, среди людей.

В подтверждение этих мыслей —
Вам поведают (тему тронь!), —
Псы бросаются и на выстрел,
В омут прыгают и в огонь.

Если дальше рассказу стлаться,
Надрывая сплетенья жил,
Псы годами живут на станциях,
Подышают у тихих могил.

Но никто не скажет, однако, —
Может, память не так крепка,
Мало-мало помнят собаку
И совсем не помнят щенка.

ВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

На краю бытового распада,
В желтом отблеске жутких ветров,
Мы лишились душевного лада
Среди стаи двуногих волков.

Божьим промыслом делалось чудо,
А вела за собою беда:
Возникали всегда ниоткуда,
Пробирались опять в никуда.

В одичанье людей и природы,
В наплывающей бездне вражды,
Что-то призрачно бродят народы
И сжигают к прозренью мосты...

...В отчуждении тела и духа,
В убегающей дали дорог,
Я ловлю напряжением слуха
Голос истины. Истина — Бог.
Голос ближе прожег пепелище,
На конце моего бытия,
Но по-прежнему Истину ищет
Безысходная совесть моя.

СОН

Москва — Хазарский каганат.
Который день стучусь я в двери, —

Слезам, действительно, не верит
Москва — Хазарский каганат.
А надо мне лишь поклониться
Ее святыням, глянуть ввысь,
Где предков праведные лица
В святые лики вознеслись.
Москва — Хазарский каганат
Не признает святых провидцев,—
Тень Яхве и другие лица
Свой шабаш, не таясь вершат.
Не Святослав — его потомок,
Сломав крючок-телегипноз,
Я выбираюсь из потемок
И поднимаюсь в полный рост.
О, Господи! Кошмар приснится!
Но вдруг смотрю, выносят знамя:
— Ребята, а Москва не с нами!
Поможем падшей причаститься...

ВРЕМЯ ПРОЩАНИЯ

Ощущаю отпущенный срок,
С грустной мыслью роняю признание:
«Тороплюсь исполнять обещания,—
Возраст вышел на новый виток —
Приближается время прощания».

Все туманней, туманнее даль,
Все глубиннее суть и прозрачнее,
Даже сердце становится зрячее,—
Веку отдал его, как медаль,—
Искупленье за подвиги зряшние.

Все ясней запредельная высь,—
Там ни в чем никогда не обманешься,
Где все чаще за белой туманностью
Вижу души, что стонут и манят нас:
«Что ж, душа моя, им отзовись...»

ВСТАЛА ЦЕРКОВЬ...

Серафиму Лаврову

Из далеких сторон возвратился,
Поседела его голова,
Помолившись, сказал:
«Возродимся,
Если вера покуда жива!»
У развалов селения тихо,
На пригорке, заросшем пока,
Встала церковь — явление лика
Престарелого чудака.
И назло всей бесовской атаке

Купол взмыл, как возмездия знак.
«Божья кара разгульному татю»,—
Порешил, помолившись, чудаки.
Возрожденье Руси и паденье
До познания, что Истина — Бог?
Что-то больно душе и прозренью
Ожидает невидимый срок...

ТУЛА

Выдержишь ты, Тула, маету,
Кто бы ни пытал тебя на прочность,—
Знаешь и металла красоту,
И рисунка трепетную точность.
Мастера премудры от души,—
Пользуются славою разумно:
Тонкостью лукавого Левши,
Глубиной толстовского раздумья.
Могут здесь не только подковать
И блоху, и если надо — нервы.
Смогут за себя здесь постоять,
Как зимой в суровом сорок первом.
Здравствуй, Тула!
На своем пути
Ты была под солнцем и под градом.
Ты по праву носишь на груди
Самую высокую награду.

САМОВАР

Необычайно чрезвычайно
В наш век, пробивший путь на Марс,
Увидел я в районной чайной
Огромный древний самовар.
Своею праздничной латунью
Он всех входящих привлекал,—
За тыщи километров Тулу
Он здесь достойно представлял.
Парок над ним призывно вился,
Покряхтывал он каждый миг,
Патриархально гомозился
Вокруг него сухой старик.
И, словно фокусник восточный,
Он самовару жизнь вдыхал:
То угольком любовно потчевал,
А то водичкой ублажал.
И самовар, пыхтя отчаянно,—
Устал за древностью годов,—
Дарил у стойки кружку чая
Во славу тульских мастеров.

Валерий Савостьянов

ЕДИНСТВО

И в толпе можно жить нелюдимо,
Быть несчастной добычей толпы...
Нас Донской собирал воедино,
Уводя со звериной тропы.

Никли чащи травой луговой
Перед Словом, что бьет, как праща:
«Чтобы стала судьба столбовою,
Ее нужно торить сообща!

Мы друг другом обижены, братья:
Мы грешили взаимною мздой.
Но раскроем друг другу объятия
Рядом с новой русской бедой.

Мы орду посекали —
Но с ордынством
Брань грядет.
Потому и молюсь:
Сцементируем нашим Единством
Толпы — в рати,
А русичей — в Русь!...»

РУСЬ

...На пеньке у омута лесного

Песенку Аленушки поешь...

Дмитрий Кедрин. «Аленушка»

Дети наши грехи пожинают —
Наши камни их тянут на дно.
Как и мы, они Чуда желают,
Но Страна бесчудесна давно.

Снова мечется по чернобыли
То с багром, то с пожарным ведром...
Ей три века дарованы были,
Как три Чуда великих, Петром.

И позарилась оком нескромным:
Повенчаться б с Тельцом Золотым —
Да три века питаться скромным!
Не единым же духом святым.

И помыслила:
(Первого пуше!) —
Стать ученой, премудрой такой,
Чтоб весь мир
Да и райские кущи
Доставать реактивной рукой.

Ну а третье:
(Ума-то палата —
Страшен ум, не смиренный крестом)
Посадила на трон супостата,
Сделать новым решила Христом!

Вот и платит жестоко и люто
(Спрос велик, если много дано) —
Сколько люда,
Прекрасного люда
Опустилось на самое дно!..

Я бы весь переполнился мезью,
Но заслышу —
И верить готов! —
Как Аленушки горькую песню
Русь у наших поет омутов...

РУССКИЙ ГРЕХ

Я у журавлей беру уроки,
Я пытаю у родных полей:
Почему нам русские пороки
Чуждых добродетелей милей?

Ой, тетерева мои — тетери,
Лопуховый мой, полынный луг,
Почему же русские потери
Сердцу ближе импортных заслуг?..

Я ценю — мой разум отмечает
Точность немцев,
Стойкость англичан.
Почему же душу не печалит,
Что за бред им снится по ночам?

Но коль юный Пушкин и Чижевский
В грезах воспевают героин,
Коль влюбился новый Чернышевский
В сны своих отпетых героинь, —

Я зову метелицу и стужу
Этот жар почаще навещать!
И казню я собственную душу,
Русский грех спешащую прощать...

КАК ЧАСТО СМЫСЛУ ВОПРЕКИ

Как часто смыслу вопреки,
Судя по-своему: по-русски,
Мечтатели и чудаки,
Врагов мы брали на поруки.

Их, бьющих Родину под дых:
Рвачей, ворующих с рожденья,
Мошенников и забулдыг,—
Прощало наше снисхожденье.

Но тех, кто пробовал учить,
Подсказывать, как жить нам дальше,
Спешили строгостью лечить —
Наказывали жесточайше.

И магаданское зверье,
Зверье Таймыра и Урала,
Инакомыслие твое,
Народ несчастный, пожирало...

Народ, плодивший хитрецов,
Самодовольный и блаженный,
Куда и как — без мудрецов —
Шагать нам поступью саженой?

Спроси теперь у забулдыг,
У ката, вора, лиходея:
Где Русь героев и святых,
Где Наша Русская Идея?..

ВЬЮГА

Я измучен, истерзан, изранен, —
Просто валится все из рук! —
Потому что уехал в Израиль
Закадычный, сердечный друг.

С ним, что ближе, дороже брата,
Шел я в горы, в байдарке мок...
Нет, Россия не виновата,
Что он сыном ей стать не смог!

Помню: вещи мы выносили,
И сказал он мне у дверей:

По отцу он — русский в России,
А по матери — там еврей.

И такую его удачу
Проворонить никак нельзя!..
И простились мы, чуть не плача,
И расстались мы, как друзья.

Но порезал он по-живому
И не вспомнил он сгоряча
Селигерской протоки омут
И «мороженое» Тхача.

Не подумал он, что в баулах
Пру любимую не упрешь
И Лаврушинский переулок
В робком свете первых порош...

Нам сердец своих — не раздвоить:
Здесь лишь — в поле и на плацу —
Русским русская вьюга воеет.
И по матери, и по отцу...

ВИШЕННИК

Дай поклонюсь тебе в ноги,
Дай поцелую твой цвет,
Вишенник возле дороги,
Деда прощальный привет.

Что бы со мною ни вышло,
Помню в аду и в раю:
Есть тут «Валеркина вишня» —
В честь и во славу мою.

А велика ли заслуга,
Если упросит внучок
С грядки для раннего лука
Выкопать вишню — дичок

И посадить у подвала,
Где начинается сад?
Знаете: это немало
В душной запарке лопат.

Это не просто:
Желанья,
Что не в шеренгу стоят,
Не отдавать на закланье
Нынешних луковых гряд!..

Чтобы все выше и выше
Зашелестеть в небесах
Возле «Валеркиной вишни»
Вишенкам Димок и Саш,—

Дай поклонюсь тебе в ноги,
Дай поцелую твой свет,
Вишенник возле дороги,
Деда прощальный привет!..

Может быть, вишен отведав,
Впредь я, —
Врастающий в суть
Мудрой неспешности дедов,
Благословляющих в путь, —

Бедный наш Сад,
Что укатан,
В яминах и в сорняках —
Уж не доверю лопатам
В жадных,
Ленивых руках...

КРАСНОДЕРЕВЩИК

Церковь старая, что бабушка любила,
На холме белеет, сердце веселя.
По дороге к ней — то ива, то рябина,
Липы, ясени, березы, тополя.

И мне кажется: задумчивые лица
На меня глядят с надеждой из ветвей —
За деревья меня просят помолиться
С кроткой страстью доброй бабушки моей.

Говорят:
«Поставь хоть маленькую свечку:
Ведь без нас
(И наша жертва не проста!)
Для иконы не найти тебе дощечку
И не сделать поминального креста...

А когда придут минуты роковые,
Только мы с тобой останемся одни:
Заклучим тебя в объятия гробовые,
Помня бабушкино: «Боже, сохрани!..»

ЮРИЙ ЩЕЛОКОВ

*Не догорев, заря зарей сменялась,
Плыла большая круглая луна,
И, запрокинув голову, смеялась,
До слез смеялась девушка одна...*

Анатолий Передреев. «Из юности». 1961 г.

*Окно раскрыто, занавеска вьется,
И слышится отчетливо, как там
Самозабвенно женщина смеется —
Так, что невольно улыбнешься сам!..*

Юрий Щелоков. «Женщина смеется...». 1966 г.

Не обвиняй экологов
В ранних следах седин.
Юрий Михайлович Щелоков
Пал в пятьдесят один.

Умер не от Чернобыля
В восемьдесят шестом...
Долго стоял у гроба я
В зале,
Почти пустом.

Видя следы жестокие,
Желтую кожу рук,
Долго искал истоки я
Страшных предсмертных мук...

Вырос не бедолагою,
С властью не воевал,
Правда, порой с бумагою
Чистой озоровал.

Выглаженный, ухоженный,
Первый из женихов,
Нес он по жизни кожаный
Пухлый портфель стихов.

Что в нем от политических
Мускулистых горилл?
Юношей поэтических
Ласково он журил, —

И умирать не пробовал
Юноша над листом.
Вот почему у гроба я
В зале, почти пустом.

Знаю, хоть полон жалости:
Судят нас — по грехам!

Больше бы чуть державности
Щелоковским стихам.

Чтобы туляк, что вкалывал,
Русской земле служил,
Как именным «Макаровым»,
Сборником дорожил!

Больше бы чуть — участия
В тех, кто в грязи лежал,
Может быть, и несчастья
Смертного б избежал.

Что ж ты — спаси, согрей его! —
Плачешь ты отчего,
Девушка Передреева,
Женщиной став его?..

Годы — плохие вестники:
Старость не побороть.
Вот мы уже ровесники,
Скоро — «за поворот».

Там назову по имени,
Нежности не тая, —
«Юра, — скажу, — прости меня,
Бог нам теперь — Судья!..»

Каждого, словно рукопись,
Станет Он изучать,
Выбросит муть —
И рукопись
Лишь утвердит в печать.

Перышки там — не тупятся,
Муза — не мстит, а льстит.
Русский народ заступится,
Может, и Бог простит...

Слово ищу нетленное, —
Горькое, но свое! —
Чтоб заслужить
Мгновенное
Тихое забытье.

Март, 2001

ЯБЛОНЬКА НАД ПОМОЙКОЮ

Когда тебе кажется: уж ничто не обрадует —
Все видел ты, все оценил,
Яблоки спелые съедаются —

Валерий Вашкин

* * *

Красота спасет Мир? Может быть. Я не спорю. Конечно.
Только что-то не то. Нет не верю. Простите меня.
Доброта и Любовь к состраданию тянутся вечно
Прорастая в сердцах, нас спасают, от злобы храня.

Мы строптивым умом не познаем Любви Бесконечной,
Сердцем трепетным чувствуем зов человеческих Душ.
Ум-заложник минут, ему чуждо понятие Вечность,
Аналитик, прагмат, он не верит в слияние Душ.

Но холодный, практичный расчет
Может в лед заковать наши Души,
Себячтимой, спесивой гордыней
Ослепить, обескровить сердца,
Жаждой власти кричать.
Для гордыни что главное? Уши.
Чтобы слушать себя. Чтобы слышать,
Как будут ее величать,
Попирая Заветы Христа.
Попираем Заветы Христа:
Не убий! Возлюби... Боже правый!
Где предел зла? Спасет наш мир красота?
Убиваем детей ради власти, наживы забавы,
Прикрываясь при этом Творцом.
Губим, губим живые сердца.

Саласпилс и Беслан и Норд-Ост и... обман.
Кровью каплет из ран...
И слабеет Душа... И спешит не спеша
К Богу в Вечность, в Любовь!
Для того, чтобы вновь раствориться в Любви.
Для того, чтобы вновь возродиться в Любви!
И земной мир спасти.

Саласпилс и Беслан — капли крови из ран
В тело Матерь-Земли
Стоном стонет земля. Стоном детских сердец.

Вдох последний дитя рвет на части свинец.
Капли крови из ран... слезы Душ-Лебедей.
Плачет, плачет Земля. Кровью наших детей.
Прячет слезы Земля от злой радости зла...
Мы хороним Любовь... Загляни ей в глаза.
Сотни, тысячи глаз с фотографий глядят
И с могильных камней ловят взглядом твой взгляд.
Сколько в них Доброты! В Вечность смотрит Любовь!!!
Нас жалеют они. Мы бесчувственны вновь.
Снова впали в обман. Лишь холодный расчет.
Пусть течет кровь из ран. Кровь не наша течет.
Суета пьет сердца. Души втиснуты в лед.
Пусть придет, что придет!!! Только б души на взлет!
Лишь бы крылья сердцам! Да не были бы в лет.
Каждый строит свой храм. Только храм... или дзот?
Богом выбор нам дан: Жить на вылет иль в лет
Сердцем стройте свой Храм. Пусть любовь в нем живет!
Искры Божий тот Храм! Ей лишь Душу отдам!

Красота спасет Мир? Может быть... сохранит
Только если Любовь Красотою творит
И находит созвучие в наших сердцах.

* * *

Посвящаю любимой жене Лидии

Королева сердца моего!
Нежное воздушное создание!
Легкий вдох Творца!
Любовь его в образе твоём!
Пушинка мироздания!

Легкий вдох Творца, и ожила Душа.
Господи, прости меня несмелого!
Свет — Нектар Любви вдыхаю, чуть дыша.
Милая, спаси душой ранимого!

Словно дуновенье ветерка
В предрассветной мгле тумана млечного,
В нас Любовь, вибрируя слегка,
Расправляет крылья Ангела Сердечного.

Сердцем те вибрации ловлю.
Капля в Океане Бесконечности
Слава Богу! Я свободен! Я люблю!
Эхом пью Любовь-Дыхание вечности!

Светлым Ангелом Душа на небо просится
В Вечность окунуться. И взлететь
Милая с тобою в Вечность Просится!
Сердцем в твоём Сердце биться, петь!

И не будет больше одиночества!
И сольется в миге Зов Сердец!
Свет двух звезд на небесах Пророчеством
Воссоединит в Себе Любви Творец.

Милая, ты спишь? Ну, спи родимая.
А я сон твой буду охранять.
Каждый вздох Души твоей, Любимая!
Своим сердцем буду укрывать!!!

* * *

Дочери и Сыновья «Дань» для Бога у каждого «Я»
Неразрывна цепочка меж нами.
Жизнь твоя, жизнь его, жизнь моя, жизнь... ничья
Не проходит бесследно меж нами.

Кто ушел? Как ушел? Кто пришел? С чем пришел?
Что посеял добро или злобу?
Как земной путь пройти? Как спасти? Как найти?
Что спасти? Что найти?
Сердце стонет в груди, гонит в душу хворобу.

Ненавидим, клянем, сострадания ждем,
Без Любви Любовь ищем, зовем.
Чья вина? Чья судьба? Чья беда? Чьи года?
Нищета? Суета? Жизнь не та?
Может, да, может, нет. Как найти нам ответ?

Не найти нам ответ. Нам не нужен ответ.
Ум Земной застит Свет! Божий Свет!
Счастья нет! Воли нет, нелогичен ответ,
Ну и пусть это бред,
Только знаю одно! Только вижу один Божий Свет!
Все понять до конца, все познать до конца —
Лишь мечта гордеца. Кто мудрее Творца?

Путь Земной, миг в ночи. Не спеши, помолчи.
Суету приручи. Тишиною лечи Душу
— В Вечность ключи.
Пусть не прав был сосед. И вокруг море бед
И горит горя след...
Божий Свет!!! Нам умом не понять,
Неизбежность принять
Все с Любовью принять, Мир Душою объять,
Злобу в сердце унять.

Дай отпор наглецу, Трусить нам не к лицу,
Но без злобы к Творцу дай отпор наглецу.
Если в злобе Душа. Если месть не спеша,
«Правота» как парша разъедает, душа...
То страдает Душа, и не стоят гроша

Наши помыслы, Вера. Презреньем дыша,
Лишь немеет Душа. Да... страдает Душа.

Божий Свет — В Вечность путь, дай нам сил не свернуть,
Дай нам сил не «сгореть» — Добротою прозреть.
Лик Любви — Божий Дар — Божьим Светом согреть!
В сердце нашем «пожар» — Божьим Светом согреть!
Суеты, злобы жар — Божьим Светом согреть!
Дай нам сил умереть... Дай нам сил умереть
И Воскреснуть во Тьме! В Тишине, В Пустоте.
Дай нам сил жить в Тебе, Божий Свет!..
Вечный Путь!!!

* * *

Вот еще окно, где опять не спят.
Почему темно? Сколько судеб в ряд!!!
Крик Души в ночи тишиной объят.
Чем сильнее крик, тем бездонней взгляд!
Тем правдивей взгляд!

День встречает нас суетой проблем.
Ночь — исканий час, час Душевных тем.
Сбросив дня покров, рвется ввысь Душа —
К звездам, в Бездну снов! Вечностью дыша,
Рвется ввысь Душа!

Кто за тем окном? В чем его нужда?
Что вошло в тот дом? Счастье или Беда?
Или... может быть, вдохновеньем в ночь
В сердце Дар Творить, Бог вдохнуть не прочь?
Сердце! Бог!.. И ночь...

Ночь питает день, сном покой верша.
Свет рождает тень, рвется ввысь Душа!
Жизнь — круговорот, компас в ней Душа.
В сердце,— Божий храм! Храм и есть Душа!
Искры Божьей храм!

Свет в моем окне — Свет моей Души.
Свет в твоем окне — Свет твоей Души.
Мириады звезд, отражаясь, пьют —
Свет твоей Души! Суть твоей Души
В мою Душу шлют.
В мою Душу льют свет из Ваших Душ.
Искорки Огня!!! Божьего Огня!!!
Вечности Костер, обогрей меня!

* * *

Посадил березку в детстве под окном.
И с тех пор береза сторожит мой дом.

Летом тихо шепчет, осенью ворчит.
Веткой в непогоду мне в окно стучит.
А зимой тихоня косы серебрит,
Девушкой Снегуркой в Новый Год стоит.
Чуть весна пригреет, сбросит свой наряд,
Обрастет листвою, раскосматит взгляд.
Спрячется пичуга среди густых ветвей,
И одарит песней Душу соловей!

* * *

Когда считаешь, что ты прав,
Гордыню прав лиши
Души дыхание признав,
С ней спорить не спеши

Когда обида захлестнет
И крепко сдавит грудь
Когда тоска в «тиски» зажмет
И одинок твой путь,
Винить всех не спеши.

Быть может, это жребий твой,
Кто знает? Не спеши.
Быть может, боль эта не боль —
Лекарство для Души.

Ты знаешь, где с пути свернешь?
С ответом не спеши.
Найдешь ли точный перевод
Всех чаяний Души?

Любовь! Лик Божий! Божий дар!
Вот стержень для Души.
В ней Вечность! И Любви пожар
Гасить ты не спеши!

* * *

Лица, человеческие лица,
Как мне вас порой недостает!
Нет не тех, в которых смерть таится,
Лица, окрыленные Любовью, с Состраданием врожденным
Страждущее Сердце ищет, ждет.

Лица, удивительные лица!
Человеку многое дано...
Разве можно с этим примириться?
Свет блеснет... И нет его... Темно.

Лица, «невзрослеющие» лица!
Трудно вас найти среди суеты.

Лучезарный свет от вас струится
Бескорыстия, Покоя, Доброты.

Лица, как небесная зарница,
Озаряют Души вновь и вновь!
Рядом с вами просто! Жизнь искрится!
Смех и слезы ваши дарят нам Любовь!

Лица, человеческие лица!
Как мне вас порой недостает!?

* * *

Россия, любящая мать! Своих сынов
Спасала, поглощая боль невзгоды,
Своей душой! Божественной душой врагов
Ты сбрасывала путы несвободы.

Вот и сейчас очередной навал:
Вокруг резня, зло торжествует, нет спасения.
Но верю я! Пробьет час исцеления!
Исчезнет злобы, зависти оскал.

Омоешь раны родниковой водой.
Печаль и скорбь стряхнешь с Себя росой.
И возродишь сынов великих вновь!
Великих духом, с лучезарною душою!

Они придут все разом, как один.
Взращенные Тобою! Бога слава!
Посланники, которых Господин
Веками собирал для сбора урожая.

А мы... Мы, что... Мы дети смутных дней.
Уйдем по одному. Ему виднее:
Кто жил как праведник, кто агнец, кто злодей —
Всем нам воздастся по делам нашим...

Лидия Козлова

ЖАЖДА ЖИЗНИ

*Жизнь убывает в прямой
зависимости от силы желаний.*

Бальзак

Негасимая жажда желаний
И надежд, и в любви признаний
С каждым годом сильнее тревожит,
И на свете всего дороже.

Потому что судьбины дороги
Ко мне слишком бывали строги,
Все стерпя, до сих пор не забыла,
Как жила я и как любила.

Но я верю: грядущие весны
Вновь омоют седые сосны,
Молодя их весенней водою.
Чтобы встретились мы с тобою.

* * *

Ты стоишь еще, церковь родная.
Хотя в запустенье жестоком,
А я, на тебя уповая,
Вижу прежнюю в мире далеком.

Здесь мой прадед когда-то венчался
Порою давно отшумевшей,
Малиновый звон раздавался
Над округой, теперь опустевшей.

Боль моя и России всецело,
Поросшая мхом и травой,
Ты много неправды терпела
И откликнулось это бедою.

СЕНТЯБРЬ

В детстве я росла, забот не зная,
И скажу сквозь все мои года:
Широта и высь родного края
Завладели сердцем навсегда.

Помню дни сентябрьские в деревне,
Как звенела дружно детвора.
В школу шли. Шумели так напевно
Сортировки на току с утра.

Через клады, по тропинке выше;
Вот он деревянный барский дом.
Но словами вовсе не опишешь,
Как уютно было в доме том.

За рекой, почти под облаками,
Там стояла школа на горе,
Где играли окна вечерами,
Лиловея часто на заре.

Лес, одетый нежно в паутину,
Две сосны внизу под той горой.
Желуди, созревшую рябину
Собирала я сухой порой.

Солнышко теплом согрело душу,
Чтобы посильнее взволновать.
Ни за что обет свой не нарушу:
Мне под этим солнцем умирать.

И в душе свободная, как птица,
Над землею мысленно паря,
Вижу, как родимая дымится
Красками того же сентября.

ЦВЕТОК

*Есть два цветка: надежда и наслаждение.
Кто сорвал один цветок, тот другой не сорвет.*

Ф. Шиллер

Лирой дорожу,
И все перетру.
Много напишу,
если не умру.

На том берегу
расцветет цветок.
Алый — на лугу —
тонкий стебелек.

Сгинуть — не пропасть,
хуже есть напасть.
И тебя, о страсть,
лучше не украсть.

Красочный закат,
розовый рассвет.
Кто же виноват,
что дала обет?

Кто в моих очах
и в моих речах.
В сладостных ли снах
и в моих грехах?

Ты ль идешь ко мне,
милый, в тишине?
Ветер лишь в ответ:
не было и нет.

Аленьких одежд
не теряй цветков.
Сорванных надежд,
дорогой дружок.

* * *

Благослови меня, Господь
В неистовой мольбе.
То, что мою сжигает плоть,
Известно лишь тебе.

Любви большой и неземной
Хотела я всегда.
Она пришла порой ночной.
Однажды навсегда.

Цветы в саду не перечсть:
Фиалки, резеда.
Так чудно судьбы переплесть
Уже смогли года.

Зачем разверзлись вдруг земля
И пропасть на пути?
Не удалось, старалась я,
Ее нам обойти.

И над любовью неземной
Звонят колокола.
И тучка вмиг не стороной
Свой дождик пролила.

Но пронесла сквозь суету
Те чувства я свои.
Когда подчас невоготу,
Так выльются стихи.

Коснутся моего чела,
Чтоб успокоить плоть.
Как много мне любовь дала:
Благослови, Господь.

ТУЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

Крушма и Непрядва —
Тульские края.
И звучит, как клятва,
Родина моя.

Много раз стонала
Тульская земля.
Слезы осушала
Родина моя.

И сейчас осушит
Край слезу не зря.
Чтобы стала лучше
Родина моя.

ОСЕНЬ

И вновь благодатная осень
Ликуя, волшебную просинь
Ваяет среди облаков
И стонов остывших ветров.

В мое небольшое оконце
Осеннее теплое солнце
Свои проливает лучи,
Что были порой горячи.

И грустно на сердце бывает,
И дождик тоску навевает,
С которой, разлуку вина
Ты вспомнишь любимый меня.

Окраска природы всевластной
Бледнее порою ненастной,
Когда улетают на юг
Все птицы от северных выюг.

Но нету роднее ненастья,
И дней и погожих, и ясных,

И красок нигде нет синей
Любимой России моей.

МОЛОДОСТЬ

Пух от одуванчиков
ветром разнесло.
Сколько было мальчиков,—
нет ни одного.

Девочка бедовая,
что с тобой стряслось?
Молодость рисковая,
так уж повелось.

Глупость гениальная
не сродни седым.
Истина буквальная:
только молодым.

Пух от одуванчиков
золотых седин.
Сколько было мальчиков,
виноват один.

ВЕРЮ

От родных полей
до звезды моей
далеко.

Быть любимую,
неповторимую
нелегко.

Горизонта даль,
ничего не жаль,
почему?

Верю я судьбе,
так же, как тебе
одному.

Валентина Денисова

* * *

Молись, душа!
Кому, какое дело?
О чем грустишь, когда ликует тело?!
О чем поешь,
За песней, пряча слезы,
Рифмуя Русь
И русские березы.

Прислушиваясь к шепоту ветвей,
Тебе одной полночный соловей
С благоговеньем доверяет тайны...
Луна в тебя, как в зеркало, печально
Задумчивый свой устремляет взгляд.
А ты вдруг засмеешься невпопад,
При этом восклицая:
«Боже правый!
Как жизнь прекрасна,
Многолика,
Браво!»

* * *

Длина строки
Высвечивает возраст.
Страшат слова «навек», «навсегда»
И забывают губы «никогда»,
И не стремится ввысь
Звнящий голос.

В распутье лет затеряны следы,
А жизнь, как миг, прекрасна и жестока,
И в «никуда» уже уходит кто-то,
И продымь в волосах —
Венец беды.

В избытке сердца не раскрыть уста.
Слова сгорают в горле,
Как в горниле.
И не решить дилемму:
Или — или?..
Ну, кто сказал, что Истина проста?!

Александр Лисяков

ТУЛА

Мы историю не пишем,
Мы живем, мы любим, дышим...
Пусть о нас потомки говорят...
Издалека им виднее.
Будут нас они мудрее,
Но пришлось нам сделать первый шаг.
Мы стремились к лучшей жизни
И на благо всей Отчизны
Были наши славные дела.
Тулу сделали героем,
Отстояв на поле боя
Честь, Любовь, Свободу от врага
Мы с надеждой день встречаем
Детский смех оберегаем
Помогаем, в счастье, им расти.
Двери, окна в мир открыли,
В путь-дорогу снарядили,
Сколько в жизни предстоит пройти
Что с собою взять в дорогу?
И кого позвать в подмогу?
Это должен каждый сам решать
Рядом с кем идти по жизни?
Ну, конечно же, с Любимой!
В жизни все должно быть на двоих.
Дом, Семья — навеки свято
И не повернуть обратно,
На дворе иные времена.
Тула - наш любимый город,
Каждому он сердцу дорог
Тула, как и Родина, — одна!

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Уж сколько их, великих и безвестных
Ушло за грань небесной синевы...
Признанья и стенанья неуместны
Перед величием скорбной тишины.

Довольно выдано авансом и по счету,
Измерено достаточно глубин,
Что за спиной: прозренья иль просчеты —
Неважно! Ты пред Вечностью — один.
И ни к чему пустые разговоры,
Злословию уж не придет черед.
Кто ты по сути? Чем ты жил? Что думал?
Лишь это принимается в расчет.
И только в этом вижу я духовность.
Молитва для Всевышнего — пуста,
Коль в сердце пустота,
Коль в сердце зависть, черствость,
Коростой покрывается душа.

БОЛЬ

Неблагодарные потомки
Своих отцов и матерей,
Вы уничтожили Россию
За пару мисок кислых щей.
Россия — сырьевой придаток,
Отходов разных полигон...
Мы победили в сорок пятом,
А нынче к немцам на поклон...
Да что там немцы, англичане...
Нам кулаком грозит Литва!
Диктуют из-за океана,
Как нам вести свои дела!
Доколе разные прохвосты
По думам будут заседать?
Доколе будешь ты, Россия,
С протянутой рукой стоять?

ОПОНЕНТУ

Мне говорят, искусство вечно,
А жизнь не так уж и длинна.
Поэтому живи беспечно,
Тяп-ляп, и кончены дела.
Зачем стараться, суетиться?
Итог известен всем давно.
Трудов плодами насладиться
Нам все равно не суждено...
К чему страдания, терзанья,
И строчек суетный поток,
Решать загадки мирозданья?
Ведь каждому придет свой срок.
Эти стихи тебя едва ли
На много лет переживут,
Такие же вот графоманы
Еще побольше наплетут...

И пусть. Мне будет в том отрада,
Что если сын мой или внук,
Томик стихов перелистают
И добрым словом помянут.

ПРИТЧА О МЕТАЛЛУРГЕ

Однажды царь созвал мастеровых
И повелел построить в прославленье
Себя и дел своих прекраснейший дворец,
Чтоб зависть вызывал и восхищенье.
Рабов нагнали, нищих бедолаг,
И вдоволь привезли материала...
Работа закипела. Был размах,
Которого история не знала...
Построили. О, чудо из чудес!
Гранит и мрамор, разные скульптуры,
Различных драгоценностей не счесть,
Все золото, алмазы, изумруды...
По окончании был грандиозный пир,
Для всех там за столом хватило места,
Но рядом с тронном, в центре, сел старик
Все возмутились и к царю с протестом.
Его никто не видел до сих пор,
На стройке вообще не появлялся,
Здесь лучший должен быть из Мастеров,
А этот, вообще, откуда взялся?
Поднялся царь. «Ну что ж, ответь старик,
Всем объясни сейчас, без промедленья,
Кто ты? Откуда? Как и почему
Ты прибыл на наш пир без приглашенья?
Чем занимаешься? Быть может, просто плут?
Ответь, старик, развеи недоуменье».
Тот, гордо встав, сказал: «Я МЕТАЛЛУРГ!
И в стали, есть моей души кипенье.
Скажи мне, плотник, из чего топор?
А молот кузнеца, а наковальня,
Плуг пахаря, меч воина, багор,
Нож повара и ложки — из металла.
Вот почему среди мастеровых
Я первый среди равных. Так и знайте!»
Все согласились, ему место уступив.
Он первый! Помните! И детям передайте.

ПОПУТЧИКАМ

Напялить шутовской колпак
Не хитро, к сожалению,
Другого же суметь понять,
Достойно уважения.
Люди завистливы, слабы,

И часто, в озлоблении,
Навешивают ярлыки,
Забыв о всепрощении.
Дай руку другу, не суди,
И сам судим не будешь,
В согласие с ближним, и с людьми,
И сам с собою будешь...
Но где там, вдоль и поперек,
Всех кости перемыли,
Родных, и близких, и друзей,
Соседей не забыли.
Вот почему на склоне дней
Живешь в тоске. В унынье
Бредешь один. Ты без друзей,
Как скорпион в пустыне.

ОСЕНЬ

Облетела листва, почернели сады,
Перекопаны под зиму грядки...
Под окном, как последние искры, цветы
Догорают. А так, все в порядке.
 Дни короче, короче... Небесная синь
 Успокоит уставшую душу,
 И уносится к югу курлычущий клин...
 Там тепло, а на Родине лучше!
В лес пойду. Меж дубов и осин
Поброжу, прогуляюсь долиной...
А зимой буду помнить небесную синь,
Листьев шорох и клин журавлиный.

ИСПОВЕДЬ НА ВОКЗАЛЕ

Что смотришь? Думаешь, чужак
Сидит и говорит с собою?
Давай по стопочке, земляк,
И выслушай мою историю.
Я вновь один, вновь без семьи,
На части впору разорваться,
Здесь дочь растет, еще есть сын,
И все же некуда податься.
Когда-нибудь они поймут,
Что нестерпелось, нелюбилось,
Простят, быть может, и придут,
А, может, нет, я не обижусь.
Люблю всем сердцем крох моих,
Но, видно, не судьба быть вместе,
И то, что я ушел от них,
Совсем не делает мне чести.
Любовь — капризнейший цветок,
Сберечь нам было не по силам.
Скандал, скандал... И на замок

Закрылись души. Боже милый.
Да, я во многом виноват,
Наказан был за то судьбою,
Она, что горше во сто крат,
Вины не видит за собою.
А ведь, если хочешь счастья в дом,
Быть он не должен полем брани.
И виноваты оба в том,
Что не нужны друг другу стали.

* * *

Как много храмов по России,
И колокольни рвутся ввысь,
Но не придет сюда Мессия,
Не даст молитвам новой силы,
Нет христиан! Перевелись.

И ни гонения на веру,
Ни пресловутый комсомол
Не виноваты совершенно,
А развращает ежедневно
Погоня за «золотым тельцом»

Не возжелай,— они желают,
Не укради,— но тащат все...
Простых людей не понимают,
По большей части презирают,
Лишь раз мы на земле живем...

Духовность ищем в духовенстве,
У церкви учимся. При том,
Что и она не устояла,
Довольно долго промышляла
Торговлей водкой, табаком...

Аллах покинул азиатов,
Дал вдоволь нефть, не дав ума...
Суры Корана помнят свято,
Но брат идет войной на брата,
Там, где был мир, сейчас беда.

В кварталах мирных рвутся бомбы,
Смерть косит женщин и детей...
В ряды шахидов-ваххабитов
Суннитов тащат и шиитов
И делают из них «зверей»

Китаец ты иль европеец,
Индеец или бедуин —
В конце концов за все в ответе
Всегда один! Лишь ты один!
А Бог для всех для нас один!

Виктор Гусак

* * *

Погулял февраль, потешил, покутил.
На метели колесо поворотил.
На метели да к веселому теплу —
Жерди солнечные ставить по селу!
Ах, ты утро, мои тропы,
 Смех девиц,
Скрип дороги да прихлопы
 рукавиц,
Пусть мороз еще лютует, круто гнет.
Радость вешняя и плачет и поет.

* * *

Опять заплакали деревья
У ног их талая вода.
Аукнулась с весной деревня,
Колодезная в два ряда.

Стоит и солнышку не верит
В разливах ласкового дня.
Прости за все мои потери
Ты, недостойного, меня.

Мечта и подвиг,
 было время —
Живой огонь из родника.
Мечта и подвиг —
 ногу в стремя
И мчи, мой конь, через века.

Но оказалось все напрасно...
...А ты по-прежнему добра
Среди снегов в лазури ясной
Мне даришь путь из серебра.

* * *

Там, где утро в туманах тонет,
Жили-были когда-то кони.

Не в каком-то варке-загоне —
В птичьем звоне да клеверах.
Жили кони не где-то в сказке,
А в людской доброте и ласке.
Ах, какие мешались краски,
Когда мчались они в ветрах.

А сегодня бывалым трактором
Ходит новенький чудо-трактор.
В его сердце четырехтактном
Бьется сил непомерный мрак.
Под небес голубые арки
Мчат бесшумные иномарки,
Стонут трассы в объездах жарких.
Что же я о своем, чудак,—

Там, где утро в туманах тонет,
Жили-были когда-то кони.
Не в каком-то варке-загоне —
В птичьем звоне да клеверах.
Жили кони не где-то в сказке,
А в людской доброте и ласке.
Ах, какие мешались краски,
Когда мчались они в ветрах.

* * *

Где ты, сказкой прыгнувший клубок,
В древних пальцах вызревшая нитка?
Поизмылся реченькой песок,
Позаглохла давняя калитка...

В чутком мире снова тишина,
И опять мне за полночь не спится...
От луны до самого окна
Протянулись бабушкины спицы.

РУССКИЕ НАПЕВЫ

*Что светлого от тех осталось дней?
Наверно, песни бабушки моей.*

1

Ох, давно ли я молодухой была,
Словно белая лебедушка плыла.
Словно белая лебедушка плыла,
Хороводы задушевные вела.

Пели ленты в косах девушек-подруг.
Что за девушки! — захватывает дух.
Ходят плавно, трав касаются едва,
Ходят, словно выплывают кружева.

Смотрят парни, разудалы-хороши,
Смотрят бравые, не чают в нас души.
Не одна из нас, счастливая, с тех пор
Подарила ненаглядному свой взор.

Как сегодня помню: нежностью дыша,
В песнях сладко поистаяла душа.
И душиста, вся кудрява, весела,
Поразвесившись, черемуха цвела.

2

На дворе трещит морозец.
На краю села колодец.
Надо по воду идти —
На миру красу нести.

Проливая ал платок
По морозной замети,
Загорюсь, что вешний сок,
От любви без памяти.

У колодца, там, где лед,
Там, где вербы в инее,
Милый за руку возьмет,
Назовет по имени.

Зачерпнет из родника,
Как пушинку, ведрышко.
Краше милого дружка
Разве только солнышко.

* * *

Аромат цветения,
Лист над головой,
Легкое, весеннее...
Ах ты, боже мой,—
Что за птичьи звонницы —
Русские леса!
От любви в бессоннице
Льются голоса:
Озорные, грустные,
Бойкие и нет.
Вроде безыскусные,
А чаруют свет.

Александр Воеводский

ЛЕДОХОД

Сорок второй, не забытый мной год.
Страшный в тот год был весной ледоход.
Старый и малый на речку бежал:
Там плыли солдаты на льдинах лежмя.
Плыли солдаты, закованы в льдах.
Плыли у нас, у детей, на глазах.
Чей это был муж, отец или брат?
Плыл по Оке неизвестный солдат...
Бабы баграми цепляли за лед:
«Эй, подсобляй, а не то — унесет!»
Прыгали мы, пацаны, с топором
И вырубали солдат тех со льдом.
Этот, как будто споткнувшись, упал.
Этот щекою к винтовке припал.
Словно прилег отдохнуть человек.
Да так и заснул в этой позе навек.
Всех по традиции к церкви несли.
Детские слезы невольно текли.
Клади в исподнем их всех без гробов.
Некому делать их - нет мужиков.
Видел я павшим надгробный гранит,
Но память моя ту могилу хранит,
Где русские женщины клали ряд в ряд
В землю родимую русских солдат.

СЫНОК

Ночью мамою не бредит.
И не пишет, и не едет.
В воскресенье прет в парную.
Выпьет пива, посидит.
«Не забуду мать родную»
Врет накладка на груди.

РУССКАЯ ПЕЧЬ И ВРЕМЯНКА

(басня)

Блистая красной речью
И радуясь, что снова затопилась,
Времянка перед Русской Печью
Возгордилась:
«Как я жарка,— трещит она,—
Как я пылаю!
Людей, дома и все вокруг
Мгновенно согреваю.
И мною надо дорожить,
Я ведь прочна,— опять она
Визжит,— потом,
Из дома в дом могу переходить...
Да что с тобою говорить,
Ты не поймешь, ты — Печь!»
А Печь ей отвечает: — «Ведь
И железо может прогореть,
Да на тебя ни сесть, ни лечь...
Значенье ты свое разжуй-ка,
Я Русская с каких веков уж Печь.
А ты — Времянка... так — «Буржуйка».

А СУДЬИ КТО?

Бобры, резвясь,
(Они осины только что поели)
Услышали однажды Дятла стук по ели.
(А Дятел, правда, громко так по дереву стучал)
Бобры взъерошились:
«Скажи, какой нахал!
Он так деревья все погубит!
Видать, он древесину любит!»
И Дятла вызвали на суд.
И осудили.
А судьями Бобры все те же были.

ДЕМОКРАТИЯ

На весь мир Козлы признали,
Что не туда Овец, Баранов звали.
И вот за то, что все Козлы грешили,
Баранам... бляеть разрешили.
Открыто всех Козлов критиковать,
Чтоб впредь Козлам не врать.
И хоть не зажила еще ошибок рана,
Но вновь Козлы вперед зовут Баранов.
А что они? Козлов на части рвут?
Да нет — хоть блеют, а идут.

КОСОЛАПЫЙ ПРЕД

Один Медведь,
Возглавивший колхоз,
Решил вопросов целый воз:
Определил посевов он структуру,
Не позабыл и про высокую культуру.
Одно забыл он — в поле вывезти навоз
Пришла пора, и наш медведь
Решил посевы посмотреть.
И видит вдруг,
Что урожай... сам друг.

Мораль и в шутку, и всерьез:
Не забывайте вывозить навоз.

«ИНСПЕКТОР»

Медведь
Добился разрешенья
В районе ульи осмотреть
И подвести итоги года.
Медведь подвел итоги, но...
Остались пасеки без меда.

УБИЙЦА ПРОКЛ

Ах, как он с ними воевал.
Наделал разные ловушки,
Поставил ложные кормушки.
И даже авточучело.
Но птица Прокла мучила.
Натянет ветки так и эдак,
Поставит пару колких веток,
А птицы снова тут как тут,
Что посадил опять склюют.
Вдруг Прокла осенило, право.
Он вспомнил, дома есть отравы.
Лежали через день в саду
Десятки пташек на виду.
Прокл птицам дал бескровный бой.
А ныне там живые птицы:
Грачи, воробушки, синицы —
Сад облетают стороной.

Для пользы временной — иной
Готов сгубить весь шар земной.

Александр Хадарцев

РОМКЕ

И великаны усыхают
от многолетней жизни бремени:
теряют волосы, седеют,
слабеют мышцы, голос рушится.
Лишь только дети вспоминают
былую мощность их во времени,
где старцы — просто молодеют,
и вновь живетсЯ им, и служитсЯ.

Пусть детям не приметно явное:
что сами стали великанами,
что их заботы приумножились
в самодостаточности сил.
В них — память есть! И это главное —
взывает полными стаканами,
чтобы слова не уничтожились,
а дух любви – в потомках жил!

Дочь, а тем более племянника —
не удержать над чернской бездной!
Скорей они сумеют бережно
меня за лысину держать,
уставшего, седого странника
по жизни странной и безбрежной,
но я готов, как раньше, нежно,
и все, что нужно, подсказать.

Быть дядей Сашей — выше святостей,
макушкой храма свет ломающих!
Знать, что не зря годами долгими
светило светит в темноту.
Пусть будет неизбывность радостей,
в глазах детей — добром сияющих!
Нам не смутить словами колкими
души святую простоту!

2006

ТУЛЬСКИЙ РОБЕРТИНО

В полости Белого дома —
людям, имеющим власть,
каждая нота знакома,
вниз не дающая пасть.

В джунглях сплошных коридоров —
тишь кабинетных дверей,
надписи есть на которых,
словно на клетках зверей.

Дверь приоткрыта немного:
в зале эксперты сидят,
смотрят улыбочиво-строго
на пацанов и девчат.

Вдруг из-за двери раздался
сердца ребячьего стон.
И на минуту прервался
крепкий чиновничий сон.

Голос и звонок, и светел,
чист, как хрустальный кристалл,
словно родник на рассвете,
в чутких сердцах зажурчал.

Голос и плачет, и светит,
звуки волшебные льет —
как Робертино Лоретти,
мальчик о маме поет.

Мама! Любимая мама!
Что еще можно сказать?
Мама! Хочу тебе прямо
душу свою показать!

Пел мальчуган и, конечно,
всякий, кто слышал его,
думал о лучшем, о вечном,
но не сказал ничего.

Тихо в чиновничьем храме.
Слышен мушиный полет.
Просто — единственной маме
мальчик беззвучно поет.

2005

РОВЕСНИКИ

Поредели волосы,
побелели бороды,
поистерлась кожистость
черных пиджаков.

Но своими мыслями
мы, как прежде, молоды
и, как прежде, тянемся
к искренности слов.
Где-то в прошлом гульбища
в девочках и дамочках,
пьянки до беспульсия,
ресторанный гам.
В траурных каемочках —
много наших в рамках
удалились в вечности
всеприимный храм.
Только обучаемость
с возрастом снижается,
марши похоронные
нас не устрашат!
Потому, как в юности,
кое-кто влюбляется.
Позабыв про семьдесят,
как про шестьдесят!
До войны рожденные,
и в войну зачатые,
возрастом равняемся,
но — на молодых!
Вспоминаем армию,
как шаги печатали,
в сапогах кирзовейших
на плацах пустых.
Танцплощадки круглые
в горсадах из прошлого.
Это — не теперешний
сполох дискотек!
И, пускай не видится
ничего хорошего,
мы всегда уверены
в бесконечье рек.
Первый тост — за будущность!
Тост второй — за здравие!
Третий тост — за молодость
и прекрасных дам!
За друзей доверие!
За простое правило:
где в тебе нуждаются,
быть, конечно, там!

2005

ТУРНИР ПАМЯТИ ФРИЗЕНА

Застыл над сеткой волейбольный мяч
в тоске по необъятно мощной силе...
Один удар — и будет сделан матч!
Но вдруг в прыжке — движения застыли.

Как будто там, еще в немом кино,
остановились кадры бело-черные.
И досмотреть его — нам не дано,
какие бы мы не были ученые!

Идет турнир, мячи ладони жгут,
ударные меняя направления.
Ревут трибуны, но кого-то ждут
болельщики-фанаты тем не менее!

Эх, Эдуардыч! Если бы на час
ты смог вернуться к волейболу жизни!
Увидеть всех: родных своих и нас...
А мы за час — неплохо встречу сбрызнем!

Застыл над сеткой жизненных забот
гигант в душе, в работе, в мощном теле!
Твоим друзьям — тебя недостает!
Не верится, что ты в земной постели!

Листая напечатанный буклет,
нельзя представить целостность Фризена!
Он и сейчас живет с теченьем лет
и в памяти и в сердце — несомненно!

2006

ЧТО ЖЕЛАЮТ ЖЕНЩИНЕ?

Что обычно женщине желают?
Счастья женского! А что это такое?
Может быть — размеренность покоя?
Или — состояние крутое?
Или — понимание простое?
Женщины желания скрывают,
и в подушку по ночам рыдают,
потому что часто ощущают
муки одиночества — до воя!

Пусть не будет женщин — одиноких!
Пусть глаза их радость излучают!
Руки — нежной теплотой ласкают!
Теплоту ответную встречают!
Губы — в губы влагу получают!
Пусть живут без мелочей жестоких!
Пусть светлеют в помыслах высоких!
Не мельчают в истинах глубоких,
а мужчин — надежных выбирают!

2006

МАЛЫЕ ГОРОДА

Виктор Греков

БЕЛЕВ — ГОРОД КАФЕДРАЛЬНЫЙ

Твоя родина — страна князей

Старый государь русский вместе со внуком своим управляет всеми землями, а сыновей своих не допускает до правления; не дает им уделов; это для магистра Ливонского и Ордена очень вредно: они не могут устоять перед такою силою, сосредоточенною в одних руках.

(Из письма кенигсбергского командора к своему магистру. С. Соловьев. История России. кн. I. Стр. 1486)

Медленно и артачась, нехотя и болезненно цепляясь за древние устои, уходила, источаясь в прах истории, словно оплывающий огарок свечи, эпоха Василия II (Темного). Неторопливо, с оглядкой, словно усталый матрос на трапе, со своей раскачивающейся походкой, восходило время Ивана III.

Нравы своеволия, мелочности сходили на нет; их место заступали новые духовные устремления людей, сориентированных на Отечество — сильное, единое и неделимое.

В одиночестве ли находилось Великой Московское княжество, в обретении единства государства, в обретении святости отеческого? В этот процесс была вовлечена вся Европа; во всяком случае, в него были втянуты все соседи России. Так, в частности, Людовик XI (1461—1483) фактически завершил создание единого французского королевства сразу же после присоединения Бургундии. То есть, восторжествовали центристские силы на всем континенте.

В Московском государстве помыслы великого князя стали наконец соразмерны его деяниям, плоды были достойны потраченных сил и величины усилий целого народа.

А что же Белев? Каково его место в происходящем с ним и его страной?

Как и прежде, он не находился в стороне от грандиозных событий, и по его траектории в той эпохе можно сравнительно легко определить характер времени, на-

правление очистительных бурь, свежих ветров, пронесшихся над Русью. О, нет, недолго оставался в забвении, будто былинный бел-горюч камень, и сам город, и весь поокский край. Животворная вода перемен, а именно национального и политического единения, подтекла-таки, пусть и исподволь, и под этот бел-горюч камень, лежащий на рубеже леса и степи, в бассейне сильной тогда еще и привередливой реки Оки.

Видимо, так было предначертано, видно так было уготовано, что Белев оказался (даже географически!) в центре, в ядре Верховских княжеств, названных историками «Страной князей». Вследствие этого история Белева оказалась в центре внимания ученых с мировым именем. Потому еще, что Белевское княжество оказалось связанным с Великим Московским всеми мыслимыми и немыслимыми нитями, и именно в тот момент, когда государственное начало одержало стратегическую победу над прочими.

Откуда же взялась эта «Страна князей»? Отчего же, в силу каких фундаментальных причин князя Верховские, ну, скажем, Воротынские, Волконские, Белевские, вели свою политику, служа, так сказать, «на две стороны» — одновременно и Литовскому и Московскому великим княжествам?

Итак, когда древнерусское государство распалось, Белев вошел в состав Черниговского княжества. А уже в 1246 году, после смерти наипоследнего черниговского князя, Михаила Всеволодовича, распалось и оно. Распалось на более мелкие уделы. Одним из таковых было княжество Новосильское. Вот в его-то состав и вошли Белев с соседом, с Одоевом.

В 1368 году один из Новосильских князей, Роман Семенович, присягает на верность Московскому Великому князю Дмитрию Донскому и участвует со своей дружиной в Куликовской битве. Не преминул он поучаствовать и в других сражениях и походах на стороне Москвы. И это ему не простилось. Новосильское княжество подверглось со стороны Великого князя Литовского Витовта опустошительнейшему разорению. Кстати, Витовт захватил и Белев, присоединил его к своим владениям.

Тогда же, спасаясь от литовской мести, Роман Семенович покинул Новосиль и перебрался в более безопасный Одоев, окруженный со всех сторон лесами. Однако и Одоев, в свою очередь, был захвачен Литвой, — в 1407 году. Присоединен к ее владениям.

После смерти Романа Семеновича, Литва стремится усилить свое влияние в захваченных ею русских землях, расположенных по верхнему течению Оки; но гедиминовичи, действуя в согласии с династической логикой, не просто «прихватывают» чужие города и земли, но и стремятся вбить между русичами клин поострее и поглубже. Так, стремясь закрепить Одоев и Белев за собой, Литва дарит Белев с волостями брату Одоевского князя Романовичу в удельное княжение. Правда, дарит «с условием» — а именно с условием верной службы и принятия унии. Вот всему этому произошедшему в верховьях Оки мы и обязаны возникновением Белевского княжества.

Что происходит на стратегическом просторе становления централизованного Государства Российского?

В последней четверти пятнадцатого века пограничная война Московского государства Ивана III с княжеством Литовским обострилась, политика централизации государства Ивана III набирала обороты, а противодействующие силы Литвы все более и более иссякали: ветры перемен сильнее дули в паруса Великой Московии, где восторжествовала могучая сила стремления к центру. Так называемые порубежные столкновения приобретали серьезный и необратимый характер.

По этому поводу очень красноречиво письмо Ивана III крымскому хану, тогда с московитами «заединщику» — Менгли-Гирею, что его, великого князя, люди «бес-

престанно емлют королеву землю»... (То есть, королевскую землю прибирают к своим рукам).

Как это происходило на самом деле? Известно, например, что с Литовской стороны поступали жалобы Ивану III на массовый увод жителей из литовских земель «за московский рубеж». Особенно это проявлялось в юго-западной части княжества. Историки, согласно летописным данным, отмечают, что во время похода около 1489 года было выведено из владений Воротынских и других «украинных» князей, по словам Казимира, 7 тысяч человек.

Следствием этого похода, когда люди Ивана III «беспрестанно емлют королеву землю», был переход на сторону Москвы князей Воротынских и Белевских. Так, в частности, в 1489 году в Москву приехал «служить» великому князю,— князь Дмитрий Федорович Воротынский «с своею отчиною». И в том же году в Москву приехали «со своими отчинами» князь Иван Михайлович Перемышльский (Воротынский) и князья Белевские: Иван, Андрей и Василий.

Но было бы несправедливым ограничиться в нашем повествовании рассказом по существу наступательной политики Московии. Это означало бы рассматривать взаимоотношения отдельных князей, удельных в том числе, и Верховских в частности, «вне временной связи событий». Отнюдь! В годы «Белевщины», когда правил Великим Московским княжеством Василий Васильевич (Темный), вокруг происходили события противоположного толка. Ведь Василий Васильевич (он же Василий II) приходился Великому князю Литовскому Витовту внуком. И были дни, когда отношения между внуком и дедом называли благожелательными. Чего же боле?!

Но одно дело родственно-династические отношения, другое — диктат государственных интересов. По сути дела, уже в то время Витовт все более и более простирает руки Литвы, подгребая «отчину» внука в свою собственность, в то же время словно тисками стискивал Витовт московские владения между Тверью и Рязанью. Особенно эти действия падают на время между 1426 и 1428 годами. Под ударами Витовта именно тогда были поколеблены устои Твери, Рязани, Новгорода и Пскова.

Однако всему приходит конец, и вскоре, со смертью Витовта, внутри Литвы разразились династические споры, и временно, на десяток лет, притязания, тем более агрессивные, на московские земли сошли на нет.

Так, договорная грамота Свидригайла с Новгородом датирована уже числом — 25 января 1431 года, а Витовт умер 27 октября 1430 г. Причем, в данном договоре, как видно, поспешном, выгодном для новгородцев, нет никаких обязательств Новгорода, которые бы могли поставить его в невыгодное положение, тем более — в неравноправное.

Таким образом, как сказали бы сегодня комментаторы, «бои местного значения шли с переменным успехом». А как же иначе? Оба трона, и Литовский, и Московский, были шаткими, и едва успевал усесться на нем кто-либо из претендентов, как тотчас менялась политическая установка в отношениях с соседями.

Судите сами: десять лет спустя после смерти Витовта, избирается великим князем Литовским Казимир IV Ягайлович. И что же? В первые же годы своего правления он стремится поддерживать мирные отношения с великим соседом, со всеми соседними русскими землями. Но вот его избирают еще и польским королем, и его положение собственно в Литве дает трещину: литовская верхушка крайне была озабочена возобновлением династической унии с Польшей. Посыпались упреки в адрес Казимира от состоятельного панства. Якобы, он принес в жертву польской короне интересы Литвы. И вот под давлением панства, Казимир делает уступки, активизирует свою восточную политику. Каким образом? А в духе предшественника, Витовта.

Что изменилось коренным образом в московско-литовских отношениях? Между Василием Васильевичем и Казимиром вспыхнула вражда. Это время приходится на

конец сороковых годов пятнадцатого века. Естественно, полетели в обе стороны посольства с предложением хотя бы какого-нибудь замирения, ведь ни лично Казимир, ни тем более Темный, не были заинтересованы в очередных схватках, когда под одним и другим трон продолжал оставаться шатким.

Не случайно, что в результате очередного посольского соглашения был в договоре означен пункт, по которому Казимир обязывался не принимать к себе «недруга» князя Дмитрия Шемяку и быть с Василием Темным на него, то есть, Шемяку злополучного — «заодин».

Ну как тут не обменяться любезностями, если под обоими шатается трон, и в голове Василия Темного все еще свежи тяжкие и черные воспоминания о «Белевщине»? Естественно, поэтому, в договоре также любезно оговаривается тезис, что Василий Васильевич обещает не принимать к себе «недруга» короля — некоего князя Михаила, сына Сигизмунда Кейстутовича, и — (что неудивительно!!!) — быть с королем «заодин».

А тут приспела новая напасть, — разразилась война Польши с Тевтонским орденом, и надолго увела наших героев от порубежных дел. Что дала эта затяжная война Казимиру? Только то, что его положение в Литве опять стало нестойким. Обернулось это попыткой насильственного свержения Казимира. А в пользу кого грозились отобрать законную власть мятежники? Одно из братьев Олельковичей. Кто такие? Вопрос резонный. Ибо возвращаемся на круги своя: матерью Олельковичей была сестра Василия Темного, Анастасия, то есть, — тетка Ивана III, на царствование которого и падает пик отношений между Литвой и Москвой, на окончательный вывод Московии и всего русского государства из-под ига Орды, на возвращение Верховских княжеств из Литвы и прекращение двойственного их положения, когда удельные князья, братья, «служили на обе стороны».

Отчего же в «пользу Олельковичей»? Оттого, что они, дети Анастасии, сохраняли в высшей степени привилегии и приоритеты, права, на литовский престол в качестве потомков одной из старших линий Ольгерда. Подлинно династические права...

Пройдет время, наступит 1470 год, и интересы Казимира и Олельковичей опять столкнутся, окажутся на грани глубокой вражды и даже пролития крови.

Это обстоятельство надо прояснить, хотя они косвенно влияют на раскрытие основного содержания темы: Верховские княжества и роль, и место в «Стране князей» белевских удельных князей, опыта государственного обустройства на территории будущей Тульской губернии.

Итак, осенью 1470 года умирает киевский князь Семен Олелькович, которого в вышеупомянутом заговоре мятежники прочили на Литовский престол вместо Казимира. А в то же время Новгород испытывает на себе удары судьбы похожего толка. Здесь претендентом стать новгородским князем был брат Семена Олельковича, Михаил Олелькович. Это не нравилось Казимиру, и он как мог противостоял упрочению Михаила.

Находясь в центре событий, а точнее, в самом пекле порубежной войны, верховские княжества и вели себя адекватно. Ведь это условно так говорится, что они, как бы, служили на обе стороны, если, разумеется, акцентируется внимание только лишь на противостоянии Литвы, как собирателя русских земель начиная с самого Гедимина, и Московии, не менее отважного и настойчивого собирателя тех же русских земель. Нельзя забывать, что и в эпоху Василия Темного, и при Иване III создание централизованного государства происходило при активизации и противодействии сему крупнейшим противникам: Большой Орды Ахмед-хана, Казанского ханства, великого княжества Литовского, скрепленного династическими связями с Польшей и Ливонским орденом. Но надо было держать ухо остро и во взаимоотношениях, пока лишь дружественных, с Крымским ханством.

И в этом контексте необходимо во весь голос заявить, что переломный момент относится к событию эпохальной важности — к стоянию на Угре в 1480 году, после которого коренным образом изменилось международное положение Российского государства. Из него не явствует, что конечный переход верховских княжеств на сторону Москвы был подготовлен всем ходом истории.

Что предпринял Ахмед-хан, ретируясь с берегов Угры в памятном 1480-м году? Он разорил земли, относившиеся на тот момент к Литве. Почему предпринял Ахмед-хан такие злодейские выпады против лучшего своего друга? Потому что, полагают историки, Казимир не выступил против русичей заодно с Ахмед-ханом, хотя и были такие обязательства на этот счет. Полагают исследователи, что уже тогда русские земли проявили по отношению и к Казимиру, и к Ахмед-хану смелость и склонность к противостоянию. Они готовы были отпасть от Литвы.

Какие же города наиболее пострадали от воинов Ахмед-хана в октябре 1480 года, когда Орда была отбита от берегов Угры? Прежде всего, Белев, Мценск, Одоев и Перемышль, а также старый и новый Воротынский, старый и новый Залидов, Опаков, Серенеск, Мешовск и Козельск. А всего 12 городов, лежащих по обоим берегам верхнего течения Оки и ее притоков. Князя этого бассейна Оки, будучи «православными», конечно же находились в положении не столько подданных, сколько, в определенном своеобразии, в положении вассалов.

Итак, не дождавшись помощи со стороны Казимира, Ахмед-хан не решился перейти Угру, фактически, бежал от ее берегов, пограбив по пути двенадцать городов на расстоянии более 100 километров, и в конце концов был убит своими недругами.

Верховские княжества, воспрянувшие духом, тяготевшие к Москве, стали буквально скопом переходить под руку Великого князя Московского. Но прежде состоялся поход на Казань, в 1487 году, и достаточно крупными силами.

А как это происходило, так сказать, на местности? Вот один из типичных эпизодов порубежной схватки, пограничного набега и т.д....

«В отличие от предшествующих лет,— пишет историк К. В. Базилевич,— когда нападения производились местными московскими властями, теперь они исходили от русско-литовских князей, недавно перешедших на московскую сторону. Так, по словам Казимира, находившиеся на московской службе сыновья князя Семена Юрьевича Одоевского, воспользовавшись отсутствием их двоюродного брата, князя Федора Ивановича Одоевского, бывшего в это время у короля, заняли его отчину, принадлежавшую ему половину города Одоева и волости, составлявшие его удел, захватили его мать, а бояр и «врядников» частью «поймали», частью «привели к крестному целованию».

В то же время перешедший к Ивану князь Иван Васильевич Белевский со многими людьми пришел в «отчину» своих братьев Андрея и Василия, продолжавших служить Казимиру, взял со своего брата Василия крестное целование в том, чтобы ему больше не служить королю, и захватил «отчину» другого отсутствовавшего брата Андрея, а бояр его, слуг и черных людей «привел к крестному целованию».

Тогда же люди князя Дмитрия Воротынского с калужанами и перемышлянами «выбрали и выграбили» четыре Брянские волости, причинив, по заявлению брянского наместника, убыток на 200 коп. крошей.

При этих нападениях вновь под ударами с московской стороны оказался бассейн верховьев Оки, где особенно упорно старалась закрепиться московская власть. Хотя трудно было сомневаться, что эти воинственные действия бывших королевских вассалов, отдавшихся под власть московского государя, производились с его ведома, а может быть, по его распоряжению, однако Иван III формально оставался в стороне.

На все предъявленные Казимиром претензии по существу порубежных схваток на территории «страны князей», Москва отвечала пространно, неопределенно, в том

духе, что это все происходящее и есть всего лишь семейный спор князей,— то есть, спор между членами одних княжеских родов за старшинство в своем роде, как бы за «великое княжение».

Более того, Иван III, активнейшим образом уничтожавший остатки феодальной вражды, искоренявший ее причины на корню, а именно уничтожавший жалкие остатки удельной системы в Московии, искусно представлял дело таким образом, что, дескать, сам нуждается в помощи Казимира, чтобы пресечь разбои со стороны Одоевских князей, служивших на стороне Литвы. В письменном ответе это выглядело следующим образом: пусть де сам король велит своему слуге князю Федору Ивановичу Одоевскому «смолву учинити о большом княжении» со своими братьями — слугами московского государя.

В мае 1492 года, на посольском уровне, состоялся обмен письмами короля и Ивана III, когда последний как бы закреплял за собой право на территории «страны князей»: земли, которые «отсели» на московскую сторону, бывшие вассалы короля, князья Одоевские, Воротынские и Белевские, должны были остаться под властью Ивана III, так как эти князья служили прежде «на обе стороны» и их переход к Москве являлся возвращением к прежнему государю.

Лаконична и уникальна характеристика двух противостоящих сил, которую дал в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин.

«...Так было до 1492 года, когда важная перемена случилась в Литве и переменила систему России. Несмотря на взаимную ненависть между сими двумя державами, никоторая не хотела войны.

Казимир, уже старый и всегда малодушный, боялся твердого, хитрого, деятельного и счастливого Иоанна, увенчанного славою побед; а великий князь отлагал войну по внушению государственной мудрости: чем более медлил, тем более усиливался и вернее мог обещать себе успехи; неусыпно стараясь вредить Литве, казался готовым к миру и не отвергал случаев объясняться с королем в их взаимных неудовольствиях.

С 1487 до 1492 года литовские послы, князь Тимофей Мосальский, смоленский боярин Плюсков, Стромилов, Хребтович и наместник Утенский, Клочко, приезжали в Москву с разными жалобами.

Со времен Витовта удельные князья древней земли черниговской, в нынешних губерниях Тульской, Калужской, Орловской, были подданными Литвы; видя, наконец, возрастающую силу Иоанна, склоняемые к нему единоверием и любезным их сердцу именем русским, они начали переходить к нам с своими отчинами и для успокоения совести давали только знать Казимиру, что слагают с себя обязанность его присяжников.

Уже некоторые Одоевские, Воротынские, белевские, перемышльские князья служили московскому государю и вели непрестанную войну с своими родственниками, которые еще оставались в Литве.

Так Василий Кривой, князь Воротынский, опустошил несколько мест в земле королевской. Сыновья князя Симеона Одоевского взяли город их дяди, Феодора, Одоев; расхитили казну, пленили мать его.

Дружина князя Дмитрия Воротынского обратила в пепел многие брянские села. Князь Иван Белевский силою принудил брата, Андрея, отложиться от короля.

Казимир жаловался, что Иоанн принимает изменников и терпит их разбои; что многие литовские места отошли к нам; что Великие Луки и Ржева не хотят платить ему дани, и проч...»

Относительно владений белевских князей, в другом источнике находим не менее любопытные исторические факты. Так, по «родословцу» (Временник Моск. об-ва ист. и др. рос., т. X, стр. 70 и 157) говорится следующее: князья Белевские Василий и

Федор Михайловичи служили великому князю Василию Дмитриевичу и жили на Волоке Ламском. По-видимому, они вместе с отцом прибыли в числе других северских князей с князем Свидригайло, которому великий князь Василий Дмитриевич дал Владимир со всеми волостями, Переяславль, Юрьев-Польский, Волок Ламский, Ржев и половину Коломны (ПСРЛ, т. VIII, стр. 82). Василий Дмитриевич впоследствии отпустил князей Белевских в их отчину Белев.

Востребованные временем, извлеченные из забвения

*И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

А. Пушкин.

И все же, есть,— есть же, есть! — в богохранимой судьбе Ивана Васильевича Киреевского что-то от жития святого Павла, апостола Христова. Пусть и всего лишь отблеск. Ответ! Но — есть...

Скажите, возразив: эго, хватил! Ан, нет же, нет. Подлинно, Иван Киреевский, пребывая в лучах сияния духовных спасителей мира сего, светел какою-то неизбывной страстью жертвенности во имя спасения душ человеческих, во имя утверждения идеалов Отечества, вселенской незыблемости Православия.

Итак, был в миру Савл,— очень изобретательный гонитель христиан. Однако выпало ему испытать некое житийное потрясение, и... планета его мировоззрения как бы сошла с оси, и он сделался поборником идеалов Нового Завета. Более того, пострадал за веру.

И вот что любопытно. Если учение Иисуса Христа, условно говоря,— это космос, то в совокупности «Послания» св. Павла — это материк, это земля обетованная христианства.

А Иван Киреевский?

Поклонник Канта. Достойный ученик немецких профессоров. Приверженец Гегеля, с которым был лично знаком. Причем, Киреевский — достойный сын своего отца — известного масона екатерининской эпохи. И вдруг — резкий поворот к православию. Поворот к глубоко национальным, а не к неким, так называемым общечеловеческим ценностям. Будто сама мать-Россия призвала его к служению отеческому. И он счастливо услышал этот зов, и откликнулся.

Долог, драматично долог был путь его от протестанского рационализма к православию.

И тернистым оказался путь Ивана Киреевского из-под пленительного влияния Европы к России. Путь, кстати заметить, поруганный просвещенными его современниками.

Село Долбино Калужской губернии — одно из старинных, известных в округе промыслами, знаменитыми ярмарками, своеобразным укладом. Сюда, на огромное торжище, съезжались крестьяне и тороватые купцы из ближних Козельска и Белева, Волхова, Орла и Лихвина, а также из многих других мест и селений. Оно стало родной и колыбелью ярких талантов братьев Киреевских, Ивана Васильевича и Петра Васильевича.

Их отец, Василий Иванович Киреевский — человек своего времени. Служил в полку, рано вышел в отставку. Будучи домоседом, собрал приличную библиотеку, много читал, увлекался химическими опытами, и... в меру занимался обширным хозяйством, впрочем, был не строг, провинившихся крепостных наказывал справедливо и мягко — по-христиански.

Мать, Авдотья Петровна, урожденная Юшкова, доводилась Василию Андреевичу

Жуковскому племянницей; пережила рано умершего своего мужа, вышла замуж, повторно, за Алексея Андреевича Елагина.

Детство братьев было счастливым. Они были окружены заботой и вниманием старших в семье. Но отчего же был долгим путь Ивана Васильевича к православию? Ужель не в благочестивой семье воспитаны были они с братом? Как происходил их духовный рост?

Какова же интрига? Где коренится главная причина драмы, постигшей Ивана? Ведь отец, Василий Иванович, слыл человеком образованным; был гуманистом по убеждениям, а медицину изучал пристрастно, — и не случайно, что стал он доктором по призванию, и, кстати отметить, таким доктором, что в 1812 году ему был доверен пост главного врача госпиталя в Орле.

В этой связи уместен и еще один, характерный для той эпохи штрих: Василий Иванович, отчаянно борясь с разразившейся эпидемией тифа, заразился все в том же грозном 1812 году и умер в Орле.

Детей Василия Ивановича и Авдотьи Петровны окружала уникальная среда. С одной стороны, ярмарочная пестрота и патриархальная самодостаточность быта села, расположенного в живописнейшем месте, на крутояре холмистого берега речки Вырки, притока Оки, однако находящегося от губернского города «за горами, за долами», посреди непроходимых лесов. Не случайно село Долбино называлось в просторечии — «Черная Пятница». С какой стати? А потому, что пятница — это торговый день. Нерабочий. Тяжелый. Ярмарочный люд на площади — как клочущее море. А неподалеку — «церковь Живоначальныя Троицы да Успения Пречистыя Богородицы». Любопытно, не правда ли? — какой из двух церквей, по сути дела, ансамбля из двух, отдать предпочтение?

Легенда приписывает церкви интересные основания и причины расположения сразу двух церквей в одном ансамбле храма. Суть в том, как повествуется в своеобразной легенде о происхождении церквей, что в связи с тем, что храмовой праздник в селе — это день св. Троицы, и так как здесь с незапамятных времен есть весьма чтимая в окрестности икона Успения Божией Матери, то строитель церкви, «видимо не стеснявшийся в средствах, судя по сложенному одновременно приделам, пожелал выстроить две одинаковые церкви во имя св. Троицы и во имя Успения Божией Матери...».

Таким образом, даже в строительстве храма проявились в Долбино свои характерные особенности и, в свою очередь, некоторым образом, а, возможно, и существенно, повлиявшие на формирование местных нравов.

С другой стороны, — в Долбино велико было влияние домашней обстановки, семейного уклада. Киреевские жили в просторном, если не сказать, огромном, барском доме, в котором книги составляли приоритетную и предпочтительную часть бытия, а увлечения Василия Ивановича научными опытами составляли главную часть духовного содержания.

То есть, ярмарочная стихия, многокрасочная, неистребимо шумная, не ведающая берегов, и домашняя утонченность вкусов, направленное времяпрепровождение, когда чтение заполняло досуг домочадцев — и все это посреди напевной природы с неброскими и душевно привлекательными пейзажами, с заречными далями неоглядными, когда очаровывало все, от пойменного, светло украшенного луга до темного леса над горизонтом, дубовой рощи на склоне и звонкой околицы с одинокой ветлой при дороге. А еще со снегами в зимнюю пору, когда домочадцы любили посумерничать под дремное завывание ветра в печных трубах.

Сказывают и ныне, две сотни лет спустя, что барский дом с просторными и многочисленными комнатами, в которых можно было и заблудиться невзначай, зимними долгими вечерами, засидевшись в одиночестве, можно было услышать, как где-то, за

анфиладами комнат и тесных переходов, потаенно-легкие, почти летящие шаги фантастических привидений.

А тут еще и увлечение отца семейства книжками мистического содержания, идеями масонства, и все — на языках европейских; его же философические упражнения, его романтические раздумья и наезды гостей, чаще всего гостей того же круга и тех же интересов.

И что удивительно и любопытно в этом калейдоскопе: сказывали, что хозяин наказывал за провинность своих дворовых тем, что ставил у иконы, с тем чтобы они клали многочисленные поклоны. Но в то же время собственные дети вольно или невольно возрастали не без влияния германского протестантизма.

В эту особенную атмосферу вносил дух живых перемен Василий Андреевич Жуковский, посещавший Долбино.

Более того, в 1814 году поэт поселился в доме Киреевских и на время стал воспитателем Ивана и Петра. Будучи известным, он не порывал с кругом друзей, по сути дела, с детьми известных масонов. Много в этом кругу значило одно только имя — директора Московского университета Ивана Тургенева.

А если прибавить еще и имя известного масона Лопухина, фактически являвшегося духовным наставником Жуковского, то станет понятным, отчего, в частности, Иван Васильевич не мог длительное время выйти на тропу к православному храму. Кстати отметить, что и Василий Андреевич, спасаемый Богом, отошел-таки от влиятельных особ масонского двора, медленно, исподволь, как бы плавно растворился в лучах православия, — но это произошло в глубоком возрасте.

Однако был и еще один человек, пришедший, в частности для Ивана Киреевского, как бы из внешнего мира, но сопредельного, который силою внутренней своей логики подвинул к сакраментальному, к решающему выбору, побудил трудиться над основополагающими принципами устройства, с одной стороны — русского, православного, с другой — западноевропейского.

В сущности, это, последнее в ряду перемен, и сделало кардинальный поворот в отыскании принципов устройства души национальной в русской мысли. В равной степени, противники его теории, апологеты западничества, особенно в лице П. Чаадаева, предстали пред широкой общественностью не поборниками передовых идей, а, напротив того, — как бы ни парадоксально это ни звучало, — циниками от революции.

Что произошло?

И. В. Киреевский после неудачной попытки издавать журнал «Европеец» пребывает в новых мрачных раздумьях, хотя опять подвергается искушению со всею страстью литераторскою подвизаться в каких-либо столичных журналах. Но женитьба на той, к которой были обращены в последнее время все его горячие чувства, к Наталье Петровне Арбеновой, внесла и в быт, и в суждения о подлинной, а не о призрачной, национальной культуре существенные коррективы. Он основательно пересматривает свои ранее высказанные суждения и обращается к церкви.

Накапливаются знания по истории религии, множатся собственные заметы по существу прочитанного, штрихи аналитических оценок происходящего вокруг и в философии как науки познания. Расширяется круг близких ему людей, — подлинно верующих, воцерковленных, прокладывается тропа в Оптину пустынь под Козельском.

Пытливый ум, а если точнее, прозренное сердце Ивана Киреевского ведет его через новые испытания, и он становится в этих перипетиях более чутким к пульсу отечественной мысли, — русской мысли! — приглушенной и опошленной в годы петровской эпохи, когда на потребу якобы очищения от мракобесия и во имя приобщения к западноевропейской культуре попирается все традиционное, имеющее национальные корни в глубокой древности.

Порой у современников Ивана Васильевича складывается впечатление, что он в своих исканиях прошел за добрую часть своей жизни весь тернистый путь Святой Руси.

Были ли у него на этот момент противники? Оппоненты?..

Были! Да еще какие! Тем более, у родного очага. Отчим, А. А. Елагин, ортодоксальный нигилист, хотя и герой войны 1812 года,— бравировал тем, что напрочь отрицал божественность Иисуса Христа.

Но все одолела, превозмогла из суетного и одиозного, отинула навязанное домашним окружением, и с трудом, однако протиснулась все же к искомому ищущая его, пытливая мысль. И в этой цели исканий находится одно звено, принадлежащее к истории Белева. В 1839 году, устремленный к цели приносить хотя бы малую пользу Отечеству, Иван Васильевич с готовностью возлагает на себя предложенную ему должность Почетного смотрителя Белевского уездного училища.

На первый взгляд непосвященного, тем более еще и скептика, этот его шаг мог бы показаться несколько странным и непоследовательным. Но есть одно «но». Белевское уездное училище было предназначено для обучения детей ремесленников и прочих людей разнообразных промыслов, вплоть до чад крестьянского сословия. Как это логично согласовывалось с тем, что в раннем детстве душа мальчиков, Ванюши и Петруши, входила в соприкосновение с бытом и укладом дворовых, крепостных крестьян, купцов и мастеровых округа, включая Белев, Волхов, Козельск, Лихвин с волостями и дворянскими усадьбами.

И как естественное продолжение порывов души, отзывчивого на людские страдания сердца, стало его обращение к попечителю учебного округа С. Г. Строганову с программной разработкой методов и принципов просвещения в Отечестве. Назывался этот документ просто: «Записка о направлении и методах первоначального образования в России».

Речь здесь главным образом опять-таки не о реформе просвещения как такового, а об воцерквлении самого образования народа. Как в этой связи не обратить взоры наши на большевистские преобразования в народном просвещении и в этой же плоскости на реплику А. И. Солженицина, что в СССР существовала «образованщина», а получившие дипломы по окончании вузов — «образованцы».

Не с этой ли точки зрения и сами труды Ивана Васильевича считались, с легкой руки комиссаров от образования, по меньшей мере нематериалистическими, оторванными от реальной жизни. А само славянофильство (как движение мысли) — заблуждением?

Что главное в выдвинутом Киреевским принципе? Это — просвещение не только ума, но — сердца.

В 1854 году Иван Васильевич обращается теперь уже к министру народного просвещения с запиской «О нужде преподавания церковнославянского языка в уездных училищах». Что это в чреде исканий? Не постулат ли евангельского толка о том, что в начале было Слово?

Но ограничился ли чрезвычайно деятельный теперь Иван Васильевич программно-административными «записками» в инстанции по службе? Ничуть не бывало! Он дискутирует в кругу друзей и близких по духу; он спорит с Алексеем Степановичем Хомяковым по поводу статьи последнего «О старом и новом»; и в этот водоворот ошибки мнений и позиций втягивается все большее число лиц, кому далеко не безразлично, какими путями пойдет Родина; а ведь приближалась та черта в общественном самосознании, когда империя избавится от крепостного права.

Поиск направления в общественном обустройстве, в устройении жизненного уклада, а стало быть (и прежде всего!), устройении души человеческой, Иван Васильевич Киреевский утверждает, что только философия христианства может служить

основанием народному образованию, а в конечном счете — преобразованиям духа империи.

Наконец, он пишет фундаментальную работу «О характере просвещения России и его отношении к просвещению Европы» (1852 г.). Иван Васильевич Киреевский полагает, что в этом аспекте Европа и Российская империя на данный момент — это два прямо противоположных полюса: в Европе (на Западе) — разделение д у х а, в России — стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего.

Незримое на карте России Долбино... Долбино, этакое вместилище безудержного нигилизма, когда и во всей России витал дух наполеонизма, когда царила в умах просвещенного общества идея братства избранных, то есть, — элиты масонских лож, — становится постепенно, под воздействием умоперемены самого ее молодого хозяина, Ивана Киреевского, подлинно маяком на путях русской мысли. Сюда летят письма из столиц государства и из-за рубежа; сюда приезжают из Оптинской Введенской пустыни, и прежде всего старец Макарий; сюда стремится Николай Васильевич Гоголь.

Неслучайно мыслящие люди ближайшего окружения Киреевских, в том числе поэты Жуковский и Языков, старец Макарий и старец иеромонах Амвросий, подводят общественное мнение к мысли о том, что именно здесь, в Долбино, говоря образно, бьется теперь сердце России.

А как иначе, если сам хозяин сельца, Иван Васильевич, которому досталось оно после раздела имений Киреевских, запишет в дневник: «Господи! Дай мне силы и постоянное желание быть истинным во всех изгибах моего ума и сердца!»

Не о здоровье он просит Всевышнего, хотя оно пошатнулось у него, не о счастье бытия (что, собственно говоря, естественно для смертного), не о спасении, а — сил и еще раз сил и постоянного желания «быть истинным во всех изгибах моего ума и сердца».

Вот из какого источника черпается энергия созидания отечественного духа, ибо без силы духа ничего не делается во всем белом свете, и без присутствия духа любое деяние, даже самое дерзновенное обречено на провал, а борьба — на поражение.

На чем, собственно, построен фундамент славянолюбия как направления русской мысли? На споре двух его столпов, Ивана Киреевского и Алексея Хомякова. Сперва Хомяков публикует заметы под заголовком «О старом и новом», на что Иван Киреевский откликается статьей «В ответ Хомякову», затем, спустя около 13 лет, Киреевский выдвигает фундаментальную программу «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», а Алексей Хомяков раздражается не менее устойчивыми тезисами «По поводу статьи И. В. Киреевского».

И воспыпало пламя противостояния западников и славянофилов, воспыпало так, что искры его долетели до сознания людей XXI века. В столкновении двух великих высекается искра для эпохального зарева над Отечеством. В столкновении двух прямо противоположных суждений о путях развития национального родилась четко очерченная, какая-то обоюдоострая, беспредельно полемическая, феноменально отточенная фраза: «История других народов — повесть их освобождения. Русская история — развитие крепостного состояния и самодержавия».

Вот уж воистину, прочтешь этакое, и не знаешь, куда глаза свои отвести: все правда! А вот кинешь взгляд на изречение А. С. Хомякова, и засомневаешься вновь, кто же более прав, идеологи славянофильства или западничества? «Размножение новых сект, разложение древних исповеданий, отсутствие всякого установившегося верования... таков в религиозном отношении протестантский мир. Вместо жизни мы находим ничтожество или смерть». О, как беспощаден Хомяков; и, как явствует, эта пронзительность не от полемической запальчивости: сам рок говорит его устами.

Что же, в конце-то концов, это, последнее у Хомякова, приговор? Наверное. Ра-

ционализм западного образца вытесняет, выдавливает природное естество из древа истинной веры. Однако, обескуражен и другой апологет западничества, Герцен, бросивший следующее: «Переворот Петра сделал из нас худшее, что можно сделать из людей — просвещенных рабов».

И все же (не в порядке примирения двух противоположностей, а во имя логики русской мысли, аккредитованной в двух противоположных лагерях) — ведь А. И. Герцен, сам ударивший в Колокол вечевой Руси, с тем чтобы воззвать живых, увидел в славянофилах не недругов своих, а в некоторой степени прорицателей, провидцев и в противовес П. Я. Чаадаеву оптимистически настроенных предсказателей. «Они поняли,— опять-таки вопреки всяческой хуле Чаадаева на современную ему Николаевскую Россию,— что современное состояние России, как бы тягостно не было,— не смертельная болезнь».

Западники ищут идеалы России за ее пределами, в просвещенной Европе, единятся в масонских ложах, идут на баррикады, зовут в революцию за собой, пытаются устроить республику, свергая монархии, а славяне на крутом изломе эпохи делают поворот в сторону народа. «Выход за нами,— говорили славяне,— выход в отречении от петербургского периода, в возвращении к народу, с которым нас разобщило иностранное образование, иностранное правительство, воротимся к прежним нравам».

Но — Увы! — еще ни одна река в мире не обратилась вспять. Но — Увы! — ни один переворот, в конечном счете, не обернулся народу в целом благоденствием. Где же он, где тот самый «Город Солнца»?

Видимо, прав Александр Иванович Герцен, сказавший относительно славянофилов, что «возвращение к народу они тоже поняли грубо...»

Издатель коллективного автора

Киреевский Петр Васильевич. Родился 11 января 1808 года в с. Долбино; умер 25 октября 1856 года в д. Киреевская Слободка Орловской губернии. Создатель первого национального фольклорного свода.

«Авторство почитаю службою Отечеству...» — так запишет юный Жуковский, готовясь стать гражданином Российской империи. Его воспитанник по Долбино, Петр Киреевский подхватил державную мысль об авторстве и стал собирателем устного народного творчества,— творчества коллективного автора, как принято называть фольклорное сокровище любого из народов земного шара. Личностная установка Жуковского преобразовалась у Петра Киреевского в конкретное дело, и он наполнил его реальным содержанием. Ведь Жуковский сказал далее и следующее: «Авторство мне надобно почитать и должностью гражданскою, которую совесть велит исполнять со всевозможным совершенством».

Ангельски чистая, подвижнически трудоемкая «должность» выпала на долю Петра Васильевича Киреевского. Она вывела его на глубины народной жизни и, наделив особенным слухом к мелодике песни, вложила в руку вещее перо собирателя фольклора. А еще судьба одарила его талантом организатора кропотливейшей работы фольклориста с большой буквы, талантом Пионера этого дела. А если точнее, то по Воле Божией он стал организатором подвижничества; вдохновителем и чернорабочим собирательства.

И знаменательно, что он родился в Долбино, в своеобразном центре языческих празднеств. Народные гуляния и вечерние посиделки запали во впечатлительную душу мальчика Петруши, и уже во взрослые годы, как бы настоянные на стихийном

таланте центральной России, чувства вылились в служение фольклору, а тем самым — родине.

Песни и пляски, энергия поэтического слова, рожденного в недрах славянской души и каскад шутейных куплетов-прибауток из уст скоморохов, словно из рога поэтического изобилия, ритмичный шут и перестук самодельных трещоток, голос пастушеской свирели — все это манило, притягивало, очаровывало таинственным волшебством дворянских отпрысков, нерасторжимо связывая в цельное — культуру домашнюю, непременно западноевропейского толка, и изначально национальную, от вятическо-сарматских истоков.

Связь культур. Родство культур. Полифония культур. Все эти послы легко и как бы исподволь зримо оживали и преображались в достойное, в цельное под влиянием Петра Киреевского.

Полиглот, Петр Васильевич говорил на семи иностранных языках; учился за границей, где слушал лекции известных немецких философов, переплавляя в сознании полученные знания в конкретное на национальной почве.

В 1832 году он возвращается из-за границы. Дворянин обязан был поступить на службу, но уже гуляло по свету метко-ядовитое выражение, оброненное литературным героем из Грибоедова: «Служить бы рад — прислуживаться тошно». Наконец, при содействии В.А. Жуковского он был принят в Московский архив Министерства иностранных дел актуариусом при комиссии по изучению грамот. Познания его были обширны, занятия переводом Шекспира, Кальдерона позволили отточить литературный вкус, а знакомство с Пушкиным и участие в его судьбе Жуковского подвинули к фольклору. Языков, как говорили раньше, «надоумил» друга заняться собирательством.

Долбино для Петра Киреевского — начало начал; Долбино — превечный свет в окошке, звонница в заветном восхождении к горнему свету православия. Долбино — удивительная пора поэтического взлета Жуковского, его печаль и святость. Жуковский поселяется здесь после череды неудач, после ударов судьбы, когда он просит руки Маши, но ему вновь и вновь отказывают в этом.

Здесь, в Долбино, Жуковский находит приют, и здесь, в борении двух культур, западноевропейской и сугубо национальной, его поэтический корабль меняет оснастку, и он выходит на простор отечественного Слова. Это была его прекрасная Долбинская пора. Именно отсюда Жуковский напишет другу Тургеневу подчеркнуто краткое, емкое: «Еще жить можно!» (О, сколько раз будет повторено это, ставшее крылатым выражение).

Вот у Пушкина была счастливая Болдинская осень, у Жуковского после стольких житейских несчастий — Долбинская (нет, это не каламбур, так распорядились обстоятельства). Впрочем, и сам он, одолеваемый какими-то, едва ли не суеверными, мистическими какими-то, предчувствиями, напишет о своем душевном состоянии: «Я точно спешил писать, как будто бы кто-нибудь говорил мне, что это последний срок, что в будущем все пойдет хуже и хуже, и что мой стихотворный гений накануне паралича. Дай Бог, чтобы предчувствие обмануло!»

Здесь из-под его пера вышли такие искрометные стихотворения, которые окрасили его творчество в свежие тона, абсолютно исключив мотивы подражания, словно на палитру его словоживописи положила небесная десница все лучшее из народного Храма искусств. Многого стоят его долбинские стихи, рожденные здесь в духе обновленной поэтики, и прежде всего: «Максим», «Ответы на вопросы в игру, называемую секретарь», «Мотивная карусель» (Тульская баллада).

По мере продвижения русской мысли вперед, в какую бы из ниш революционного подъема ни вкладывали декабризм, последующая за разгромом декабристов эпоха останется в умах человечества как логическая реакция государственников с целью

упреждения разгула центробежных сил империи. Другое дело, хорошо ли это или плохо для личности, тем более творческой, вольнолюбивой. Но последовательность, во всяком случае, исторична: от эпохи Николая I с ее имперским патриотизмом к временам, не менее трагическим,— Александра II.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забуть не в силах ничего.

Так все это отобразилось в мировоззрении Александра Блока. И это естественно в высшей степени: в годы глухой реакции, в дни духовного кризиса, в часы смятения и растерянности общественность вновь и вновь обращает свой взор на сущность народа, в поиске истины находит истоки его выживаемости. Подвиг Петра Киреевского — характерный тому пример.

Словотворчество тысяч безымянных и одаренных — это Земля обетованная Литературы. Это материк культуры. Отечественные писатели всегда исходили как творцы культуры из генератора устного народного творчества. Если автор талантлив, если его работа со словом от корней отечества, то он непременно испытывает магическую силу в своем творчестве и притяжение фольклора.

В этом контексте следует упомянуть прежде всего Алексея Кольцова, хотя, впрочем, он сам был гравитационным полем русскости, былинности в своих уникальных песнях. Его песенная поэзия — это естественное, полнокровное, исполненное могучей силы притяжения «мать сырой земли», продолжение традиции, ее непрерывности во времени самого Отечества и в литературе. Его творчество не просто от корня национальной литературы; оно — альфа и омега ее, причина и следствие подлинно народной глубинности.

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!

Это не клочок земли крепостного и, следственно, закабаленного, замордованного крестьянина, на котором он, клочке этом, от сезона к сезону, пашет, боронит, сеет и жнет. Нет! — это масштабы Руси. И сама степь — это символ шестой части суши с «названьем кратким — Русь!» (С. Есенин).

Косарь Кольцова — это вольный человек. Вспомним в этой связи изречение А. С. Пушкина, которое проясняет смысл и глобальность идеи, заложенных в словах «воля».

На свете счастья нет,
Но есть покой и воля...

У Кольцова — это прежде всего воля духа. Торжество духа. Косарь Кольцова — это как бы человек Вселенной, исполин труда, а вот по своему образу жизни, по укладу — земледелец, строящий свое бытие сообразно чередованию сезонных и элементарно полевых работ. Только вольный духом живет заботами о земле, которую надо обрабатывать, надо засеивать не как поденщику, а — как пестователю. Ведь ему же, именно ему в посезонности и холить посева, пестовать ниву, и день и ночь стоять у колыбели Зерна, народившегося в колосе. Все ему и только ему. Но ему же эту самую ниву и оборонять от недругов, от неприятеля, от ворага лютого...

Как же созвучны эти два слова: *боронить* и *оборонять*. Словно однокоренные. *Оборонить* — в смысле постоять за нее во брани смертной, и *боронить* — в значении взрыхлить, дать почве воздуха до первого грузового дождя. Не из этих ли истоков и — «Люблю грозу в начале мая...»?

Коса, степь, косарь, да и, впрочем, само «плечо» его, которое шире дедова, и «ветер с полудня» — это как библейские символы, вошедшие в кровь и сознание Человека Разумного.

Когда Кольцов дает картины вольного труда, есть ли в строках ощущение некра-совской муки-мученской? Подневольности? Нет и нет! Словно исполин знает наперед: все это, из атрибутов крепостничества — тлен, все это преходяще, и лишь в о-ля — превечна.

Создается впечатление, что Петр Киреевский, пустившийся по Руси за песнями, предугадал всем своим трудом во имя Руси такое явление в отечественной литературе, как Кольцов. Кольцов эпический; Кольцов — личность с проникновенной лиричностью, у которого «соловьем залетным юность пролетела», Кольцов — вечный путник на дорогах святой Руси, молитвенник на расстанях вселенского торжества и вселенского неутешного горя. Горя-злосчастья! И в то же время заслуживает особого разговора драматургическая канва поэзии Кольцова.

Немало сломано копий по существу «свободы» и «воли». Полемика продолжается. Иные, бросив на плаху истории глубоко национальное, распинают саму сущность народной воли и даже изощренно изгаляются над национальными ценностями апологеты безудержной демократизации на западный манер. Причем, волю толкуют как элемент или даже условие безудержного беспредела.

Но совсем не то имели в виду и Пушкин, и Петр Киреевский. Наверное, и на самом деле, лишь человека нравственных укрепов, каковыми превечно являются православная Вера, Нагорная проповедь — и все обратится во прах. Но об этом, о вере православного человека не говорят известные хулители воспетой Кольцовым Воли.

Петр Киреевский бережно собирал народное творчество, ставя в отведенный логикой ряд песни былинного строя. В частности, представленные поэтом Языковым имеют несколько вариантов песни «Не шути, мати зеленая дубравушка!» Они своеобразны, да и сама песня включена А. С. Пушкиным в повесть «Дубровский» и в повесть «Капитанская дочка».

Что в ней примечательного есть? — есть драма! Драма души вольного человека. Однако, этот лирический герой песни, исповедующий волю, а не беспредел, умел грешить, но и умел ответ держать за грехи свои тяжкие. Вот его покаяние и пред лицом земли, и пред народом, и пред царем-батюшкой, пред государем:

Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!
Умел ты воровать и умел ответ держать.
Я пожалую тебя хоромцами,
Хоромцами некрытыми,
Об двух столбах с перекладиной.
Такова она, воля Государя, царя-батюшки.

Итак, «воля» в устном народном творчестве — это двуединое понятие, как обоюдоострый меч. Уместно напомнить изречение из Нового Завета: «Не мир я пришел принести, но меч!» А вот сам же Петр Киреевский запишет следующее: «Сила воли — есть сила жизни; самобытная сила — судьба».

Петр Киреевский никак и нигде не декларировал, что он и есть патриот, не выделял из контекста, не выпячивал наружу сокрытое глубоко в сокровенном. Однако его современник, автор «Толкового словаря живого великого русского языка» оставил на этот счет любопытные заметки. Несколько слов из его воспоминаний о поездке в Ко-

пенгаген: «Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что увижу и отечество моих предков, мое отечество. Ступив на берег Дании, я на первых порах окончательно убедился, что Отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отечеством моих предков...»

Стало быть, Отечество, родину, не выбирают, как товар на рынке, как предмет быта, элементарного домашнего обихода. Чувство родины входит в твое сердце как несущая жизнь кровь, токи которого не ощущаешь физически, телесно, как вещь, но чувства полнят твою душу с биением сердца от соприкосновения с родным, отеческим, особенно после тягостной разлуки, когда даже «дым отечества так сладок и приятен».

Надо ли перечислять, какое влияние и на каких художников слова оказало влияние Собрание песен Петра Киреевского? Ведь это и Лермонтов, и Гоголь, и Некрасов, и Успенский, и Толстой, и Шолохов, и Твардовский в особенности, и Николай Рубцов. Необходимо лишь подчеркнуть одну деталь в «Записках охотника» И. С. Тургенева. Иронично-комический рассказ Тургенева «Льгов» заканчивается на редкость краткой и в то же время энергичной фразой: «...На селе раздавались песни».

И это все о том, что русский человек, которому, по сути дела, посвящена литература великого народа, не может без песни, и это всем своим существом ощутил и осознал Петр Киреевский. Потому что, если исходить из его концепции собрания песен,— песня — это состояние души русского человека.

«Он постоянно поет,— записал А. И. Герцен однажды,— и когда работает, и когда правит лошадей, и когда отдыхает на пороге избы».

НАШИ СОСЕДИ

Алексей Корнеев

ВСЕ ВАСИЛЬКИ, ВАСИЛЬКИ...

(Маленькая повесть)

1

Каждое лето, как только зацветают в поле васильки, Пелагея Красова, по-деревенски Полюха, места себе не находит. И какое бы дело ни занимало ее в эту пору, находит она время, хотя бы минутное, чтобы прийти на поле, постоять там как бы в оцепенении. При этом взгляд ее глаз, напоминающих поблекшие васильки, словно ищет кого-то вдаль, на самой линии небосклона, а сухие губы шепчут что-то непонятное, вроде бы зовут того далекого и невидимого, к кому обращен ожидающий взгляд.

Случилось, подсматривали за Полюхой в такие моменты, дивились, как подолгу стоит она в раздумье или медленно прохаживается, разглядывая то васильки, то колосья ржи или пшеницы. Рассказывали, будто напевала она что-то тихонько в те минуты слова известной в народе песни:

*Все васильки, васильки,
Сколько мелькает их в поле!..*

А то сядет на опольной грядке и как бы плачет, жалуясь про себя на свою же судьбу...

Нынче суббота, вместо кино в Доме культуры — молодежный вечер, и являться туда Пелагее незачем. Там она исполняет две должности: проверяет билеты в кино и наводит чистоту в помещении. И скучно было бы ей, одинокой пенсионерке, без такого прилюдного места. Не из-за какого-то приработка пристроилась к нему, а именно от одиночества.

А нынешняя суббота — особая для Палагеи: совпала с той, уже далекой-далекой, когда она, девятнадцатилетняя девушка, села рядом с молодым — на три года только постарше — пограничником за свадебный стол. Еще до службы Петр Красов, как при знался он в день свадьбы, заглядывался на нее, а на втором году солдатской жизни письмо ей написал, другое, третье, с того и началось. И не гадала Поля, что этот тихий парень совершит какой-то подвиг на границе, где-то на Дунае, получит за то

краткосрочный отпуск и сделает ей предложение ну прямо по-военному: «Или свадьба, или не быть нашей дружбе». А какая там дружба, когда как следует не поговорили, просто знали друг друга как свои деревенские, считай, соседи...

Двадцать первого июня сорок первого...

Как давно это было! И как свежо это в памяти — приход Петра с матерью (вместо свахи) к ней в дом, короткий разговор двух матерей (отца не было как у Петра, так и у нее)... И регистрация в сельском Совете. Ей не хотелось спешить, а жених торопился, потому что во вторник, двадцать четвертого июня (она хорошо запомнила, помнит и сейчас тот день), он должен был снова уехать на службу. Как будто знал что-то, предчувствовал...

Сидит Пелагея на теплой гривке, вокруг ни души, только стрекот кузнечиков, и кажется ей, звенят колокольцы под нарядной дугой, на свадьбу ссылают. Как сейчас себя видит: стоит она перед зеркалом, смотрит на свое отражение и не верит, она или какая-то незнакомка, принаряженная во все белое. Щеки у нее румяные, как наливные яблоки, а глаза — ну прямо живые васильки. Да и косы — загляденье, так и отливают солнечным светом, будто ржаные свясла туго скручены. Даже ахнула про себя, пожалела, что наряд этот совсем ненадолго, всего на два-три дня, а там — расставание и с нарядом, и с ним, «виновником» этих сборов. Разглядывая себя в зеркало, она не только слышала его негромкий басовитый голос, но и видела там, в глубине волшебного стекла, как стоит ее суженый, такой подтянутый, неотразимый, что у нее кружилась голова.

А в душе все так и пело, так и звучал, заставляя прислушиваться, Его голос. Слова знакомой песни навевали грусть, будто теряла она что-то невозвратное:

*Все васильки, васильки,
Сколько, мелькает их в поле!
Помню, у самой реки
Я собирал их для Поли...*

Он заменил слово Оля, как должно быть в песне, созвучным ее именем, и это ей понравилось. Словно в бреду, шла она рядом с ним, держа, как дорогой его подарок, букет васильков, шла от ржаного поля по склону к речке. За холмом, за деревней пылал золотистый, как спелая нива, закат, и отражение его освещало все вокруг, делало речку такой же золотистой, будто подожгли ее откуда-то снизу, со дна, пылает она, а сгореть, погаснуть не может...

Они стояли на берегу, и когда Петр слегка прикоснулся к ней, трогая за руки, она вздрагивала, робела. Да и он оказался таким же робким, боялся вспугнуть ее нечаянным прикосновением. Вся «храбрость» его только и высказывалась в тихой песне:

*Поля цветочек сорвет,
Голову низко наклонит:
«Милый, смотри, василек
Мой поплывет, твой утонет»*

Шутя они бросили в воду, как в пылающий костер, по одному цветку, и оба василька медленно поплыли. Долго смотрели они вслед, пока цветы не скрылись за перекастом, где речка делала крутой поворот, исчезая за густым лозняком...

— Так и плывут они, наши цветы, рядом всю жизнь, — шепчет вслух Пелагея, и глаза ее застилают пеленой, несколько капель падает с подбородка в прорезь платья на груди. Она не чувствует этого, сидит и сидит, только губы нашептывают: — Плывут и плывут они вместе, долго плывут. И мой не утонул, и твой не тонет.

Солнце уже коснулось линии дальнего холма, а Пелагея словно оцепенела, сидит

и смотрит остановившимся взглядом на пылающую закатным пламенем извилистую ленту речки...

Тогда, это было в пятницу, стало быть, двадцатого июня, они стояли вот тут, на берегу, пока не стемнело, пока не забила ее дрожь то ли от холодного ночного тумана, то ли от близости Петра, А в субботу — свадьба. Справляли, конечно, без венчания в церкви, тем не менее накануне устроили девичник и смотрины, а в день свадьбы снабдили подводы колокольцами, украсили лентами и откупались, как положено, когда люди перекрывали дорогу свадебному поезду. Одним словом, все честь по чести. Первый день — в доме жениха, на другой, в воскресенье, — у невесты. На третий собирались съездить в соседнее село, где жил старший брат Пелагеи Иван, уже отец двоих малолетних детей. И все. И потом — проводы Петра на далекую границу, где полагалось дослуживать ему еще полный год...

Да, все было бы так, если бы не гром среди ясного неба.

Она запомнила это до самой последней подробности. Сидят они, жених и невеста, за длинным столом, тесно от своих и всех любопытных, пришедших взглянуть на молодых, обносят гостей стаканами и стопками, и хором кричат все сидящие: «Горько! Горько!» Стыдно ей целоваться принародно, но таков уж обычай, никуда не денешься. Горит-сгорает она от близости Петра, не совсем еще осознанной, робко подставляет свои губы, да и он целует несмело, поспешно — лишь бы отвязаться от этих надоедливых «горько». Но их заставляют повторять еще и еще, пока не довольствуются тем, что «подсластили молодые, и жить им в любви и радости, сто лет им жить, кучу детей растить...»

Облегчение приходит, когда деревенский гармонист перебивает людской гомон рывком своей трехрядки, распахом пестро-ситцевых мехов. И тут же подхватывают за ним нестройно, но всеми голосами — звонкими, до боли в ушах, и совсем охрипшими:

Когда-а б им-ел златые-е го-оры...

А в самый разгар веселья, когда уже сдвинули в стороны столы и скамейки, освобождая место для пляски, зашумели за окном, загудели, и ворвалось в свадебный веселый дом диким вскриком тревожное слово: «Война!» Разом схлынул народ от двери, и в избу вбежал сельсоветский дежурный комсомолец Мишка Гольцов.

— Дядя Вася, из района звонят! — выкрикнул он, запыхавшись, с порога. — Война началась! Германия напала...

Председатель сельсовета, к кому и обратился дежурный, неверящим взглядом окинул красного от волнения паренька и, тоже раскрасневшийся от духоты в избе, вдруг побледнел, поднялся, высокий, под самый потолок, затем метнулся к двери. За ним, по направлению к сельсовету, заспешили другие: радио было пока что в соседней деревне, где находился сельский Совет, там и все новости. Выскочил и Петр из-за стола, шепнул ей, что добежит до сельсовета, сам узнает — нельзя иначе, как военному. «Плохая примета, ежели невесту жених оставляет», — услышала она шепот старух и содрогнулась, осознавая происходящее: «Неужто и правда война?»

Так оно и вышло, через час уже мчались на трех подводах — молодожены и близкая их родня — на станцию. Как единственный на всю свою деревню человек в военной форме, Петр Красов оказался первым же, кого напутствовали на войну ее жители и кто обязан был, согласно Уставу, не медля ни часу, явиться к месту службы. Сел он в первый же поезд и, с виду веселый, хотя в душе-то, может, тревога точила, расстался с женой, уверив ее, что если даже и война, долго ей не быть, через год он непременно вернется. Ободренная его словами, не сознавая еще нагрянувшей внезапно беды, Пелагея всплакнуть даже не смогла.

Так свадьба обернулась проводами. И надолго, как оказалось, навсегда...

Дом у Пелагеи невелик: два окна в зале, как называют по-новому, по-современному горницу, то есть комнату попросторней и почище, и на кухне оконце. В доме порядок, побелено и прибрано, мебели совсем немного — кровать, шкаф платяной, старый, из цельного дерева стол с тремя стульями. Да и на кухне ничего лишнего: столик с двумя табуретками, небольшой холодильник в углу да шкафчик для посуды, самодельный, но аккуратный, беленький. Хозяйка чистоту любит, и порядок у нее во всем.

В сумерках, загнав во двор немногочисленную живность, Пелагея включила свет на кухне, потом в зале, и при этом свете белизна стен и порядок ее жилища бросились бы в глаза любому, она и сама это заметила. Однако настроение у хозяйки было такое, что как вошла она в зал, так и опустилась на стул. Вспомнила про ужин, но, кроме чая с карамелькой, ничего больше не хотела. Потому что мысли ее были заняты воспоминаниями о том совсем коротком, мимолетном счастье, что принесли ей два дня досвадебных и два, а вернее, полтора — сама свадьба. С этими воспоминаниями она и спать легла, да разве тут заснешь?..

Давно уже сказано-пересказано, что нет ничего тягостней для женщины, чем одиночество. Женщина одинокая — это вроде великомученицы. Старости она может не заметить, но одиночество ее угнетает, и с годами все больше.

Могла бы она, солдатка, решить свою судьбу иначе? Наверное бы, да.

Не потерявшая своей молодости (и красоты тоже, хоть и некогда было следить за собой), она привлекала внимание как военных, которые следовали иногда через деревню на фронт или стояли зимой на передышках от боев, так и вернувшихся с фронта по ранению, своих деревенских. Однако ни одного из них не одарила хотя бы случайным, сочувственным взглядом. Для нее был ожидаем только один Он, один свой, суженый.

Пока Петр был жив, сражался там, на разных фронтах с черной вражьей силой, в помыслах у Пелагеи, кроме ожидания Его, не было ничего и быть не могло. Он присылал ей письма короткие, но горячие, все храбрился, что пули, бомбы и снаряды его облетают, смерть его обходит, и пусть она, «милая и любимая Полюшка», ждет солдата, а вернее, лейтенанта (так его возвысили на третий год войны), обязательно он вернется, и заживут они тогда «припеваючи». Раза три, а может, и больше (наверное, утаивал он от нее), Петр попадал в госпиталь, но через месяц-другой снова отправлялся на фронт. Грешным делом, она молила бога, чтобы ранило его потяжелей — не до смерти бы только, — и тогда отправили бы его в тыл подальше, съездила бы она к нему, добралась бы хоть пешком куда угодно. Но Петра излечивали в каких-то полевых, походных лазаретах, излечивали быстро: пока письмо шло в деревню, он уже снова отправлялся на передовую. И тогда Пелагея смутно догадывалась, что и писал-то он, наверное, перед отправкой на фронт.

Так продолжалось до последней военной весны, до апреля сорок пятого. Как и все женщины, она работала в колхозе не покладая рук, выносила, вывозила на своих плечах все тяготы той поры: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик». Однако не работа была ей в тягость, а думы о Петре: останется ли он жив до конца войны, вернется ли оттуда? Пусть даже весь изранен будет, рассуждала она, лишь бы вернулся...

Под самый май, за полторы недели до победного дня, получает она короткое извещение: «Ваш муж Красов Петр Васильевич...» Дальше она не читала. Потому что видела уже такие бумажки-похоронки: «...пал смертью храбрых...»

Потом только, как затихло у нее в груди, когда уже надо было поверить, что он не вернется, узнала по сообщению из военкомата, что Петр погиб в далекой стороне, дальше даже той границы, где служил он перед войной, — в неведомой для нее Австрии.

Будто свет померк для нее, дни и годы стали похожи на сплошную темную ночь. Ни успокоения старшей сестры, ни попытки просватать за кого-то, вернувшегося с войны (такие «охотники» были как в своей деревне, так и в ближних), на нее уже не действовали. Кое-кто из женщин советовал родить себе дитенка, пусть и незаконного, все, мол, будет с кем век доживать. Но об этом она и слушать не хотела: как это так можно, не выходя замуж?.. Только к старости она, грешным делом, спрашивала иной раз себя: а не зря ли отказывала сватовству, глядишь, и завелась бы у нее семья. Да только от судьбы-то, говорят, никуда не деться, не она же одна осталась вдовой.

И Пелагея постепенно привыкла к одиночеству. Лишь одно ее мучило — посмотреть бы место, где погиб, где похоронен Петр. Мечтала об этом долго, расспрашивала разных умных людей, начальство колхозное и сельсоветское, писала в военкомат и райисполком. И тогда ей подсказали: собери-ка, дескать, сколько надо денег да подайся ты в заграничное путешествие, вроде туриста. А там, может быть, и разыщешь могилу своего мужа. Насчет денег у нее никакого сомнения, давно уже скопила три с лишним тысячи; то скотину лишнюю продавала, то картошку со своей усадьбы, то премию от колхоза получит. Зная об этом, сестра звала ее на станцию, где купила домик и давно обжилась, советовала и ей сделать то же самое. Но Пелагея заколебалась — неохота покидать свою деревню, где выросла, где она всех знает и ее тоже. А деньги — что с ними, лежат да лежат себе на книжке, не на дом, так на что-то другое сгодятся.

Она уже знала, сколько стоит заграничная поездка, — рублей семьсот, ну тысяча от силы, со всеми расходами на покупки. Но робела при этом слове — заграница — и не надеялась особенно, что дадут ей такое разрешение: это ведь не дом отдыха, куда она ездила раза три по колхозной путевке. А все-таки заявление на заграничную поездку, составленное колхозным секретарем, подписала.

Теперь, в ожидании путевки, Пелагею вдруг осенила мысль: а не проедет ли она по пути то место на границе, где служил когда-то ее Петр? Вот было бы хорошо остановиться там, посмотреть его своими глазами. Да с ребятами поговорить — с теми, кто прислал ей недавно, ко Дню пограничника, такое письмо, над которым она не раз поплакала.

Подумав так, она проворно поднялась с постели, накинула на себя стеганый халат и, щелкнув выключателем, жмурясь от света, полезла в ящик шкафа, где рядом с немногими квитками Госстраха и прочими деловыми бумагами, с аккуратно увязанной стопкой писем Петра лежало письмо с далекой пограничной заставы. Пелагея бережно вытянула из конверта листок с печатными буквами, под села к столу и заново принялась перечитывать.

«Многоуважаемая Пелагея Федоровна!

Пишут Вам пограничники с той заставы, где служил перед Великой Отечественной войной Ваш муж Петр Михайлович Красов. Не будем долго описывать, как мы разыскивали его адрес, а сразу скажем, что имя Вашего мужа занесено в список почетных воинов-чекистов нашей заставы.

И поэтому просим Вас, Пелагея Федоровна, прислать нам его фотографию, что-то из личных его вещей, награды, документы или письма, если они сохранились.

А еще лучше, если Вы сможете к нам приехать. Мы встретим Вас как самого дорогого гостя...»

— Ох, ребятки, ребятки! — вздохнула, дочитав, Пелагея, и глаза ее затмило, затуманило. — Да как же я к вам... в такую-то даль? Вот если только путевку дадут... в эту самую, в Австрию-то... Может, и заеду, если попутно...

Покачала головой, задумалась. «А вещи-то моего Петюшки... Ну какие там вещи, когда мать-то его не дождала, а все другие в город поехали... Награды, пишете, какие? Были, конечно, награды, да где они? Кабы домой-то он вернулся, уцелели бы, поди. А то ведь небось в могилке лежат вместе с ним...»

— Письма вот только уцелели,— прошептала она.— Пришлю их вам, ребятки, хоть и жалко. Сгодятся, может, какие...

Затем она развернула пожелтевшую, хрусткую от времени газету, где покоились письма больше чем сорокалетней давности, начала их перелистывать, выбирая самые памятные. Всмотриваясь в потускневшие уже строчки, так зачиталась, что не заметила, как вздремнула, сидя за столом.

Разбудил ее скрежет, похожий на лязганье танков, на завывание самолетов с крестами на крыльях,— неслись на нее целой стаей, готовые сбросить свой смертоносный груз. Война!..

Опомнясь, она вскочила, огляделась вокруг, и яркий свет остудил ее рассудок. За лязганье танков она приняла поскребывание мыши, оказавшейся в порожнем бидончике на кухне: вскарабкалась, видно, на стол да сорвалась оттуда, попала в бидон. Мышь была маленькая, неопытная еще, и Пелагея пожалела ее, вышла с бидоном на терраску — спасайся, мышка, небось и ты хочешь жить...

Горластый крик петуха во дворе окончательно привел ее в чувство, и Пелагея догадалась, что за гуденье самолетов приняла петушиную побудку. Выключив свет, прилегла на постель, но теперь уж не уснуть, подумала. И снова память вернула ее в тот день, когда прощалась на станции с Петром. Тогда ведь ни он, ни она, ни все, справлявшие свадебную застольщину, не знали, что где-то далеко на западе, на застигнутых врасплох пограничьях рвутся снаряды и бомбы, горит земля и падают, сраженные, наши, советские люди.

«Воскресенье, двадцать второго июня»,— шепотом промолвила Пелагея.

Сколько лет прошло с той поры, а все по-прежнему в памяти...

Теперь ей мученье на весь новый день, она это знает. Пойдет к соседкам, чтобы облегчить душевную тяжесть, а вечером — на люди, в Дом культуры, где объявлено кино,— оклемается, глядишь. Но если кино про войну, смотреть не станет — не выносит она военные фильмы, очень уж они ее расстраивают.

3

И вот пришло желанное известие — заграничную поездку разрешили.

— Повезло вам, Пелагея Федоровна! — поздравила ее секретарша колхозного правления, светловолосая, услужливая девушка, не пожалевшая времени на помощь в этом деле: сколько раз писала она за Пелагею в разные организации, в Комитет ветеранов войны. И, глядя в разволнованное лицо пожилой женщины, позавидовала: — Вот бы и мне побывать в загранке!

— Авось и съездишь, Раечка,— успокоила ее Пелагея.— Молодая ты еще, жизнь-то свою только начинаешь. Да я бы и не поехала, если бы не такое дело. Спасибо тебе, милочка, спасибо за подмогу. А теперь составь-ка еще одно письмецо, ребятам на границу, напиши им от меня, что так-то вот и так, кланяется вам Красова Пелагея Федоровна, едет туда-то и тогда-то, может, и заедет к вам на обратной дороге. Составь-ка, милая, ты на это мастерица.

— Сувенирчик с вас, тетя Поля, заграничный,— пошутила Раиса.— На память что-нибудь, я рассчитаюсь.

— Ладно, милая, авось привезу игрушку-свистушку,— улыбнулась Пелагея.

Ох, как взволновалась она после такого: известия: во что одеться, обуться, как вести себя за границей, чтобы не выказать там деревенскую неуклюжесть. Советовалась с директором Дома культуры, интеллигентной женщиной средних лет, которая была однажды в заграничной поездке, и та успокоила ее: ничего, мол, не случится, присматривайся, как другие себя будут вести, не отставай от своей группы.

Но еще больше волнения испытывала Пелагея от мысли другой — найдет ли мо-

гилку Петра? Наивно думала, что, может быть, случайно встретит там свидетелей его гибели, но тут же и прогоняла от себя эту думку: сколько лет-то прошло с той поры!..

За три дня до отправления в круиз (так непонятно звучало это слово, обозначающее заграничное путешествие) Пелагея поехала в Москву к замужней племяннице, старшей дочери брата Ивана, без вести пропавшего в первый же год войны. В гостинцы московской родне (у племянницы было двое детей) захватила петушка паленого, три десятка яиц, варенье из лесной земляники и даже лукошко свежих ягод: накануне ходила в ближний лес. Да еще в подарки всем — по шерстяным носкам и варежкам (хоть и не модно это, слышала, в большом городе, да в сильные-то морозы авось и сгодится). И шерсти чесаной, или «волны», как называли ее по-деревенски, захватила пять фунтов: авось и свяжет Тонюшка себе или деткам свитерок или еще там что-нибудь.

Но самое дорогое, что взяла с собой в дорогу, — это письма Петра, аккуратно завернутые в газету, и букет васильков. Подумав, что кто-то и удивится, зачем это, мол, в такую даль цветы, неужто там нельзя купить, — Пелагея объяснила по-своему резонно: там — само собой, а эти — свои, родные...

Пелагея бывала в Москве нечасто, и каждый раз ее поражала столичная суэта, от многолюдья кружилось в голове, словно увлекал ее куда-то бурный поток половодья. Хорошо еще, что Тонюшка жила рядом со станцией метро, проезд от вокзала до нее занимал какую-то четверть часа. По магазинам же Пелагея ездила только с племянницей — боялась затеряться в таком великом множестве людей, машин и улиц. И теперь, снова оказавшись в темном от народа вагоне метро, подумала с запоздалым раскаянием: «От Москвы голова кругом идет, а за границу собралась...»

Тонюшкин муж, веселый добродушный толстячок, вернулся с работы как раз к приезду деревенской гостьи. Он-то и успокоил ее окончательно: «Не пугайтесь, Пелагея Федоровна, все будет в норме. Я тоже ездил в Болгарию, нас там как братьев встречают». И она поверила ему, приободрилась, хотя и подумала: «А много ли мне жить-то осталось? Поклониться бы Петру в последний разочек, ничего больше и не надобно...»

На следующий день Тонюшка повезла гостью в главную контору по туризму, где они ознакомились с программой путешествия, сделали положенную плату за путевку да еще триста с лишним рублей на обмен валюты.

А еще через день простая деревенская женщина, оробевшая и растерянная, подталкиваемая бойкой москвичкой, проследовала по узкому коридору вагона в свое купе, и тут племянница вручила ей непривычный после сумок и узлов новенький объемистый чемодан, попросила соседок по купе помочь неопытной пассажирке. Затем, расцеловав тетушку, удалилась из вагона.

Соседки оказались вежливыми и внимательными. За окном уже стемнело, а в купе от электричества светло, как дома, только тесновато с непривычки. Пассажирки, как видно, опытные по части путешествий, скоро и ловко распределили свои чемоданы, модные сумки и саквояжи — одни в багажники под диваны, другие наверх, в антресоли.

Потом, когда расселись по своим местам, перезнакомились. Старшая соседка, примерно Пелагеиных лет, кареглазая и улыбчивая, назвала себя непонятным именем — не то Диатой, не то Беатой. Помоложе, русоволосую в очках, звали Натальей, а третью, малорослую и чересчур суетную, говорливую, — Ниной. Все они, как оказалось, работали в одном и том же научном институте, и Пелагея, узнав об этом, почувствовала себя не в своей тарелке: как-никак ученые все-таки, не ровня ей, деревенской малограмотной старухе. Хорошо еще, вели себя попросту, относились к ней по-доброму, а то бы слово постеснялась вымолвить. Но все же отвечала, как могла, на любопытные их вопросы — про жизнь деревенскую, про сестру свою и племянни-

цу-москвичку. Даже призналась, как та просила купить кое-что за границей, но удастся ли это сделать, нет ли — тут она в сомнении.

— Не волнуйтесь, Пелагея Федоровна, поможем вам,— успокоила ее Диата-Беата.— Главное, конечно, не покупки, а сама поездка. Посмотрите на заграничную жизнь, впечатлений наберетесь. Вместе будем ходить, так что не бойтесь...

Проговорив до полночи, женщины улеглись спать: Пелагея и Диата (именно так ее правильно звали, уроженку Кавказа) — на нижних полках, Наталья и Нина — на верхних. И свет погасили, и тихо стало в купе, да постель к тому же свежая — только бы спать. А Пелагея не могла, словно и ночь не для нее. После обжитого своего дома и широкой кровати с пружинным матрацем вагонная полка-диван показалась ей жесткой и узкой: одна рука касалась гладкой стенки соседнего купе, другая произвольно свисала с края постели. А главное, весь вагон был объят непрерывной дрожью, от быстрого бега колес под ним все стучало и стучало, огни станций за окном полыхали, словно молнии. И тогда Пелагея осознала,— как стремительно несется их поезд, страх охватывал ее, чудилось, будто колеса вот-вот сорвутся с рельсов, и загремит вагон, весь поезд в черную, немеренную пропасть. Ей ни разу не случалось бывать в далеких поездках, а пригородные поезда или московские электрички, хоть и тоже быстрые, как-то незаметно пробегали короткое расстояние. А тут ночь за окном, сплошная чернота, и этот дом на железных колесах все несется и несется, дрожит от стука, будто торопится куда-то поспеть. «Не сорвался бы только, о господи»,— молилась с замиранием сердца Пелагея. И когда старалась заглушить эту мысль воспоминанием о трех минувших днях гостевания в Москве, о жизни своей, наполненной простыми заботами, непривычный страх ее мало-мальски ослабевал, грохот ночного поезда как бы стихал.

Незаметно она снова оказалась во власти памяти, увидела Петра молодым бравым красавцем в строгой военной форме, себя увидела во всем белом перед зеркалом, с васильковым цветком в пышной укладке волос...

Спала Пелагея в эту ночь или вздремнула на короткое время, не могла понять. Но с рассветом она прильнула к окну и, успокоенная благополучно минувшей ночью, полусидя-полулежа смотрела, как удивленный младенец, на проносившийся вслед поезду мир полей и лесов, мир зеленых трав и деревень, поселков, редких городов.

— Конотоп,— приподнявшись с постели, проговорила Диата, когда поезд остановился на большой станции. И добавила: — Украина пошла.

Пелагея сразу заметила, какие тут ровные места. Поля хороши — то желтые от спелого хлеба, то убранные дочиста или заставленные копнами соломы, то зеленовато-бурые — кукурузные, или нарядные, пестреющие золотыми шляпками подсолнухов. Даже усадьбы деревенские, узкие полоски вдоль железной дороги утопали в кукурузе и подсолнухах...

Спросив соседку, где тут умыться, Пелагея несмело прошла в конец вагона, постояла там, дождавшись очереди. Потом, когда проводница, строгая женщина в черной форменке, принесла в купе горячий чай с брикетиками сахара в бумажках, подумала, что в поезде этак можно жить хоть день или два, хоть неделю,— такой же дом, только бегучий больно, на колесах, да тесноват немного...

Очень удивила ее красота Киева с его величественными памятниками над широкой рекой, с многоэтажными домами и соборами на холмах, с крутой зеленой горой, где, как пояснила Диата, находится знаменитая Киево-Печерская лавра.

— И наши, из-под Тулы, из-под Серпухова, тоже ходили сюда,— оживилась Пелагея.— Мне-то не пришлось, а бабушка моя с матерью хаживали. И все пешим, пешим, недели две или три добирались.

Соседки помоложе улыбались, а Диата слушала ее серьезно, с вниманием и все кивала головой: «Да, да, было такое время...»

Весь день Пелагея сидела у окна, глядя, как мелькают перед глазами ближние придорожные посадки, станции и домики железнодорожников, а в просветах меж посадок, словно разворачиваясь, проплывают желтые нивы и темные пашни, малые и большие поселения.

Так и просидела у окна до самого Кишинева, где предназначалось оставить поезд и заночевать. Как их примут в таком большом городе, Пелагея представить себе не могла: хватит ли всем места, не придется ли коротать всю ночь на вокзале?

Приняли же, оказалось, так, что Пелагея не поверила: и чистота-то в комнате, и постели мягкие — две на всю комнату, и обмыться можно под теплым душем. «Спите, гости, спокойно, отдыхайте перед дальней дорогой...»

И действительно, спалось ей в эту ночь особенно, как молодойке, — ни тряски или дрожи, как было в поезде, ни шума за окном. Только с вечера полаяли собаки, охранявшие стоянку машин неподалеку.

Место, где ночевали туристы, называлось мотель «Стругураш» — для Пелагеи совсем непонятно. Потом уже ей разъяснили, что мотель — это гостиница для автотуристов, а «Стругураш» означает «Гроздь винограда». Наверное, потому, что рядом, через асфальтовую дорогу, зеленели виноградники, а стены трехэтажного здания гостиницы были увиты виноградными лозами, на которых висели кисти не созревших еще сизо-фиолетовых и зеленых ягод. И Пелагея невольно залюбовалась ими, рассматривая то резные красивые листья, то ягоды, вкус которых она уже знала: в последние годы виноград стали завозить в их сельский магазин. «Так вот он откуда, из какого далека этот сладкий ягодный гостинец!..»

После завтрака туристов повезли в автобусах по кишиневским улицам — осматривать город. Замелькали пестрые дома, увитые до верхних балконов, до самых крыш виноградными лозами, еще какими-то вьющимися растениями, запестрило в глазах от цветочных газонов. Улицы, площади, памятники — все интересно, всего не запомнишь. Да и что там — каких-то три часа, ну разве осмотришь весь город!

Едва спала полуденная жара, как, пообедав в ресторане мотеля, отправились дальше — в Измаил, где предстояло сесть на теплоход, начать оттуда плавание по Дунаю. Дорога то опускалась с высоких холмов, то поднималась, круто поворачивая, и с непривычки у Пелагеи кружилась голова. А когда потянулась пологим склоном, правее бесконечной с виду долины, она снова прильнула к окну, неотрывно оглядывала мелькавшие по сторонам молдавские села в садах, зеленые виноградники, как на бумаге расчерченные строгими линиями-рядами. «Сколько же тут винограда! — не переставала удивляться. — И как только успевают собирать его, какими такими силами — ума не приложишь...»

Ехали долго, пересекли долину, оказавшись на другой ее стороне, уже на возвышенности, и через какое-то время впереди и справа ударило в глаза непривычно синим простором, кто-то вскрикнул: «Море, смотрите!» Все прильнули к окнам, и Пелагея вздрогнула, оробела: «Неужто морем поплывем?»

Но, как оказалось, это было не море, а Дунай — та самая река, по которой следовало отправиться на теплоходе. «Широкая-то какая, — ахнула Пелагея, — тут и затонуть недолго, если что случится...» Воды она побаивалась, в своей неглубокой речке и то не купалась. Страх к этому у нее зародился с детства — с той поры, как утонула тетка Анисья, сестра матери. Рассказывали, как пошла она полоскать белье на речку, ждали-ждали ее оттуда, хватились к вечеру, ан уж и поздно: по ногам, торчавшим из воды у самого берега, только и отыскиали. Правда, тетка Анисья часто страдала головной болью, возможно, и закружилась у нее в голове, не удержалась на мытнице.

Вспомнив об этом сейчас, Пелагея невольно поежилась при виде такой большой воды...

Отплытие было назначено на самую полночь, и в ожидании его людям пришлось сидеть или ходить по трем этажам морского вокзала. Из широких окон верхнего этажа, где устроились с вещами туристы, Пелагея с нескрываемым любопытством рассматривала как свой теплоход, так и соседний, еще более громадный, пожалуй, больше даже самого вокзала. Диата пояснила ей, что самый большой плавает по морю, а меньший — по реке, потому что он послабее, может не выдержать морской бури. Услышав, что этот морской вбирает в себя сразу больше тысячи пассажиров, Пелагея только ахнула: ну и ну!..

На заходе солнца ожидание туристов кончилось, их начали пропускать через таможенно, осматривая чемоданы и сумки. У Пелагеи просто приоткрыли чемодан, спросили, что везет, и она проследовала с опаской по деревянному настилу причала, незаметно оказалась на теплоходе.

В первые минуты она не знала, куда прислониться, растерянно оглядывала узкие коридоры, как бы рассекавшие теплоход на продольные части, и такую же узкую лесенку, ведущую куда-то наверх. К счастью, место ей определили в одной каюте со знакомыми женщинами — соседками по вагонному купе, и тут они выказали к ней прежнее внимание, снова уступили нижнюю постель, рядом с Диатой. А Нина с Натальей поместились на верхних койках, как-то ловко и прочно устроенных чуть ли не под самым потолком. Так что новое помещение показалось Пелагее похожим на вагонное купе: полки-постели в два яруса, яркий свет электричества, а вдобавок умывальник с водой, прикрытый шторкой, и шкаф для одежды. Словом, вроде бы перебрались из одного вагона в другой, только этот куда огромней прежнего, и не стучат под ним по рельсам колеса, лишь гудит что-то там, внизу, мелкой дрожью. И совсем непонятно из-за сплошной темноты за окном вперед ли он подвигается или на месте стоит.

Однако в эту ночь Пелагея снова не могла заснуть: в полной тишине ей казалось, что под полом ворочается какое-то живое чудище, быть может, связанное по рукам, по ногам,— не дай бог, если порвет оно путы, вот уже пойдет колошматить всех и вся, налево-направо. И хоть объяснили ей соседки, что под полом гудит машина, толкающая теплоход, а сквозь дрему так и мерещилось — рвется там силища, дрожит от злости на тех, кто связал ее, спутал по рукам и ногам...

Перед утром она все-таки забылась. А когда открыла глаза, увидела сквозь плотную штору светлое круглое пятно — солнце.

Выходит, день уже за окном!

Приоткрыв слегка штору, Пелагея чуть не вскрикнула, постеснялась только спящих соседок: прямо к самому окну подступилась вода, а дальше, за ее разливом, по низкому, словно тесемкой растянутому берегу, стеной вставали деревья. Вернее, живым и тесным строем медленно подвигались назад. Придя наконец в себя, она поняла, что не деревья подвигаются там, за широким разливом воды, а их «вагон», то есть теплоход.

— Плыве-ем! — заговорила, проснувшись от солнца, Диата.

— Не утонем ли? — усомнилась Пелагея, все еще не понимая, отчего так близко к окну подступает вода.— Гляньте, ну прямо рукой можно достать.

— Да не-ет, Пелагея Федоровна, не утонем,— успокоила ее Диата.— Так уж рассчитано, чтобы теплоход держался на воде. Не бойтесь.

Помолчав немного, разглядывая уплывающий берег, она пояснила:

— Смотрите, другая страна уже пошла.

— Как — другая? — не поняла Пелагея.

— Да так уж, далеко отплыли за ночь-то. Румыния началась.

— Откуда же вам известно?
— А баржи-то проплывают. Видите, флаги над ними румынские? Стало быть, и территория румынская.
— И границу, выходит, проплыли?
— Ну конечно, позади уже граница. Проспали мы ее.
— А почему же пограничники...
— Не задержали-то почему? А зачем, если мы плывем своим путем, как и положено. Вот пристанем к берегу, тогда и проверят у нас паспорта.
Погрустила в душе Пелагея: ах, как жалко, что прозевала она границу, как раз на том месте и служил ее Петр...

Оторвал ее от окна громкий голос микрофона, призывавший туристов на завтрак.

После завтрака, глядя на других, она осмелилась пройтись по палубе.

Однако долго смотреть на воду не могла: та с шумом расплескивалась за бортом, образуя волны, и от этого вида начинало кружиться в голове, мерещилось, будто сейчас она сорвется с гладкой палубы, не удержат ее низкие перильца, и тогда... Отшатнувшись, снова направилась в каюту и села у окна. Отсюда безопасней было разглядывать встречные суда, медленно уплывающие назад берега с лесами и редкими поселениями, заводами с дымными трубами, причалы с огромными кранами, разгружающими баржи. Иногда береговой лес обрывался, открывая луговину с пасущимся стадом коров, вид на дальние поля с желтыми хлебами или кукурузой, подсолнечником, и Пелагея впивалась взглядом в эту мирную сельскую картину, радовалась видеть что-то похожее на свою деревню. Лошадь, тянувшая повозку с дровами; одинокий домик на берегу, возле которого играли ребятишки, трепыхалось на ветру сохнущее белье,— все это трогало ее больше, чем любые другие «диковины».

Следующим утром теплоход пристал к невысокому берегу напротив двухэтажного речного вокзала с башенкой светло-желтой окраски, и тут предстояло впервые сойти на берег, сесть в автобусы и поехать в главный город Румынии. Черноглазая женщина, сопровождавшая в автобусе туристов, принялась рассказывать историю своей страны. Трудно улавливая торопливый ее рассказ, Пелагея зато жадно разглядывала проносившиеся мимо поля с убранном хлебом, с нетронутой еще кукурузой. Особое внимание обратила на белые помещения молочной фермы, возле которых были сложены скирды прессованной соломы: «Вишь, аккуратно-то как!..» Чуть не вскрикнула, когда увидела обочь асфальтовой дороги маленькую серую лошадку с длинными ушами, запряженную в повозку с таким большим грузом да еще седоком наверху, что прямо удивление: откуда только силы у нее? Но лошадкой, как объяснили ей, оказался... ослик. Потом уж она видела не одного такого, но каждый раз ее охватывало удивление и вместе с тем какая-то жалость к этому животному: надо же, как нагружают его, как он выносливо исполняет тяжелую работу!..

Город, куда они приехали, был большой и пестрый, от его разномерных домов у Пелагеи рябило в глазах, но один из уголков этого города так и врезался в память. Уголок этот называли музеем румынской деревни, а Пелагея, вспомнив свою старую — с низкими домами под соломенными крышами, с убогими дворовыми постройками,— восприняла все увиденное за деревню настоящую. Пожалела только, что не было в ней жителей, дома пустовали, как будто все ушли в поле, хлеб, может убирать. И лишь туристы ходили тут вокруг да около, с любопытством разглядывали приземистые крестьянские постройки, колодцы, маслобойни. «Господи, молодцы-то какие, деревню берегают»,— порадовалась Пелагея, с неохотой покидая этот тихий зеленый уголок...

Чем дальше плыли вверх по широкому Дунаю, тем больше впечатлений. Перед глазами Пелагеи как будто развертывался многосерийный, многокрасочный кинофильм, удивляя ее, ошеломляя неповторимыми видами.

Горные дороги, от которых кружилась голова... Панорама сражения на высоком холме и обед в пещерном ресторане, под отвесной скалой, при виде которой у Пелагеи обмирало сердце... Шумный город София, где провели два дня, осматривая ее нарядные зеленые улицы, памятники и музеи, златоглавый храм Александра Невского... Болгарские деревни с непохожими друг на друга домами под красной черепицей, с красивыми розами, пышно цветущими прямо у дороги, перед каждым домом.

Шлюзы огромной гидростанции, как бы неохотно пропускавшие теплоход. Зеленые горы и отвесные скалы у самой воды. Многоэтажные здания городов. Бесчисленные памятники, музеи, по которым водили до усталости, до изнеможения... Все это мельтешило в глазах Пелагеи, все удивляло ее, запоминаясь как будто, но тут же исчезая, чтобы уступить место новым видениям...

5

Наконец-то объявили страну, где погиб ее Петр.

После нескольких дней жаркой погоды небо с рассвета насупилось, забрызгал мелкий дождь, и на берег вышли в плащах или с зонтиками. Пелагея тоже накинула на себя легонький болоньевый плащико: в случае чего удобно свернуть его, положить в сумочку.

Когда расселись в автобусе, новый гид — кареглазая женщина средних лет, с проседью в черных волосах — объявила на чисто русском языке, что зовут ее Джульетта, а водителя — Герман, и что день у них будет нелегкий: «Успевайте за мной, пожалуйста, не отставайте». И действительно, туристам пришлось жарко, тем более что тучи скоро рассеялись и солнце принялось палить, как и прежде... Бегло осмотрев огромный кафедральный собор, поразивший Пелагею богатыми алтарями, гробницами и органной музыкой, оказались в знаменитом оперном театре, затем в таком же прославленном дворце. Пообедали второпях — и снова в автобус. На этот раз их повезли к главному городскому кладбищу, где, по сообщению Джульетты, были похоронены многие знаменитые люди и советские воины, погибшие при освобождении города. Так что Пелагея ехала с надеждой исполнить наконец тот долг, ради которого она приехала сюда, в эту неведомую далекую страну. И не забыла по такому случаю захватить букетик васильков, бережно обернув их полиэтиленовой пленкой и уложив в сумочку. Правда, цветы уже потеряли свой прежний вид, сухие стали и бледные, но зато они оттуда, с того самого места, где срывал их для нее сам Петр. Тем и дороги, стало быть, дороже всех иных, пусть даже самых красивых...

Автобус остановился перед величественной белой аркой, служившей главным входом на кладбище. На площади перед ней повсюду стояли другие автобусы, легковые машины, шли друг за другом люди. И с первых шагов по строго прямой дорожке, что вела мимо надгробий самых разнообразных видов — от простых крестов и плит до мраморных и позолоченных статуй,— у Пелагеи возникло трепетное уважение к завидному порядку на кладбище.

Может, оттого, что Пелагея не бывала на городских старинных кладбищах, или в самом деле это было таким богатым, глаза ее разбежались, не зная, на чем остановиться. Вспомнилась ей могилка матери на бугристом сельском кладбище с деревянным крестом, замененным потом на железный, который она красила каждой весной, и слезы подступили: трудно жилось в ту пору, сразу после войны, и похоронить было не на что...

Еще больше она расстроилась, когда пошла вслед за другими вдоль длинного ряда бетонных плит с выбитыми на них именами погибших советских воинов. Рассеянная Пелагея уловила-таки, запомнила слова провожатой о том, что на этом кладбище

захоронены две тысячи советских воинов, а на других еще больше — всего же двадцать тысяч, и это ужаснуло ее: легко ли найти среди них одного?..

Она не видела, как туристы первой группы возлагали венок к памятнику, потому что затуманенные глаза ее искали такую короткую родную фамилию. Под каждым именем на плите стояли также и цифры: 7 апреля, 8 апреля, 13 апреля... И все один и тот же год — 1945-й. Догадалась, что это дни гибели наших воинов, именно тогда и перестали приходить письма от Петра, а вскоре принесли ей похоронку. Значит, тут он должен быть, на этом месте...

Пространство, отведенное погибшим, было открытым, расположенным у подножия невысокого холма. Местные, городские могилы — под тенью высоких деревьев, наши — под солнцем. Ровные дорожки с рядами белых плит, аккуратно постриженные кустарнички, свежезеленая трава меж рядов. И все фамилии, фамилии... Но попадались и бесфамильные плиты, под ними тоже наши. Это могилы неизвестных солдат...

Остановясь перед памятником — монолитной высокой фигурой воина, Пелагея смотрит на живые цветы, только что оставленные у подножия. Красно от них в глазах, застилает. Качнувшись, она тянется к сумочке, достает оттуда, из букета, два василька и подкладывает их к венку. Затем идет дальше, вдоль ряда плит.

Кончился первый ряд, и она переходит к другому, такому же длинному. Забыв про ушедших вперед туристов, все идет и смотрит на плиты, на фамилии...

Вдруг почувствовала, как ноги ее подкосились, — едва успела сесть на траву, рядом с плитой. И тут в глазах ее потемнело, исчезли и солнце, и трава с белыми плитами, весь окружающий мир...

Очнулась она от чьих-то глухих голосов, оттого, что ее трясли за плечи, за голову. И когда открыла глаза, увидела над собой белолицую голубоглазую женщину с седыми волосами: та зачем-то терла ей уши, лицо, расстегивала кофточку. Рядом стояли еще несколько женщин, все незнакомые, все торопливо переговаривались на непонятном языке. Сбоку от себя Пелагея увидела свою сумочку, из которой выпал букет васильков, и тут она осознала, что лежит на траве, дурно ей сделалось.

— Гут, зер гут, — проговорила бледнолицая женщина, помогая ей встать.

«Гут, гут», — машинально повторила про себя Пелагея. Стой, стой, где же она слышала это слово? Ах, ну да, с войны его помнит. «Гут» — значит «хорошо»... А женщина эта — немка, что ли, она?.. Стало быть, и тут говорят по-немецки. Ну да, и австрияки проходили тогда, в сорок первом, по русской земле, через ее деревню. Выходит, женщина — австриячка или немка. Пожалуй, даже ее ровесница. А муж-то есть у нее? Не он ли воевал против России, стрелял в ее Петра?..

Пелагея дернулась было из рук помогавшей, но женщина взглянула на нее так сочувственно и скорбно, что защемило сердце. Поняла, видно, австриячка, что перед ней иностранка, и не какая-то, а русская именно, потому-то и стояла перед плитами со своим, русским венком засохших уже, потерявших прежний вид цветов. Вежливо взяв у Пелагеи букетик, она положила его аккуратно на плиту, где были выбиты пять или шесть фамилий, и снова обратилась к окружавшим женщинам, заговорила с ними быстро-быстро, кивая одновременно на входную арку кладбища. Одна из них, помоложе, подхватила, побежала туда, к арке, а седоволосая, взяв Пелагею под руку, помогла ей подняться.

Наконец-то поняла Пелагея, что с ней произошло: прочитала на плите свою родную фамилию, вот и не выдержала... Опомнясь, она глянула на плиту, снова пошатнулась было, но все-таки набралась сил, чтобы не упасть. Затем медленно опустилась на колени, подвинула цветы ближе к надписи, еще раз прочитав ее и убедившись, что не спутала имя мужа с другим. Но тут опять не вынесла, зарыдала, припадая губами к позолоченным буквам...

Потом, сидя в автобусе, мчавшемся горными подъемами и спусками, мимо красивых домиков в зелени садов, с яркими цветами перед окнами или у самой дороги, Пелагея не замечала ни живописности прославленных альпийских гор, ни аккуратности здешних селений и городков. И даже Зальцбург, куда их привезли для осмотра, с его знаменитыми дворцами и храмами, с фестивальной суетой на тесных улицах, с его веселыми фонтанами — «шутихами», — даже этот красивый, один из самых красивых городов Европы, как пояснила провожатая-гид, не взволновал ее, не удивил...

6

На обратном пути, занявшем целую неделю, Пелагея чувствовала себя расслабленной, но умиротворенной: главного, ради чего пустилась в этакую даль, все-таки достигла. И потому ее все больше успокаивали картины живописной придунайской природы, как бы заново представшие взору, и щедрое солнце в ясном небе, сопровождавшее теплоход на всем пути, и сама мысль о том, что вот же как повезло ей — побывать в неведомых странах.

Перед концом пути, когда за поворотом Дуная показались дальние холмистые поля, Диата кивнула на близкий возвышенный берег, обросший кустами и деревьями:

— Вон она, граница наша,

— Где граница? — не поняла Пелагея.

— А вышку-то видите? Смотрите, во-он чуть поднялась над зарослями.

Пелагея взглядела — и правда, торчит там что-то, над макушками деревьев.

— А может, и Петр мой служил где-то вот тут, — задумчиво проговорила Пелагея, разглядывая приближающийся берег. — Рассказывал тогда, перед войной-то, как охранял границу на Дунае. Не эту ли самую?

Смолкла, рассматривая медленно приближающийся берег, как будто выискивая глазами его, далекого и молодого, теперь уже невозвратного. Миновали поворот, одну и другую вышку, едва заметную за деревьями, и тут Пелагея встрепенулась, обратилась к соседке, стоявшей на палубе и тоже разглядывавшей берег:

— Ни-икого там не вижу. Ни-и единого.

— А зачем их нам видеть? — отозвалась Диата, — Пусть они лучше видят. У них свои дела, свои заботы — стоять на посту.

— И сейчас стоят? — поинтересовалась Пелагея.

— Ну конечно, милочка, на то и граница. День и ночь там дежурят.

Пелагея сразу же вспомнила про письмо от пограничников, которое предусмотрительно захватила с собой, и метнулась за ним в свою каюту: ну как тут не показать его ученой соседке? И вскоре письмо стало предметом обсуждения всех близстоящих женщин.

— А вы знаете, милочка, — заговорила находчивая Диата, — заехать бы вам надо к тем пограничникам. Здесь же рядом, не то что от Москвы.

— Да кабы знала я, куда ехать-то, — озадаченно вздохнула Пелагея.

— Так это можно узнать. Вот сойдем на берег, вам и подскажут таможенники.

Около полудня теплоход остановился у знакомого морского вокзала. Грянул, словно гром веселый в майском небе, оркестр, и от этой музыки, от множества людей на теплоходе и привокзальной площади у Пелагеи замерло на какое-то мгновение сердце, потом и слезы потекли по щекам: показалось, будто в честь ее — и только ее — гремела эта музыка, махали там, на площади, руками...

Потом, в ожидании выхода на берег, она с нескрываемым любопытством посматривала на молодых парней в военной форме, явившихся на встречу туристов. Тогда, при отплытии отсюда теплохода, она не обратила на них внимания, поскольку время было полуночное. А сейчас, когда яркий свет солнца заливал всю площадь вокруг

вокзала, со всей ее зеленью, с нарядными женщинами и детьми, встречавшими их теплоход и провожавшими другой, соседний,— эти ребята с зелеными погонями, чем-то похожими на живые листья дерева, казались такими подтянутыми и нарядными, будто и они пришли встречать или провожать своих близких. Только вот лица их были по-деловому серьезны и строги, не смеялись они, не взмахивали руками, как делали в толпе, а исполняли свой долг без лишней суеты и рассчитанно, не обращая внимания на громкую музыку оркестра, на собравшихся у вокзала людей. Они-то и пропускали туристов с теплохода в здание вокзала, в двери таможни.

Один из парней, высокий и подтянутый («Ну прямо как Петр»,— подумала Пелагея), помог ей, оробевшей, сойти на твердый асфальтовый берег. А Диата, не упуская ее из виду, подхватила чемодан, так и вошли они вместе в таможенную дверь.

После недолгого осмотра, едва Диата отошла с соседкой, подошел к ним молодой офицер с двумя звездочками на погонах, смуглое лицо его с короткими темными усиками было по-мальчишески веселым.

— Так это вы Пелагея Федоровна Красова?! — воскликнул он, наклонив голову в новенькой зеленой фуражке.— Вот же вы какая славная! Вот спасибо, что приехали к нам!

В первую минуту Пелагея опешила: разве это самое место, куда ее приглашали? И только после того, как веселый молодец в форме пограничника разъяснил ей, что до заставы надо сколько-то ехать, что там ждут ее со дня получения ответа, узнали, когда теплоход, вот и прибыли ее встретить,— взволновалась она не на шутку: а как же домой-то, отстанет ведь от своих.

— Да что вы, Пелагея Федоровна, что вы беспокоитесь? — взял ее под руку офицер.— И у нас погостите, и проводим вас. Все будет хорошо, только не волнуйтесь.

— И правда, милочка, чего же вы боитесь? — поддержала Диата.— Пограничники — люди серьезные, сказали — так надо верить. Посмотрите, где муж служил, погостите у них — и отправят вас до Москвы. Оставайтесь, милочка, оставайтесь. И прощайте тогда, счастливо вам!

С этими словами Диата обняла ее, как родственницу, затем подошли Наталья с Ниной, тоже наговорили разных добрых слов, и Пелагея, смахивая набежавшие внезапно слезы, последовала за офицером к выходу. «Ишь ты, вежливый какой!» — благодарно подумала она, когда тот заботливо устроил ее на мягкое сиденье в машине, позади безусого паренька-шофера в военной форме. Затем и сам сел рядом, скомандовал: «Едем!..»

Место, куда они приехали, или застава, как назвал его сопровождавший офицер, не столько удивило Пелагею, сколько озадачило своей обычной простотой: поселок не поселок — два-три дома, тишина кругом... «Неужто это и есть граница?» — подумала недоверчиво, предполагая увидеть что-то вроде крепости, высокой стены или хотя бы заграждений из колючей проволоки. А тут зелень кругом, а дальше поля, лесочки. И когда она робко высказала было свое сомнение, офицер рассмеялся:

— Так там же наши братья, там дружественные нам страны,— кивнул он на ряд зеленых насаждений, в просветы которых, далеко к горизонту, виднелись в туманной дымке поля, леса, белела извилистая лента реки,— Конечно, всякое может случиться,— добавил он,— и лазутчики могут нарушить границу. Охраняем, как положено, но чтобы стену ставить или крепость... Не-ет, милая Пелагея Федоровна, очень уж дорого это обойдется. Граница-то на тысячи километров тянется...

Пелагея неловко замолчала и решила больше уж не спрашивать,— показали бы только место, где ее Петр стоял на посту.

Дальнейшее происходило все неторопливо, как будто привезли ее сюда затем, чтобы только отдохнула, ну вроде туристки. Сначала отвели в столовую, где все было чисто и опрятно, и обед, вернее, ужин, поскольку близился вечер, оказался сыт-

ным — не могла она доесть все поданное. Затем устроили в комнату для ночлега, вместе с молодой женщиной, приехавшей сюда на свидание с мужем-пограничником. Это обрадовало Пелагею так, как будто она снова оказалась в каюте теплохода, рядом с Диатой. И настроение повысилось, разговорилась она с женщиной, долго побеседовали, и бодрой встала на следующее утро.

Потом она видела, как строились по команде воины-пограничники, как расходились они по своим местам, чтобы исполнять свою зоркую службу. Увидела наконец и вышку, ту самую, может быть, которую показывала ей Диата, когда плыли на теплоходе по Дунаю...

Как и там, перед мраморной плитой далекого австрийского кладбища, задыхаясь от тяжелого теснения в груди, едва держалась на ногах у белого памятника-obeliska, сквозь слезы смотрела на выведенную золотом родную фамилию. Тут он, стало быть, служил, ее Петр Михайлович Красов, по этой земельке ходил, оглядывая чужестранные дали. Не ждал, что нагрянут оттуда гром и огонь, кровь и смерть на головы неповинных...

Лишь на третий день своего пребывания в гостях у пограничников, а было это в субботу, Пелагея пришла в себя настолько, чтобы предстать перед молодыми, румянощековыми, жизнерадостными бойцами пограничья. В каждом из них она как бы узнала, опознала своего далекого-близкого Петра. Это помешало ей рассказать им, нынешним его ровесникам, о нем, о таком же в ту пору здоровом и жизнерадостном, — рассказать так, как бы она хотела, обо всем, что пережила. И Пелагея только покачивала головой да кивала лейтенанту, когда тот рассказал о ней, по ее же откровению в беседах с ним до этого часа. Однако поборола она свою слабость, свое волнение, чтобы сказать попросту, по-деревенски:

— Стойте, ребята, стойте тут на часах, как стоял мой Петр Михайлович... Не пришлось ему вернуться домой, а вы служите да приезжайте. И чтоб не видеть вам войны, и деткам тоже вашим. Вот...

Она хотела еще что-то сказать, досказать попыталась, но вместо этого потянулась рукой к стопке писем, положенных ею на красный бархат стола.

— И вот... это он мне писал... С границы писал... и всю войну...

На следующее утро гостью проводили с почестями, тронувшими ее до слез, — будто она сама служила на этой границе, ее причислили к героям! И, сидя уже в вагоне дальнего поезда, оглядывая уплывавшие назад светлые нивы и неубранные еще кое-где поля, темные пашни и зеленые виноградники, всей душой желала им, сменщикам Петра: «Хоть бы уж вам, ребята, не привелось такое пережить».

Будто искра в ночи, словно озарение, пришла к ней неожиданная мысль: как бы помочь им, нынешним ровесникам ее Петра, чтобы не случилось новой беды? Страшная она будет, если разразится, больно уж страшная, как говорят каждодневно по радио, пишут в газетах. Не зря, видать, призывают людей трудиться, соединяться воедино супротив новой войны. «А что, если так, — рассуждала она про себя. — Вот приеду домой, сниму-ка я с книжки две тыщи и отдам их на это дело. На мир, одним словом. Оставлю себе про черный день сколько там, сот семь или восемь. Хватит мне одной, куда их копить...»

Поразмыслив так, Пелагея вздохнула облегченно, даже повеселела от этого решения. Так что последние часы возвращения домой не были уже для нее такими напряженными, как само путешествие...

Теплый августовский вечер. Солнце только что село, деревенское стадо распустили по дворам, и на склоне бугра, что ниже дома Пелагеи, пасутся корова да овец десятка полтора — вся живность соседок и ее тоже.

После недавнего дождя трава еще сырая, и скотина, днем ходившая по скудному лугу, как припала к свежей траве, так и не отходит, нечего за ней присматривать. Пользуясь этим, три соседки разбеседовались, про все дела забыли. Да и много ли у них, пенсионерок, дел, если двое не работают, а у Пелагеи нынче свободный вечер — кино нет, и в Дом культуры идти незачем.

Разговор, конечно, о заграничном путешествии. Как только вернулась Пелагея из дальнего далека, так отбоя нет от расспросов: ни одна еще из простых деревенских женщин не бывала за границей.

— И как это ты, Полнох, не забоялась на пароходе-то покататься? — удивлялась Кузьминична, грузная старуха в очках, сквозь толстые стекла которых видны были неестественно увеличенные глаза.

— А чего ж бояться-то,— просто отвечала Пелагея,— Плыли даплыли себе спокойно, ни толчков там каких-то, ни стука или грома, только вода раздается в стороны. А мимо то лес или поле, то горы высокие, обрывистые — смотреть даже страшно.

— А ежели пароход сломался бы, пошел ко дну?

— Отчего ж он сломается? Идет себе да идет. Да и случилось бы что, небось нашли бы спасенье. Там и лодки про запас, и круги надувные. Хватайся за них и держись, не потонешь...

Другая соседка, сутулая темнолицая Дарьюшка, любопытствовала насчет тамошней, заграничной, жизни. А что тут сказать, если одна половина пути у Пелагеи прошла на теплоходе, а другая в автобусах да в бегстве по разным городам, по музеям. Одним словом, галопом по Европе. Но Пелагея все-таки нашлась, как ответить соседке:

— Живут себе да живут. Болгары-то, сказывали нам, по воскресеньям работали. Теперь-то, конечно, выходные у них, а раньше работали, да. И земля у них ну прямо райская, вся ухожена, вся в цветах да в зелени. И домики один к одному. Все там прибрано, навроде к празднику украшено. Хороший народ, одним словом, трудовой и душевный.

Дарьюшка заговаривает о каких-то покупках, о ценах на тамошние товары, но Пелагея обрывает ее:

— Так разве я за этим-то ездила? Я ведь, бабоньки, только и поехала затем, чтобы Петру поклониться, могилку его сыскать. Какие уж там покупки...

— Почитают там наших-то? — спросила Кузьминична.

— Да, в порядке держат могилки,— ответила Пелагея.— Памятники... Помню, на горе один солдат... И памятник-то высокий, и гора высоченная, ночью ее освещают. Да-алеко уж отплыли, а гору-то с памятником все видать. Как часовой, стало быть, над городом стоит, охраняет от всех нападений...

Разговор у женщин переходит от воспоминаний о давней войне к тревогам нынешним, навеянным угрозами новой, куда более страшной, слухами о беде чернойбыльской, о том, как отзываются на нее люди.

— А я ведь, бабоньки, что на днях сотворила-то,— не удержалась Пелагея, вспомнив о своем поступке.— Взяла да и растрясла сберкнижку.

— Как это — растрясла? — наострилась Дарьюшка.

— А так вот. Одну-то часть про черный день себе оставила, а две, выходит, миру отдала.

— Какому же такому миру? Колхозу, что ли?

— Да ну, не поймете вы никак. Ну против войны значит. Войны чтобы не было.

— А сколько же это — две части?

— Две тыщи, бабоньки, полных две.

— Так и отдала насовсем?

— Ну а как же, вот бестолковые-то.

— И не жалко тебе?

— А что их жалеть-то, накрыться, что ли, ими? Пенсии мне хватает, подработываю к тому же,— куда копить-то?

— Это верно,— кивнула Кузьминична.— Деньги — зло, говорят. Сколько ни копи, все мало. Нам-то, на старости лет, вроде бы и не к чему жадничать, ан детей да внуков норовим порадовать.

— А впрок ли радость-то такая? — оборвала Пелагея соседку.— Сколько ты сынка-то своего снабжала, помнишь?

Тут Пелагея подметила верно: сын у Кузьминичны не удался. С первой женой развелся, оставив двух детей, и с другой не в ладах. Да и как ему ладить-то, если хлещет зелье напрапалую. Как приедет к матери из города, так дай да дай, заберет последние копейки — и снова куролесить.

— Нечего молодых баловать,— заключила Пелагея,— сами себе пусть зарабатывают. Я тоже думала племянничкам угодить, да вот раздумала. А то ведь до того их набаловали, что цену-то деньгам не знают.

— Правда, Полюх, истинная правда,— согласилась Дарьюшка.— Лучше на дело пустить деньги-то, чем на распутство. Хоть бы и сыну родному.

Обиделась Кузьминична, даже с места подскочила:

— А ты отдай, отдай свои-то, чем другим указывать. Много их у тебя, вот и отдай!

И Дарьюшка вскипела, осадила Кузьминичну:

— А что ж ты думаешь, возьму да отдам! Все лучше, чем пьяницу-то баловать, сразу только разводить. Говорит он тебе спасибо-то? Или последние копейки выманывает?

— Твое-то какое дело, что мне сын говорит? — возвысила голос соседка.

— Да ладно вам, бабоньки, хватит шуметь-то,— урезонила Пелагея ту и другую.— А то сцепитесь, чего доброго, разымать, что ли, вас. Скотина вон разбрелась, пора домой загонять...

Разошлись соседки, поссорившись ни за что ни про что, на разные голоса принялись зазывать скотину.

Пелагеины овцы тут же отозвались на клич хозяйки и, получив по корочке хлеба, спокойно засеменили во двор. Сама же хозяйка, недолго потоптавшись на терраске, включила свет в комнате и остановилась взглядом на васильках, поставленных в простенькую стеклянную вазу.

Цветы были свежие, сорванные часа два назад, перед заходом солнца: осматривая картошку на своей усадьбе, Пелагея прошла к ближнему полю, там и увидела кое-где уцелевшие после жатвы васильки. И сейчас, глядя на них, она все больше прониклась чувством успокоенности, думала о том, что все-таки исполнила свой долг как могла, не совестно ей перед погибшим.

У НАС В ГОСТЯХ

Валентина Корнева

Корнева Валентина Ивановна родилась 1 марта 1949 г. в г. Чорткове Тернопольской области. Какое-то время жила на Украине, в ГДР, Забайкалье по месту службы отца — офицера Советской Армии. Малой родиной считает с. Голунь Новосильского района Орловской области, где родились и жили ее деды и прадеды, где она окончила среднюю школу. После окончания в 1970 г. историко-филологического факультета Орловского пединститута работала на Валдае сельским учителем русского языка и литературы. В 1989 г. вернулась на Орловщину. Работает главным специалистом областного управления образования.

Писать стихи начала уже в зрелом возрасте. Автор двух поэтических книг: «Вербные встречи» (1999) и «После разлуки» (2002). Публиковалась в «Роман-журнале XXI век», газете «Российский писатель» и областной прессе. В 2002 г. стала членом Союза писателей России.

Живет в Орле. Поэт.

* * *

А я ткала... узор заветный,
что жизнь дала,
Я детство ниточкой рассветной
ткала, ткала...
Любовь, прозрачной акварели,
из трав и грез,
Я грусть ткала из светотени
и счастья плес,
Ткала надежд речные дали
и облака,
Тропинку торную к печали
и берега.
И все без устали картины,
где «Я» и «Он»,

Из лета в осень паутины,
 медовый звон.
Свое — и радость, и тревоги
 я берегла.
И шла, и шла своей дорогой
 и все ткала...

СТАРУШКА

Старушка стоит у развилки дорог,
Со спелой вишней корзинка у ног.
Недорого просит с проезжих людей,
На хлеб бы хватило на несколько дней.
Да мимо машины. Старухи глаза
Печалено глядят, как со стен образа.
И кажется, будто забыта издревле
В той старой печальнице наша деревня.

* * *

Нам судьба готовит встречу
На твоём-моём пути.
Ты не будешь не замечен,
Не смогу и я пройти.
Ты окликнешь... Нету боли.
Да и радость... Как ей быть?
Голос твой, твои ладони
Я смогла давно забыть.
Мы — чужие в этом мире.
Что же сердцу так светло?
Будто я на званом пире
Молодое пью вино.

БОЛЬШАК

Грусти не мерено —
 что-то не так,
Сердце с тяжелою ношею,
Время-ковылёк заколышет
 большак,
С ветром проносится
 прошлое.
Толпы братьев
 на древнем пути
Славу добыли победами.
Нам ли бездарно меж ними
 идти
С ленью, пороками,
 бедами?
Встретит с укором
 герой-славянин —

Спрячемся: стали пугливы мы.
Кровь лишь по-прежнему
 цвета рябин,
Скорби склоняются ивами.
Не обойти стороною большак,
Славу, что пелась
 Боянами.
Грусти не мерено —
 что-то не так..
Будут ли внуки Иванами?

* * *

В самом цветенье изначально
Заложен плод, заложен срок
И, как ни грустно, ни печально,
И увяданье — как итог.
В нас эта истина с рожденья,
Но не по правилам живем:
В душе мы вешнее цветенье
До дней последних сладко пьем.

Светлана Лапшина

Лапшина Светлана Владимировна родилась 13 января 1960 г. в г. Орле. В 1999 г. окончила Литературный институт им. А. М. Горького в поэтическом семинаре Владимира Цыбина. Писать стихи начала еще в средней школе. После окончания медицинского училища пришла работать в орловскую больницу скорой помощи и работает по настоящее время. Была участницей ряда областных и республиканских творческих семинаров молодых литераторов.

Автор книги лирики «Тебе» (1993), двух книжечек стихов для детей: «Поймать луну» (1999) и «Всем — света и тепла» (2000), а также нескольких коллективных сборников. Публиковалась в газете «Российский писатель» и в областной прессе. В сентябре 2002 г. принята в Союз писателей России по рекомендации Всероссийского литературного семинара в Подмосковье.

Живет в Орле. Поэт.

* * *

Я стою у окна совершенно одна,
Опускаются тихо снежинки,
А на сердце тоска холодным-холодна,
По щекам пробегают слезинки.

Вот и снова зима, как во все времена,
В нашем милом краю наступила,
Хлопотливой хозяйкой прилежно она
Все владенья свои побелила.

Я смотрю на деревья в пушистом снегу,
Вспоминаю прощальный наш вечер,
А в глазах у меня, как в подсвечном кругу,
Все горят поминальные свечи.

* * *

Спилили тополь на углу у дома —
Соседям мудрым свет он застилал,
И двор вдруг стал чужим и незнакомым,
Как будто здесь ни разу не бывал.

Спилили тополь. Он своей листвою
Теперь весной не будет шелестеть,
И высоко вверху над головою
Не будут птицы больше песни петь.

Спилили тополь. Сразу стало голо
И неуютно, холодно вокруг,
И на душе как будто груз тяжелый,
Как будто умер мой хороший друг.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Татьяна Лысенко

ЖЕНЩИНЫ И ИХ РОЛЬ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Во всем мире в эти дни участники женского движения подводят итоги 10-летия реализации Пекинской платформы действий в интересах женщин. В 1995 году IV Всемирная конференция по положению женщин, которая состоялась в столице Китая — Пекине, приняла Международную платформу действий по улучшению положения женщин. На ее основе Правительством Российской Федерации принят Национальный план действий в интересах женщин, который определяет 5 проблемных областей:

- соблюдение прав женщин;
- участие женщин в принятии решений;
- обеспечение равного доступа на рынке труда;
- охрана здоровья;
- предотвращение насилия в отношении женщин.

В Тульской области в течение последних пяти лет реализовывался региональный План действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе.

Говоря о женщинах как о социально-демографической группе населения, мы прекрасно отдаем себе отчет, насколько неоднородна эта группа, как и в целом все общество.

Но если использовать конкретные индикаторы, которые сравнивают положение женщин и мужчин, то мы увидим следующую картину.

Социально-экономическое положение женщин в Тульской области за прошедшие 5 лет характеризуется следующими тенденциями.

Численность женского населения в период с 2001 по 2005 год уменьшилась на 46, в то же время процентное соотношение женского населения в общей структуре увеличилось с 54,7 % до 55,2 %.

Женщины трудоспособного возраста составляют 474 тыс. человек, старше трудоспособного возраста — 310,7 тысяч, моложе трудоспособного 109,5 тысяч человек, что отражает неблагоприятные демографические тенденции. **На 1000 мужчин в 2001 году приходилось 1219 женщин**, в городе — 1229 женщин, в сельской местности — 1178 женщин. В 2005 году это соотношение еще более неблагоприятно: **на 1000 мужчин приходится 1231 женщина**, в городе — 1243, в сельской местности — практически на том же уровне — 1279. Причем начиная с возрастной когорты 60—64 года появляются

тенденции преобладания женского населения. Так, в 2005 году в возрасте 60—64 года на 1000 мужчин приходится в городе — 1685 женщин (в 2001 г. — 1635), в сельской местности — 1543 (в 2001 г. — 1511).

В возрастной когорте 70 и более лет на 1000 мужчин приходится 2611 женщин, в сельской местности — 2713. Эти цифры наглядно демонстрируют тенденции, характеризующие сверхсмертность мужского населения.

Суммарный коэффициент рождаемости в 2001 году составлял 1,094, в 2004 году — 1,136, увеличился коэффициент рождаемости у женщин в возрастах 25—29 лет и 30—34 года. На общем фоне снижения рождаемости увеличивается число детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке. Так, в 2001 году этот показатель равнялся 24,8 процента, в городе — 22,7, в сельской местности — 33,7. В 2004 году — 25,8 процентов от всех родившихся детей, в городе и сельской местности — 23,9 и 34,6 соответственно. Число детей, родившихся третьими и более по очередности рождений, наоборот заметно сократилось. В 2001 году из общего количества 12326 родившихся, третьи и более дети — 846, или 6,9 процента. В 2004 году из общего количества родившихся в области детей — 13046 численность третьих и более по очередности рождений детей — 751 или 5,8 %. Важной характеристикой демографического состояния общества являются показатели ожидаемой продолжительности жизни. В 2001 году этот показатель для всего населения составлял 63,0 года, мужчины — 56,1, женщины — 71,2; в 2004 году — этот показатель для всего населения не изменился, у мужчин он также не изменился, у женщин уменьшение составило 0,1. Однако в сельской местности продолжительность жизни для мужчин в 2004 году составила 52,2 года, у женщин — 69,3. На показатели продолжительности жизни влияет уровень смертности. За этот период показатели общей смертности незначительно снижались в течение 2002 и 2003 года. Вместе с тем, не удается переломить ситуацию со сверхсмертностью населения в трудоспособном возрасте. В 2001 году на 100 000 лиц трудоспособного возраста смертность составляла для обоих полов 986,5, у мужчин — 1581, у женщин — 376,5. В 2004 году — общий показатель равнялся 1078,8, у мужчин — 1728,2, у женщин — 428,1. Наблюдается явный рост. Смертность от причин, связанных с употреблением алкоголя: 2001 год — на 100000 населения — 67,6, мужчины — 98,5, женщины — 24,1; 2004 на 100000 населения — 60,2, мужчины — 101,4, женщины — 26,7.

Положительные тенденции наблюдались только в показателях материнской и перинатальной смертности. Материнская смертность в 2001 году составляла 24,3 на 100, тыс детей родившимися живыми, в 2004 году — 23,1. Перинатальная смертность: на 1000 родившихся в 2001 году — 13,0, в 2004 году — 9,6.

Социально-экономическое положение женщин негативно отражается на состоянии их здоровья.

По данным страховых компаний до 50 % женщин, работающих в малом и среднем бизнесе, не пользуются декретным отпуском при рождении ребенка из-за опасения потерять работу, что негативно сказывается на ее здоровье и здоровье будущего ребенка.

Одним из факторов, отрицательно влияющих на здоровье женщин, является значительное распространение абортот. В 2004 году на 100 родов приходилось 148 абортов. Вместе с тем следует отметить, что это соотношение ежегодно изменяется в положительную сторону: в 2001 году на 100 родов приходилось 166 абортов, в 2002 году — 158 абортов.

Стабильно высокой остается заболеваемость беременных, на которую оказывает неблагоприятное влияние как общий низкий социальный уровень населения области, не улучшающаяся экологическая обстановка в регионе, так и состояние здравоохранения. В числе негативных тенденций, характеризующих состояние здоровья жен-

щин, отмечается рост онкологической заболеваемости молочной железы у женщин с 633 до 652 случаев в год, или с 68 до 72 на 100 тыс. женщин, а также онкологической заболеваемости матки с 419 до 474 случаев или с 45 до 53 на 100,0 тыс. женщин. Гендерные сравнения заболеваемости населения психическими расстройствами выглядят следующим образом. На 100,0 тыс. населения с диагнозом психических расстройств, установленных впервые, среди женщин этот показатель снизился в 2004 году по сравнению с 2001 годом с 269,9 до 253,9, а у мужчин он наоборот вырос с 523,1 до 570,9.

Экономическое положение женщин. В экономике области занято около 400 тысяч женщин, в сфере материального производства занято более 47 % женщин. В структуре занятости женщины максимально представлены в обрабатывающей промышленности — 23 % от всех занятых женщин. В оптовой и розничной торговле занято 19,5 %, в образовании — 11,5 %, в здравоохранении и социальном обеспечении — 10,4 %, в управлении — 5,5 %. 10 % от всех занятых женщин являются неквалифицированными рабочими всех отраслей экономики (для мужчин этот показатель составляет 5 %). По статусу занятости женщины преимущественно трудятся по найму. По данным официальной статистики доля женщин, обратившихся в службу занятости, составляет 54 процента.

Несмотря на огромную работу, проделанную органами занятости по трудоустройству женщин, проблема безработицы среди данной категории остается самой серьезной, особенно среди женщин предпенсионного возраста и молодежи. Для смягчения ситуации на рынке труда и обеспечения занятости женщин в области реализуется областная целевая программа «Содействие занятости населения Тульской области на 2004—2006 годы».

Оценивая ситуацию в целом, еще раз необходимо подчеркнуть: масштабы применения женского труда в экономике по-прежнему велики — около половины занятых. И здесь на передний план выдвигается еще одна проблема — цена женской рабочей силы, даже квалифицированной, остается низкой. Сегрегация по признаку пола, устоявшаяся еще с советского времени, явно фиксируется на рынке труда. Женская занятость концентрируется в менее оплачиваемых отраслях, таких как легкая промышленность, образование, здравоохранение. Несмотря на высокую профессиональную и образовательную подготовку, численность женщин с высшим образованием, занятых в экономике области, составляет 20,8 процентов (мужчины — 16,1 процента) — женщины занимают должности менее оплачиваемые и менее престижные. Этими факторами объясняется дисбаланс в уровне оплаты труда женщин и мужчин. В целом в экономике области заработная плата женщин к ее размеру мужчин составляет 66,1 процента.

Это одна из главных социальных проблем в России. За годы реформ уровень реальной зарплаты снизился более чем в 2 раза. Коэффициент дифференциации оплаты труда по полу в экономике России в целом составляет 30 %. Пока же рост зарплаток женщин носит всего лишь догоняющий характер. Это один из признаков структурно-экономической отсталости России, когда обрабатывающие отрасли потеснены сырьевыми, а домашнее хозяйство преобладает над сферой услуг. Незащищенность социально-экономического положения женщин обусловлена также несовершенством правовой системы регулирования трудовых отношений, причем проблемы связаны не только с отсутствием законодательных норм, сколько с несоблюдением трудового и социального законодательства.

В соответствии с Планом действий по улучшению положения женщин органами исполнительной власти осуществлялась целенаправленная деятельность по снижению женской безработицы, по охране здоровья материнства и детства, по развитию женского движения и защите социально-трудовых прав женщин.

В результате проводимой работы за последний год удалось снизить уровень материнской и перинатальной смертности, количество абортов и преждевременных родов.

Серьезная работа проводится по охране труда и предупреждению травматизма работающих женщин. Государственной экспертизой условий труда осуществляется контроль за правильностью предоставления компенсаций за тяжелую работу и работу во вредных или опасных условиях труда, в том числе по вопросам льготного пенсионного обеспечения на рабочих местах. Инспекцией труда Тульской области ежегодно проводится более 40 проверок соблюдения законодательства об охране труда женщин, в том числе тематические и в составе комплексных.

Однако неравенство шансов мужчин и женщин обнаруживается и формируется в сфере политики, управления государством и обществом. По официальным данным, в структуре занятого населения *в категорию руководителей органов власти и управления*, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий, попадают 5,3 % мужчин и 3,2 % женщин. Как раскладывается эта пропорция применительно к различным ветвям власти?

В системе государственной службы так называемые «руководящие» должности занимают только 9 % женщин, а «высшие руководящие» должности — 1,3 % женщин. В самом высшем эшелоне власти — *в составе действующего правительства* страны — ни одной женщины. *В числе глав субъектов РФ* — губернаторов, глав национальных автономий одна женщина. *Среди депутатов нижней палаты парламента* — Государственной Думы РФ — показатель представленности женщин также незначителен, около 10 %. *В составе верхней палаты парламента* — Совета Федерации, который насчитывает 178 членов, в 2005 году около 5 %. Тульская область не является исключением с точки зрения представительства женщин в органах власти: из 48 избранных депутатов Тульской областной Думы лишь 6 женщин. Только одна женщина избрана главой муниципального образования.

Возможности перемен в сфере политики во многом зависят от того, насколько активно поощряют равенство мужчин и женщин российские *политические партии*. Вплоть до последнего времени они практически *не занимались выравниванием возможностей женщин и мужчин*. Показателен тот факт, что женщин практически нет в верхних эшелонах партийных организаций, имеющих свои фракции в парламенте и оказывающих реальное воздействие на принятие значимых политических решений.

В ходе избирательных кампаний 90-х годов все политические партии нарушали конституционный принцип равных прав и возможностей женщин и мужчин — нарушали как при формировании списков кандидатов в депутаты от своих организаций, так и при выдвижении кандидатов по одномандатным округам. При этом все политические партии и движения охотно использовали женщин в качестве агитаторов, наблюдателей, членов избирательных комиссий. В итоге полномочия депутатов получили в по партийным спискам — 24 женщины.:

- Единая Россия — 14 женщин
- КПРФ — 4 женщины (1999 — 11 женщин);
- «ЛДПР 2 женщины;
- «Родина» — 4 женщины;
- 20 женщин прошли по одномандатным округам
- Руководящий состав Государственной Думы

В руководящем составе Государственной Думы четвертого созыва представительство женщин выглядит следующим образом: *среди руководителей парламентских фракций нет ни одной женщины*. Среди заместителей Председателя одна женщина.

Среди председателей 29 комитетов — 4 женщины.

Таким образом, очевидно, что гендерная структура нынешней Государственной Думы свидетельствует о четком **«мужском» профиле российской законодательной власти и, соответственно, о маргинальном положении женщин на политическом Олимпе. В каком направлении будет развиваться страна, решают мужчины, издержки этих решений напрямую сказываются на положении женщин.**

Активной силой, добивающейся равенства прав и возможностей женщин и мужчин в России, является женское движение. Сегодня оно существует в виде **множества женских общественных объединений самого разного типа.** Женские организации работают в различных направлениях. Они стремятся помочь выжить своим соотечественницам: найти новые рабочие места, приобрести новые профессии, поддержать здоровье, решить проблемы с трудными детьми, детьми-наркоманами, найти психологическую поддержку и убежище в случае пережитого насилия и т.д. Для того чтобы решить все эти совершенно конкретные проблемы, они сознательно выстраивают партнерские отношения с различными ветвями государственной власти.

В числе определенных завоеваний женских организаций следует назвать гендерное просвещение общества. Распространение знаний о правах человека, о правах женщин стало едва ли не основным направлением деятельности большинства женских организаций.

Женскими организациями области при поддержке Канадского фонда гендерного равенства осуществляется правовое просвещение женщин, совместно с Тульским государственным педагогическим университетом имени Л. Н. Толстого мы проводим конкурс студенческих исследовательских работ «Гендерная социализация российского общества: взгляд молодежи», в декабре объявлен конкурс на лучшую журналистскую работу среди средств массовой информации Тульской области «Мужчины и женщины в зеркале СМИ». По инициативе женских организаций формируется комиссия по гендерным вопросам в Общественной палате Тульской области. Без просветительской деятельности невозможно преодолеть ни правовой нигилизм, пренебрежение к правам человека, характерный для российского массового сознания, ни невнимание властей к проблемам неравенства женщин и мужчин.

Алексей Логунов

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

Был 2000-й год от Рождества Христова. Все больше людей обращались взором и душой к Богу. Помню, среди новомосковских литераторов зашел разговор, как правильно креститься: слева направо или справа налево? Мы не знали даже азов Православия! Попивая водочку, рассуждали о русском духе, о всенародном покаянии.

— А в чем мы, русские, должны каяться? — удивлялся писатель П. — Да Россия столько пережила, что она давно святая!

Мы, собеседники его, согласно кивали головами. А то, что каждый из нас запросто матерился, оскорбляя и свою родную мать, и Матерь Божию; что пили, не просыхая, «а в каждой рюмке выпитой — полрюмки детских слез»; что в России ежегодно истребляют путем абортов миллионы младенчиков; что врага рода человеческого — дьявола — считаем поповской сказкой,— это ли не грехи, это ли не проблемы?! Но никто из нас на подобные темы не сочинял стихов и рассказов, не издавал книг.

Но совесть, этот глас Божий, все сильнее тревожила сердце. Захотелось чаще бывать в церкви, хотя бы по воскресеньям. Благо, поблизости храм открылся — в бывшем кинотеатре. Правда, на пути вставали «непреодолимые преграды»: «неотложные» дела, болезни... Домашние смотрели на меня удивленно, когда я, бросив все, спешил в храм. Получалось так, что я, ничего не зарабатывающий глава семьи, еще и выходной день не желал посвятить семье! И мне все чаще вспоминался герой одного из рассказов Василия Шукшина, который чуть ли не с ружьем в руках отстаивал свое право ходить в баню по субботам. Я тогда еще не знал, что невидимую, но очень ощутимую преграду на пути в храм преодолевает каждый новоначальный и воцерковляющийся человек. Видя, как я барахтаюсь, Господь протянул руку помощи: попалась мне брошюра об одном из вологодских монастырей, на последней странице которой было несколько строк о газете «Православный Санкт-Петербург». Я написал в редакцию письмо. Ответили мне довольно скоро и даже прислали несколько номеров. Так началась наша дружба.

Газету «Православный Санкт-Петербург» я сравнил бы с хлебным полем. А рядом с ним, как издревле повелось у русского человека, цветет и зеленеет во славу Божию огород, который не только питает, но и лечит. Огородом я называю дочерние издания «Православного Санкт-Петербурга», газеты: «Чадушки» — для детей и родителей; «Правило веры» — во славу свт. Николая Угодника, составленная из писем читателей; «Соборная весть» — мир православной прессы; «Горница» — газета православных писателей.

Есть чем напитать душу алчущему и жаждущему веры Христовой! И я питался... Я узнал, что есть в России поэты, которые не только слово Бог пишут с большой буквы, но и стихи пишут о Боге! — Александр Люлин, Николай Рачков, иеромонах Ро-

ман (Матюшин)... Я с жадностью прочитывал «Записки редактора». Помню, до глубины души потрясло меня откровение: «По мере воцерковления все меньше желаний материальных, все больше жажда духовного — богослужений, церковной музыки, святоотеческих книг, покоя...» И еще: «Теперь, когда в новых паспортах перестали называть национальность, и в газетах слово «Родина» стали писать с маленькой буквы»; «Еду и питье обязательно крестите,— наставлял о. Иоанн и рассказал такую быль.— Один пьяница вернулся в харчевню и попросил налить зелья на последний пятак. «Пей, черт с тобой, хотя ты итак в стельку пьян»,— сказал хозяин. После этих слов бес устремился в чарку, чтобы войти в пьяницу. Но мужичок был православным и перекрестил питье. Сцену эту наблюдал блаженный Василий, московский Чудотворец. Он громко рассмеялся, когда увидел, как бес вылетел с искаженным от ненависти лицом из водочной чарки. Никогда не употребляйте «черных слов», дабы не накликать на себя беду».

Прочитал «Десять кратких наставлений духовным чадам» из дневника Григория Пономарева, и все во мне поначалу протестовало. Особенно против вот этой строчки: «Не высказывай людям их недостатки». Как же так — не высказывай? Да люди тогда закоснеют в своих пороках! Чтобы общество развивалось, двигалось вперед, целое направление в литературе сложилось — критический реализм. Вся литература XIX века, наша великая классика, создана этим методом... Потом задумался: а вся ли? И стали всплывать положительные образы: Пророк А. Пушкина, князь Мышкин и Алеша Карамазов Ф. Достоевского, «Несмертельный Голован», «Очарованный странник», целый ряд других праведников Н. Лескова, «Влас» Н. Некрасова, Горкин из «Лета Господня» И. Шмелева... Побольше бы таких боголюбивых героев! Глядишь, и устояла бы Святая Русь от разрушения в 1917 году... А я сожалею, Господи, что столько лет обличал своих близких, искренне считая, что желаю им добра.

И вот под влиянием «Православного Санкт-Петербурга» и его дочерних газет я отважился на генеральную исповедь: перебрал в памяти все свои грехи, начиная с семилетнего возраста, как учит Православная Церковь, и ужаснулся: это же целую книгу писать надо! Но опять помогла газета. В небольшой заметке под рубрикой «Азы Православия» прочитал, что на исповеди не надо многословия, назвал грех — и достаточно. Грехов набралось четыре печатных страницы. Батюшка Николай читал мою исповедь, а я рыдал! Он накрыл меня епитрахилью, крепко прижал одной рукой к себе: «Бог нас любит всяких, и беленьких и черненьких, — и тебя любит и прощает твои исповеданные грехи... Уже простил!»

А в юности один старый каменщик (вместе работали на стройке) наставлял меня: «Живи по народным пословицам — не ошибешься!»

Но мудрые пословицы противоречат одна другой, видимо, складывали их люди с разным житейским опытом. Вспоминается случай.

— За работу собираешься братья? — спросили, когда я опоздал.

— Работа не волк, в лес не убежит, — отвечаю беспечно.

— Сегодня гуляшки, завтра гуляшки, так останешься без рубашки.

— А как же говорят: пилось бы да елось, а дельце на ум не шло?

— Кто говорит-то? Лентяй да шалопай — два родных брата...

Да, если жить по народным пословицам — не миновать конфликтов. Тогда как жить? И вот на склоне лет прочитал в газете такую мысль А. Ракова: «Сначала мне хотелось жить подольше, потом — подольше и побогаче, затем — подольше, побогаче и поздоровее. А надо жить по воле Божией». Согласен. Только как узнать ее, волю Божию? В тот же день я вынул из почтового ящика «Православный СПб» и глазам не поверил — там была напечатана статья «Как узнать волю Божию». Потрясли слова: «Некоторые старцы считали, что в тех случаях, когда с ними не было духовных руководителей, то лучше спросить совета у простеца или ребенка, чем поверить своему

решению». Статью эту я прикрепил над своим рабочим столом. Обращаюсь к ней по самым разным вопросам. Вот был случай: попросил сделать перерасчет пенсии и получил отказ. Что делать? Рассказал о своих заботах внуку-первокласснику. А он: «Деда, надо Матронушке помолиться!» Вскоре мне представился случай поехать в Серпухов. А там уж и до Москвы рукой подать. Быстро нашел Покровский монастырь, а когда оказался возле раки с мощами святой старицы, у меня потекли слезы.

— Матушка Матронушка, помоги мне с пенсией,— шептали губы.— Я не прошу много — на хлеб хватает, а чтобы хватало и на храм!

Вернувшись, опять понес документы на перерасчет пенсии, и привередливая инспектор отнеслась ко мне как родная сестра! Пенсию увеличили на 300 рублей.

Другой случай. Много лет в немирном состоянии находились две мои сестры. Как их примирить? В «Записках редактора» прочел, как А. Раков по совету священника молился за своих некрещеных родственников перед Чашей, во время причастия Святых Христовых Тайн. И два родных ему человека вскоре окрестились. Стал и я молиться во время выноса Чаши, просить Господа, чтобы примирил сестер. Потом в очередном номере «Православного СПб» нашел молитву «на умиротворение враждующих». Стал читать... Однажды звонит младшая сестра, голос радостный, рассказывает, что звонила старшей, говорила с ней минут десять. Потом предложила: «Надо бы нам, братец, ее проведать. Может, Великим постом соберемся?» На том и порешили. А я подумал: «Это ж надо, как Господь быстро откликается на каждое доброе движение нашего сердца!»

Не раз еще помогала мне газета «Православный СПб». Истинно сказала одна читательница: «Православная газета — мостик к Богу». Так и идет мое воцерковление, с помощью православных газет. Падаю, встаю и снова иду в храм. Слава и благодарение Господу за все!

Людмила Гайдукова

ДЕЖАВИЮ

Что-то нависло над старым городом. Может быть, туча? Весенняя, майская, предвещающая первую грозу? Люди вокруг разбежались по деревянным дворикам, и улица враз опустела: там, где шла Вероника, не было больших магазинов и трамвайных остановок. Только домики, изукрашенные резьбой, и вороха сирени, вываливающиеся из-за высоких деревянных заборов.

Веронике было тридцать пять. Возраст, когда то, что не успело сбыться, уходит навсегда. Правда, ее старшие подруги говорят, что в образовавшуюся пустоту должно прийти что-то новое, но разве сами они верят в это? Вот и Вероника не верила.

Да, она по-прежнему мила. Может, только излишне замкнута. Хронические неудачи в личной жизни — пустяки. Непонимание родных и друзей, в общем-то, тоже ничего не значит. Нет, это одиночество другого рода — это безнадежность. Когда ты уже не уверена, нужно ли тебе что-то менять в своей жизни. Когда ты не вглядываешься в новый день с ожиданием и волнением, а рассматриваешь его издали, как статист, хронологически точно, но без эмоций отмечая новые события. К твоей душе никто не подойдет, потому что ты сама заранее оттолкнешь каждого, кто попытается приблизиться на расстояние прочитанной книги. Ты никому не позволишь разделить с тобой влажный утренний ветер и таинственные сиреневые сумерки. Даже эту надвигающуюся грозу.

Идти с работы всегда приятно. Обрывки каких-то мыслей крутились в голове Вероники — банальные, житейские, ни к чему не обязывающие... И мальчишка, что ходит к ней заниматься, так талантлив! У него прелестные стихи... Не забыть купить молока для кошки...

За спиной возник в отдалении непривычный звук. Он скользил по тротуару, наполняя движением безлюдную улицу. Наохленные дома приосанивались, светлели заборы, и приветливо кивала из-за них вмиг вспыхнувшая сирень. Этот звук своей радужной волной заливал все, что встречалось на его пути. Захватил он и Веронику, заставив насторожиться. Чувства, подброшенные вверх неожиданным волнением, ударили в голову и заколотили в висках, не давая сосредоточиться. Звук, звук... Ах, что я?! Это же лошадь!

Ее действительно догоняла легкая открытая коляска, запряженная красивым тонконогим жеребцом. На козлах сидел мальчик в ливрее, из коляски светилось улыбкой розовощекое молодое личико в молочно-розовом ворохе кружев. Само по себе это явление не удивило Веронику: возможно, костюмированный праздник, или театралы веселятся... Может быть, даже чья-то ролевка — в городе много любителей старины. Но вдруг это розовое воздушное чудо привстало в коляске и, опершись изящной ручкой в белой перчатке о бортик, закричало тоненько и пронзительно:

— Вика! Вика!

Вероника невольно оглянулась: на всей улице, куда достигал взгляд, кроме нее самой прохожих не было. Почему-то не было даже машин. Светло, беспричинно весело и ватно, словно все кругом утонуло в молочно-розовых кружевах... Мальчик, тем временем, остановил коляску.

— Денис?! — ахнула Вероника, наконец, узнав среди картинного обрамления ливреи лицо своего ученика.

Мальчик почтительно снял шляпу и поклонился:

— Простите, сударыня...

Нет, это не Денис. Он бы ее узнал. Розовая девушка в коляске немного погрузнела.

— Ой, извините, обозналась... — смущенно прозвенел ее голосок. — Я была уверена, что это именно здесь!

— Вы кого-то ищите? — поинтересовалась Вероника. Сердце вдруг кольнуло странное чувство: почему эта чудесная, солнечная незнакомка не к ней, а к какой-то Вике?! Ну почему снова не к ней?! Хотя, о чем бы они стали говорить?..

Девушка расстроено теребила веер:

— Ах, сударыня, вы не представляете, как это важно! Это может изменить всю судьбу ее! — и, помолчав, она тихо добавила:

— Трогай...

Коляска медленно двинулась с места. Улица начала меркнуть, словно незнакомка увозила с собой весь свет, все сиреневое буйство, всю надежду... всю жизнь Вероники...

«Боже, что я делаю?! Я не могу. — Неудобно... Не надо!» — но молодая женщина уже не слушала голос своего рассудка — она без памяти бежала вслед за этим воздушным и прекрасным чудом, что тихо таяло впереди, растворяясь в деревянных двориках.

— Стойте! Стойте! Пожалуйста...

Звук смолк, сияние исчезло. Город накрыла темная предгрозовая туча...

...Первый удар грома разбудил ее. Вероника испуганно вскочила. Звенел будильник, оповещающая о начале нового рабочего дня. За окном шуршал майский дождик. Кошка, непрошенно забравшаяся на кровать, уютно свернулась на соседней подушке. И сон мгновенно вылетел из жизни Вероники. Она вернулась в свой мир — изысканно-красивый и грустный, как этот рассветный дождик.

Идти с работы всегда приятно. Думать о том, что дома ждут любимые книги, стихи. Когда стемнеет, можно будет зажечь свечи, погрузиться в мягкое кресло и, затащив на колени кошку, ласково чесать ей за ухом. И мечтать, мечтать... Не забыть купить молока!.. Денис сегодня не придет: у него занятия в театральной студии. Жаль, он такой милый, с ним она забывает о своем одиночестве... Как красиво сирень свешивается из-за заборов! Дождик умыл ее, напитал тугие бутоны — и сейчас она вся в цвету. Хотя, возможно, к ночи снова соберется непогода: слишком низко повисли темные облака.

Погруженная в свои мысли, Вероника не замечала, как улица постепенно пустела. Даже машины куда-то исчезли. Только стук каблучков сзади напоминал, что здесь есть люди, — легкий звук, похожий на цокот копыт. Потом ее окликнули.

— Извините, будьте так добры!

Вероника привычно приняла любезное выражение и обернулась. На нее очень приветливо, очень ласково и доверчиво смотрела белокурая девушка. Ничего особенного, и одета ярко, как вся молодежь: белая ветровка, розовые брюки-клетка, кепочка, рюкзак.

— Время не подскажете?

— Десять минут девятого,— ответила Вероника, мельком глянув на часы.

Девушка заметно расстроилась.

— Ой, опоздала...— протянула она и, поблагодарив Веронику, медленно пошла вперед. До молодой женщины донеслись слова, которые девушка с досады обронила вслух: «Зря, конечно, все зря! Что я тут делаю?!»

Может, она не успела на свидание? Розовые брючки медленно растворялись среди деревянных домиков, и стук каблучков отдалялся с каждой минутой. Вероника вдруг остро и необычайно больно почувствовала, что вместе с этой незнакомой девушкой от нее уходит что-то очень важное — часть ее самой. Может, надежда на счастье? Бред!..— Или все-таки окликнуть? Но что она ей скажет?.. Не надо... Неудобно.

Тучи сгущались, заволакивая улицу серым сумраком. До одури пахла сирень. Каблочки все тише, тише...

Вдруг Веронику словно подбросила вверх свернутая пружина. Дежавю!!! Но где же? Где раньше?..— Сон! «Ах, сударыня, как это важно!» И в следующую секунду молодая женщина без памяти бежала по улице, боясь только одного: не догнать, дать исчезнуть этому розовому чуду из своей жизни!

— Девушка, стойте! Подождите!

Все закружилось, заискрилось радужным светом, когда белокурая незнакомка, услышав, повернула назад и пошла навстречу. Не помня себя, одновременно сгорая от неловкости и пылая от счастья, Вероника торопливо произнесла:

— Вы ищете Вику? Можно, я за нее?..

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

Гюлаб Мартиросян

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЛАВНОГО МАРШАЛА БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК, ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АМАЗАСПА ХАЧАТУРОВИЧА БАБАДЖАНИЯ

В начале августа 1955 года собрание общественности села Чардахлу по инициативе Шагена Бабаджаняна, Аршака Мартиросяна, Гургена Хачатуряна, Гранта Симорняна и Гюлаба Мартиросяна постановило: во-первых, на общественных началах, с участием всех чардахлинцев (где бы они ни проживали), построить в селе современную подрайонную больницу, а также музей боевой и трудовой славы и монумент-памятник победы и скорби; во-вторых, написать историю нашего села. Я был избран сопредседателем общественного совета и руководителем авторского коллектива.

С осени 1961 года двухэтажная многопрофильная подрайонная больница села Чардахлу начала принимать первых больных на стационарное лечение. В ноябре 1969 года завершилось сооружение величественного монумента-памятника победы и скорби. Через несколько лет открылся и музей боевой и трудовой славы. Об этих патриотических начинаниях чардахлинцев неоднократно сообщали местные и общесоюзные средства массовой информации.

В течение нескольких лет во время моих летних отпусков вместе с учителем местной школы Грантом Аракеляном и фотографом села Гаспаром Арутюняном мы исследовали наиболее значительные памятники региона, одновременно ознакомились с архивными документами села, района, Кировабада, Еревана, Баку, Тбилиси, с трудами армянских и других историков, краеведов, хронистов. Получили определенные результаты. Пытались заниматься археологическими раскопками.

Село Чардахлу имеет, по меньшей мере, шестнадцативековую историю. На его землях имеются многочисленные памятники материальной культуры армянского народа, начиная с эпохи «Циклопических крепостей» и «Каменных ящиков» (могильников), которые были предметом специального изучения не только армянских исследователей разных лет, но и русских академиков Никольского и Ивановского, а

также немецкого этнографа Вольдемера Белька. Сравнивая культурные ценности нашего района с историческими памятниками Ванского государства, указанные ученые независимо друг от друга установили тождество, идентичность не только предметов их военного снаряжения, но и гончарного искусства. Эти и другие памятники показывают, что с того времени село Чардахлу со своим армянским населением существовало и жило как частица всего армянского народа.

Первоначальный вариант книги под условным названием «Подвиг Маршалашена» был уже готов (280 страниц), когда начались карабахские события шестидесятых годов. Я вынужден был переключиться целиком на эту тематику. Более восьми лет работал над двумя книгами: «Интернационализм и державный наступательный шовинизм» и «Под пятой державного наступательного шовинизма» (Они изданы самиздатом: первая в Ереване в 1987 году, вторая — в Степанакерте в 1988 г.). После распада Советского Союза мне удалось опубликовать книги: «Горбачев и трагедия Нагорного Карабаха», «Мои телеграммы Горбачеву о трагедии легендарного села Чардахлу, Нагорного Карабаха, Геташена», «В водоворотах горбачевской перестройки», «Не делать России больно», «Офицеры республики Армения в концлагере города Рязани», «Армянский батальон в Рязани (1916—1918 гг.)» и другие — всего 24 книги.

После предательского захвата села Чардахлу я вновь вернулся к «Подвигу Маршалашена». Заключительная часть книги называется так: «Отеческое слово наших маршалов». В ней помещены ответы наших маршалов на некоторые вопросы. Последние беседы с Амазаспом Хачатуровичем Бабаджаняном состоялись 6 сентября и 19 октября 1977 года, т.е. незадолго до его смерти. В первой беседе участвовал Герой Советского Союза, военный комиссар Армении Ашот Качарян. Во второй — чардахлинец — профессор, доктор Грант Симонян.

Вопрос: Многочисленные памятники материальной и духовной культуры показывают, что наше село образовалось еще в глубокой древности, около шестнадцати веков тому назад. Его история насыщена важными событиями местного характера. Роль нашего села в освободительной борьбе армянского народа становится особенно заметной в эпоху Гардманского царства, и княжества Ваграмянов, а также с XVII—XVIII вв. А в начале XIX века отряд чарлахлинцев принимал активное участие в освободительных сражениях русских войск в Закавказье. О воинских подвигах наших односельчан, кроме армянских источников, сказано также в работах Н. Дубровина, П. Буткова, П. Зубова и др. Интересно отметить, что на русской политической карте Кавказа 1802 года (изд. Петербург), на территории Гянджинского ханства отмечены всего лишь четыре населенных пункта: Гянджа, Шархор, Закам и наше село Чардахлу.

Как вы оцениваете историческое прошлое нашего села? В какой мере история нашего села оказывала на вас влияние на вашем жизненном пути?

Бабаджанян: Я родился и вырос в селе Чардахлу. Из рассказов старших мне было известно, что наше село имеет большую историю. Но по-настоящему с историей Чардахлу и всего армянского народа я начал знакомиться в зрелые годы, в особенности после Великой Отечественной войны. Начиная с интересных работ С. Глинки, Амфитеатрова, П. Зубова и до Магды Нейман, армянских хронистов и писателей Ервандяна, Лалаянца, Адонца, писателей Раффи, Мурацана и других. Несколько раз возвращался к письмам Газароса Агаяна о богатствах нашего села и о Гардманском (Парисосском) княжестве в нашем регионе. Так что со спокойной душой могу сказать, что я вырос в Чардахлу, что моими любимыми писателями были и остаются Раффи и Мурацан, Патканян и Туманян. Мы подражали героям этих писателей, хотели служить нашему народу по примеру Самвела и Марзпетуны. У меня, как и у каждого нормального человека, чувство ностальгии обостряется с возрастом. По

примеру маленького Гикора Туманяна, я тоже хочу домой. Я не могу спокойно произносить слова: «Эта вода не утоляет мою жажду». Домой хочу, к нашим горам, лесам, родникам. Мне всегда не хватает нашей родниковой воды, нашего хлеба, наших людей.

Вопрос: На территории нашего села имеются многочисленные замечательные памятники исторического прошлого: уникальные Хачкары, матуры, остатки крепостных стен, родники, надписи на скалах и могильниках и т.д. Хотелось бы знать ваше мнение относительно исторического и воспитательного значения этих памятников.

Бабаджаниян: Что касается исторических памятников, то с ними я знаком с малых лет. Вместе со своими сверстниками мы бывали на территории всех земель нашего села. Конечно, мы что-то искали в циклопических крепостях и каменных ящиках. В то время почти у всех чардахлинцев можно было найти предметы старины: кувшины, маслобойки, карасы и т.д., которые находили жители села во время земляных работ в своих огородах и в других местах Чардахлу. Очень часто мы бывали на вершине Хачи-сара, где стоит Хачкар IX века. Нам говорили, что этот Хачкар поставил Саак Севада в память своего брата Поли. А развалины церквей? Они находятся на территории Мецдзора. Джагирдзора, Манасанцдзора, Зиадали, у каменного моста Гюнеша, возле дома Айказа Шахназаряна. По-моему, церковь имеется и на кладбище, напротив двухэтажного дома генерала Маркаряна. В Мецдзоре, чуть выше слияния двух речушек, был монастырь XV века. С XIII века в северо-западной части села находилась резиденция авганского католикосата с церковью, матуром и жилыми домами. Недалеко от нашего села церковь Воскана Нахатака (Бланлыг). Она построена в XIV веке. Но в ее стенах имеются камни от другой церкви, более древнего происхождения. Я мог бы рассказать и о многочисленных Хачкарах, которые находятся на древних кладбищах села. Воспитательное значение этих памятников огромно. У меня имеются несколько удачных фотографий этих Хачкаров. Я часто беру их в руки и радуюсь тому, что они находятся на моей Родине. Я чардахлинец. По-моему, этим все сказано.

Вопрос: Как в историческом прошлом, так и при советской власти, многие наши односельчане стали профессиональными военными. В освободительной борьбе нашего народа принимали участие и выходцы из нашего села. Например, Багир Васильев — сподвижник видного общественного деятеля Исраиля Ори — один из организаторов освободительных отрядов карабахских армян. Во второй половине XIX века чардахлинцы Аршак Тер-Гукасов и Джаан (Иван) Маркарян дослужили в русской армии до воинского звания генерала. И. Х. Маркарян был детским врачом. Он принимал участие в лечении царевича Алексея. О воинских подвигах А. А. Тер-Гукасова, сына нашего сельского священника, хорошо известно. В отряде истинного народного героя Андраника служили 15 чардахлинцев. А известный гайдук Смбаг Мартиросян был его телохранителем. В годы Великой Отечественной войны особенно славились: И. Х. Баграмян, А. Х. Бабаджаниян, Г. Г. Манасян, С. М. Данелян, С. Т. Маркаров, А. К. Кочарян и другие. Традицию старших продолжают генералы: Г. А. Карагезов, Г. А. Мартиросян, И. А. Баграмян, Ю. Л. Мартиросян, Г. А. Габриелян, А. А. Гаспарян, полковники: Ванян, Баграмян, Хачатрян, Амбарцумян, Цатурян, Габриелян и другие.

В чем истоки военно-патриотических традиций нашего села и каковы пути дальнейшего их развития в современных условиях?

Бабаджаниян: Традиции не с неба падают. Они формируются веками. Наше село по своему географическому положению занимает важное место между Севером и Югом исторического Утика. Это родина воинствующего племени под названием «Севвординнер». Уже по арабским источникам нас называли «разбойничье племя сявординов». Значит и тогда, т.е. в VIII—IX веках у нас существовали эти традиции.

В дальнейшем мы всегда должны были порох держать сухим. Мы защищали наши земли. Я очень хорошо помню события 1917—1920 гг. Мы все были очарованы подвигом Андраника, нам всем хотелось быть его солдатами. Говоря другими словами, не только в историческом прошлом, но и после прихода русских, а также в советское время в нашем селе всегда имелись военные. Нам всегда хотелось носить эту форму. Вот те традиции, которые и теперь существуют в селе. Каждый раз, будучи в селе, ко мне приходили 10—15 офицеров чардахлинцев. В настоящее время имеются реальные возможности продолжения этих традиций. Для этого необходимо, чтобы некоторые выходцы из села стали курсантами военных училищ. Многие чардахлинцы проходят обучение в военных училищах города Рязани. Наверное, все они приезжают к Вам.

Вопрос: У нас в селе имеются различные общественные и бытовые традиции. Но самая главная из них — это традиция интернационализма. Это замечательное качество национального характера армянского народа формировалось на протяжении многих веков. Каковы по вашему мнению дальнейшие пути воспитания молодежи нашего края в духе дружбы народов?

Бабаджаниян: Что касается нашего села и его молодежи, то мы — частица нашего армянского народа. Наш характер — то наша сущность, наше бытие. У нас особое отношение, прежде всего к русскому народу. Я не знаю ни одного армянина, который по-другому относился к русскому народу. Нас объединяет очень многое. Мы всегда должны быть вместе. Кроме того, у нашего народа очень мягкий, мирный характер. Армяне никогда не покушались на чужие территории, на собственность других народов. Но мы умеем защищать наши земли, у нас своя национальная честь и достоинство.

Вопрос: Партийная организация (ячейка) села была образована еще в январе 1918 года по инициативе Степана Шаумяна, который несколько дней находился в Чардахлу. Основателями и первыми коммунистами были Ашот Чилингарян, Александр Мартиросян, Лазар Дабагян, Абгар Баграмян, Ашот Бабаджаниян, Авет Гаспарян, Погос Егян, Шаген Бабаджаниян и другие. Это первое поколение коммунистов. Я хорошо знал каждого из них. С них было делать жизнь. Как писал Маяковский: «...кромe свежeвыстиранной рубашки», им ничего не нужно было. Как вы оцениваете личность коммунистов, в особенности сельских коммунистов?

Бабаджаниян: Для меня коммунист — это настоящий человек, труженик, патриот своей Родины. Коммунисты села возглавили самые ответственные и трудные участки работы, в особенности в суровые годы Великой Отечественной войны. Да, были у нас настоящие коммунисты. Но были и другие члены партии: бюрократы, казнокрады, клязники. Очевидно. Вам известно о том, что на Баграмяна И. Х. и его брата писали клеветнические письма тоже так называемые коммунисты.

Вопрос: Чардахлинский колхоз организован одним из первых в республике в 1927 году. У колыбели колхозного строя были такие труженики, как: Ваган Вердян, Авет Гаспарян, Парсег Констандян, Арам Хачатурян, Ануш Петросян, Аршак Багирян, Маркар Мартиросян и другие. В результате трудового героизма чардахлинцев наш колхоз превратился теперь в крупное многопрофильное хозяйство. Вместе с ростом колхоза растет и материальное, и духовное благополучие колхозников. Вы часто бываете в родном селе, являетесь непосредственным очевидцем роста и развития колхоза и его тружеников. Что вы думаете относительно дальнейшего прогресса колхоза, различных его отраслей?

Бабаджаниян: Конечно, наш колхоз изменился основательно. У меня имеются специальные папки о жизни нашего села. Могу сказать, что руководство села большое внимание уделяет развитию колхоза и жизни сельчан. В последние годы здесь построено много прекрасных зданий: двухэтажная школа на 540 ученических мест,

Дом культуры, двухэтажная больница на 60 мест со всем современным оборудованием, баня, пекарня, колхозная столовая, здание магазина и ряд других учреждений культурно-бытового значения. В селе построен новый водопровод общей протяженностью 11 километров. В настоящее время заканчивается строительство нового, более мощного водопровода с подводом воды к производственным объектам, общественным учреждениям, к домам колхозников. Для села характерными стали двухэтажные жилые дома, легковые автомашины, радиоприемники и холодильники. телевизоры и стиральные машины, современная мебель — все это прочно входит в быт сельчан.

Все это хорошо, но это благосостояние самих колхозников достигается большей частью при помощи отходничества. Определенная часть трудового мужского населения с апреля и до декабря работает на территории прежде всего России. Это трагедия для народа, в особенности для подрастающего поколения. Отходничество — трагедия для армян: разрушаются семьи, дети остаются невоспитанными, сокращается деторождаемость. На селе появляются работники из других мест. Они постепенно захватывают командные посты. Вот об этом следует думать серьезно.

Вопрос: Сначала отмечу, что Вы, конечно, правы. Отходничество формирует безразличное отношение к проблемам села. Много лет прошло, но в селе помнят случай, когда Вы сурово отчитали руководителей села за их бесхозяйственное отношение к лесу. Вы тогда сказали: «В век лучинки и кизяка наши деды на общественных началах выращивали лес, а в эпоху электричества и природного газа вы губите это богатство». Урок был хороший. Чардахлинцы хорошо помнят Ваши слова.

Бабаджаниян: Спасибо. Вместо отходничества на селе можно было бы построить завод по переработке сельскохозяйственных продуктов. Сколько добра пропадает. Можно было бы создавать и другие объекты, скажем, цеха по переработке продуктов, а также мощнейшую птицеферму. Существует очень хороший опыт Болгарии и Чехии. Сегодня нельзя работать методами тридцатых годов. У нас нет настоящего прогресса в организации производства.

Вопрос: Средняя школа нашего села — одна из старейших в республике, была создана в 1863 году. Однако образование и учеба стали действительно народными только в годы советской власти. На протяжении многих лет во главе школьного коллектива стояли подлинные мастера своего дела: Ашот Бабаджаниян, Гурген Арутюнян, Рафик Манасян, Грант Аракелян. За годы советской власти нашу школу окончили более двух тысяч человек. Четыреста из них успешно окончили вузы и техникумы, работают ныне в различных районах страны.

Свое начальное образование вы получили в нашей школе. С тех пор прошло много лет, сменились несколько поколений учителей и учеников. Но школьные годы остаются в душе каждого из нас. Интересно было бы узнать о ваших школьных воспоминаниях тех лет, о ваших учителях и товарищах по классу. Что является главным в жизни школы в настоящее время?

Бабаджаниян: Школа для меня — это нечто таинственное, святое. До сих пор, оказавшись в стенах моего класса, какое-то необычайное чувство охватывает мою душу. Начинаю волноваться, вспоминаю уроки, слова учителя. Вообще, после родителей для меня на первом месте всегда был учитель. Я горжусь именно моей школой. Но она, конечно, изменилась и качественно и количественно. В настоящее время в ней учителей больше, чем было учеников в мое время. Учительский коллектив двух наших школ насчитывает более шестидесяти человек. Пятьдесят шесть из них — с высшим образованием. Все они среднюю школу окончили в Чардахлу. В хозяйстве села трудится другой отряд сельской интеллигенции: три врача, два зоотехника, три ветврача, три агронома, три экономиста, а также более 15 специалистов средней квалификации. В двух школах обучаются более 800 учеников. 36 выпускников нашей

школы стали научными работниками. Они живут и трудятся в различных городах бывшего Советского Союза. Но все они и их дети считают себя чардахлинцами.

Я ведь помню самое первое мое стихотворение на армянском языке: «Ага екав нор тарин (Вот и пришел Новый год)». Низкий поклон нашим учителям, всем учителям. Именно они делают из ученика гражданина нашего общества. Когда я учился в Ереване, имел счастье встречаться с армянскими писателями, поэтами, учил их поэмы и стихи. До сих пор помню стихи Ованеса Туманяна, Егише Чаренца, Гургена Маари. Даже на фронте и в госпитале, часто полголоса читал для себя стихи этих поэтов. Так что школа остается школой.

Вопрос: Комсомольская организация села была создана летом 1920 года еще до прихода Красной Армии. Первые комсомольские вожаки: Ерванд Мартиросян (Комсомол Ерванд), Алексей Баграмов (Баграмян), Амазасп Бабаджанян, Гурген Арутюнян, Гурген Хачатрян пользовались исключительным авторитетом у односельчан. В начале тридцатых годов на общественных началах наши комсомольцы построили самые трудные участки дорог в районе Мецдзора и на пути к селу Атабек и т.д. Эти славные традиции подхватили новые поколения комсомольцев в годы Отечественной войны и в послевоенные годы. вы часто обращаетесь к молодежи страны, выступаете на страницах газет и журналов. Интересно было бы узнать ваше мнение о современной молодежи села.

Бабаджанян: Комсомол — это наша молодость, любовь, надежда, взлет способностей и талантов. Все это в моей жизни имело место. Необычайный взлет фантазии, мысли: вот-вот построим коммунизм, затем — учеба в военной школе и борьба с бандитизмом почти до середины тридцатых годов. Затем различные кампании по разоблачению «врагов народа» и аресты, в том числе и моих дорогих товарищей, например, Алексея Баграмова. Затем Финская война, первые ордена и ранения. Помоему, именно на Финской войне закончилось моя молодость и началось мое осознание теневых сторон наших порядков. С июня 1941 года на фронтовых дорогах мы терпели поражения и одерживали победы. Было очень много смертей и очень мало счастливых лиц. Словом, мы жили, росли, выросли вместе с нашей страной и народом. Молодежь нашего села занимает достойное место в истории армянской молодежи. Что должна делать наша молодежь в современных условиях? Сохранять и множить честь и достоинство нашего села. Конечно, она стремится к лучшей жизни, к самостоятельности. Все это возможно. Пускай осуществляются все начинания наших ребят. Но самое главное — это наше село. Оно нуждается в нашей защите. Его нельзя оставлять один на один с различными чиновниками, нечестными личностями. Чардахлинцы прославили свое село на фронтах Великой Отечественной войны. Теперь необходимо защищать село не только от бюрократизма чиновников, но и от своего собственного эгоизма, расхлябанности, распушенности.

Вопрос: В общественно-трудовой жизни села, наравне с мужчинами, принимают непосредственное участие женщины нашего села. О трудовом подвиге нашего села в годы Великой Отечественной войны сложились легенды. Своим самоотверженным трудом в те суровые годы особенно выделились: Ануш Петросян, Лиза Хачатурян, Варсеник Баяндурян, Арег Констандян, Ануш Кочарян и многие, многие другие. Хотелось бы, чтобы именно вы от имени всех фронтовиков-односельчан сказали теплые слова о наших замечательных женщинах!

Бабаджанян: Что можно сказать о наших женщинах: матерях, сестрах, дочерях? Даже самые светлые головы не смогут писательским пером рассказать о тех бессонных ночах, о том беспокойстве, тревоге, переживании, которые испытали наши женщины в годы войны. Днем, с утра, тяжелый физический труд на колхозных полях и дома — по уходу за детьми и стариками. Когда летом 1944 года после получения звания Героя Советского Союза, мне разрешили на несколько дней вернуться домой

в Чардахлу, встреча была радушной. Но я никогда не забуду глаза моих дорогих чардахлинских женщин. Трудно было смотреть на них. В них боль, надежда, гордость и еще бесконечная тоска и еще что-то такое, что может существовать только в глазах армянской женщины. Перед нашими женщинами мы, фронтовики, должны встать на колени, поклониться им и выразить вечную признательность...

Вопрос: О воинском подвиге села Чардахлу и его жителей в годы Великой Отечественной войны хорошо известно в нашей стране. Тысяча двести пятьдесят человек участвовали на полях сражений. Среди них: И. Баграмян, А. Бабаджанян, С. Данелян, С. Маркаров, А. Кочарян и многие другие...

Бабаджанян: Я хорошо знаю, что 460 чардахлинцев не вернулись домой. Среди них: полковник Смбат Данелян, подполковник Андраник Бабаджанян, майор Сурен Маркаров, младшие офицеры: Ерванд Мартиросян, Айказ Налбандян, Арутюн Ванян. Колхозники, ставшие солдатами: Айказ, Оганес, Смбат Хачатуряны, Иван и Петрос Кочаряны, Арменак Акопян, Бего Ефремян, Асраил Мартиросян, Саркис Мурадян, Айк Азарян, Мовсес Гаспарян, Хачик и Петрос Мкртумяны.

Учителя: Гурген и Рафик Арутюняны, Вазген Габриелян, Смбат Баяндурян. Выпускники нашей школы 1941 года: Аветис Констандян, Аршак Гриорян, Погос Хачатрян, Миша Данелян, Мелик Кочарян; 17-летние школьники-добровольцы: Рафик Хачатрян, Ким Еганян, Смбат Данелян, Андраник Мурадян, Айказ Мартиросян, Арамаис Мурадян и многие другие. Чардахлинцы свято чтят память своих бессмертных сыновей. В честь павших воинов мы соорудили монумент-памятник воинской славы и скорби. Ежегодно 9 Мая здесь собираются односельчане, торжественно отмечают День Победы. В каждый раз, приезжая в село, я тороплюсь к своим братьям-фронтовикам.

Вопрос: В родном селе живет и трудится большая группа ветеранов Великой Отечественной войны. Некогда молодые и здоровые, они стали теперь седоволосыми и степенными отцами и дедами. Многие окружены уже внуками и внучками. Счастливые поколения, не знавшие ужасов войны! Но их деды и отцы, опаленные пожаром войны, не могут забыть ее, рассказывают им странички живой истории. С ветеранами войны вы поддерживаете дружеские отношения. Какие у вас пожелания нашим ветеранам?

Бабаджанян: У меня самые добрые отношения с нашими ветеранами. Иногда они обращаются ко мне по тем или другим вопросам. Стараюсь помочь им. Среди наших ветеранов мне хочется выделить всех, но одного человека обязательно. Это Ашот Кочарян. Это единственный рядовой солдат нашего села, который дважды был представлен к званию Героя Советского Союза, но не получил его. Он настоящий герой. У него весьма своеобразная биография. Его жизнь во многом схожа с жизнью Григория Мелихова из «Тихого Дона» Шолохова Хотелось бы, чтобы сельские авторы побольше писали о наших героях.

Вопрос: С юных лет вы связывали свою судьбу с Красной Армией и прошли с ней дороги борьбы и побед в суровые годы Великой Отечественной войны особенно ярко проявятся ваш военный талант крупного организатора и полководца В послевоенные годы вы с неутомимой энергией выполняли возложенные на вас Родиной высокие обязанности в деле укрепления и развития обороноспособности нашей страны. ваша общественно-политическая деятельность многогранна и разнообразна. И где бы вы ни работали, где бы вы ни приложили ваш опыт и умение, будь то депутатские обязанности или отеческая забота о молодежи — везде вы проявляете себя подлинным патриотом Родины. С кого вы «сделали жизнь»? Что вы считаете главным на вашем жизненном пути?

Бабаджанян: Вопрос можно было сформулировать более скромно и просто. Я обыкновенный советский человек — представитель армянского народа, точнее, моего

армянского села Чардахлу. С малых лет я стремился выполнять свой долг перед моим Отечеством, родителями. То, что во мне есть доброго, разумного, человеческого — это заслуга моих родителей, они так меня воспитали. Кроме родителей, я обязан своим учителям, начиная с первого учителя и до моего учителя по обучению танковожждению. Я очень много лет учился в различных школах и других учебных заведениях. А сделал я жизнь с наших легендарных героев, среди которых важное место занимает наш Андраник.

Вопрос: Советские военачальники — люди, прежде всего, большой культуры, не говоря уже о высокой военно-политической подготовке. Они идут в ногу со временем. Их интересы широки и разнообразны: они большие знатоки и любители искусства литературы и т.д. Расскажите, пожалуйста, о ваших склонностях и привычках, о ваших любимых героях, художниках, композиторах, о ваших увлечениях и занятиях.

Бабаджаниян: Вы правы в том смысле, что человек не может жить без литературы. Очень люблю читать. У меня, конечно, имеются любимые писатели, которых я перечитываю. Это Пушкин и Лермонтов, Туманян и Чаренц, Есенин и Акоп Паронян. Из прозаиков, после Чехова, могу назвать Куприна. Сколько раз мне приходилось возвращаться к его рассказу «Брегет»? Наряду с национальными лирическими песнями, готов бесконечно слушать Бетховена, Рахманинова, Шопена, Арно Бабаджанияна, Хачатуряна и других. Повторяю, я обыкновенный человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

Вопрос: В жизни каждого человека большое место занимает такое нравственное чувство, как дружба, т.е. личная взаимная привязанность между людьми на основе общности интересов и задач. Потребность постоянного взаимного общения на работе и в повседневной жизни. Как справедливо писал А. С. Макаренко: «Вне общественных интересов нет и не может быть настоящей, т.е. глубокой и прочной дружбы». Расскажите, пожалуйста, о ваших друзьях военных лет, а также и о том, как вы познакомились с Иваном Христофоровичем Баграмяном?

Бабаджаниян: Я человек эмоциональный и общительный. У меня были и имеются настоящие товарищи. Среди моих товарищей юношеских лет могу отметить «Комсомол Ерванда». У нас была настоящая мужская дружба. К сожалению, он погиб на фронте. Особая дружба была с Алексеем Баграмяном. К тому же мы были свояками. Наши жены — родные сестры. А из фронтовых друзей хотел бы отметить Владимира Горелова. Это был человек необычайной преданности в дружбе и вообще Человек во всех отношениях. Смерть помешала ему стать крупным военачальником. О моем отношении к товарищам могу сказать только то, что я стараюсь быть настоящим другом.

Что же касается дружбы с Иваном Христофоровичем, то мы друг друга знали давно. Он для нас является мудрым наставником. Это человек удивительной мудрости и доброты. По любому вопросу можно к нему обратиться. Он настоящий, непревзойденный чардахлинец.

Вопрос: Самое дорогое у человек — Родина. Для советского человека — это вся наша страна. Но каждому до боли дорого еще и то место, где он родился и рос, щемящее чувство родных полей, лесов и рек. Где бы ни жил человек, как бы он не был далек от родных мест, он не может забыть их. Среди всех ваших дел, больших и малых, вы никогда не забываете свой родной край. Нам особенно дорого то, что в вашем сердце всегда горит неугасаемый огонь любви к нашей прекрасной Армении, к нашему селу Чардахлу. Назовите, пожалуйста, ваши любимые поля и горы, родники и леса нашего села. С какими из них у вас связаны наиболее яркие воспоминания?

Бабаджаниян: Когда речь идет о родном доме, видимо, мы все одинаково мыслим. В твоём вопросе содержится и ответ. Но я не хочу выделять какую-то территорию моего села. Знаешь, когда мы доходим до границ нашего села, сердце начинает

работать по-другому. Зов родного дома, дух всей моей сущности. Родина — одна-единственная. В Москве у меня квартира, а в Чардахлу — родной дом. Ребята! Я хочу домой...

Это было сказано 19 октября 1977 года. Около 17 часов мы с Грантом Айказовичем расстались с маршалом. Мы не могли думать, что это наша последняя встреча с нашим дорогим чардахлинцем...

От редколлегии: Символично, что новую рубрику нашего журнала, посвященную подлинному интернационализму, сложившемуся и имевшему место быть в СССР, мы начинаем с материала, посвященного 100-летию со дня рождения выдающегося советского военачальника, маршала А. Х. Бабаджаняна — «главного танкиста» страны. Автор — Гюлаб Арамович Мартиросян, недавно отметивший свое 80-летие, — профессор кафедры политологии Рязанской государственной радиотехнической академии, известный философ, журналист и публицист, руководитель Рязанского армянского культурного общества «Аракс» и одноименного издательства, директор рязанской армянской воскресной школы, автор 25 книг по новейшей истории армянского народа и русско-армянской дружбы. Г. А. Мартиросян — земляк маршала Бабаджаняна — из древнейшего армянского села Чардахлу (Нагорный Карабах), давшего целую плеяду советских военачальников, ученых, деятелей культуры. Живет в Рязани с 1953 года.

Приглашаем к участию в рубрике представителей всех народов, населявших СССР и ныне проживающих в России и вне ее.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Николай Минаков

ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД

Тульская проза и поэзия в 2005 году.

Перед тем как приступить к написанию этой статьи, я поделился своими мыслями о том с одним из известных тульских поэтов. Он внимательно выслушал меня, а в заключение заметил:

«А заголовочек-то ты слизнул у Владимира Ильича». И мне пришлось отстаивать правомочность заголовка, аргументируя, что еще до В. И. Ленина под названием «Шаг вперед, два шага назад» выходила работа одного немецкого социал-демократа, и то, что вслед за пушкинской поэмой «Кавказский пленник» была поэма Лермонтова «Кавказский пленник», рассказ Л. Н. Толстого.

У белевского прозаика Виктора Грекова есть повесть «Перед восходом солнца», которой он начинал свой литературный путь. Когда я упомянул, что с таким названием уже выходили повести одного немецкого писателя и Михаила Зощенко, мой друг-земляк чуть подрастроился. «Если бы знал, никогда не назвал так повесть», — несколько удрученно заметил Виктор Яковлевич. А после успокоился, когда я привел аргументы, о которых шла речь выше.

В стихах с одним и тем же названием, к примеру «Любовь» или «Осень», идет переключка из века в век, в этом никакого слизывания, а есть определенная закономерность.

Однако почему тульская проза и поэзия сделали два шага назад, по сравнению с предыдущими годами? Хотя известно, 2005 год был насыщен большими важными событиями. Это был год 60-летия Победы в Великой Отечественной войне, 625-летия Куликовской битвы, 100-летия со дня рождения М. А. Шолохова. Кстати сказать, памятной медалью ЦК КПРФ в честь выдающегося писателя были удостоены тульские прозаики Н. Д. Парыгина, А. А. Яшин, В. Я. Маслов, поэты В. Ф. Пахомов, М. С. Дубинский, В. Н. Савостьянов за гражданскую, патриотическую тематику в их произведениях. Два шага назад тульская проза и поэзия сделали не потому, что наши писатели разучились писать, а объясняется это просто тем, что в предыдущих годах и в прозе, и в поэзии выходили более значительные произведения в сравнении с теми, которые нам довелось читать в минувшем 2005 году. Ранее это были романы Н. Д. Парыгиной «Любой ценой» и «Сын», Н. К. Дружинина «Без вести пропавшие», «С любимыми не расставайтесь», «Тульский рубеж», А. А. Яшина «В конце века», «Историк и его история», В. Я. Маслова «Ближняя дача» и повесть «Звонок с того

света». Немало вышло интересных, содержательных поэтических сборников. Не буду перечислять всех авторов их, назову лишь третью книгу Сергея Куликова «За обожженной чертой» и Александра Харчикова «Под тенью крыла».

Эти книги можно расценивать как шаг вперед в тульской поэзии, они выделяются прежде всего своей новизной. В стихах двух поэтов, на первый взгляд, таких, казалось бы, разнородных по стилю, заключен пристальный взгляд на современность, на собственное восприятие, бьется пульс чувствительного сердца ко всему окружающему. Взять хотя бы стихотворение Александра Харчикова «О чем молчим» о том, как сын ухаживает за больным отцом-фронтовиком. Стихотворение потрясает:

*Прости мне, жизнь, грехи или грешки.
Усвоил я не на словах — на деле,
Чем пахнут выносимые горшки
И чем воняют пролежни на теле.*

И далее:

*Я за него прощенья не прошу,
Как за меня никто о том не просит.
А то, что я в душе своей ношу,
У нас в стране любой десятый носит.*

И то, что сам поэт увидел, что в «стране любой десятый носит», показал это на примере собственной жизни, говорит о большой талантливости поэта, о его зорком, прониновенном видении окружающего мира.

Из ранее вышедших поэтических книг особо выделяется и книга Сергея Галкина «Ночь переплыть», где поэт очень психологически тонко отразил различные грани обыденного бытия.

Разумеется, упрекать писателей в том, что 2005 год оказался менее плодотворным в литературе, было бы не справедливо. Год на год не всегда совпадает и не только в литературе, хотя особенно здесь четко выделяются результаты достигнутого. Делать литературу не блины печь. Два года назад в тульской прозе и поэзии — это констатация факта, а не вердикт тульским писателям, хотя они могли бы сделать и больше. Как-никак в двух писательских организациях насчитывается более 60 писателей.

Однако нельзя сбрасывать со счета, что у ряда писателей годами лежат неизданными рукописи из-за финансовых трудностей. Книжные издательства на свои средства книги не выпускают. Писатели такими возможностями не располагают, а спонсоров найти не так уж легко, не все среди них лелеют любовь к литературе. Вот и покоится выстраданная рукопись романа или повести в столе у литератора, ждет своего звездного часа, когда ее в образе книги сможет прочитать читатель.

Остались неизданными рукопись романа «Паутина» и воспоминаний «С вершины лет» ушедшего из жизни в конце минувшего года замечательного писателя Н.К. Дружинина. Мне довелось читать эти рукописи, и остается только сожалеть, что они не дошли до читателя, а могли бы внести значительный вклад в тульскую прозу.

Ждут не дождутся выхода в свет рукописи романа и двух повестей Александра Харчикова, рукописи книги исторических исследований Виктора Грекова «Белев — город кафедральный», поэтического сборника Валерия Савостьянова «Русский крест» и рукописей других писателей. С довольно-таки интересным фактом столкнулся талантливый косогорский прозаик и поэт Сергей Куликов. Он предложил две рукописи своих романов одному из московских книжных издательств. Надо отдать должное его редакторам, которые честно признались, что их издательства в основном выпускают чисто коммерческую литературу, одним словом «ширпотреб», чисто ган на потребу невзыскательному читателю, рукописи же С. Куликова по своему художественному исполнению больше соответствуют другим издательствам. Даже рецен-

зии написаны с положительными оценками рукописей. На этом все и кончилось. Чтобы напечататься в других издательствах, как и в тульских, нужны деньги. А где их взять? Если только стать старателем и отправляться в тайгу на поиски золотых самородков.

Как видим, старая пословица: «Писатель пописывает — читатель почитывает» — устарела. Хотя мы наблюдаем новое явление в современной действительности, когда наглый литературный бизнес придавил настоящую литературу. «Ширпотреб», чистоган властвует, отравляя умы и чувства человека, в то время когда высоко нравственная литература прозябает на задворках.

Если говорить о книгах, оставивших заметный след в тульской литературе 2005 года, то из прозы здесь следует отметить сборник рассказов Дмитрия Ракитина «Дыхание земли». Сборник является как бы отчетом писателя перед читателями. Дмитрию Ракитину, как никому, пожалуй, дается тонко и красиво рассказать о людях простых, об их бедах и радостях, их среде обитания, что зовется емким словом «жизнь». «Увидеть и полюбить своих героев, жить с ними вместе писатель умудрился раньше, чем сел за письменный стол своего деревенского дома», — так образно отозвался о Дмитрии Ракитине в предисловии к его книге ответственный секретарь Тульской писательской организации В. Ф. Пахомов.

Своей необычайностью привлекла внимание читателей книга очерков Валерия Ксенофонтова «Пять веков на службе Отечеству». Стержнем книги являются очерки о человеке трудной судьбы, фронтовике, бывшем партийном работнике, организаторе сельскохозяйственного производства и сельской торговли в Ефремовском районе, Г. Н. Шеине, о его родственниках и представителях древнейшей фамилии. В деле воспитания подрастающего поколения книга несомненно послужит хорошим подспорьем.

И, конечно, большой интерес вызывает изданная в 2005 году книга Алексея Яшина «В час волка». Именно книга, а не роман, повесть, сборник рассказов, напоминающая скорее всего собой пятисотстраничный альманах на разную тематику. Книга состоит из шести частей, включающих в себя художественную прозу, публицистику, исторические очерки, литературную критику и статьи о современной науке. Кого-то, на первый взгляд, может смутить такое необычное объединение разных жанров в одной книге. Но это только на первый взгляд, потому что новое всегда воспринимается с некоторым недоверием и сомнением. Но прочитав книгу, убеждаешься, что большинство ее материалов пронизывает главная мысль — боль за сегодняшнюю Россию, в которой наступил злобный «час волка», время грабежа, подлости, разврата, массового предательства и бесноватых политиканов. Алексей Яшин емко и остро показывает обострившуюся борьбу между добром и злом, с любовью говорит о тех людях, «кто не встал в очередь к ломбарду с вывеской: «Скупка Родины оптом и в розницу».

Заслуживают внимания и положительной оценки поэтические сборники, увидевшие свет в 2005: «Я не крашу свою седину» В. Сапожникова, «Однолюб» В. Савостьянова, «Егнышевская осень» Л. Адрианова, «Плоды игры с утра пера» П. Спасибова, «Корни» В. Алтунина, «Цветы под снегом» К. Струкова, «Лунная дорожка» И. Пархоменко, «От счастья и до боли» В. Денисовой, «Спасибо, жизнь» В. Киреева, лирика и гражданские стихи В. Маеренко, Н. Невижина. Может, кого-то не назвал из поэтов, но это по причине того, что стало просто трудно уследить за всеми издающимися книгами. В Туле в настоящее время более десяти книжных издательств. Книги выпускаются, как правило, малыми тиражами, авторами дарятся друзьям и знакомым.

Из всех поэтических сборников, вышедших в 2005 году, особо выделяется своей глубинной сутью сборник Владимира Сапожникова «Я не крашу свою седину». Кажущаяся простота стихов поэта обманчива. В стихах заложены глубокие мысли о

нашей непростой современной жизни. Не побоюсь сказать, что Владимир Сапожников в своей поэзии по-некрасовски сочетает лирическую тематику с гражданской. В его стихах мы найдем и душевный лиризм, открытую исповедальность, трогательную наше сердце, и острое слово, осуждающее все темное, грязное, убогое, что видит поэт в сегодняшней России.

В 2005 году на тульском поэтическом небосклоне зажглась одна поэтическая звездочка — это имя Константина Струкова. Книгой «Цветы под снегом» он заявил, что может зваться поэтом. Характерной чертой его творчества является то, что наряду со стихами он всесторонне владеет эпическим жанром. Ранее у него была книга «Эвер» — это многоплановая поэма, которая явилась отражением раздумий автора, сопровождающихся сомнениями, разочарованиями, поисками и открытиями. И вот теперь в «Цветах под снегом» читаем вторую поэму «Селигер», или как обозначил ее автор «Сказание об озере». В поэме затронуты проблемы экологии и все связанное с ней.

Один известный поэт, рецензируя стихи другого поэта, в частности и его поэмы, мимоходом бросил, что после «Василия Теркина» Твардовского не стоит браться за написание поэм. Константин Струков доказывает обратное. К изданию готовится его третья поэма «Отец Тихон» о патриархе русской православной церкви.

Третьей книгой «Нараспашку», содержащей стихи и прозу, завершил свою трилогию Марк Дубинский. Две первых книги издавались в Москве, в «Современнике» тиражом в 5000 экземпляров каждая, третья выпущена тульским «Полиграфистом» в 100 экземпляров. Как видим, меняются времена — меняются вместе с ними и тиражи книг.

И в третьей книге поэт пишет о патриотизме, гражданственности, чувстве долга перед страной. В нее включены песни, размышления о смысле жизни, зарисовки с натуры. Каждый прочитавший простые строчки найдет что-то такое, что заставит его душу встрепенуться сопереживаниями.

В минувшем году вышло несколько книг, посвященных 60-летию Победы в Великой Отечественной войне: «Нам дороги эти позабыть нельзя» — документальный очерк о фронтовиках-киреевчанах, «Голоса из бессмертия» — книга, составленная по письмам погибших в самой тяжелой из войн, «Наша правда живая» — воспоминания ветеранов войны и коллективный поэтический сборник «Великий Май».

Тульская писательская организация выпустила шестой сборник «Иван-Озеро» в честь 60-летия Победы. Не буду скрупулезно анализировать его, потому что и анализировать просто нечего. Из 200 с лишним страниц лишь около 30 касаются непосредственно Великой Отечественной войны. В сборнике обилие слабых, сереньких материалов. Выпущен он тиражом в 500 экземпляров, так и не дошел до читателей, говорят где-то складирован, а «Великий Май», изданный мизерным тиражом, любители поэзии по сей день спрашивают, где можно приобрести книгу. Вот и ищи правду в литературе!

625-летию Куликовской битвы посвящено два сборника: «Ветер времени над полем Куликовым» и «Поле нашей судьбы». Мне кажется, что они дополняют друг друга. Однако, если первый сборник, к сожалению, выпущенный в сто экземпляров на средства составителей, так и не дошел до читателей и библиотек, вручен только авторам, можно назвать народным, ибо в нем выступают наряду с маститыми тульскими писателями большое число просто любителей русской словесности, то второй сборник относится к классике. Конечно, легче всего вновь напечатать стихи, начиная от Тредиаковского и Пушкина, кончая Блоком, поместить ряд советских поэтов-классиков и примкнуть к ним менее известных тульских, чем работа с новыми авторами. Гордиться тем, что классиков переиздали, непристойно, а потом не надо забывать, что классики вышли из народа, всегда опирались на народное творчество. И то, что «наверху» отнеслись пренебрежительно, но к увеличению тиража сборника «Ветер времени над полем Куликовым», просто поражает. Думается, время рассудит и

исправит несправедливость. А пока это любителям словесности остается поразмышлять, где правда?! Классикам 1000 экземпляров, народному творчеству 100!

Литературная критика не отреагировала на выпуск сборника «Поле нашей судьбы», если не считать расширенную информацию Н. Н. Кириленко в газете «Тула». В заметке просто были перечислены имена авторов и только.

Следует признать, что литературная критика на выходящие произведения писателей почти отсутствует. В какой-то мере этот пробел восполняют сами писатели, пишущие критические статьи и рецензии на книги собратьев по перу. Здесь прежде всего надо назвать А. А. Яшина, В. Г. Сапожникова, Н. Д. Парыгину, которые неоднократно выступали с рецензиями на страницах «Тульского литератора», а также в других печатных изданиях.

Очень хорошо заявила о себе как литературный критик филолог Н. Г. Ханина, выступившая в последнее время с содержательными статьями «Живая память о войне» о коллективном поэтическом сборнике «Великий Май», «Радуга души поэта», «Поэзия открытого сердца» о творчестве литераторов В. Н. Исаичева и Яна Шильта.

Могут спросить, а разве нет С. Л. Щеглова, Н. Н. Кириленко? Есть. Однако они выступают от случая к случаю, нередко допуская слишком субъективные оценки. Но это лучше, чем ничего. Жаль, что на ряд вышедших содержательных книг в тульской прессе не последовало ни строки.

В 2005 году, как и в предыдущие годы, выходили альманахи литературных объединений: новомосковского — «НЛО», одноименный тульского «Голоса» и другие. впервые появился на свет альманах «На крыльях Пегаса» тульского литобъединения «Пегас» при областной писательской организации СП России. Алексинское литобъединение «Алмаз» выпустило коллективный поэтический сборник «Когда земля открыта». Значение этих изданий велико, так как альманахи открывают читателям широкий доступ к произведениям литераторов.

Особо среди всех альманахов выделяется частный альманах О. В. Пономарева «Прикосновение». Об альманахе, художественно оформленного на высоком уровне, много уже говорилось и писалось и в местной, и в центральной московской прессе. Тем не менее следует отметить, что последние номера альманаха резко отличаются от первых выпусков. Если раньше содержание их материалов было как бы однобоким прикосновением к окружающей жизни, альманах больше носил эстетский характер, то в последних номерах мы замечаем сдвиг в сторону гражданской тематики, прикосновения к острым проблемам современной российской действительности. Подобный сдвиг заметен и в творчестве самого писателя О. В. Пономарева.

Представляет большой интерес выпущенный по инициативе О. В. Пономарева в 2005 году журнал «Союз». Создан он с целью укрепления и развития взаимоотношений всех творческих союзов, чтобы на основе восстановления данных связей происходил общий подъем творческого уровня и, в целом, культуры Тулы и Тульской области.

Самым большим событием в литературной жизни области явился выпуск первого номера литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Журнал наряду с писателями — членами СПР — привлек на свои страницы простых литераторов. Некоторые из них не уступают именитым служителям пера. Теперь задача держать журнал, чтобы первые зори переходили в хороший литературный рассвет.

Жизнь продолжается, литература вместе с нею. И, несмотря на то, что литературный 2005 год оказался менее значительным по сравнению с предыдущими годами, он внес свой заметный вклад в тульскую прозу и поэзию.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей Норильский

«У КАЖДОГО СЕРДЦА ЕСТЬ ПЕСНЯ СВОЯ»

(Несколько заметок о поэзии и философии Владимира Лазарева)

В январе 2001 года десятиклассница средней школы № 1 из города с пленительным названием Липки, что в Тульской области, написала конкурсную работу на тему: «Милая моя родина» — и послала ее на областной конкурс. Сочинение Наташа завершила так: «Я хотела бы закончить словами замечательного поэта Владимира Лазарева:

*У каждого сердца есть песня своя,
Что греет в дороге метельной.
А песня моя — ты, родная земля!
Милее мне тульская наша земля
Похожих земель сопредельных».*

Что может быть дороже для поэта, чем такое признание юной души?

Несколько десятилетий протекло с той поры, как тульский студент Лазарев сочинил строки о тульской земле. Беспощадное время запросто могло поглотить их вместе со многими подобными. Ан, нет! Кончился век двадцатый, вступило в права новое тысячелетие, а нынешние десятиклассницы находят эти строки, и они встречают отклик в их сердце.

Всего скорее, Наташа не знала даже, что поэт, строчки которого ее вдохновили, живет уже не в России. Почему так случилось — тема особая. Мало ли кого потеряла наша родина из своих замечательных сыновей. Однако не местом жительства автора определяется поэзия. Владимира Лазарева помнят на его малой родине, которую он воспел «с такой дивной силой», да и вообще не забыли на просторах российских. И в землях сопредельных тоже.

В 1953 году Владимир послал свои первые стихи в журнал «Новый мир» и получил ответ от редактора А. Т. Твардовского: «Пока Вы овладели только малыми секретами мастерства (.....). Вам еще надо многое перелопатить в жизни».

Пристально вдумывался начинающий поэт в слова автора «Василия Теркина». Трудился слесарем, потом инженером на тульском машиностроительном заводе, внештатно сотрудничал в местных газетах, часто бывал на строительных площадках, в шахтных забоях, в металлургических цехах. Через два года Твардовский напечатал

его стихи. А в 1956 вышла в Туле книжка «Перед встречей». Стихи Лазарева получили первую премию на областном фестивале молодежи. За поэму «Юность» ему дали приз в Праге на конкурсе журнала «Всемирные студенческие новости».

Лазарев был первым лауреатом премии Тульского комсомола.

В 1959 году Тульское книжное издательство выпустило еще один сборник стихов Лазарева — «Рукопожатие». Как и первый, он встретил положительные оценки в печати. Следующий год ознаменовался постановкой пьесы Владимира «Первый снег» на сцене Тульского драматического театра. То было произведение о жизни оружейников, художественное исследование проблем отношения человека к труду. Через три года после этого Лазарева приняли в Союз писателей СССР.

Тема Родины, рабочей юности, становления характера труженика проникновенно звучала в стихах и поэмах, в драматургии поэта. Пейзажные стихи, стихи о любви перерастали в философскую лирику. Таковы подступы к эпическим формам (поэмы «Задонщина», «Одиссея испанского мальчика», «Егор Таланов, тульский мастер», «Григорий Каминский», «Противостояние».)

Но основным направлением в первую четверть века работы Лазарева была песня. Его слова звучали из уст крупнейших певцов, прославленных солистов Государственного Академического Большого театра СССР и других театров страны, многих зарубежных исполнителей, в хоровых академических и иных коллективах. Девятнадцать раз песни на стихи Лазарева отмечались премиями на всесоюзных и международных конкурсах. Произведения его вдохновили многих композиторов, в том числе таких незаурядных как М. Фрадкин, С. Туликов, В. Левашов, Е. Дога, Л. Лядова, Д. Тухманов, О. Фельцман, К. Орбелян, Р. Паулс, П. Аедоницкий. Почти все известные мастера массовой песни, а также музыканты, пишущие романсы, оратории, симфонические поэмы, испытали успех, работая с Лазаревым.

В 1967 году Владимир Яковлевич переезжает на жительство в Москву, и там его способности раскрываются во всей полноте.

Спустя восемь лет выходит сборник песен под заголовком: «Есть ли память у любви?» В предисловии Арно Бабаджанян писал: «Владимир Лазарев находится в расцвете творческих сил и, мы надеемся, не раз еще порадует нас своими новыми сочинениями».

Надежды передовых деятелей культуры оправдались. К концу семидесятых годов XX века песни на слова Лазарева прозвучали более чем в двадцати кинофильмах. (После «Первого дня мира» с успехом прошли: «Если ты прав», «Наши знакомые», «Рано утром», «Крестьянка», «Самые красивые корабли», «Крик ночной птицы», «Мы, нижеподписавшиеся», «Тепло родного дома» и другие).

«Лучшим песенным стихам Владимира Лазарева свойственна внутренняя напевность, музыкальность, чистота и прозрачность красок, лирическая задушевность и нежность, сближающие их порой с народной песней», — так оценил работу поэта во вступлении к стереопластинке «В. Лазарев. Стихи и песни», выпущенной Всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия» в 1976 году, известный песенник Михаил Матусовский.

К тому времени стихи Владимира Лазарева были переведены на семнадцать языков. Звучали на украинском, молдавском, латышском, армянском, болгарском, чешском, польском, монгольском, немецком, французском, английском, итальянском, испанском, финском, норвежском, японском, арабском.

Высокий отзыв о песенном творчестве Лазарева дал летчик-космонавт СССР дважды Герой Советского Союза Виталий Савостьянов: «Мне приснился шум дождя...» Эта лирическая песня оказалась открытой сердцам многих людей, стала популярной. Я вижу причину такого успеха песни прежде всего в том, что поэзия Владимира Лазарева гармонично сочетает лиричность и гражданское звучание с любовью к природе, к Отечеству, к Земле. Вспомним многими любимые его песни «Березы»,

«Когда на поле Куликовом», «Как не любить мне эту землю» и другие. Они как бы выходят одна из другой и продолжают друг друга, создавая гармонию Поэмы Любви (...). Это ко всем нам обращается мать из стихотворения песни Владимира Лазарева: «Не остуди свое сердце, сынок!» Это — откровение». Такие слова космонавта были предпосланы сборнику песен «Не остуди свое сердце...», изданному «Советским композитором» в Москве в 1983 году.

Активно и плодотворно проявил себя Лазарев как прозаик, публицист, литературный критик и литературовед.

Проза Владимира Яковлевича как бы продолжает его поэзию. Она лирическая, зачастую возникает из его стихов. Первая повесть, написанная в соавторстве с тульским журналистом Евгением Волковым и изданная в Москве «Молодой гвардией» в 1966 году, называется: «Мальчишкам снятся бригантины». Детское стремление к романтике авторы направляли к добрым целям. Вот что писал тогда, напутствуя эту книгу, первый космонавт — любимец народа Юрий Гагарин: «Мальчишками мы строим грандиозные планы, как герой этой книги Никита Березин, который мечтает вместе с друзьями открыть ненайденные острова. Но удивительное можно найти не только за тридевять земель, в открытом океане или в космосе,— оно живет рядом с нами. Ищите постоянно, будьте беспокойными (...). Никогда не забывайте о ненайденных островах! Они повсюду. Вам, читателям этой книги, вступающим в большую жизнь, я желаю попутного ветра! И никогда не успокаиваться!».

«Возрождение в Богородицке», «Филимоновский корень», «Утро начинается с улыбки» и другие повести Владимира Лазарева отмечены искренностью переживания ситуаций, жизненной достоверностью образов. Автор склонен к документализму. Очерки жизни и быта перерастают в исследование нравов.

Прочная связь произведений поэта и прозаика Лазарева с его «малой родиной» — землей тульской — зиждется на глубоком духовном родстве с выдающимися деятелями отечественной культуры, имена которых украшают эту землю: Лев Толстой, Василий Жуковский, Глеб Успенский, Иван Бунин, Василий Левшин и братья Киреевские, Андрей Болотов, Викентий Вересаев. В произведениях Лазарева запечатлены город мастеров и патриотов Тула, Ясная Поляна, Белев, Мишенское, Долбино, Оптина пустынь, Темрянь, Филимоново, Зыбино, Дворяниново, Лобаново, Ефремов, Богородицк.

«О чем бы Владимир Лазарев ни писал: от Куликова поля до филимоновских игрушек, он всегда в центре своего произведения ставит людей. Не просто — родной край, не просто — памятное место, но обязательно — люди,— отмечал известный поэт и прозаик Владимир Солоухин в предисловии к книге «Тульские истории». — История, как и культура, творится живыми людьми и сохраняется ими же».

Публицистика Владимира Лазарева привлекает целеустремленностью и разнообразием форм. Его работы полемически заострены, ратуют за преемственность и развитие национальных и общечеловеческих, культурных традиций. Выступления поэта в журналах и газетах в защиту достоинства песни, диалоги с литературными критиками, журналистами, литературоведами насыщены важными назревшими вопросами. Большая заслуга Лазарева в возрождении памяти о полузабытых и вовсе забытых русских писателях: С. В. Максимове, С. Т. Семенове, Т. М. Бондареве, Н. В. Успенском, Ф. Н. Слепушкине, В. А. Левшине, Д. В. Ульянинском и других. Публикации о Н. Ф. Федорове, В. Я. Ерошенко, А. Ф. Лосеве вызвали широкий резонанс, открыли читателям неизвестные стороны российской культуры.

Литературно-критические и литературоведческие выступления Владимира Яковлевича тесно связаны с его публицистикой, работой поэта-песенника и прозаика. В его поле зрения — коренные вопросы современной литературы и культуры вообще. Выпуск сборников «День песни», подобно «Дням поэзии», явился в свое время знаменательным событием отечественной культурной жизни, отстаивал подлинные

ценности, объединял под одной обложкой крупнейших представителей музыкальной сферы: Г. Свиридова, Е. Светланова, И. Козловского, К. Птицу, А. Эшпая и других. Высокую оценку литературной общественности получили составленные Лазаревым антологии: «Невыдуманные поэмы» (три тома), «Колокола веков», «Поэзия российских деревень», «Стихи о музыке», московские сборники «День поэзии». Много сил отдал Владимир Яковлевич работе в одном из лучших историко-искусствоведческих журналов — «Наше наследие».

Глубоко оригинальным произведением Владимира Лазарева, составленным вместе с историком и литератором Ольгой Тугановой, явился сатирико-философский сборник «Круг понятий к увеселению и утешению собственному и своих современников». Еще первое издание этой книги вызвало многочисленные высокосодержательные отклики. «На открытых страницах «Круга понятий» возникает множество миров — философских, бытовых, политических, пародийных, грустных и кошмарных, как знаменитые «сны» Гойи», — отмечал библиограф В. Гульчинский. Второе издание, значительно расширенное и усовершенствованное, вышло в 1998 году в московском издательстве «Гуманитарный фонд».

Созданный Лазаревым совместно с Ольгой Тугановой сатирический образ литературного приспособленца и воинствующего графомана Тихона Шумилкина — еще одно доказательство активного равнодушия передовых деятелей культуры к тому, какими путями шел литературный процесс в последние годы СССР. Борьба Лазарева за высокие идейные и нравственные принципы искусства принесла ему много друзей, но и немало врагов. Самостоятельность его мышления, бескомпромиссность в отстаивании взглядов и убеждений не устлали путь розами, как это было с его песенным творчеством в начальный период. Не следовал Владимир Яковлевич совету Булата Окуджавы говорить друг другу комплименты.

С августа 1999 года Лазарев живет и работает в Калифорнии (США). Он много печатается, пишет новые и новые стихи и поэмы, философские эссе. Наиболее заметные публикации последних лет: «Гербарий живых мгновений» (2000 г.), «Спасибо народу и Богу» (2002 г.), «Стремление к новому синтезу» (2002 г.), «Старая земля» (2003 г.), «Летят, летят года» (2004 г.), «Там вдаль, за Окой» (2004 г.), «Ода Прокопьевску» (2004 г.), «Синие камни» (2004 г.), «Свечи на ветру и голоса издалека» (2004 г.).

Все эти работы не остаются незамеченными в литературном мире. Только в 2004 году напечатаны в двух номерах еженедельника «Кстати» (Сан-Франциско): статья Самуила Кура «Пять новелл из жизни Владимира Лазарева»; в международном еженедельнике «Запад-Восток» статьи: Надежды Банчик — «Линия судьбы Владимира Лазарева» и Натальи Беловой — «Точка в межпланетном пространстве». А вот наша российская литературная критика и литературоведение забыли о Лазареве, игнорируют его творчество.

Как это ни странно, больше чем в России, дает отдачу за рубежом и песенное богатство, созданное Лазаревым. В 2004 году в Сан-Франциско состоялся большой авторский вечер — концерт Владимира Яковлевича под названием: «Мне снилась музыка». В двух отделениях прозвучали песни на стихи: «Как не любить мне эту землю», «Мне приснился шум дождя», «Ясные, светлые глаза», «Белая ночь без тебя», «Два друга», «Не остуди свое сердце сынок», «Женщина», «Галисес», «Мой белый город», «Березы», «Прощание славянки», «Ностальгия», «Шум берез», «Девчонка с соседней звезды», «Ночной разговор» и другие. Песни исполняли солисты американской оперы, известные эстрадные певцы, участники старейшего в Калифорнии русского академического хора «Славянка».

Наиболее серьезные наши отечественные издания не забывают Владимира Лазарева. Составитель энциклопедического словаря-справочника, двухтомника «Новая Россия: мир литературы» Сергей Чупринин посвятил поэту, прозаику, историку русской культуры, литературоведу и философу обзорную статью.

В начале 2005 года опубликовал Лазарев в еженедельнике «Кстати» (Сан-Франциско) поэму под названием: «Гул молодых шестидесятых».

*Светились свежие виденья:
«Мир к лучшему идет! Спешите!»
(Была эпоха иль мгновенье?).
И этот привкус вдохновенья —
Как состояние души (...)
 Расстались мы с культом личности,
 Затем чтоб рвануться ввысь.
 Огнями советской античности
 Была подсвечена жизнь (...)
Казалось, мы сбросили косность
Движеньем плечей своих.
Гагарин вырвался в космос,
И вызвенел русский стих (...)
 Еще ликовали все вместе мы,
 Греховную жизнь верша,
 Но черная точка Возмездия
 Над горизонтом взошла (...)
От ложного просвещения
В некотором смущении,
Простясь с комсомольской братвой,
Вдруг сверстник уходит в священники,
И в диссиденты — другой (...)
 Просвечивает небо дымчато
 Мученическим венцом:
 Увидим Андрея Дмитриевича
 С его марсианским лицом (...)
Зыбится жизнь, невзгодится,
Миллионы путей расходятся,
А в переходах: «Спаси, Богородица!»
Песни в плаче заходятся.*

Хотя и издавлек, поэт видит сегодняшние страдания и невзгоды множества людей на просторах России, их неудовлетворенность состоянием Родины. Нынешние молодые священники и наследники диссидентов, сами о том не подозревая, наводят поэта на размышления о месте и роли религии в жизни Россиян и о великом сыне Земли Русской.

«Что касается мыслей о христианстве и о Льве Толстом...— написал мне недавно Владимир Яковлевич в очередном послании.— Лев Николаевич явление сокровенное. Я рад, что мне выпало в молодой жизни помногу быть в Ясной Поляне, соприкоснуться природно с ним, а не только читать. Лев Николаевич Толстой, мне кажется, несмотря на всю остроту своей критической мысли, был человек религиозного склада, в котором, однако, были сильны начала Европейского Просвещения. Так возник в нем острый внутренний диалог, приводящий к отрицанию целого ряда догм. Этот внутренний диалог, основанный на непредвзятом зрении, характерен и для всякого развитого общества. Логика естественно-научного прогресса способствует этому. Этого следует ожидать в будущем и в России».

Напряженные размышления о человеческом развитии, о познании мира составляют основу философских исканий Владимира Лазарева.

Михаил Николаев

«ПОЭТЫ НЕ РОЖДАЮТСЯ СЛУЧАЙНО...»

Поэтические сборники, вышедшие в свет в провинциальных или столичных издательствах, в новом столетии не рискуют стать раритетами. Наверное, не то сейчас время, чтобы зачитываться литературой, даже если она высоко художественна и глубоко патриотична. Все больше на потребу дня выставляются многотысячными тиражами донцовы, уличские и прочие псевдотолстые. Весьма робки они, с точки зрения великого и могучего русского языка, да только литературный ширпотреб, как китайские «стразы» на джинсах «топиковых» девочек, блестит и манит своей дешевой простотой.

Куда же податься вечному труженику, поэту-крестьянину, в эти «окаянные дни»? Пожалуй, только в «самиздат»! Как в запой, на многие дни, может, годы, пока не успокоится широкая и больная мучительной рифмой душа, или, не дай Бог, сломается тонкое перо, оставив корявый след на свеженакрахмаленном листе бумаги. Да, вот, только не такой излет видится сложившему по слогам еще в дошкольном детстве: «Мы — не рабы». Не ему ли всей своей жизнью, неброской, неторопкой, но озаренной звездой — Поэзией, ответить: «Рабы — не мы!»

Сей ответ звучит в сборнике «творений тишины» коренного сергача, плавчанина Николая Невижина. «Светозарник» — название двухсотстраничной книжицы — как нельзя емко отразило ее содержание. Восход солнца — яркий, неповторимый, как вдох живительного озона, закат — гармония сочных красок, как облегчительный выдох, отход ко сну. Все это едино и имя ему — светлая заря! А дальше, раскрыв книгу, мы увидим день. День — длиною в жизнь поэта, начиная с подпасковых, подранковых, военных лет, заканчивая постсоветскими, нынешними годами. И сразу ловишь себя на мысли, что автор сборника, наверное, сказал бы: «Нынешним безвременьем».

Сам Николай Невижин условно разделяет свой сборник на пять частей, каждая из которых включает в себе самостоятельную тему. Однако авторское обозначение разделов основательно смешалось, ибо в определении возраста «юности», «молодости», «зрелости» нет четких границ.

Итак, первая тема сборника — Родина, ее История. Здесь одно из лучших стихотворений плавского поэта — «Утро России», рубленая, короткая строка, четко схваченный образ, звонкая рифма.

*Гей, разноголосица,
С четырех сторон.
Далеко разносится
Чистый перезвон.*

Впрочем, все, связанное с этой темой, проходит сквозь сердце словотворца, отзвываясь болью и сопереживанием. Хотя, что греха таить, иногда упоминание «героев

нашего времени» — экс-президента Ельцина, Хакамады и прочих Немцовых с размаху приземляет на грешную землю. А в стихотворчестве все-таки хочется подольше парить над весенним «землетаем».

Своеобразной подтемой одного из главных разделов сборника является так называемая малая Родина. Земляки Николая Невижина найдут в его стихах много узнаваемых местечек бывшего села Сергиевского: «Замостовка», «Тужиловка», Бела Гора.

*За Плавой, за Локной лопотливой,
На заречном звонком берегу,
Сытых стад — соски созревшей сливой —
Я давно уже не стерегу.*

Именно здесь прошло детство будущего поэта, своей неповторимой красотой восхищали его «травостойные откосы» и уводили в «берендеево царство» Баранцев лес и Омшище. И вряд ли в окрестностях Волхонки, Сороки, Красногорья найдется тропинка, нехоженная скромным замостовским пареньком.

Еще одним широким пластом литературной «целины», освоенной студентом-первопроходцем в казахских степях (а может, еще и в пастушечьем детстве?) и нашедшим свое отражение в «Светозарнике» стала природа Среднерусья. В умении ее чувствовать, беру на себя смелость утверждать, «соловей районного масштаба» может посоперничать с самыми звонкоголосыми певцами земли Русской. Перечитайте хотя бы состоящую всего из трех строф «Околицу» и сравните, что образнее: по-невижински, «зреют гроздь тишины» или, по-булгаковски «просто слушать тишину?» Стихотворение, строка в поэзии порой бывают настолько емки, что, кажется, самое большое произведение в прозе можно разместить в одном поэтическом образе.

Третья и, по-моему, особняком стоящая тема в творчестве плавского светозарника — война. Саднящий рубец где-то внутри замостовского парнишки оставила великая мировая «бойня», сделавшая его в восемь лет — и на всю оставшуюся жизнь — безотцовщиной.

*В задумчивой мил — беседе
Нам не свидеться с отцом.
Не придут к нему соседи
Поцибарить за крыльцом...*

*Кепку мну, как виноватый,
Возле мраморной плиты,
Где в «легенду» сто девятый
Занесен отец...*

Да, если бы только та далекая, сорок-памятная, дата пробивала током оголенные нервы души. Кровавые раны на теле некогда великой Державы — Советского Союза — по сей день напоминают нам, что где-то еще отстаивают русские парни свой «последний окоп». А воители, развалившие нашу страну, продолжают «дарить солдатам жизнь в рассрочку», не понимая, что «войне давно пора поставить точку».

*В горах Чечни погибла рота,
Прикрыв Отечество собой.
И первый бой был для кого-то
Его последний в жизни бой.*

Однако время идет своим чередом. И новое поколение приходит на смену повидавшим войну дедам и отцам. Все это происходит не просто на глазах рядового учителя, отличника народного просвещения, руководителя литературно-переводческого кружка «Златой посев» Николая Невижина. Он — некий негласный образчик для

школьной ребятни — несет свою любовь к детям через всю жизнь. И это вырисовывает еще одно, четвертое, направление его стихотворчества.

*«Говорят, что это ностальгия,
А по мне — зарубки на носу.
Милые ребята, дорогие,
Я по жизни в сердце вас несу».*

И, наконец, пятая, не менее значимая тема литературных виршей Николая Невижина — его друзья, земляки-плавчане, коллеги по творческому цеху. Им адресован огромный самостоятельный цикл стихотворений поэта. Среди них выделяются: «Дубрава», «Божий дар», «Кровельщик», «Умные руки», «Раздумье...» Просматриваешь дальше сборник и думаешь: «Да, пожалуй, выделить можно практически все!» Свободное владение словом, умелая лепка образа, смелая ритмическая игра, — данные авторские навыки не позволяют сказать: «Эта вещь лучше, эта — хуже».

Разве что вклинившиеся в сборник посвящения известным тульским литераторам выбиваются из общей, строгозвучной, канвы сборника и больше напоминают озорные частушки. Впрочем, неплохо зная автора вышеупомянутых четверостиший, прощаешь ему желание «поерничать» на серьезную тему. Такой уж он, с шутками — прибаутками, даже если не очень смешно. Преподнести же по-другому, значит, солгать.

Только чего-чего, а этого в сборнике «Светозарник» нет! Предельная искренность всегда отличает поэта. Иначе не будет настоящих стихов, а будут «жалкорифмованные остатки «горчащего меда». Слава Богу, что сия чаша миновала автора сборника, названного им самим «лебединой песней». Добавлю: «Песней, собравшей вокруг плавского «Светозарника» настоящую стаю, в которой есть место и голосистым птицам, и едва оперившимся птенцам». Но всех их отличает одно: они постигают мудрую науку жизни, имя которой — Поэзия.

В тексте приведены ссылки на работы:

— музыкального альбома «Моя печаль» Игоря Талькова, одного из лучших авторов и исполнителей песен 80—90 годов, уроженца г. Щекино;

— книги «Горелый порох» писателя-фронтовика Петра Сальникова, бывшего председателя Курской писательской организации, уроженца г. Плавска;

— поэтического сборника «Светозарник» руководителя Плавского литературного объединения Николая Невижина, уроженца г. Плавска.

Наталья Ханина

ПОЭЗИЯ ОТКРЫТОГО СЕРДЦА

(О сборнике Яна Шильта «Мечты моей синяя птица»)

В каждом из нас живет, как говорил А. Грин, то несбывшееся, то мечтательно-светлое, что щемит и тревожит в юности надеждами, а с возрастом — грустью и сожалением. В отдельных личностях эти эмоциональные переживания сублимируются в творческом самовыражении.

Вот почему любовь, природа, история и человеческая судьба — извечные мотивы всякого творчества.

Мое внимание привлек небольшой поэтический сборник тульского поэта, историка по профессии, археолога по призванию Яна Шильта «Мечты моей синяя птица», изданный в июле 2004 года.

Лирика — история души поэта, его волнений, мечтаний и дум.

Поэзию Яна Шильта отличает романтическое восприятие мира, философское осмысление жизни.

Его лирический герой «болен» Крымом, увлечен его многовековой историей, хранящей множество тайн, восхищен природой древнего Боспора, Киммерии, «где в ковылях непаханные степи», «где на холмы ложится тень оливок», «где песню каждый черепок поет». Но не только красота этих мест привлекает его, но и жажда неизведанного, открытого с неимоверным трудом на раскопках, «где каждый новый день приносит откровенья». Вот почему он стремится сюда, променяв комфорт и уют на «палатку на самом краю» скалы.

Автор вместе со своим лирическим героем повторяет:

*Пусть вдалеке зовет меня,
Едва наступит лето,
Застывшая в веках
Любовь и красота:
У каждого своя
На свете есть планета,
У каждого своя
Заветная мечта.*

Такой планетой для автора, полюсом мечтаний его лирического героя является Крым, Керченский полуостров с его многовековой историей, «затерянная точка в землях Скифии».

Вслед за автором мы наблюдаем «ожившую летопись»: греческие походы, набеги скифов, аланов,— слышим ржанье и топот коней, звон оружия и античных монет. Воскресают герои Гомера, и на месте раскопок встают древние городища, классические дворцы, архаика сплетается с реальностью.

Море, скалы, каменистая земля, ковыльные степи, золотой песок, палящее солнце... и тишина, рождающая легенды.

Лирический герой — археолог-любитель. Он надеется, что своим трудом он обогатит науку, «впишет строку в истории странице».

Проходит время, и «молодость ушла куда-то безвозвратно», и «морщины легли как награды», и «уж нет былинной мощи», но лирический герой все тот же искатель-романтик, покидающий родной город не ради славы и денег, не ради карьеры, а «чтоб отвлечься от груза привычных забот», отдохнуть от повседневности с ее интригами, мелочностью, случайностью, «обрести себя», восстановить свое душевное равновесие. Он жаждет прикоснуться к вечности, «архаику ладонями лаская», уверен, что его ждут «новые свершения в науке», надеется: может быть, сможет «на карте что-то исправить», «поставить свой личный рекорд».

Эта работа поглощает его, заряжает энергией, которой потом «хватает с лихвой на оставшийся год». И это помогает не впасть в отчаянье, выжить в этой жизни непростой.

Автор остается верен своей мечте навсегда. Недаром он утверждает:

*И куда бы меня ни умчала судьбы колесница,
И в каких бы степях ни встречал золотую зарю,
Я уверен, что будут все так же ночами мне сниться
Этот мыс, и скала, и палатка на самом краю.*

Поэт признается:

*Я за дымную горечь костров продал дьяволу душу свою,
Жить бродягою мне суждено до доски гробовой,
В экспедициях я, как в бою, на переднем краю...
От надежд и тревог обметало виски сединой.*

Он готов поклясться:

*Появись возможность жить по новой,
Я б не пожелал себе судьбы иной.*

Стихи Я. Шильта необычайно музыкальны. И именно эпитеты придают его лирике мелодичность, напевность: «золотая заря», «райский климат», «седые обломки», «застывшая летопись», «дымная горечь костров», «быстрокрылые триеры», «невидимые струны» и т.д. Неживое в его поэзии одухотворяется: «вытянул голову чертополох», «степь умывается», «миражами морочит восточно-крымская жара», «скалы глядят, нахмутив каменные брови», «скалы смеются» и др. Строки его метафоричны — перед нами развернутые поэтические образы: «шагреновая кожа дней», «минувшего живые письмена», «истории бездонная копилка», «живая вода экспедиций», «Крым протягивает руки раскрытыми ладонями степей». Сама реальность в стихах гиперболична, но как же иначе показать незримую связь прошлого с будущим:

*Через века до наших бурных дней
Нам эллины протягивают руки...*

Надеемся, что этот сборник его лирических откровений и признаний понравится вам, уважаемый читатель.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Михаил Жаворонков

Михаил Захарович Жаворонков в 60-е годы проживал на территории Ботвиньского Совета — в д. Ждановка Одоевского района. Несколько лет преподавал русский язык и литературу в Бегинской семилетней школе. Прошел суровые испытания Великой Отечественной, но война не очерстила его душу, полную творческого полета и лиризма. Ушедший из жизни, он оставил искренние стихи, написанные в духе того времени.

ПОБЕДОНОСНЫЙ МАЙ

Идет весна во все поселки,
В сады, что вырастил колхоз...
И ветерок взбивает челки
У белодыбистых берез.
Так с обновленьем непреклонным
Идет весна из края в край,
И соревнуются районы
За стопудовый каравай.
И не для войн,
а ради жизни
Возводит зодчий города...
Он тридцать лет
звучит в Отчизне,
Мажор симфонии труда!
Из года в год в нас силы множит
Победоносный месяц май,
А с ним одна другой пригожей
Приходят весны в отчий край.

ЧЕРЕЗ ВЕКА

Ему, рожденному в Симбирске,
Век счастье выбрал по плечу:

Свершил он подвиг богатырский,
И время служит Ильичу.
В шелках знамен, в сиянье алом,
Глядящий вдаль через века,
На шумной площади вокзала
Он держит речь с броневика.
Словам вождя как откровенью
Внимает бурный Петроград...
Стоят в железном единенье
Матрос, рабочий и солдат.
У них одни и те же цели:
Им старый мир не нужен стал.
Народ, разбуженный в апреле,
Все в октябре свое сказал...
Как далеко вперед ушли мы.
И знаю: пробегут века...
А для живущих будет зримо
Ильич вставать с броневика!

«АПУХТИНКА»

Она на берег вышла,
Свой аромат студя,—
Одоевская вишня,
«Апухтинка» моя.
Нежданные пришельцы
Ее губили стать,
А вишенке хотелось
Свой плод особый дать.
Красавицу рубили —
Она, мол, застит свет,
Под самый корень били,
Казалось, спуску нет.
Но у фашистов-гадов
Мы выбили топор,
Винтовкой и прикладом
Смели с приупских гор.
Апухтинская вишня,
В сияющем цвету,
На берег жизни вышла,
Пошла на высоту.
Веселая, нарядная
Струит свой аромат...
Но помнит вишня русская
О подвиге солдат!

ЛЕТНЯЯ РАПСОДИЯ

За труды,
за все усилия
поле,

сад
и огород
нам приносят изобилие
вот уже
не первый год...
Комбайнер,
дружок старательный,
не упустит урожай,
он прославит обязательно
и себя,
и отчий край!
И флажки,
как знаки доблести,
на штурвалах зацвели —
и берут умельцы области
все дары родной земли!
И машины мчатся быстрые
мимо стройных тополей.
В закром Родины
душистое
льется золото с полей!
И медовки с бергамотами —
с соком розовым плоды,
отдают сады с охотою
садоводам за труды!

ОДОЕВСКАЯ МЕЛОДИЯ

На припеке, на полянке
И на взмыве юных лет
Перламутровые планки
Отражают лунный свет.
И мехам, расцветки яркой,
Улыбается лесок.
У одоевской доярки
Соловьиный голосок.
У околицы у сада
Вплоть до третьих петухов
Веселит гармонь-улада
И невест, и женихов.
«Сердце девичье не камень...» —
Слышат Ливны и Тросна,
Как стекает ручейками
С голубых мехов весна,
Как в реке вода-быстрица,
Он звенит, родной напев.
И страдает, и томится
Сердце юных королев.
За елецкое «страданье»,
За напев с цветных мехов —
Гармонисту величанье

От невест и женихов.
И у Старого Завала,
И у Новой Слободы
Он старается, наш малый,
Нажимает на лады.
И душа-гармонь играет,
Заливается, звенит,
Соловьи над отчим краем
Устремляются в зенит.
У синеющих околиц
И у розовых раки
Развеселый комсомолец
Тульский край наш веселит.
И ни в чем он, друг, не промах,
Сельской сцены активист,
В светлых зарослях черемух —
Он и Глинка наш, и Лист!
И ему от всех вниманье,
Искрометный блеск из глаз —
За тамбовские «страдания»,
За смоленский перепляс!
И его, как культурмейца,
Ценит юный наш народ:
С ним, одоевским умельцем,
Сердце к сердцу ищет брод.
И к тому ж Верухин Павел
Даже мне, поэту, мил:
Он поверить всех заставил,
Что березку клен любил.
Перламутровая россыпь,
Серебристые лады
Славят лето, славят осень,
Славят рощи и сады.
И, ремень чуть-чуть поправив,
Встав на пенушек ногой,
Он играет, друг мой Павел,
Гимн России дорогой.
Перламутр, резьбой увитый,
Так и сыплет,
Так и льет.
Тульский мастер знаменитый
В каждом клапане живет.
И бурлит рекой стозвонной,
И тревожит сердце дев
Этот, с улицы Гармонной,
Чудодейственный напев.
Это самое такое,
Что с мехов течет рекой,
Веет вечным непокоем
Над Упой и над Окой.
И напев с ладов удалый

Помнит вешний краснотал...
Сам Буденный в час привалов
На гармонике играл!
И от трепетного звона,
Что с ладов течет рекой,—
Нет отвады, нет заслона,
Нет преграды никакой.
И живет он, в планки влитый,
Светел удали момент,
И звенит с душой открытой
Мелодичный инструмент!
С ним и кони вдаль летели,
И гудел прибором свинца...
С ним и пушки басом пели
У Касторной и Ельца!
...У околицы за садом
Хоровод бурлит рекой...
От гармоники-улады
Нет отвады никакой!
И у древнего сарая,
И у взыва камыша
Под напев ее «страдает»
Вечной юности душа!
Перламутровые планки —
В каждой пуговке — мечта:
И на дальнем полустанке
Открываются уста...
Будто бархатную россыпь
Стелют звонкие лады,
Славят лето, славят осень,
Славят рощи и сады.
И напев родной лелеют
На космической волне,
Любят в парковых аллеях,
А на свадебках — вдвойне!

Иван Панькин

Иван Федорович Панькин родился в 1921 году в селе Пылково Лопатинского района Пензенской области. В раннем возрасте остался без матери, беспризорничал, работал в цирке, затем стал юнгой на флоте. С первых дней Великой Отечественной войны Панькин на фронте. В 1942 году был тяжело ранен и контужен. Из госпиталя он вышел инвалидом. Пытался учиться, насколько хватало сил, но долго не удавалось поправить здоровье и приходилось бросать учебу.

В 1956 году, вспоминая трудное и богатое приключениями детство, написал повесть «Начало одной жизни», в основу которой положил собственную судьбу.

Первый успех ободрил писателя, и он поступает в Литературный институт им. А. М. Горького. С 1961 года Иван Панькин жил в Туле. Его увлекла история тульских оружейников, и он создал своеобразные легенды о самом веселом и остроумном тульском оружейнике — мастере Тычке. Книга о мастере Тычке переиздавалась в Туле и в Москве.

Иван Федорович Панькин — член Союза писателей СССР с 1958 года. Награжден орденом Красной Звезды и медалями. Умер И. Ф. Панькин в 1998 году.

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

Да простит читатель, если в моей книге найдет рассказы меньше ладошки. Мы, туляки, народ занятой и зря тарабарить нам недосуг. Мы даже не позволяем себе такой роскоши, чтобы в занятое время называть друг друга длинными и величальными именами. По отчеству наши деды назывались только в престольные праздники и в воскресные дни. Туляки всегда любили короткие имена, чтобы они свободно проходили через горло, не застревали в зубах и пролетали через цех, как пуля: «Чиж!», «Левша-а!», «Тычка!» Да и меня на работе зовут именем короче ружейного залпа — Ив, хотя мать по наивности думала: как только я овладею грамотой, меня будут звать не только полным именем — Иваном, но и по батюшке — Федоровым.

Любо или не любо кому, а в нашем городе повелось так: после «аз», «буки», «веди» никого еще не зовут дядей Федей. А кто любит хвалу и чтоб о нем в медные трубы дули, тому нечего делать в Туле. Так говорили наши деды, так говорим и мы. А коли так, не буду дальше терять время, а прямо приступлю к рассказам о необыкновенном мастере Тычке, который без слов, одними руками, мог рассмешить целый город, а ежели ему приходила нужда вымолвить слово, он мог вбить его, как гвоздь, не только в башку человека, а даже в обух топора.

Когда родился Тычка, про то никто толком не знает. Одни говорят — с первым ударом кузнечного молота о наковальню, другие — позже. Но когда бы он ни появился на свет, а заметили его при Петре I. И с тех пор его имя не сходило с уст и пожиточных и скудных людей. После Петра, какие бы цари ни садились на российский престол, каждый из них прежде всего старался Тычку запрятать в Сибирь. По триста Тычек ссылали туда, но только настоящий всегда оставался в Туле.

Но вернемся к тому времени, когда впервые заметили Тычку.

Сказывают, что управители российских городов и губерний не испытывали столько волнений и страхов при других царях, как при Петре I. Вишь ли, Петр-то был человек очень любознательный и беспокойный. Куда бы ни заехал — подай ему что-нибудь новое и удивительное. А если он ничего нового не видал, то на него нападала тоска, и тогда уж от него добра не жди. Не посмотрит, что ты воевода или кто еще в этом роде. Может так разнести, только черепки от тебя полетят.

Поэтому, когда Петру приходилось разъезжать по России, каждый воевода или градоначальник молил бога, чтобы царя пронесло мимо.

Как-то Петр совсем неожиданно нагрянул в Тулу. Приехал он с думкой: испытать самопальных мастеров, на что они способны, и решить, можно ли в Туле основать Российский ружейный завод.

Только слуги успели вытащить из кареты всякую кладь, как Петр сразу к воеводе с вопросом:

— Кто у вас самый лучший ружейный мастер?

Воевода назвал всех пожиточных людей, которые промышляли самопальными делами. А Петр недовольно дернул щекой и опять к воеводе:

— Пожиточные люди не стоят у наковален, я спрашиваю о скудных. Кто из скудных людей считается лучшим мастером?

Воевода тут и стал в тупик. Ружейниками кишит вся кузнечная слобода, а кто из них лучший — этого-то он не ведал.

А Петр снова:

— Через пять минут чтобы привели мне самого лучшего мастера!

Ничего не оставалось воеводе, как только сказать:

— Слушаюсь, государь.

Вызвал воевода к себе какого-то там своего помощника и говорит:

— Найти самого лучшего ружейного мастера и через четыре минуты привести сюда!

Помощник воеводы вызвал своего помощника и приказал привести мастера через три минуты. А тот помощник своему помощнику приказал мастера привести через две минуты. А тот вызвал служилого по сыскным делам и уже дает приказ привести мастера через одну минуту. А до кузнечной слободы только на коляске нужно ехать более четверти часа, — как же он может за такой срок найти мастера, да еще привести в воеводский дом?!

Почесал затылок служилый и вместо кузнечной завернул на базар.

Смотрит, какой-то мужик носится с фузеей — с кремневым ружьем. Схватил служилый мужика за шиворот и приволок к воеводе.

Воевода не успел с ним перемолвиться словом, как из другой комнаты вышел царь.

— Это ли великий тульский мастер? — спрашивает Петр. — Как тебя звать?

— Тычкой, — отвечает мужик, — но только я совсем не великий, а всего-навсего ученик Парфена Зычки, который учился у Никишки Дички, а тот у Прошки Лычки.

Воеводу от слов Тычки прямо в пот бросило. Толкает его в бок, чтобы он замолчал, а Тычка видит, что царь разговаривает с ним по-простому, еще больше разошелся, даже государя стал называть Алексеичем.

Петр ему говорит:

— Сможешь ли починить эту штуку?

И подает ему сломанный пистолет, сделанный каким-то английским мастером.

— А что же не попробовать — можно и попробовать, — отвечает Тычка. — Сроду мне не приходилось гнуть дуги, а летось попробовал и не хуже, чем у ярославских мужиков вышло.

Вздохнул тяжело Петр, но ничего не сказал Тычке, проводил его до дверей и не взял у него обратно пистолет. Пока царь разговаривал с Тычкой, все чиновники навтыжку, будто свечи, стояли, а когда Тычка скрылся из виду, сразу зашевелились. Оказывается, никто не спросил, где он живет, а царю об этом нельзя сказать. Три дня и три ночи искали Тычку, а на четвертый он сам пришел. Пришел и не торопясь из-за пазухи вытащил пистолет и передал царю. Потрогал Петр пистолет, пощелкал — работает.

Вот если бы вы все умели не только чинить, но и делать такие чудесные вещи, тогда бы вас и на руках можно носить,— говорит Петр.

— Так чего же их не делать,— отвечает Тычка.— Такие пистолеты у нас подмастерья чуть ли не слюнями клеют.

Петр был горячий человек, не любил хорошую работу хаять, даже если она сделана руками иноземцев.

Поэтому, когда услышал от Тычки такие слова, даже усики у него от злости запрыгали. Потом царь поднял кулак и ударил Тычку.

— За что же, государь?— говорит Тычка.

— За тот пистолет, который ты хаял.

— Если только за тот, так заведи его, он мне даром не нужен.

И возвращает он ему тот самый пистолет, который Петр давал для починки.

Оказывается, Тычка за три дня не только починил английский пистолет, но и сделал новый, как две капли воды похожий на английский.

Петр глядит то на один пистолет, то на другой, головой от восторженности крутит да работой Тычки восхищается. Потом совсем растрогался и говорит:

— Ну, братец мой, ты уж прости, что забидел тебя.

А Тычка был мужик с норвом, сбывчил голову и даже не глядит на царя. А государь опять ему:

— Ну если так не можешь простить, тогда уж и ты ударь меня.

— Да оно, может, так и следовало бы по правилу-то, да вишь, рука у меня мужицкая, как бы греха не натворить. Но если уж очень просишь — так тому и быть!

И так жажнул царя — тот чуть к стенке не прилип.

Когда царь пришел в себя и посмотрел на вельмож, ему неловко стало, что мужик его ударил. А как снова поглядел на Тычку и его могучие плечи, просиял и гордость его охватила за таких людей.

Обнял он тогда самопального мастера и вымолвил:

— Да пусть на плечах этих людей здесь вырастет русский ружейный завод!

И правда, вскоре у кузнечной слободы вырос ружейный завод, который потом и назвали именем Петра.

Может, царь Петр в своих бумагах про этот случай написал совсем по-другому, но мужики сказывают так.

Мужики напрасно не скажут.

И еще говорят, что Петр I тогда приказал наградить Тычку самой высшей российской наградой. И зареченские мастера для него выковали золотую медаль с изображением сказочной женщины-богатыря с колчаном на боку. И это недаром. По преданиям мужиков березового края, одна женщина-богатырь с давних пор и по сей день в своем колчане носит вместо стрел целый город с мастеровыми людьми. Женщину зовут Россией, а город — Тулой, где придерживаются такого завета: «Если стрелы о себе говорят в полете, то мастера — только творением рук».

А ежели так, то мне ничего не остается больше делать, как только открыть перед вами наш старый русский колчан и сказать:

— Если хотите о Тычке знать больше, послушайте других мастеров. Я же за свою жизнь сумел выковать только строки этой легенды.

Итак, я открываю колчан.

* * *

— Подождите, кто там шумит?

— Какая-то баба скандалит с нашим мастером.

— Чего она хочет?

— Говорит, ее сына брали учить кузнечному делу, а заставляют работать кувалдой.

— А что ей ответил мастер?

— А что он может сказать? Хлеб всегда начинают есть с корки.

* * *

Хлеб-то всегда начинают есть с корки, но издавна у нас повелось: когда перед молодым человеком впервые открывают заводские ворота, его не спрашивают, что доброго принес он в своей душе. Его спрашивают, к какой работе хочет он приложить руки. И случаются потому печальные истории.

Когда-то давно, еще при царствовании Екатерины II, нашем ружейном заводе приключилась вот такая история. В искусный цех, где украшают ружья серебром да золотом, приняли в ученики парня. Ну, приняли так приняли; он должен мотать на ус, что скажет мастер, к которому приставлен. А на работе ведь так водится: люди не только шевелят руками, но и язык не оставляют без дела. Один завернет какое-нибудь острое словцо, а другой прибавит к нему и того похлеще. Без шуток и прибауток самая задуманная работа покажется каторгой. А парень тот, видя, как на работе вольно держатся мастера, тоже за ними, хи да ха. Только вертит во все стороны башкой да ловит, кто скажет что-нибудь смешное. А время-то идет. Не всю жизнь возле мастера тереться. Парень задумался: как ему быть? И начал он языком пробиваться в люди. То на одного мастера что-нибудь наплетет, то на другого. Бывает, кому-нибудь и пятки полизжет. Будто чиреем на заводе стал. Так «Чирь» и прозвали. А люди ведь как иной раз глядят на эти болячки?

— Эй, Иван, чирь на твою ногу сел!

— Разве это чирь, когда его в лапоть можно втиснуть?

Пока мастеровые рассуждали так, парень Чирь и в лапоть не стал влезать. Сначала он перед начальством выдвинулся браковщиком — ценителем работ мастеров, а потом — надзирателем. Потом своего учителя начал учить да за бороду подергивать. Когда же сверстники ему показывали какую-нибудь хорошую работу, он даже синел от зависти. А когда Чирь почувствовал, что на него косо стали глядеть, совсем отделился от мастеровых и переехал с заречной стороны, где жил рабочий люд, на Стародворянскую улицу.

После этого произошел такой случай. Один старый мастер заметил в какой-то деревушке остроглазого мальчишку и привез его на завод. Мальчишка был еще не совсем разумного возраста, поэтому работать его не заставляли. И вот он ходит по цеху, то около одного мастера постоит, то около другого. То мастерит себе, пилит и прочее там мальчишеское дело делает. Особенно-то никто за ним не следил. Не шалит — и ладно. Но как-то раз его учитель нечаянно взглянул, над чем возится мальчишка, и ахнул. Этот пострел держал в руках дубовую ветку из железа. Ветка словно настоящая, ее листья были нежны и отдавали такой свежей зеленью, к которой не привык человеческий глаз. Эту ветку мальчишка будто только что сорвал с дерева. Тульских мастеров трудно удивить, ибо каждый из них видел на своем веку много всяких чудесных вещей, но ветка их удивила. Они вынесли ее на улицу и приставили к дереву: сядут ли на ветку птицы?

Птицы сели.

Тогда мастера спросили мальчишку, о чем он думал, когда делал ветку. Но что мог им ответить мальчик? Он сказал:

— Я не знаю.

— Но о чем-то ты наверное уж думал? — настаивали мастера.

— Я не думал, — сказал мальчишка, — я только заметил. Я заметил, что, когда начинают зеленеть дубравы, люди становятся добрее.

— А так они злые?

— Да, — сказал мальчишка.

Тогда люди опустили головы и задумались, почему жизнь заставляет их быть злыми. Пока они думали, во дворе появилось заводское начальство, а с ними и надзиратель Чирь. А времена были лихие, беспокойные. По России гулял Пугачев. На ружейном заводе мастера тоже чувствовали себя, как начиненные порохом. Начальство побаивалось, когда рабочие собирались вместе.

— Что за сборище? — закричало начальство. — Разойдись!

Желая показать свое усердие в службе, Чирь сорвал с дерева ветку и начал хлестать мальчишку. А сколько же надо малому? Чирь хватил его несколько раз по голове железным прутом, тот и поник. А надзиратель спокойно, как будто ничего не случилось, выкинул ветку через забор в отвал, куда сбрасывают мусор, и опять встал рядом с начальством. Тут, у кого было и каменное сердце, и тот не мог сдержать гнев. Все с кулаками пошли на Чиря. Чирь видит, что дело плохо, стал отступать. Приперли его к воротам. Увидев над собой молот, он неожиданно превратился в собаку и юркнул через подворотню. Люди распахнули ворота, кинулись за ним, но разве собаку сразу поймаешь!

Начальство, перепугавшись, как бы с ними не произошло такое же, вызвало срочно солдат и приказало как можно скорее похоронить парнишку, чтобы он не тревожил больше сердца. А мастера потом долго мордовали, многих даже в цепи заковали. Когда у людей начали сходить от багогов рубцы, они опять вспомнили ту ветку. Начали говорить граверам, чтобы они нашли ее, перерисовали для детей и внуков, пока еще не истребила ржа.

Пошли в отвал, увидели — ветка цела, она даже пустила свежие листья.

Добрые вещи даже и среди мусора не погибают!

А собака потом каждый вечер подходила к заводу и выла у ворот, хотела снова стать человеком, но уже не могла.

О НАС ПИШУТ...

ТОСКА ПО ИДЕАЛУ

Старшее и среднее поколение читателей помнят прежние подобные издания: альманахи «Литературная Тула» и «Ока», журнал «Ясная Поляна». Уже несколько лет подряд ежегодно выходит сборник произведений тульских писателей «Иван-Озеро». И вот — новый «толстый» литературный журнал, который планируется как ежеквартальный.

Главный редактор его — Алексей Яшин, член Союза писателей России, профессор, доктор технических наук, доктор биологических наук. В составе редколлегии — люди, хорошо известные в тульских творческих кругах: Вячеслав Алтунин, Вячеслав Боть, Виктор Греков, Николай Минаков, Валерий Савостьянов, Константин Струков, Наталья Ханина.

В предисловии А. Яшин обозначает намерения создателей журнала так: «Создать печатный орган, свободный от уклонов в элитарность, объединяющий на своих страницах как профессиональных литераторов, так и формально не объединенных в творческие союзы. Главный здесь критерий — наличие таланта...»

Читая первый номер, убеждаешься: этот замысел в основном удалось воплотить в жизнь.

В «Приокских зорях» представлена проза Николая Дружинина, Михаила Шепелева, Ивана Беляева, Ивана Еронина, Натальи Парыгиной, Алексея Яшина, Владимира Сапожникова, Виктора Ревина; стихотворения Николая Невижина, Александра Ланцова, Ирины Пархоменко, Виктора Маеренко, Вячеслава Алтунина, Александра Хадарцева, поэма Анатолия Беспалова, поэтические переводы со словацкого Валерия Ксенофонтова. Имеется и детектив — «Пояс шакала» Сергея Куликова, — окончание которого будет опубликовано в следующем номере журнала.

Есть разделы публицистики, литературоведения и критики. В рубрике «Литературная память» — произведения Владимира Большакова и Петра Сальникова. Раздел «Нашим соседям» знакомит туляков с творчеством орловского писателя Ивана Рыжова.

Привлекает внимание очерк Бориса Роганкова «Яснополянские встречи» — неформальный и непредвзятый взгляд на ежегодные собрания современных российских писателей в Ясной Поляне.

Возможно, это случайность, но практически у всех авторов, пишущих в «Приокских зорях» о современной жизни, положительные герои — исключительно представители старшего поколения. Более молодые действующие лица — от детей младшего школьного возраста до людей средних лет — отрицательные или скорее отрицательные персонажи. Думается, тому есть несколько причин.

Подавляющее большинство авторов уже немолоды, и вполне закономерен их критический взгляд: отцов на детей, и дедов — на внуков.

Понятна и тоска по прошлому — возможно, даже не по предыдущему обществу.

венному строю, а по своей молодости (квинтэссенция этого — рассказ Александры Март из Великого Новгорода «Про раньше», помещенный в рубрике «У нас в гостях» и присланный специально для «Приокских зорь»).

Что же касается современной жизни — дурное в ней лежит на поверхности (да и не только лежит — а прямо-таки прет с телеэкранов и газетных страниц; да и просто на улице какой только мерзости на увидишь!). В то же время талантливые, любящие родную страну, увлеченные своей работой молодые люди тоже есть — только не так заметны. Может быть, литераторам надо поискать именно таких героев и рассказать о них читателям?

Практически все авторы «Приокских зорь» — приверженцы социалистического реализма. А метод этот допускал создание образа некоего идеального человека (пусть даже в жизни таких идеальных не было), который являлся бы примером, образцом для подражания. И нередко произведения, где действовали такие герои, были довольно интересными. Может, вспомнить хорошо забытое старое и попробовать применить этот прием сейчас?

В первом номере журнала даются довольно подробные сведения о членах редколлегии — знакомство полезное и интересное. Но хотелось бы видеть и небольшие справочки об авторах, а не только их фотографии.

Полиграфическое исполнение «Приокских зорь» — на самом высоком уровне, получше, чем у некоторых «толстых» столичных журналов.

Вот только тираж — всего 100 экземпляров, так что круг читателей этого издания, к сожалению, останется узким.

«Приокские зори» можно почитать в Тульской областной универсальной научной библиотеке.

Наталья КИРИЛЕНКО
(Газета «Тула», № 18 (761) от 18.05.2006.— С. 41)

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия журнала «Приокские зори» поздравляет своих коллег Валерия Яковлевича Маслова, Виктора Федоровича Пахомова, Валерия Николаевича Савостьянова, Владимира Григорьевича Сапожникова, Алексея Афанасьевича Яшина с награждением их юбилейной медалью ЦК КПРФ «Сто лет со дня рождения Мусы Джалиля» за патриотическую направленность их произведений.

Поздравляем члена редколлегии Александра Александровича Хадарцева с награждением памятной медалью Российской академии естественных наук, выпущенной в честь Нобелевского лауреата П. Л. Капицы — как автору научного открытия.

Историческая справка: Герой Советского Союза (награжден посмертно), выдающийся поэт-патриот Муса Джалиль хорошо известен послевоенным поколениям советских людей. Попав контуженным в немецкий плен, он был привлечен спецслужбами вермахта к формированию батальона «Итель (Волга) — Урал» из числа военнопленных-мусульман Поволжья. После отказа Джалиль был заключен в тюрьму Моабит, где в ожидании казни написал свою знаменитую «Моабитскую тетрадь», стихи которой являются высоким образцом советского патриотизма и интернационализма, несгибаемой воли и веры в Великую Победу.